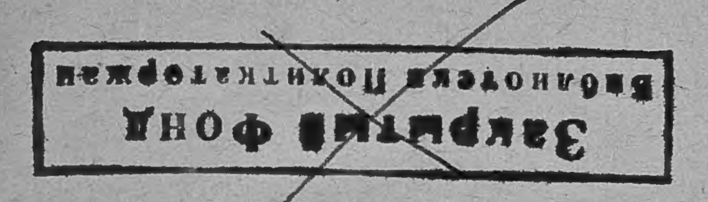
И. И. ИГНАТОВИЧ

ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Издание 3-е, дополненное.

Издательство „МЫСЛЬ“
Ленинград—1925

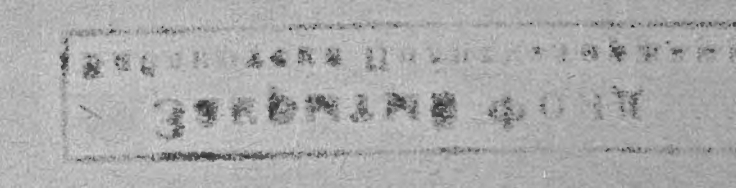
И. И. ИГНАТОВИЧ

ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Издание 3-е, дополненное.

Издательство „МЫСЛЬ“
Ленинград—1925

Типография имени тов. Володарского, аренд. „Красной Газетой".
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 20058. Тираж 4000.—20.

ПРЕДИСЛОВИЕ к 3-му ИЗДАНИЮ.

Дополнения, сделанные в настоящем третьем издании, касаются главным образом продовольственного вопроса в помещичьих имениях и истории крестьянского движения накануне освобождения (гл. I и IX); отдельные дополнения как фактического, так и цифрового характера рассеяны в различных частях книги. Громадный материал, собранный автором более 10 лет тому назад в архивах Ленинграда и, главным образом, в Центральном архиве б. министерства внутр. дел, — как по вопросу о крестьянских волнениях, так и по вопросу об экономическом быте помещичьих крестьян накануне освобождения, не мог быть использован в должном объеме из-за недостатка времени. Очутившись в 1914 г. в глуши Восточной Сибири, а затем оторванный уже от центральных книгохранилищ и архивов фронтами гражданской войны, и в дальнейшем недостатком материальных средств для переезда в центр, автор мог вернуться к работе в надлежащем масштабе лишь в конце 1923 г. Этим объясняется, почему книга переиздается только теперь, и почему она пересмотрена и дополнена не так глубоко и обширно, как требовалось бы. Статистический материал, в той части, в которой он является результатом разработки статистических данных, помещенных в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий («Извлечения из описания имений») перепечатывается со 2-го издания без проверки по черновикам, которые целиком погибли в революционные годы за время отсутствия автора из Ленинграда. В настоящем издании прибавилось 2 таблицы: одна — показывающая распространение крупного, среднего и мелкого душевладения по районам, на основании данных 10-й ревизии, и вторая — показы-

вает количество крестьянских волнений за время от 1826 по 1854 г. по районам и 5-тилетиям, что является сводкою материала, собранного автором по архивным и иным источникам.

Вполне сознавая недостаточность сделанных дополнений, автор тем не менее решился выпустить 3-е издание, имея в виду, что книга его сделалась почти библиографической редкостью, а спрос на нее, особенно среди учащейся молодежи, изучающей историю крестьян XIX века,—имеется.

И. И. Игнатович.

3 декабря 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ ко 2-му ИЗДАНИЮ.

В настоящем II издании, помимо более или менее значительных дополнений, сделанных в различных главах книги, прибавлены еще 2 главы о положении помещичьих крестьян в юго и северо-западном крае (глава V), а также в Малороссии и Новороссии (глава VI). Кроме того, разработан статистический материал, заключающийся в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий («Извлечение из описания имений»), еще по 6 губерниям (Самарской, Саратовской, Симбирской, Харьковской, Черниговской, Полтавской и Екатеринославской), сверх тех 20 губерний, данные о которых были приведены в I издании.

И. И. Игнатович.

ГЛАВА I.

Обязанности помещика перед законом по отношению к крепостным. Меры правительства для разрешения продовольственного вопроса в помещичьих имениях. Формы продовольственной помощи помещиков своим крестьянам. Ответственность помещиков за исполнение крестьянами государственных повинностей.

Прежде чем говорить о действительном положении помещичьих крестьян в России накануне падения крепостного права, необходимо выяснить их положение, как оно рисовалось в законе, отдать себе отчет, каковы были юридические условия жизни многомиллионной массы, чтобы яснее увидеть, какая разница существовала между крепостным правом de jure и крепостным правом de facto.

Крепостное право в России имело характер государственный. Государство, как бы сознавая свое бессилие справиться с управлением всею народною массою, часть своих обязанностей передавало помещику. Помещик, имея право на личный труд крепостных, получая в известной степени право суда над своими людьми, являлся ответственным лицом перед правительством за правильные взносы государственных платежей и за исполнение повинностей крестьянами и, с другой стороны, должен был заботиться о продовольствии крепостных во время голода и помогать им в несчастных случаях. В IX т. Св. Зак., изд. 1857 г., эти обязанности определены следующим образом: «Владелец, в случае неурожая, не сбивая крестьян с пашни, а дворовых со двора, обязан доставлять им способы пропитания, воздерживая от нищенства» (ст. 1103). За каждого, пойманного в нищенстве, с владельца взыскивалось по 1 р. 50 к. (ст. 1105).

Неурожайные или голодные годы не были редкостью в первую половину XIX в. По указанию статистиков дореформенного времени, в начале XIX в. на девять урожайных при-

ходился один полный неурожайный год и, кроме того, два раза в 10 лет постигал отдельные местности частичный недород.

Варадинов насчитывает за время от 1802 по 1852 год только 10 урожайных лет, 22—неурожайных и 12 голодных[1]). В 1842 г. правительство утверждало, что неурожаи повторяются через каждые 6—7 лет, продолжаясь по 2 года сряду. В последние годы перед реформой, уже при Александре II, были также сильные неурожаи. В 1855 г. неурожай захватил северо-западные губернии, южные и часть центральных; очень сильный неурожай был во многих губерниях и в 1858 году.

Понятно, на огромном пространстве России даже в так называемые голодные годы встречались местности с хорошим урожаем. При хороших путях сообщения могло бы быть снабжение неурожайных местностей хлебом из губерний урожайных. Но при том состоянии путей сообщения, какое было в крепостную эпоху, это являлось трудно достижимым, что обостряло продовольственный вопрос и его разрешение.

Между тем в некоторых губерниях неурожайные годы были особенно частыми. В Витебской губернии, например, полные неурожаи с 1814 года держались 12 лет сряду; в 40-х годах неурожаи опять были 3 года сряду, завершившись известным движением витебских крестьян к царю показать, чем кормят их паны. Д. Г. Бибиков указывал в 1853 г., что в Белоруссии на каждые 30 лет приходится по 10 неурожаев, которые возвращаются все чаще и чаще[2]). «Можно утверждать,—говорит Середонин,—что с 1820 г.—первого значительного неурожая в XIX веке—западные губернии—Псковская, Витебская, Смоленская, Могилевская и Минская – не переставали озабочивать правительство, но все принимаемые меры мало помогали и привели эти губернии к расстройству»[3]). В Пензенской губернии с 1831 г. полные неурожаи были в течение 4-х лет.

---

[1]) 1821—23 г., 1833 – 34 г., 1839—40 г., 1844—46 г., 1848 г., 1850—51 г.—были голодными годами.—Варадинов «История министерства внутренних дел».

[2]) А. Романович-Славатинский. «Голода в России». «Киевские Университетские Известия», 1892 г., № 1.

[3]) Середонин. «Историч. обзор деятельности комитета министров». Т. II, ч. I, стр. 204.

Мордовцев указывает, что в крепостное время «большинство крестьянского населения, даже в хлебородных губерниях, почти через каждые 2 года в 3-й нуждалось в продовольствии и обсеменении полей, и периодически голодало, особенно к началу весеннего времени [1]).

Не удивительно, что продовольственный вопрос серьезно занимал правительство и заставлял его принимать энергичные меры в борьбе с голодом. Трудное положение правительства в голодные годы хорошо рисуется в письме Николая I к кн. Паскевичу в 1840 г. от 29 июня (11 июля) по возвращении из Берлина: «Я нашел здесь мало утешительного, хотя много было и преувеличено. Четыре губернии точно в крайней нужде... Требования помощи непомерные: в две губернии требуют 28 миллионов; где их взять? Всего страшнее, что ежели озимые поля не будут засеяны, то в будущем году будет уже решительный голод; навряд ли мы успеем закупить и доставить во время. Вот моя теперешняя главная забота. Делаем, что можем, на место послан Строганов распоряжаться с полною властью. Петербург тоже может быть в нужде, ежели из-за границы хлеба не подвезут... Год тяжелый; денег требуют всюду, и недоимки за $^1/_2$ года уже до 20 миллионов противу прошлогоднего года; не знаю, право, как выворотимся» [2]).

При таком затруднительном положении продовольствие помещичьих крестьян самими помещиками было бы большим облегчением для правительства и для государственного бюджета. При условии выполнения помещиками их продовольственных обязанностей правительство было бы освобождено от забот о продовольствии почти половины населения в первой четверти XIX века и более трети накануне освобождения [3]). Но в действительности этого не было. Помещики оказались несостоятельными в этом отношении. Их продовольственная помощь оказывалась более чем недостаточной. Крепостное население голодало, разорялось. На этой почве вспы-

---

[1]) Д. Л. Мордовцев. «Накануне воли». Архивные силуэты. С.-Петербург, 1890 г., стр. 369.

[2]) Кн. Щербатов. «Кн. Паскевич-Эриванский». Т. IV, стр. 439, а также «Имп. Николай I в его письмах к кн. Паскевичу»—«Русский Архив», 1897 г., кн. I, стр. 23.

[3]) Крепостная масса составляла 45% в период времени до 1837 г. и 37$^1/_2$% накануне освобождения.

хивали местами беспорядки. Правительству, во имя охраны государственных интересов, приходилось все более и более возлагать на себя продовольственную помощь голодающему населению. Видя бессилие или нежелание помещиков выполнить возложенную на них обязанность, оно энергичнее и энергичнее вмешивалось в их продовольственную деятельность. Этим обстоятельством объясняется, что по мере приближения к реформе 1861 г. правительство менее настаивает на обязательности для помещиков продовольственной помощи и пытается организовать ее так, чтобы продовольственная помощь в возможно меньшей степени зависела от усмотрения и произвола помещиков и в возможно большей степени протекала под его контролем. Изменение отношения правительства можно заметить при сравнении, чем грозили помещику за неисполнение указанной повинности по Уложению 1649 г. и по Своду Законов изд. 1857 г. По Уложению 1649 г. владельцы холопей должны были кормить их в голодное время под угрозою лишения права владеть ими; а через 2 столетия по Своду Законов (изд. 1857 г.) помещику угрожал лишь денежный штраф за крестьянина, пойманного в нищенстве, да за непродовольствие крестьян могли наложить опеку на имение.

Впрочем, применение и этой меры постепенно смягчалось в XIX веке, отчасти потому, что имений, подлежавших опеке по этому основанию, было так много, что трудно было найти надежных опекунов для них; имения же, и без того разоренные и обремененные долгами, разорялись в опеке, как было замечено, еще более. Еще в 1811 г. определенно предписывалось брать в опеку имения тех помещиков, которые не выполняли обязательства прокормить крестьян до нового урожая. В продовольственных правилах 1822 г. проводилась та же точка зрения. Но уже в 1833 г. было постановлено брать в опеку лишь те имения, владельцы которых растрачивали правительственную ссуду, выданную на прокормление голодающего населения, или же если имение не обеспечивало выдаваемой ссуды.

Во имя поддержания престижа помещичьей власти правительство стремилось в XIX веке не настаивать открыто на строгом выполнении помещиками их продовольственной обязанности, пытаясь даже замаскировать ее в глазах населе-

ния. Еще в 1833 г. государственный совет считал в этих целях необходимым организовать продовольственную помощь силами самого населения. Достигнуть этого думали между прочим организацией общественных работ, при чем помещики имели право прежде всего ставить крестьян на работу в своих имениях и лишь при недостатке работ в имениях— направлять крестьян на общественные работы. Таким образом, крестьяне должны были по этой идее исполнять лишние работы на помещика за спасение от голодной смерти или от полного экономического разорения.

В 1834 году помещикам рекомендовалось заблаговременно изыскать полезные работы, «дабы в неурожайные годы крестьяне их за оказываемое от помещиков пособие в продовольствии вознаграждали бы оное своею работою». Помещики должны были внушать крестьянам «при удобном случае, что они не имеют никакого права ожидать безвозмездно пособия в нужде не только со стороны правительства, но даже и от помещиков своих»[1]). Эти же цели преследовали неудачные попытки завести общественные запашки, дабы хлеб с них шел на продовольствие населения.

Из мер, какие правительство принимало для спасения населения от разорения, болезней и вымирания в голодные годы, наибольшее развитие получили хлебные запасные магазины, продовольственные капиталы и правительственные ссуды помещикам под их ответственностью за правильное расходование выданных сумм.

Попытки создать в помещичьих имениях хлебные запасные магазины относятся к половине XVIII в., когда по указу 14 февраля 1761 г. [2]) вводились обязательные хлебные запасы. Но здесь по отношению к помещикам дело ограничивалось лишь более энергичным и определенным, чем раньше, требованием иметь хлебные запасы на случай неурожая. Принцип вмешательства в продовольственную помощь крестьянам яснее выражен в указе сената 1799 г. [3]) об учреждении сельских запасных магазинов. От помещиков требовали определенных запасов хлеба с указанием размера сбора с каж-

---

[1]) «Историч. обзор правительств. мероприятий по народному продовольствию в России». Т. II, стр. 134.
[2]) I П. Собр. Зак. 1761 г. № 11.203.
[3]) I П. Собр. Зак. 1799 г. № 19.203.

дой ревизской души, делались указания на способы хранения этих запасов, освежения и раздачи. Устанавливался контроль над ними, поручаемый уездным предводителям дворянства и губернаторам. Естественная слабость надзора со стороны предводителей того же дворянства и отсутствие санкции в законе приводили, конечно, к фактическому неисполнению закона помещиками.

При всех колебаниях отношения правительства к хлебным магазинам и роли помещиков в их организации можно отметить, что правительство все определеннее и определеннее рассматривало запасные магазины в помещичьих имениях, как учреждение, служащее государственным целям, почему помещики не имеют права произвольно распоряжаться хлебными запасами. Так, согласно с указом 1811 г. [1]), помещики могли рассчитывать на хлеб, собранный ими же со своих крестьян в запасные магазины, только в годы неурожая и крайней продовольственной нужды, при чем выдача ставилась в зависимость от согласия министра. Конечно, такая мера, делавшая запасные магазины фактически государственной собственностью, а сбор хлеба—государственной повинностью, сделала помещиков равнодушными к судьбе запасных магазинов. При такой трудности получить хлеб из магазина, при неизбежной канцелярской волоките, при которой на своевременную ссуду трудно было рассчитывать, помещики склонны были смотреть на хлебные запасные магазины, как на постороннее дело, и рассчитывать на свои силы в случае продовольственной нужды среди своих крестьян.

По продовольственным правилам 1822 г. [2]) помещикам опять дана была большая самостоятельность в деле распоряжения хлебными запасами в магазинах, но беспорядочное состояние последних, как результат такой самостоятельности, заставило правительство в начале 30-х годов вернуться к системе надзора за ними. Опыт голода 1833—34 года ясно показал на невозможность полагаться в этом отношении на

---

[1]) I П. Собр. Зак. 1811 г. № 24.525.

[2]) I П. С. З. 1822 г. № 29.000. По этим правилам особые губернские совещания сами решали, денежные или хлебные запасы должны обеспечивать продовольствие крестьян, и в результате в 41 губернии была принята система хлебных запасов.

помещиков. В момент острой продовольственной нужды оказалось, что помещики не выполняли предписаний правил 1822 г., и хлебных запасов недостаточно. По правилам 1833—34 гг., при общем усилении надзора за пополнением и хранением хлеба в запасных магазинах, самое распоряжение хлебными запасами было изъято из рук помещиков, и закон предусматривал лишь составление помещиками списков нуждающихся крестьян. Но даже и эти сведения о степени нужды среди крестьян могли проверяться через чиновников и уездных предводителей. Даже местные власти были ограничены в распоряжении хлебом. В частных случаях, когда не было общей продовольственной нужды, могли выдаваться ссуды лишь в количестве, потребном для обсеменения полей.

Местное начальство могло распоряжаться лишь одною четвертью наличного хлеба; на большую ссуду должно было быть разрешение комиссии народного продовольствии; но если дело шло о раздаче более чем половины запаса, комиссия должна была доводить об этом до сведения министерства внутренних дел.

Все эти меры мало помогали. Запасные магазины не достигали своей цели — обеспечить продовольствие помещичьих крестьян. Помещики очень дурно выполняли свои обязанности по устройству и пополнению запасных магазинов, контроль над ними оказывался недостаточным. Впрочем, самый способ составления необходимых хлебных запасов в течение ряда лет—не гарантировал наличия хлеба в нужный момент. Частые неурожаи быстро уничтожали те скудные запасы хлеба, которые могли образоваться в урожайные годы. Совокупность этих причин заставляла правительство прибегать и к другим средствам обеспечить продовольствие помещичьих крестьян.

Одною из таких мер была выдача помещикам денежных ссуд как из продовольственных капиталов, так и из общегосударственных средств. Капиталы народного продовольствия составлялись из денежных сборов с населения. Согласно с правилами 1822 г. часть губерний избрала систему денежных запасов. В 1834 г. была принята смешанная система: на ряду с хлебными сборами в определенной пропорции существовали денежные сборы. Выдача денежных ссуд помещикам из этих капиталов зависела, по правилам 1833—34 гг.,

от комиссии народного продовольствия, при чем она могла выдать ссуду или деньгами, или закупить на нее хлеб для раздачи нуждающемуся населению. Возврат таких денежных ссуд обеспечивался имением помещика; в противном случае—имение бралось в опеку.

В николаевскую эпоху система денежных ссуд вообще получила большое развитие. При Александре I денежные ссуды выдавались неохотно. По правилам 1822 г., ссуды могли выдаваться только при наложении опеки за непродовольствие крестьян, если не хватало доходов имения на обеспечение нужд крестьян. Но действительность заставила развить систему денежных ссуд и без наложения опек.

Во время неурожая 1833—34 г. на покупку хлеба было выдано из разных источников [1]) 29.768.712 р. 84$^1/_2$ коп., при чем 68,7% было выдано из средств государственного казначейства. Сколько из этой суммы выпало на долю помещиков, к сожалению, неизвестно. Во всяком случае, эти ссуды приходилось выдавать и мелким и крупным помещикам. Так, положением 25 июля 1833 г. было разрешено выдавать денежные ссуды от правительства помещикам, имевшим менее 50 душ, в размере 15 р.,—имевшим от 50—100 душ—по 10 р. на душу. Помещикам, имевшим более 100 душ, могли выдавать лишь по особым представлениям министра внутренних дел. Но и крупные помещики оказывались нередко беспомощными в борьбе с продовольственной нуждой. Поэтому, в интересах государственного спокойствия, пришлось и им оказывать широкую помощь. Таким крупным помещикам должны были выдавать ссуды из местных продовольственных капиталов на общих основаниях; кроме того, предписано было в подобных случаях заготовлять хлеб, нужный для продовольствия, помимо помещиков, лишь взыскивая с них затраченные суммы при благоприятных обстоятельствах.

Во время неурожая 1839—40 гг. ссуды лились широкою рекою. Из общей суммы, затраченной на продовольствие голодающего населения, ушло на помощь помещикам—17.460.422 р. асс., или 49% [2]), т. е. почти половина расходов, сделанных в продовольственную кампанию 1839—40 г.г.

---

[1]) Из сумм государственного казначейства, местных капиталов, кредитных установлений и пр.

[2]) В 1839 г.—55,6% всей суммы и в 1840 г.—47%.

Обращает на себя внимание, что процент выданных сумм превышает процент крепостного населения [1]). При этом 38,8% этих средств пришлось черпать из средств государственного казначейства и кредитных установлений, а 61,2%— из капиталов народного продовольствия.

При таких громадных затратах на продовольствие помещичьих крестьян, у правительства не было никакой уверенности, что эти средства пойдут на те цели, для которых они выдавались.

Злоупотребления делались на каждом шагу. Помещики нередко в лучшем случае употребляли полученные ссуды на другие нужды своего имения, а в худшем—попросту проигрывали в карты.

В 1851 г. начальник Смоленской губ. писал, что помещики, получив ссуду, или всю брали себе, или выдавали крестьянам только часть, а другую тратили на себя [2]). Н. А. Крылов указывает, что «во время голода помещики хотя и брали на прокормление крестьян деньги из казенного капитала на народное продовольствие, но одни—эти деньги проигрывали в карты, другие платили ими долги или употребляли на свои нужды. Уплата же этих денег в продовольственный капитал производилась крестьянами вместе с податями» [3]).

Желая предупредить такие злоупотребления, правительство старалось выдавать ссуды хлебом, закупая его через своих агентов. Но помещики очень недружелюбно относились к такой замене. Министр внутренних дел в 1851 г., предлагая ген.-губернатору распространить на Смоленскую губернию правило об ограничении ссуды на продовольствие суммою казенного долга в 125 р. на душу, объяснял, «что брать ссуды деньгами всегда много охотников, а хлеб берут только в случае крайней необходимости» [4]).

Помимо этого правительство принимало ряд мер в целях общей помощи всему голодающему населению. Сюда относятся различные облегчения при взимании государственных

---

[1]) По ревизии 1837 г. крепостные составляли 45% всего населения.
[2]) Романович-Славатинский. «Дворянство в России», гл. IV, стр. 330.
[3]) Н. А. Крылов. «Накануне великих реформ». — «Историч. Вестник», 1903 г., кн. IX, стр. 801.
[4]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 211.

податей, рассрочки и прощение недоимок, различные льготы по платежам в кредитные учреждения, при уплате продовольственных ссуд, отсрочка рекрутских наборов, бесплатная выдача паспортов для уходящих на посторонние заработки, перемещение войск из пострадавших от неурожая губерний и т. д. Так как помещичьи крестьяне составляли значительную часть всего населения, то и выгодами от этих мер в значительной мере пользовалось крепостное население, а скорее всего, пожалуй, помещики.

Видя недостаточность и убыточность всех этих мер, правительство тщетно искало путей для разрешения продовольственного вопроса. Одной из таких попыток, как указывалось, была организация общественных работ. Первые опыты относятся к 1833 г., но особенное увлечение ими было в 1840 году, когда общественные работы признавались «единственной самой надежнейшей и удовлетворяющей всем видам правительства мерой». Однако действительность не оправдала этого. Общественные работы запаздывали, население крайне неохотно и мало шло на эти работы, стоили они в то же время громадных денежных сумм. В 1852 г. сам комитет министров должен был признать, что общественные работы могут открываться, как мера «воспособления», но для скорой помощи она не годится.

Одно время министерство внутренних дел очень заинтересовалось проектом повсеместного заведения общественных запашек, сбором хлеба с которых министр внутренних дел Ланской еще в 1828 г. думал заменить сбор хлеба с каждой ревизской души [1]). Этот проект не встретил тогда сочувствия.

В 1841 г. с подобным же проектом выступил министр внутренних дел Перовский. Но проект, требуя отвода части помещичьей земли под общественные запашки и труда крестьян на их обработку, посягал этим самым на неприкосновенность права собственности помещиков. Не удивительно, что проект не встретил поддержки в дворянских сферах. Проект был даже внесен в государственный совет, но встретил там также веские возражения. Министру внутренних дел было предложено детально разработать его, но дело затянулось до 50-х годов.

---

[1]) Такая мера в 1827 г. была принята относительно удельных крестьян.

За это время частные попытки министерства внутренних дел распространить общественные запашки оказались неудачными, многие помещики считали невыгодным заводить их; крестьяне относились к ним несочувственно и даже враждебно. Все это вместе взятое, в связи с неудачным опытом введения принудительных картофельных посевов у государственных крестьян, ответивших на это т. наз. «картофельными бунтами», — заставило министерство внутренних дел бросить мысль о повсеместном заведении общественных запашек. Вопрос о заведении общественных запашек опять всплыл перед самым освобождением крестьян. Но особая комиссия, куда он был передан после обсуждения в дворянских комитетах, отнеслась к нему отрицательно.

Фактически все попытки правительства разрешить вопрос о продовольствии помещичьих крестьян оказывались тщетными. Крепостное право не помогало, а лишь затрудняло правительство в продовольственной деятельности, запутывая крепостническими отношениями и без того сложный и трудный вопрос об организации помощи населению, особенно при существовавших тогда путях сообщения, не дававших возможности своевременно и быстро передвигать хлебные запасы из одной местности в другую.

Было бы большою ошибкою думать, что недостаток продовольственной помощи крестьянам со стороны помещиков проистекал только от их злой воли. При тесной связи крестьянских хозяйств с помещичьими, при обработке господской запашки не только трудом, но скотом и инвентарем тех же крестьян, простой хозяйственный расчет заставлял помещика заботиться о поддержании крестьянского хозяйства на определенном уровне благосостояния. При этом вопрос о помощи крестьянским хозяйствам для помещиков стоял не только в годы общих острых неурожаев, но и в годы частичных недородов, при несчастных случаях в роде града, пожара, падежа скота и т. п. Для помещика, как сельского хозяина, было важно поддержать во-время шатающееся крестьянское хозяйство. Не удивительно поэтому, что помещиков — в массе — продовольственный вопрос заботил не менее, чем правительство. К этому присоединялось опасение кар со стороны последнего в случае обнаружения недостаточной продовольственной помощи. Наложение опеки было сильным ударом для хозяйственных расче-

тов помещиков, и если они допускали до этого свои имения, то, конечно, не по доброй воле, а из злой необходимости. Опасения крестьянских беспорядков, грозные требования крестьян, обращаемые к помещикам, служили также для них побудительной причиной их продовольственной деятельности.

По всем этим соображениям, многие помещики, действительно, старались помогать своим крестьянам, но собственных средств у них нередко для этого не хватало. В таком положении оказывались не только мелкопоместные, но средние и крупные помещики. Романович-Славатинский помнил одно семейство небогатых помещиков, которое само испытывало недостаток в хлебе. Помещики Лавровы Екатеринославской губ., не имевшие даже собственной земли и селившиеся со своими крестьянами на арендованной земле, сами просили взять крестьян в опеку, признавая свое бессилие устранить недостаток продовольствия, на которое жаловались крестьяне [1]).

Были такие помещики, говорит Заблоцкий-Десятовский, «которые из последних сил кормили крестьян, хотя, может быть, понуждаясь к тому скорее расчетом, нежели филантропией... Многие делали это из страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали к помещикам, требуя прокормления» [2]). В 1833 г. даже у такого крупного помещика, как гр. Шереметев, в одной из самых крупных его вотчин, слободе Алексеевке Воронежской губ., продовольственная нужда крестьян не была своевременно удовлетворена. Запоздала продовольственная помощь и у другого крупного помещика гр. Бутурлина в слоб. Бутурлиновке той же губ. Продовольственные затруднения в крупных имениях ожидались в 1833 г. также в губерниях слободско-украинских, трех новороссийских, в Кавказской области [3]). Как указывалось, правительству пришлось в этом году распространить выдачу ссуд и на крупных помещиков. В 1840 г. среди имений, где замечался наибольший недостаток средств, был ряд имений крупных помещиков [4]). В 1846 г. такой крупный помещик, как барон Корф, владевший на правах аренды казенным староством

---

[1]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1839 г. № 223.
[2]) Заблоцкий-Десятовский «Гр. Киселев и его время» т. IV, стр. 318.
[3]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел. Хоз. Деп. 1833 г. I отд. 1 ст., связка 165, часть I.
[4]) Ц. Арх. Мин. Вн Дел. Деп. Пол. Исп. 1840 г. № 232.

с 5,998 рев. душ, должен был заявить, что он не в состоянии выполнить статьи контракта, обязывавшей его кормить крестьян и снабжать их всем необходимым [1]).

Не имея возможности по тем или другим причинам или не желая продовольствовать своих крестьян, некоторые помещики, правда, совершенно уклонялись от этой обязанности или исполняли ее самым возмутительным образом. В записках одного сельского священника упоминается о целом ряде помещиков, которые почти совершенно не заботились о продовольствии крестьян в голодные годы. Богатый помещик Н. И. Б. в 40-х годах, во время страшного голода, отпускал в месяц по одному пуду муки на человека, при чем мука состояла из 30 ф. желудя и 10 ф. муки; помещик Ж. выдавал столько же, но вместо желудя выдавалось 30 ф. лебеды; третий помещик К. пытался кормить крестьян глиною (буквально) [2]). Помещики иногда бежали из имений во время голодовок, оставляя крестьян на волю божию и не оказывая им никакой помощи, так что нередко целые селения помещичьих крестьян бродили по дорогам, существуя нищенством. Так, в 1839 г., по свидетельству Заблоцкого-Десятовского, многие помещики бежали из имений. В голодные 1840—41 годы, по его же указанию, появились тысячи нищих из помещичьих крестьян; «большая часть помещиков, говорит он, не в силах остановить этого нищенства; весьма многие из них не могут, некоторые не хотят достаточно прокормить крестьян; только немногие кормят широкою рукою [3]). В 1848—49 г. в Орловской губ. было заметно сильное увеличение нищенства. Христараднчали преимущественно помещичьи крестьяне [4]).

Но, несмотря на ряд таких фактов, нужно сказать, что в общем сознание необходимости заботиться о продовольствии крестьян не только по обязанности, но и в силу собственных интересов, имелось в дворянской массе и побуждало ее искать путей к продовольствию крестьян.

Правительственная помощь, к которой приходилось волею или неволею прибегать таким помещикам, далеко не была достаточной. Выше мы видели, какими формальностями она

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 205.
[2]) «Записки сельского священника»—Р. Старина, т. XXVII, стр. 64, 77, 470.
[3]) Заблоцкий-Десятовский «Гр. Киселев и его время», т. IV, стр. 301.
[4]) Заметки старожила Елецкого уезда с 1842—1872 г. И. Д. Пушечникова.—«Русский Архив», 1905 г. апрель, стр. 569.

была обставлена, почему правительственные ссуды нередко запаздывали и приходили тогда, когда острая продовольственная нужда уже изживалась собственными средствами, оставляя нередко непоправимые следы не только на крестьянских хозяйствах, но и на помещичьих. Нужно заметить при этом, что и своевременное получение ссуды, займа и т. д. не всегда выручало помещиков из беды из-за трудности закупки, а главное доставки хлеба из-за указанных плохих путей сообщения.

Изыскивая всяческие способы организовать продовольственную помощь возможно менее убыточно для себя, помещики выказывали большую изобретательность. Наиболее обычной формой помощи были ссуды деньгами или хлебом с возвратом или без возврата, с процентами или без таковых. Впрочем, помещикам волей-неволей приходилось прощать такие долги крестьянам, ибо при повторяющихся неурожаях и усиливающемся разорении крестьяне делались нередко безнадежными должниками.

При выдаче ссуд помещики старались ограничивать ее пределами строжайшей необходимости, сокращая продовольственный паек до minimum'a. Некоторые помещики давали его только работающим на барщине. Так поступала помещица Пауль в своем имении Козельского уезда. В имении Балкполева Саратовской губ. в 1833 г. хлеб выдавался, например, только тем крестьянам, которые работали на суконной фабрике. При этом нередко хлеб выдавали смешанным с различными суррогатами, к чему прибегали даже добросовестные помещики.

Питание хлебными суррогатами в то время никого не ужасало и не возмущало. Даже правительство пыталось разрешить продовольственный вопрос путем распространения среди крестьян суррогатов хлеба [1]). Многие хозяева серьезно занимались вопросом о способах печь хлеб с примесью муки из исландского мха, соломы и т. д. Автор одной статьи в «Земледельческом Журнале» в голодный 1833—34 год [2]) откровенно об'ясняет попытки приискать суррогаты хлеба

[1]) В 1822 г. министерство внутренних дел разослало, например, в количестве нескольких тысяч экземпляров брошюру с описанием способа Бранденбурга печь хлеб с примесью исландского моха. В 1840 г. правительство учило приготовлять хлеб из винной барды или из картофеля с примесью части ржаной муки; учило готовить муку с примесью свекловицы.

[2]) «Земледельческий Журнал» 1834 г. № 1 «О подсобных хлебах».

трудностью «кормить голодных». Он разделял эти суррогаты на годные в крайности и годные во всякое время: к первым он относил прибавление к хлебу соломы, камыша, желудей, древесной ко́ры и т. п.; ко вторым отнесены картофель, барда. При следующем сильном неурожае в 1840 г. вопрос об изыскании суррогатов хлеба опять выдвинулся вперед, вызвав ряд статей в «Земледельческом Журнале».

Если правительство стремилось организовать продовольственную помощь так, чтобы при наименьших затратах государства она падала на помещиков или на силы и средства самого населения, то дворянство, наоборот, пыталось, наоборот, переложить эту тяготу на то же население или на правительство. Последнее, как мы видели, отчасти удавалось дворянству, и правительство принимало на себя часть продовольственных тягот, но это было все же только в годы острых неурожаев. В остальных случаях помещикам приходилось рассчитывать исключительно на свое уменье.

Разрешая вторую задачу—переложить расходы на самих крестьян,—помещики организовывали собственные общественные магазины, общественные (мирские) запашки, отбирали от крестьян урожай, выдавая его по частям по мере надобности, отдавали крестьян на заработки и т. д.

Отобрание от крестьян урожая, т. е. фактически временный или постоянный перевод на месячину, мотивировался помещиками неуменьем крестьян экономно распорядиться имеющимися хлебными запасами.

Если эта мера, видимо, не была распространенным явлением, то отобрание части урожая, необходимого для обсеменения крестьянских полей, практиковалось, повидимому, довольно часто.

Иные помещики—и это было более распространенным явлением—старались достигнуть тех же целей и поддержать крестьянское хозяйство путем мелкой регламентации частной жизни крестьян и надзором за ней. Эта мера, будучи, быть может, полезной для помещика, принижала самодеятельность крестьян, лишая их даже той доли самостоятельности и свободы, которою они пользовались вне барщины.

Общественные запашки получили, повидимому, довольно сильное распространение в многоземельных губерниях, если было обилие рабочих рук. Там же, где чувствовался недо-

статок земли и рабочих рук, заведение общественных запашек, требуя отвода земли под них и затраты рабочей силы, было слишком невыгодно. Правда, иные хозяева боролись с последним неудобством, заставляя крестьян обрабатывать общественные запашки сгонами в свободное от других работ время или по окончании всех остальных работ; помещик Вакар, например, обмолачивал мирской хлеб машинами, чтобы уменьшить затрату рабочей силы.

Трудно определить степень распространения общественных запашек. К 40-м годам, например, она была введена многими помещиками Калужской, Оренбургской и Симбирской губерний [1]). Симбирское дворянство сделало даже единогласное постановление о введении общественных запашек в помещичьих имениях. В Московской губернии они были учреждены в 300 имениях. По сведениям, собранным губернскими комитетами в 1858 году об имениях, где было более 100 душ, есть указания на общественную запашку в 138 имениях Самарской губернии, что составляет 54% всех имений, о которых были собраны сведения [2]). Очень вероятно, что общественные запашки были более распространены, чем это указано в этих сведениях, но помещики не считали нужным отмечать их существование. По крайней мере, в Симбирской губ., в которой, судя по указаниям в литературе, общественные запашки были довольно распространены, в сведениях губернских комитетов общественная запашка отмечена лишь в 4-х имениях [3]).

Для этих общественных запашек отводилась обыкновенно крестьянская земля, а не помещичья, при чем количество земли было очень разнообразно, а иногда относительно велико. По сведениям дворянских комитетов 1858 г. в Симбирской губ. на 1 душу м. пола приходилось по 0,31 или по $^1/_3$ десятины мирской запашки; в Самарской же только по 0,05 десятины.

Сборы с общественных запашек шли как на помощь крестьянам в несчастных случаях и при неурожае, так нередко

---

[1]) Историч. обзор правительств. мероприятий по народному продовольствию, т. II, стр. 99.

[2]) Приложения к трудам Редакц. Комиссий. Сведения о помещичьих имениях, т. III.

[3]) Вычислено на основании прилож. к Тр. Ред. Ком. Сведения о помещичьих имениях, т. III.

и на другие нужды. Иногда из них же уплачивали подать и земские повинности, очищали рекрутскую повинность; отсюда же в иных имениях пополняли требуемым количеством казенный запасной магазин. Иногда излишки продавались, и деньги шли в общественные (мирские) капиталы [1]). Помещики Бунин и Павлов в 1832 г. пытались путем заведения общественной запашки обеспечить прокормление крестьян и их лошадей в рабочую пору.

Степень распространения мирских капиталов, к сожалению, неизвестна. В сведениях губернских комитетов 1858 г. подобные капиталы отмечены лишь в 27 имениях, при чем почти исключительно в имениях очень крупных помещиков, как гр. Шереметева, кн. Воронцова, гр. Шувалова и т. д. Они назывались мирскими вспомогательными капиталами, крестьянскими, ссудными и т. д.; в 3-х имениях были мирские банки для вспомоществования, был «общественный банк», «сиротский банк» [2]). Составлялись такие капиталы большею частью посредством особых денежных сборов с души или с тягла; выше указывалось на пополнение его через продажу излишков хлеба из сборов с общественных запашек и т. под.

Иные помещики прибегали для получения нужных средств к косвенному обложению крепостных, заводя, например, лавки, доходы с которых шли на помощь крестьянам и т. д. Очень большим подспорьем были, конечно, собственные заработки крестьян внеземледельческим трудом. Но так как на месте часто не удавалось найти подобного заработка, приходилось отпускать крестьян на сторону. Чтобы не остаться без рабочих рук, помещики или отпускали крестьян тогда, когда не было работ в имении, или оставляли часть крестьян в имении для выполнения необходимых работ, а другая шла на заработки. В неурожайные годы такие передвижения нуждающихся в продовольствии крестьян из губернии в губернию в в поисках заработков было заметным явлением.—Иногда помещики предлагали заработок в собственном имении за плату, что, собственно говоря, являлось скрытою формою увеличения размера барщины, ибо отказываться от предлагаемых самим помещиком работ не всегда было, конечно, безопасно для крепостных.

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статистика Смоленской губ.», стр. 255.

[2]) Эти сведения носят, повидимому, опять-таки случайный характер— Приложения к труд. Ред. Ком. Сведения о помещичьих имениях.—Том I—V.

Ввиду трудности подыскать сторонний заработок, ибо в годы неурожая предложение рабочих рук, конечно, превышало спрос, большим подспорьем для помещиков служила бы широкая организация общественных работ. И мы, действительно, видим, что общественные работы, встреченные сначала помещиками недружелюбно, приобрели затем популярность среди них. Во второй половине 40-х годов встречались уже ходатайства дворян об организации общественных работ в той или другой губернии.

На беду помещиков, как мы видели, общественные работы не получили развития, и кроме того, встречали враждебный отпор самих крестьян, особенно ввиду неаккуратных платежей и различных злоупотреблений. Некоторые же помещики старались и из общественных работ сделать средство не только продовольствия крестьян, но и собственной наживы. Известны случаи, когда помещики заключали контракты с подрядчиками о поставке определенного количества крестьян на общественные работы, выдавая при этом крестьянам только часть заработной платы и забирая львиную долю себе. Хотя эти контракты, будучи обнаруженными, были уничтожены по распоряжению министра внутренних дел, как «обременительные для крестьян» и «противозаконные», но надо полагать, что лишь редкие из подобных контрактов делались известными высшему начальству [1]).

Все эти меры помещиков, как уже было указано, далеко не разрешали для помещиков продовольственного вопроса. С каждым новым неурожаем, помещики чаще и чаще оказывались бессильными справиться с продовольственными затруднениями и поддержать падающие крестьянские хозяйства.

В 1846 г., например, обнаружилось, что вследствие двухгодичных неурожаев помещики в пострадавших губерниях были лишены всяких доходов; падеж скота, необходимость приобретать хлеб и семена по дорогой цене привели в упадок даже благоустроенные имения. Задолженность имений настолько возросла, что помещикам в неурожайные годы трудно было платить проценты. Правительству приходилось смотреть сквозь пальцы на недоимки, на непродовольствие крестьян, ибо немыслимо было брать в опеку все имения, которые над-

[1]) Максимов, «Очерки по истории обществ. работ в России», С.-Петербург, 1905 г., стр. 55.

лежало, согласно закону, взять в опекунское управление: не хватило бы опекунов, понадобилось бы слишком много средств на продовольствие в разоренных имениях. А между тем помещикам приходилось просить о новых ссудах, о рассрочке и отсрочке прежних ссуд и т. д. и т. д. Помещики хорошо сознавали безвыходность своего положения: непосильность и в то же время неизбежность затрат на продовольственную помощь, пока существовало крепостное право и благосостояние помещиков зависело от силы и крепости крестьянских хозяйств. Они хорошо сознавали, что продовольственные затраты неизбежно вовлекали их в неоплатные долги, результатом которых являлось постепенное разорение имений. На разорительность для дворянства этой ответственности указывали многие помещики еще в 30-х годах. С. Маслов, например, указывал в 1834 году, что помещик, имевший 50—100 душ, не располагал обыкновенно таким запасным капиталом, который он мог бы затратить на помощь крестьянам в несчастных случаях. Таким помещикам приходилось неизбежно делать долги, откуда шло постепенное разорение. „Было время, пишет он, когда сия повинность (т. е. помощь крестьянам) едва была заметна, а ныне стала обращать на себя особое внимание“ [1]). Другой помещик, Кикин, указывая на „всеобщее затруднительное, даже бедственное положение достояний дворянства, совершенное разорение и уничтожение многих богатейших фамилий, равно обременение долгами, можно сказать, почти всех помещиков“, считает, что причина этого между прочим обременение его долгами „по существующему отношению и обязанности дворян перед правительством: обеспечивать крестьян в случае недоимок, неурожая, падежа или пожара“. Эта помощь, по его словам, „не может быть извлечена во время бедственных случаев из того же имения, которое уже не только не дает помещику должного дохода за тот год, но расстраивается само на несколько лет. Следовательно, помощь сия истекает из капиталов сторонних и большею частью на счет займов и вот, по мнению моему, пишет он, важная причина накопления по крайней мере половины долгов на дворянстве“ [2]).

1) С. Маслов. «О мирских запашках и мирских кассах».—«Земледельч. Журнал», 1834 г., № 19 (5).

2) П. Кикин. «Взгляд на настоящее положение дворянских достояний». «Земледельч. Журнал», 1831 г., № 3.

К этому еще присоединялось опасение из-за плохого удовлетворения продовольственной нужды столкнуться с народными волнениями на этой почве, каковые, в слабых размерах, были довольно часты в крепостное время.

Если помещики так резко говорили о разорительности для них продовольственной повинности, если правительство металось в попытках найти средства избавить себя от растущих расходов по продовольствию голодающего и разоряющегося населения, то еще более изнемогало под гнетом этих продовольственных неурядиц, злоупотреблений и пр. само крепостное население. Оно, конечно, отрицательно относилось ко всяким попыткам с той и другой стороны взвалить на него самого всю тяжесть продовольственных тягот. Враждебно встречая и заведение общественных запашек, и общественных работ, с неудовольствием неся на себе хлебные и денежные сборы для составления хлебных и денежных запасов для продовольственной помощи, крестьяне ожидали и требовали от помещиков помощи в несчастных случаях, а особенно при неурожаях. Эти требования выражались чаще [1]) принесением жалоб, но иногда принимали и буйные формы, приводившие в трепет и правительство, и дворянство, обрушивавшиеся на них в таких случаях с двух сторон с репрессиями, но в то же время старавшиеся на ряду с этим, под давлением крестьянских выступлений, удовлетворить продовольственную нужду. Всего известно 30 случаев крестьянских волнений на продовольственной почве, помимо упомянутого движения витебчан в 1847 г. [2]).

Требования крестьян дать им средства на существование и обсеменение полей являлись результатом не только сознания крестьян своего права на продовольственную помощь. К этому вынуждала крестьян и гнетущая экономическая нужда, невозможность просуществовать без посторонней помощи.

---

[1]) В 1851 г. в Смоленской губ. крестьяне толпами приходили к губернатору с жалобами «о неоказании им пособия в продольствии» помещиками. (Ц. Арх. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1858 г. № 1560). В 1840-й голодный год, по указанию Заблоцкого-Десятовского, «во время пребывания управляющего министерством внутр. дел в Тамбове, несколько тысяч помещичьих крестьян шли в город, но были остановлены местным начальством и сворочены в сторону обещанием удовлетворить их просьбы».—Забл.-Десятовский «Гр. Киселев и его время», т. IV, стр. 302.

[2]) См. сборник статей И. Игнатович «Борьба крестьян за свое освобождение». Изд. «Петроград», 1924 г.

Указанное выше бессилие помещиков и правительства справиться с продовольственными затруднениями означало для крестьян разорение, голодание, болезни и пр. В отдельных несчастных случаях крестьянин все же мог надеяться на помощь, если его владелец был расчетливым хозяином; но в годы неурожая „сами помещики, говорит Заблоцкий-Десятовский, сознаются, что положение крестьян бывает „чудовищно". Помещики Тульской губернии указывали, что „в голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома,—все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется: являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы мрут, как мухи" [1]). Во время неурожая 1833—34 г.г. в Саратовской губ. в Балашовском, Сердобском, отчасти в Аткарском, Царицынском, Камышинском уездах многие из крестьян, особенно из недавних переселенцев, ели хлеб, спеченный с половиною или третью дубовых желудей, лебеды или мякины [2]). Крестьяне кн. Шаховского Петровского уезда той же губернии жаловались губернатору, что они питались гречневой мякиной, древесными произрастаниями, при чем и это было на исходе. Справедливость этих жалоб подтвердил и уездный предводитель дворянства, указав, что совершенно не имели хлеба 125 семейств из 219 [3]). В имении гр. Разумовского Саратовской губ. в 1833—34 г.г., по описи, составленной уездным предводителем дворянства, в 23-х селах оказалось более 2,500 голодающих, при чем в списки были внесены не нуждающиеся в хлебе, а лишь кандидаты на голодную смерть. Между тем управляющий не только не выдавал им хлеба, но ухудшал их положение, переводя несостоятельных плательщиков с оброка на барщину [4]). По другим сведениям, крестьяне в некоторых местах не только ели древесную кору, мякину, но даже смешивали глину с мукой [5]). Во время другого крупного неурожая (1839—40 г.г.) опять крестьяне питались суррогатами, опять гибли от болезней на

[1]) Заблоцкий-Десятовский «Гр. Киселев и его время», т. IV, стр. 301.
[2]) Ц. Архив Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 401.
[3]) Ц. Архив Мин. Вн. Дел. Хоз. Деп. I отд. 1 ст., 1833 г. № 61.
[4]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 60—63.
[5]) Романович-Славатинский. «Голода в России». «Киевские Университетские Известия», 1892 г., № 1, стр. 75.

этой почве. Многие помещики бежали из имений, не имея возможности прокормить крестьян. Тысячи помещичьих крестьян бродили по дорогам, существуя нищенством.—Тяжел был для населения и неурожай в 1844—46 г.г. В Витебской и Псковской губ. $^{1}/_{10}$ населения погибла от голодного тифа. В 1853 году ген.-адъютант П. Н. Игнатьев рисовал во всеподданнейшем рапорте ужасную картину голодания населения Витебской губ. При проезде по Могилевской и Витебской губ. он находил целые деревни, в которых нельзя было отыскать куска хлеба; в некоторых селениях ему давали хлеб, весьма похожий на торф, в других показывали тщательно завернутые куски хлеба, исключительно сохраняемые для детей. По Витебской губ. хлеб еще реже составлял обычную пищу для жителей, которые кормились грибами и разными сырыми веществами [1]).

После таких фактов можно удивляться не тому, что крестьяне выступали с требованиями помощи, но тому, что они с таким терпением выносили голод, болезни, разорение, и что сравнительно с ужасом их положения число крестьянских волнений на продовольственной почве так ничтожно мало.

Такое положение крестьян в неурожайные годы ярко показывает, что дворянство совершенно не справлялось с возложенной на него обязанностью, и крепостное право не получало оправдания с точки зрения выполнения помещиками важной государственной функции — поддерживать население в периоды резкой продовольственной нужды.

Ряд фактов свидетельствует, что правительство не было обеспечено и в безнедоимочном исполнении государственных повинностей помещичьими крестьянами. Помещичьи крестьяне должны были уплачивать подушную подать в размере 95 к. серебром с рев. души; различные земские сборы доходили до $46^{3}/_{4}$ коп. серебром с души, т.-е. с каждой рев. души взималось по 1 руб. $41^{3}/_{4}$ коп. [2]). Ввиду того, что крестья-

---

[1]) Середонин. «Историч. обзор деят. ком. министров», т. II, ч. I, стр. 211.

[2]) По губерниям была разница в копейках, ввиду крайнего разнообразия земских сборов. Так, Никольский указывает, что в Балашевском уезде Саратовской губ., в 9-летие 1840—1848 года подушная подать и земские сборы достигали 1 р. $42^{1}/_{2}$ к. Из них земские сборы составлялись из следующих сборов: земских повинностей—$16^{1}/_{2}$ к., вспомогательных—13 к., на полицию—9 к., поселянских—$1^{1}/_{2}$ к., на продовольствие—3 к., на присутств. места—4 к., на канцелярию—2 к., на комиссию (народного продовольствия И. И).—1 к., на хлебн. смотрителей—$1^{1}/_{2}$ к., на гимназию—$^{6}/_{7}$ к., на инст. благородн. девиц—$7^{1}/_{2}$ к. А. Никольский, «Хозяйственное описание Балашевского уезда Саратовской губернии». С.-Петербург, 1855 г., стр. 64.

нам приходилось платить и за дворовых, Я. Соловьев полагает, что с души приходилось платить по 1 руб. 53 коп. и больше. Так как раскладка платежей производилась большею частью по тяглам (на тягло обыкновенно приходилось больше двух душ), то, например, в некоторых имениях Смоленской губернии было положено взимать с тягла казенных податей по 3 руб. 50 коп. серебром, в иных имениях по 12 руб. ассигнациями.

Помимо этого, на помещичьих крестьянах лежали и некоторые натуральные повинности (дорожная повинность и т. п.). Я. Соловьев оценивает их в 81 коп. на душу, или по 1 р. 62 коп. на тягло [1]).

Указанные платежи, за правильный взнос которых отвечал помещик своими имениями, уплачивались неаккуратно, и таким образом накоплялись большие недоимки. Романович-Славатинский указывает, что в начале XIX в. помещикам трудно было уплачивать подушный сбор с рев. души, и они обременяли имения массой недоимок по этому сбору. В Курской губ. в конце 30-х годов казенные недоимки достигли громадных размеров, ибо многие дворяне имели обыкновение никогда не платить податей, рассчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разным случаям [2]). В Смоленской губ. к 1 января 1851 года недоимка на помещичьих крестьянах доходила до 3 р. 50 к. с рев. души, т.-е. была в $2^1/_2$ раза больше всего годового оклада, включая сюда и земские сборы (1 руб. $41^3/_4$ коп.), при чем была больше в тех уездах, где сильнее была дробность имений [3]). Впрочем, за 11 лет (с 1848 по 1858 гг.) общий недобор подушной подати с помещичьих крестьян, не считая земских повинностей и сбора на капитал продовольствия, по сведениям министра финансов, равнялся в среднем только 3,79% годового оклада. Недобор же государственных платежей (включая сюда и оброчную подать) с государственных крестьян за тот же период был меньше, равняясь лишь 2,08 % [4]). При выра-

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статистика Смоленской губ.», стр. 218.

[2]) Н. Решетов. «Дела давно минувших дней». «Русский Архив», 1885 г., т. II, стр. 303.

[3]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статистика», стр. 252—253.

[4]) По отдельным годам этот недобор с помещичьих крестьян колебался между 1,19% (1852 г.) и 11,92% (1855 г.). За эти годы поступления превысили оклад только в 1851 г. (+ 0,57%) и в 1857 г. (+ 6,38%).

ботке реформы 19 февраля 1861 г. финансовая комиссия объясняла это «единственно недостатками самого способа взимания податей, по которому ответственность за недоимки возложена была на самих владельцев» [1]). Правительству приходилось, конечно, бороться с такою неаккуратностью владельцев, взыскивая с них недоимки и налагая опеки с этою целью на имения. Так, в 1840 году в опеке состояло 916 имений «за неплатежи податей и недоимки» [2]). По признанию финансовой комиссии, «установленные в законах меры взыскания оказывались большею частью недействительными в применении на деле» [3]). Новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов указывал в 1827 г., что опекунские учреждения не из кого учреждать, если, конечно, не допускать того, чтобы должник был опекуном имения подобного же себе должника, ибо почти все имения больше или меньше должны казне или по податным, или по сельским сборам [4]). Полиция, состоявшая зачастую на жалованье у дворян, не смела взыскивать с них недоимок. Губернатору М. Н. Муравьеву пришлось прибегнуть к энергичным мерам для взыскания с дворян недоимок. Он предписал полиции действовать энергично и, в случае неуплаты кем бы то ни было, немедленно приступать к продаже имущества, в случае же уклонения полицейских чиновников и неисполнения его предписаний, отрешал их от должностей [5]).

Правительство при этих взысканиях находилось в затруднительном положении. С одной стороны, надо было прибегать к крутым мерам, чтобы обеспечить взыскание недоимок. С другой стороны, дворянство жаловалось на трудность уплаты и просило то о прощении недоимок, то о рассрочке их. Так, при воцарении Николая I дворянство целого ряда губерний обратилось к государю с подобного рода ходатайствами [6]). Отказ на ходатайства, строгие меры взыскания должны были раздражать как дворянство, так и помещичьих крестьян, на которых в конечном счете падали казенные подати. На это

---

[1]) Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование Александра II». Бонн па-Рейне. 1868 г., т. IV, стр. 1238—1239.

[2]) «Материалы для ист. крепостного права», стр. 56.

[3]) Скребицкий, т. IV, стр. 1239.

[4]) Середонин. «Историч. обзор...», т. II, ч. 1, стр. 230.

[5]) Н. Решетов. «Дела давно минувших дней». «Р. Архив», 1885 г., кн. II, стр. 303.

[6]) См. Середонин. «Историч. обзор деят. ком. мин.», т. II, ч. 1, стр. 229—231.

затруднительное положение правительства указывал в 1831 году малороссийский генерал-губернатор князь Репнин во всеподданнейшем письме от 31 июля. Ходатайствуя о сложении недоимок с помещичьих крестьян, князь Репнин писал, что, «побуждения местного начальства к платежу податей, не соразмерных с силами поселянина, а тем более недоимок за годы неурожайные и общих несчастий, возрождают ропот на правительство и помещиков, что нищета и скорбь производят в простолюдинах те же преступные действия, которые возникают от пагубных заблуждений людей, ложно образованных». Указывая на распространенность среди малороссийских крестьян «ропота против помещиков», «не усугубятся ли,—писал он,—сии вредные для общего спокойствия чувства, когда они увидят милосердие вашего императорского величества, оказанное казакам, и попечение правительства о собратиях их, казне принадлежащих! [1]). Они почувствуют всю строгость тяжелого взыскания податей и недоимок. Не покажется ли им рабство еще несноснее прежнего? Не станут ли они проклинать своих владельцев, служащих для них как будто преградою отеческого милосердия вашего императорского величества ко всем верноподданным вашим? Наконец отобранием дворянских имений в опекунское управление и вследствие закона не только удаление помещиков из их владений на многие годы, но и запрещение слушаться их распоряжений, не разрушает ли само правительство слабую связь здешних владельцев с их крестьянами?» [2])

Все это показывает, что само правительство не могло видеть большой пользы в существовании крепостного права. Напротив, тот факт, что помещичьи крестьяне не могли облагаться такими же налогами в пользу государства, как казенные, требовали расходов на свое продовольствие, при чем правительство не могло быть даже уверенным в правильном израсходовании выданных ссуд—толкал правительство на путь освобождения, заставлял его принимать меры к постепенному уничтожению крепостного права. Покамест государство было слабо, оно должно было платить дворянам за поддержку лич-

---

[1]) Репнин намекал здесь на прощение недоимок казакам, уменьшение для них податей и представление министра госуд. имуществ о том же относительно государственных крестьян.

[2]) «Всеподданнейшее письмо кн. Николая Репнина о сложении недоимок с помещичьих крестьян». «Р. Старина», 1896 г., кн. X.

ным трудом крестьян; но, как только оно достаточно окрепло, чтобы самостоятельно регулировать быт крестьян, крепостное право стало для правительства лишним бременем. Во времена Павла I помещиков называли «лучшими полицмейстерами», избавляющими правительство от расходов на управление крестьянами, но к половине XIX века эти «полицмейстеры» достаточно доказали свою несостоятельность.

ГЛАВА II.

Право владения крепостными. Право помещиков на труд и личность крестьян. Судебно-вотчинная власть помещиков. Ответственность перед законом за злоупотребления помещичьей властью.

Обратимся к вопросу, кто по закону имел право владеть крепостными. Указом 1730 г. было подтверждено сделанное еще в Уложении запрещение владеть населенными имениями боярским людям, монастырским слугам и крестьянам. Затем в 1746 г. было запрещено купцам, архиерейским и монастырским слугам, и боярским людям, и крестьянам, приписанным к купечеству и в цех, также казакам, ямщикам, разночинцам, состоящим в подушном окладе, — покупать во всем государстве людей и крестьян без земли и с землями. Известно, что инструкция 1754 г. окончательно запрещает не-дворянам владеть населенными имениями, а указом 1758 года велено было всем лицам, не имеющим право владеть населенными имениями, продать их в полугодовой срок, по истечении которого непроданные имения должны быть отписаны на государыню.

Правонарушения происходили на каждом шагу, что и вызывало ряд подтверждений запрещения не-дворянам владеть крепостными. В 1814 г. запрещено было владеть дворовыми и крестьянами личным дворянам. По закону 1836 г. деревни, населенные крепостными людьми, или же крепостные люди без земли, доставшиеся лицам, не имеющим права владеть оными, немедленно поступали в казенное ведомство, а наследникам отпускалась из казны сумма, какая полагалась обыкновенно по цене, установленной для написания купчих крепостей на населенные имения той губернии. В 1841 г. (согласно с ин-

струкцию 1754 г.) запрещено было дворянкам по выходе замуж за не-дворян приобретать крепостных как с землею, так и без земли. В 1842 и 1853 гг. запрещено было лицам, вновь возведенным в дворянское звание, до третьего колена владеть имениями, в которых предки мужа или жены были записаны по ревизии. Наконец в IX т. Св. Зак. изд. 1857 года право владения крепостными определено следующим образом: потомственный дворянин может приобретать крепостных как с землею, так и без земли, но в последнем случае лишь при том условии, если он владеет населенным крепостными крестьянами имением; в губерниях Черниговской и Полтавской запрещалось вовсе приобретать крестьян без земли (ст. 208). Возведенные в дворянство из крепостного состояния, до 3-го колена включительно, не могли никаким способом приобретать тех населенных имений, в которых они сами, отцы или деды их по отцу были записаны по ревизиям, а также и крепостных людей без земли, приписанных к тем имениям. Запрещение это распространялось и на дворян обоего пола, состоящих в браке с лицами из крепостного состояния, которые не могли получать и указанных частей после смерти супругов в таких имениях, в которых они сами, отцы или деды их по отцам были крепостными крестьянами (ст. 212).

Дворяне нехристианского вероисповедания не могли иметь крепостных христиан, за исключением только тех дворян из татар, которые издавна владели населенными имениями в западных губерниях (ст. 215). Владеть крестьянами могли, таким образом, только дворяне. Исключение представляли лишь городское общество Смоленска и некоторые смоленские мещане и купцы. Но и здесь населенные имения принадлежали всему смоленскому городскому обществу, а не отдельным его членам; те же смоленские мещане и купцы, которые приобрели крестьян в частное владение до 1836 г., владели только пожизненно; по смерти владельцев крестьяне эти должны были отбираться от наследников с вознаграждением последних на основании закона 1836 г. о крестьянах, достающихся во владение разночинцам [1]).

[1]) По IX ревизии, таких владельцев оказалось в Смоленске 45, крепостных у них—173 д. м. п. — Я. Соловьев. «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ.», 1855 г., стр. 130. См. об этом «Крестьянский вопрос» В. И. Семевского, т. II, стр. 543.

Владение дворовыми постепенно стеснялось. В 1841 г. было запрещено приобретать их беспоместным дворянам, и разрешено сохранять уже приобретенных до восьмой ревизии с припискою к домам или при денежном обеспечении. Вообще, что касается этой стороны крепостного вопроса, видно стремление правительства ограничить круг лиц, имеющих право владеть крепостными.

Лица, владевшие крепостными, имели право на труд последних. В IX т. Свода Зак. изд. 1857 г. это право помещиков определялось следующим образом: владелец мог налагать на них всякие работы, взимать оброк и требовать личных повинностей, с следующими двумя ограничениями: 1) чтобы крестьяне не претерпевали через то разорения, и 2) чтобы положенное законом число дней оставлялось на исправление их собственных работ (ст. 1045). Крестьяне обязывались работать на помещика три дня в неделю; они не могли быть принуждаемы к работам в воскресные дни и в известные праздники (ст. 1046). Владелец имел право употреблять своих крепостных людей не только для личных услуг и работ, но мог отдавать их и посторонним лицам в услужение, для обучения ремеслу или на воспитание, с единственным ограничением не отдавать крепостных людей на работу на горные заводы (ст. 1048—1049).

Это определение повинностей крестьян отличается прежде всего крайнею неопределенностью. Определение того размера повинностей, за которым могло итти уже противозаконное «разорение» крестьян, возлагалось собственно на добрую волю помещика и того начальства, которому было поручено наблюдать за отношениями помещиков к их крепостным. Кроме того, и то, что было определенно сказано в законе, постоянно нарушалось на практике. В XIX веке, как и в XVIII, преобладала трехдневная барщина, но нередко работали 4, иногда 5, а при переводе крестьян на господское содержание и все 6 дней в неделю. Кроме того, крестьяне нередко принуждались работать в воскресные дни и праздники; помещики в эти дни налагали иногда на крестьян легкие побочные работы или устраивали как бы добровольные сгоны рабочих. Помимо этого, многие помещики предоставляли крестьянам их дни только после того, как окончены были спешные господские работы; особенно часто практиковалось это в летнюю страду во время

косовицы и жнитвы. При этом обычно все ведреные дни шли под барщину, в ненастные же крестьянам предоставлялось работать на их полях. Такая система была губительна для крестьянских хозяйств, ибо им нередко приходилось или убирать хлеб, когда он осыпался, а траву косить, когда она успевала посохнуть, или же работать по ночам и в праздничные дни. Лишь в 50-х годах, по поводу волнения крестьян помещика Калантарова Ставропольской губ. Николай I обратил внимание на это ненормальное явление и в секретном циркуляре от 24 октября 1853 г. на имя губернских предводителей было указано, что работы в пользу владельца более 3-х дней в каждую неделю даже и в тех случаях, когда будет предоставляемо равное число дней другой недели в пользу крестьян, не согласны с точным смыслом постановлений о трехдневной барщине, коими положительно определена обязанность крестьян работать в пользу помещика только 3 дня в неделю, что прочие затем дни недели должны быть оставляемы в пользу крестьян на исправление их собственных работ; помимо этого, предписывалось, что „при отсылке крестьян для господских работ в места, отдаленные от их жительства, время, употребленное ими на переход туда и обратно, непременно должно быть зачитаемо в число следующих в пользу владельца рабочих дней". Министр внутренних дел Бибиков сообщал об этом повелении Николая „к непременному руководству и исполнению"[1]), хотя в то же время ставил условием, чтобы губернские предводители держали циркуляр в секрете, не предавая гласности, и в случае обнаружившегося нарушения этих правил барщины губернатор сообщал ему об этом с надписью на пакете „в собственные руки". Обставленное такою таинственностью, это важное для крестьян разъяснение закона о барщине вряд ли могло иметь практическое значение.

Размер оброка в законе совершенно не был определен. Между тем эта форма эксплоатации крестьянского труда давала возможность отбирать от крестьян весь его заработок, лишая его и его семью необходимых средств существования.

Не было определенно указано то количество земли, которое должны были давать помещики крестьянам. Размер его

---

[1]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1853 г. № 820.

можно было выводить лишь из совершенно другого закона, а именно изданного в 1827 г. для определения условий продажи населенных имений без крестьян. По этому закону имения помещиков, у которых за залогом или продажею земли будет оставаться земли менее $4\frac{1}{2}$ дес. на душу, должны были отбираться в казенное ведомство [1]). На деле этот закон обыкновенно не исполнялся, но он важен тем, что в нем видно молчаливое признание связи крестьян с землею и определение minimum'а требующегося для крестьян земельного обеспечения. Правительствующий Сенат, рассматривая в 1858 году [2]) дело о крестьянах рязанского помещика Заварицкого, ставил помещику между прочим в вину, что он «оставляет своих крестьян без надела узаконенным количеством земли», ссылаясь при этом именно на закон 1827 г. (ст. 1016 т. IX). Таким образом, в глазах сената этот закон определял обязательный размер крестьянского земельного надела. Неизвестно, имело ли это указание сената какое-либо практическое значение помимо крестьян Заварицкого. Род, количество работы не ограничивались законом. Несмотря на это в жизни постепенно вырабатывались ограничения помещичьей власти в этом отношении. Так, в 1853 г. правительствующий сенат указом 14 декабря 1853 г. утвердил распоряжение ставропольского губернского правления по делу о крестьянах помянутого помещика Калантарова, что не следует требовать от крестьян при господских работах более одной пары быков с тягла для составления сборных плугов; заставлять же крестьян высылать на господские работы весь имеющийся у них скот нет законного основания и было бы слишком обременительно «для крестьян» [3]). Право помещиков отдавать крепостных в услужение (по закону 1824 г. воспрещено было отдавать крепостных в услужение лицам, не имеющим по закону права владеть ими) приводило на практике к торговле крепостными на подобие торговли невольниками.

Помещик имел право переводить крестьян во двор, а дворовых садить на пашню (ст. 1047, IX т. Св. Зак. изд. 1857 г.). Чрезмерное увеличение дворовых от 9-й до 10-й ревизии (по 9-й ревизии было 1.035.924 д., а по 10-й

---

[1]) Ст. 1016 т. IX Св. Зак. изд. 1857 г.
[2]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1856 г. № 2759.
[3]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1853 г. № 820.

1.467.078) объясняется в значительной мере стремлением помещиков в 50-х годах ввиду готовящейся реформы обеспечить за собою в будущем возможно большее количество земли, что и повело к усиленным переводам крестьян в разряд дворовых. Поэтому 2 марта 1858 года был издан указ, запрещавший дальнейший перевод крестьян, записанных по 10-й ревизии оседлыми, в число дворовых. Но, кроме официального зачисления крестьян в дворовые, практиковалось простое употребление крестьян для личных услуг и различных работ при доме, когда крестьянин, не теряя своего имени, находился собственно в положении дворового; с другой стороны, многие дворовые имели отдельные избы, огороды, скот, так что их положение мало чем отличалось от положения крестьян. Поэтому провести строгое различие между этими двумя группами крепостных очень трудно.

Строго говоря, крестьяне не могли называться оседлыми, так как их оседлость также зависела от воли господина. В Св. Зак. изд. 1857 г., за помещиком признается право переселять крестьян порознь или целыми селениями с одних земель на другие, как в одном и том же уезде, так и в разных уездах и губерниях (ст. 1060). Ограничение этого права касалось лишь случаев переселения крестьян, заложенных в кредитных учреждениях: помещики могли переселять их лишь с согласия тех мест, где они состояли в залоге (ст. 1063). Для того, чтобы переселить крестьян, достаточно было подать прошение в земский суд, и можно было начать переселение, не дожидаясь соответствующего дозволения или указа.

Насколько и как пользовались помещики этим правом, показывает случай, приводимый Самариным. Имением N, Полтавской губернии, управлял некто Поляк. Будучи убежден в том, что богатый крестьянин вреден в сельском хозяйстве, он систематически разорял крестьян, перенося их избы с одного места на другое и переселяя богатых крестьян в степь. Действительно, он достиг того, что вся деревня была разорена. Романович-Славатинский знал помещика в Малороссии, который постоянно переселял крестьян из одного имения в другое. «Едва крестьяне успевали обжиться в имении А., как помещик переводил их уже в имение Б. и т. д.» [1]). По-

---

[1]) Романович-Славатинский, гл. IV, стр. 330.

мещики нередко прибегали к переселениям крестьян, чтобы избежать исполнения повинностей. Кошелев знал помещиков, которые прибегали к переселениям, как к угрозе и наказанию, в случае неисправного исполнения повинностей. Наказание действовало, говорит Кошелев, и платежи вносились аккуратно [1]). Иные помещики переселяли крестьян ввиду недостатка земли в имении. Например, в 1845 г. «в Тверской губ., в имении помещика Головина крестьяне оказали неповиновение по поводу предложенного владельцем переселения некоторых из них в другой уезд, по причине недостатка земли в этом имении» [2]). Веригин, управлявший имениями Нарышкиных в 20—40-х годах, применял переселение в широких размерах в целях поднять благосостояние крестьян: неисправных оброчников он выселял в особые селения, переводя на барщину; в двух деревнях всех лишних крестьян против назначенного им земельного надела он переселил в саратовские степи. Хотя Веригин и был уверен в благодетельности этой меры для крестьян, но крестьяне держались, очевидно, другой точки зрения. Сам Веригин сознается, что при переселениях в имениях Л. А. Нарышкина были «дерзости, ослушания, волнения крестьян»; саратовские же помещики предупреждали главноуправляющего, что от переселений Веригина взбунтуется вся вотчина, откуда выселялись крестьяне. Теми же ропотом и ослушаниями, по собственному признанию Веригина, сопровождались расселения и в имениях Э. Д. Нарышкина [3]). С другой стороны, известно, что в 1843 г. в саратовской вотчине Л. А. Нарышкина произошло волнение, и одною из причин его, по указанию местного исправника, было ухудшение экономического положения крестьян из-за переселения крепостных из других имений и перевода крестьян с оброка на барщину [4]).

Переселения совершались и под влиянием слухов об освобождении из желания помещиков заранее обеспечить за собою лучшие земли, предупредить чресполосицу и округлить свои владения. Так, помещик Зарайского уезда Рязанской губ.

[1]) Кошелев. «Записки по уничтожению крепостного права», стр. 138—139.
[2]) «Материалы для истории крепостного права», стр. 129.
[3]) Веригин. «Записки». «Р. Стар.» 1893 г., кн. IV, стр. 123—125, и кн. VI, стр. 141, 171—173.
[4]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 357—361. См. также Ц. А. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1843 г. № 552.

Дивов, узнав в 1846 г., что в правительственных сферах шли исподволь работы для уничтожения крепостного права, поспешил переселить свою деревню, чтобы заранее отделить господские поля от крестьянских на случай обязательного наделения крестьян пахотною землею. Переселение это, несмотря на широкую помощь помещика, совершилось, «конечно, не без тайного ропота переселенных крестьян, крепко привыкших к старому пепелищу» [1]). Перед реформою 19 февраля 1861 г. переселения крестьян для указанных целей приняли массовый характер, при чем крестьян нередко переселяли на неудобные земли: песчаные, болотистые и т. под. Так, в 1858 году нашумело во Владимирской губернии дело судогодского предводителя дворянства Задаево-Кошанского, переселившего часть своих крестьян на худшие земли из желания при освобождении обеспечить за собою лучшие приусадебные земли; быть может, в нем действовало и предусмотрительное желание не иметь после ликвидации крепостного права вблизи помещичьей усадьбы бывших крепостных деревень. Среди крестьян возникло волнение, за которое помещик хотел расправиться также выгодным для себя способом, отправив в ссылку в Сибирь на поселение более 30 человек. Дело это обратило на себя внимание Александра II, по повелению которого имения Задаево-Кошанского и его жены взяты были в опеку, он сам отрешен от должности и предан суду дворянства [2]). Желание прекратить подобные переселения вызвало высочайшее повеление от 4 марта 1858 г., объявленное в циркуляре министра внутренних дел 20 марта, и циркуляр министра внутренних дел от 10 декабря того же года [3]).

Нередко при переселениях помещики поступали недобросовестно с крестьянами. Так, помещик Пензенской губернии Жадовский перевел в пятидесятых годах своих крестьян в Оренбургскую губернию, при чем взял себе деньги, вырученные при продаже их домов и хлеба на корню, а за избы, выстроенные на новых местах, взимал с крестьян плату, вычитаемую из их заработков [4]). Заблоцкий-Десятовский указывает, что крестьяне нередко даже физически очень худо пере-

---

[1]) «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Р. Архив», 1898 г., кн. II, стр. 266.
[2]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1858 г. № 1441.
[3]) «Материалы для ист. упразднения креп. сост.», т. I, стр. 345—346.
[4]) Романович-Славатинский, гл. IV, стр. 331.

носили подобные невольные переселения. Многие крестьяне умирали прежде, нежели обживались на новых местах. Так, один помещик переселил крестьян из Витебской губернии под Кизляр. Там в первые годы умерло их более двух третей [1]). Редкий из помещиков заготовлял для крестьян порядочные помещения; большею частью первые годы они проживали в землянках [2]). В этом отношении характерно переселение крестьян, принадлежавших помещику Дурасову, в пятидесятых годах из Курской в Оренбургскую губ. Управляющий имением Дурасова, найдя, что в имении последнего крестьян несоразмерно много сравнительно с количеством земли, переселил в 1855 г. часть их (150 рев. душ) в Оренбургскую губ., и крестьяне немедленно были перечислены туда по бумагам. Управляющим было обещано, что крестьяне найдут на новых местах готовые хаты, полное продовольствие, и им дадутся разные льготы и всякие милости. Крестьяне, скрепя сердце, отправились и позднею осенью пришли в Оренбургскую губ., где не нашли для себя никаких помещений; а так как поместиться им было негде, то они должны были зимовать в наскоро сделанных их же руками землянках. Зимой у них появились разные болезни; люди, не привыкшие к суровому климату и дурной обстановке, умирали в большом количестве, в особенности—дети. Весною, самовольно вернувшись в родное село, крестьяне говорили, что они оставили в Оренбургской губ. «более половины своих родных зарытыми в могилах». В ответ на уговаривания уездного предводителя дворянства вернуться на земли их нового владельца, старики с каким-то отчаянием и решимостью заявляли: «чтобы всем нам помирати, так лучше делайте с нами, что хотите, а мы волей туда не пойдем». По приказанию губернатора, этих крестьян разыскивали по соседним селам, ловили в лесах и по мере сбора отправляли по этапу в Оренбургскую губернию.

Поимка их и отправка происходила еще в 1858 г. Повидимому, эти же переселенные крестьяне волновались в 1858 г. в Оренбургской губернии в имении того же Дурасова. Крестьяне, переведенные сюда из Курской губ. для работ на су-

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 285.

[2]) Там же. На то же самое указывает барон Гакстгаузен. См. Гакстгаузен. «Исследование внутренних отношений народной жизни России», т. I, стр. 358.

конной фабрике, размещены были в темной душной казарме без различия пола и возраста.

Только часть крестьян, тягловых, были размещены в готовых избах по одному семейству в каждой, но у некоторых семейств даже в 1858 г. не оказалось собственных изб. Повидимому, и в 1858 г. переселенцы в большинстве состояли на положении месячников и сильно бедствовали [1]).

Крепостное право в развитом состоянии очень близко подходило к рабовладению. Одним из сильнейших признаков почти полного слияния понятия крепостного и раба служило право помещика на куплю и продажу крепостных. Помещики торговали своими крепостными, продавали их с землею и без земли, целыми имениями и в розницу, разделяя семьи, отрывая дочерей и сыновей от родителей, и т. д. Крестьян вывозили на ярмарки, публиковали об их продаже в газетах, продавали с молотка за частные и казенные долги.

Борьба правительства с этою стороною крепостного права началась с XVIII века, хотя его мероприятия были очень неопределенны и нерешительны. Еще в 1771 г. запрещена была продажа крестьян без земли с молотка. В 1792 г. было разъяснено, что продавать крестьян с аукциона можно, но без употребления молотка. В 1798 г. было постановлено, что крестьяне, при взыскании казенных долгов, не могут быть продаваемы с публичного торга, а должны отписываться в казну с зачетом долга по оценке получаемого с них дохода. Наконец в 1833 г. было постановлено не принимать в обеспечение и удовлетворение частных долгов крепостных без земли, как крестьян, так и дворовых; при взыскании же частных долгов, совершенных под обеспечение крепостными без земли до этого узаконения, было постановлено зачислять таких крепостных без раздробления семейств в казенное ведомство, выдавая кому следует из казны по 300 руб. за каждую ревизскую душу мужского пола и по 150 руб. за ревизскую душу женского пола. Этим же законом запрещалась продажа крепостных, как с землею, так и без земли, с раздроблением семейств. Так как торговля людьми происхо-

---

[1]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 1159 и 1858 г. № 1297. — Н. Решетов, «Дела давно минувших дней» — «Русский Архив», 1886 г. т. I, стр. 212—217. — Прот. Кречетович, «Крестьянская реформа в Оренбургском крае», т. I, стр. 25—57. Москва 1911 г.

дила на рынках, так что, например, еще в 1807 г. на Урюпинскую ярмарку привозились скованные люди для продажи их в розницу, то в 1808 г. запрещено было продавать крепостных на ярмарках и торгах. Запрещения мало действовали, и продажа людей на ярмарках продолжалась. В 1822 г. было запрещено печатать публикаций о продаже людей без земли, но они продолжались печататься под видом публикации об отдаче крепостных в услужение.

Перед раскрепощением крестьян закон таким образом регулировал продажу и покупку крепостных. В IX т. Св. Зак. изд. 1857 г., право продавать и покупать крепостных, как с землею, так и без земли, предоставлено только потомственным дворянам, при том только тем из них, которые владеют населенными имениями (ст. 1069). Безусловно запрещена продажа крепостных гражданам Финляндии и чиновникам земли Войска Донского, для переселения их на войсковые земли (ст. 1085). За этими ограничениями дозволялась продажа как целыми имениями, так и отдельными семьями. Помещик мог продавать как лично, так и через других лиц по доверенности, но последнюю не мог выдавать лицам, не имеющих дворянских прав, на продажу и покупку крепостных без земли (ст. 1071); при покупке же и продаже крепостных с землею дозволялось выдавать доверенность всякому лицу без ограничения (ст. 1072). Запрещались публикации (1822 г.) о продаже людей в розницу без земли; запрещалась продажа на ярмарках и торгах — поименно и без земли (ст. 1062). В Малороссии продажа крестьян без земли была запрещена еще в 1798 г.—Конечно, на практике происходили различные обходы всех этих узаконений.

Иногда для того, чтобы продать детей, отпускали родителей на волю, иногда образовывали путем брака новую семью и продавали таким образом. Особенно часто прибегали к продаже под видом отдачи крепостных в услужение, хотя в 1824 г. последовало ограничение и этого права путем запрещения отдавать крепостных в услужение лицам, не имевшим права владеть ими. Но это запрещение мало повлияло на положение дел. Отдача крепостных на заработки процветала в левобережной Малороссии. В правобережной Малороссии было развито очень сильно возделывание свекловицы. Фабриканты, как свидетельствует Самарин, посылали евреев за

Днепр «подряжать людей у помещиков, помещики вербуют их сотнями, забирают за них деньги и отпускают их без продовольствия и теплой одежды. В случае бегства с дороги их бьют и возвращают обратно»... Эти белые негры, пришедшие на место, томятся болезнями, умирают десятками, тоскуют и бегут толпами [1]). Некоторые помещики делали особый промысел из торговли людьми. Некий Ч—ий «купил близ Саратова земельный участок и занялся тем, что завязал сношения с управляющими имений крупных помещиков, которые в них никогда не заглядывали, и скупал крестьянских детей-сирот, выращивал их у себя и, по достижении известного возраста, продавал девок в замужество для крестьян, а мужчин ставил вне очереди в рекруты или представлял для заселения Сибири, за что тогда казна выдавала по 300 руб. за человека» [2]).

Особенно часто практиковалась незаконная торговля людьми при продаже их в рекруты. Продажа крепостных для поставки их в рекруты была прямо позволена законом 1717 и 1720 гг. С тех пор подобная торговля сильно развилась, так что со второй половины XVIII века последовали запрещения. В 1766 г. запрещено было совершать купчие на взрослых крепостных за три месяца до рекрутских наборов, но отпуск их на волю для приписки к казенным селениям был разрешен законом 1792 г. Затем в 1804 г. велено принимать крепостных в рекруты не ранее, как через три года по совершении купчей. Но обходы этих законов совершались очень свободно, и продажа охотников в рекруты процветала. Так, например, в 1840 году в Курскую губернию некий мещанин привез из Москвы 22 человека для продажи в рекруты. Торговлею занимались даже чиновники: Заблоцкий-Десятовский указывает, что в его время в Калужскую губернию часто приезжал чиновник из Москвы, торговавший охотниками, конечно, из помещичьих крестьян [3]). Помещичьи крестьяне также покупали за себя охотников, выплачивая нередко громадные деньги и передавая квитанцию помещику [4]). Покупка рекрута обходилась крестьянину нередко до 2.000 руб., так как 1.000 или 1.500 рублей приходилось платить помещику, около 500—

[1]) Самарин. Сочинения, т. II, стр. 5—6.
[2]) В. А. Шомпулев. «Провинциальные типы 40-х гг.». «Русская Старина», 1898 г., август, стр. 335.
[3]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 293.
[4]) Самарин, т. II, стр. 40.

600 руб. давалось охотнику, да еще угощения и задабривания последнего стоили дорого, так как до сдачи в рекруты охотник гулял во всю и сорил деньгами. Отпускная давалась охотнику нередко за несколько дней или, как полагалось по закону, за шесть месяцев, но в таких случаях отпускная обыкновенно не показывалась предназначенному к сдаче в рекруты. Последний нередко узнавал о своей вольности только в рекрутском присутствии. Его приводили сюда сильно возбужденного, как бы отуманенного; подкупленный чиновник обыкновенно небрежно спрашивал его, идет ли он охотою; крестьянин, слыша постоянно в продолжение нескольких месяцев, что он охотник, почти бессознательно отвечал утвердительно, и ему забривали лоб. Если вспомнить всю тяжесть солдатской службы в то время и значение для крестьянского хозяйства потери рабочей силы в лице рекрута, вполне понятны все лишения, все затраты, которые производились крестьянами для того, чтобы избавиться от воинской повинности.

По закону, помещик должен был сам поставлять рекрут, при чем помещики, имевшие менее 20 душ, участвовали в рекрутчине лишь деньгами, а не натурою. Помимо очередных рекрутских наборов, помещики имели право в любое время представлять своих крестьян для сдачи в рекруты в зачет будущих наборов, получая зачетные квитанции. Это давало возможность помещикам применять сдачу в солдаты, как одну из мер наказания за провинности и как способ удалить из имений неудобные для себя в том или другом отношении элементы. Иные помещики сдавали крестьян в рекруты за малейшие провинности, иногда даже для того, чтобы избавиться от мужа понравившейся им молодухи. Один помещик отдавал в рекруты тех крепостных, в которых резко сказывалось отрицательное отношение к господской власти [1]). Некоторые помещики делали из зачетных квитанций способ наживы, продавая их сторонним крестьянам, купцам и мещанам за 500, 600 и более рублей [2]). Другие позволяли своим зажиточным крестьянам откупаться деньгами от поставки рекрут, заставляя таким образом нести тяжесть рекрутской

---

[1]) «Воспоминания, мысли и признания доживающего свой век смоленского дворянина». «Русская Старина», 1895 г.. июль, стр. 115—116.

[2]) Крылов. «Накануне великих реформ». «Ист. Вестн.», 1903 г., кн. 9-я, стр. 810.

повинности семьи беднейших крестьян и делая рекрутские наборы источником своего обогащения. В. А. Демидов, помещик Васильсурского уезда Нижегородской губернии, дозволял крестьянам откупаться от рекрутского набора, внося ему по 1500 руб. за рекрута; вместо этих откупившихся крестьян помещик сдавал «лентяев, игроков, воров» и других негодных, по его мнению, крестьян. Такая торговля дала ему за 12 лет 17.177 руб. 82 коп. дохода [1]). Перед реформою 19 февраля 1861 года мелкопоместные помещики стали в большом количестве представлять крепостных в рекруты в зачет будущих наборов с целью получить из казны за зачетные квитанции по 300 руб. серебром; весьма вероятно, не малую роль играла здесь боязнь освобождения крестьян без всякого вознаграждения и желание сохранить за собою большее количество земли. Это движение среди помещиков вызвало циркуляр министра внутренних дел от 26 марта 1858 г., имеющий целью затруднить сдачу в рекруты строгим соблюдением закона при приемах в рекруты; затем циркуляром от 5 ноября 1858 г. объявлено было высочайшее повеление о приостановке приема людей в рекруты в зачет будущих наборов от мелкопоместных помещиков [2]).

Крестьяне были почти совсем бесправными личностями. Они были отданы под власть помещика, а государство для них как бы не существовало. Еще указом 1741 г. крепостные были устранены от присяги государю, но лишь в 1826 г. было определенно запрещено приводить крестьян к присяге на повиновение господину.

По Уложению 1845 г. возмущение крестьян и дворовых против помещиков, управляющих, волостных и общественных управлений приравнивалось к восстанию против властей, правительством установленных, и виновные в нем должны были подвергаться наказаниям, назначенным за это последнее преступление. Еще в 1767 г. крестьянам было запрещено подавать жалобы и челобитные на помещиков под угрозою наказания кнутом и бессрочной ссылки в Нерчинск на каторжные работы. Это наказание постепенно смягчалось, но и по Уложению 1845 г. крепостные за подачу жалобы на поме-

---

[1]) Снежневский. «Быковская вотчина Демидовых». Действия Нижегор. Губ. Уч. Арх. Ком., т. VII, стр. 69, 118.—Н. Новгород, 1909 г.

[2]) Материалы по ист. освобожд. крестьян, т. I, стр. 347—349.

щика подвергались наказанию розгами до 50 ударов. Этими постановлениями крестьянин делался оторванным от государства; правительство лишь косвенно заботилось о его благосостоянии, смотря на крестьян как на платежную силу, необходимую для существования государства, так как помещичьи крестьяне так же, как и остальные, платили государственные подати и исполняли повинности, необходимые для государства: рекрутскую, подорожную и т. п. Крестьянин должен был безусловно повиноваться владельцу во всем, что не противоречит общегосударственным узаконениям, платить оброки и исполнять работы и всякого рода повинности, налагаемые на него помещиком.

На деле власть помещиков была еще сильнее. Случалось, что крестьяне готовы были скорее нарушить общегосударственные законы, чем ослушаться помещика. Помещик был ближе к крестьянину и сильнее: на глазах крестьян различные правительственные органы нередко покрывали преступления помещиков, чиновники находились на жалованьи у последних и т. под. В этом отношении характерно сопротивление законным властям, оказанное в 1818 г. дворовыми людьми по приказанию их помещика, князя Голицына [1]). Таким образом сильно развитая власть помещика приводила порою в бессилие государственную власть по отношению к значительной части населения.

Правительство понимало всю ненормальность создавшегося законом положения, понимало, что крестьянские жалобы есть отдушина, через которую до его сведения доходят известия о совершающемся в крепостных ячейках. Но в то же время, стоя на страже дворянских интересов, оно должно было поддерживать непоколебленным престиж помещичьей власти, а потому делать хотя бы вид, что жалобы запрещены. Это вызывало фактически двойственное отношение правительства к крестьянским жалобам, далеко разошедшееся с законом. С одной стороны, правительство из инстинкта самосохранения, под напором растущего народного неудовольствия в России, под влиянием уроков Запада, считало необходимым бороться со злоупотреблениями помещичьей властью и ограничивать ее; с другой—по тем же соображениям оно должно было охра-

---

[1]) Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные», стр. 97 — 99. Рязань, 1903 г.

нять интересы господствующего класса, а потому требовать от крестьян безусловного повиновения помещикам и поддерживать полное спокойствие среди крестьян. Во имя первых целей оно должно было прислушиваться к крестьянским жалобам, ибо не могло закрывать глаза на то, что надзор за помещиками местных властей и предводителей дворянства крайне недостаточен и большею частью фиктивен; во имя других целей, нельзя было поощрять крестьян к жалобам, ибо подача их нередко сопровождалась нарушением обычного порядка в имении в виде ли сходок, самообложения, самовольных отлучек из имения, неповиновения и т. д., т. е. такими явлениями, которые живо нарушали интересы помещиков. Поэтому мы видим, что, с одной стороны, жалобы при Николае I были попрежнему запрещены и за подачу их крестьяне должны были подвергаться телесным наказаниям; с другой— фактически жалобы принимались всеми, начиная от императора и кончая исправниками и становыми; с ними считались, по ним назначались секретные дознания, а иногда и формальные следствия. При таком противоречии между законом и практикой неизбежен был произвол местных властей по отношению к крестьянским жалобам. Судьбы крестьянских жалоб зависели и от личных взглядов администраторов, и от веяний в правительственных сферах, и от силы, богатства и влияния помещика, на которого крестьяне жаловались.

Любопытно, для колебаний правительства в этом вопросе переписка, возникшая в 1858 г. между смоленским губернатором Ахвердовым и министром внутренних дел Ланским. Крестьяне духовщинского помещика Энгельгардта явились толпою в Смоленск к губернатору для подачи жалобы на помещика. По приказанию начальника губернии, крестьян выпороли и отправили обратно в имение по этапу. В то же время был послан секретный запрос уездному предводителю о степени справедливости жалобы. Ланской остался недоволен такими распоряжениями губернатора и сделал замечание Ахвердову, что «по смыслу действующих узаконений крестьяне подвергаются взысканию только за несправедливые[1]) жалобы на владельцев» и «вообще, жалобы нельзя считать нарушением спокойствия и повиновения законным

[1]) Курсив И. Игнатовича.

властям». Ставя на вид «неосновательность» сделанных распоряжений, Ланской просил «на будущее время обращать более внимания на подобные жалобы и входить в беспристрастное и справедливое разбирательство оных». Как видим, точка зрения Ланского в 1858 году резко расходилась с фактическим содержанием закона. — Ахвердов обиделся, видимо, на полученное замечание и сопоставил эти указания Ланского с указаниями тоже министра внутренних дел, полученными смоленским губернатором в 1851 г., ядовито спрашивая, чьими же указаниями должен он руководствоваться, когда крестьяне являются к нему толпою жаловаться на помещика.

«Если, добавлял Ахвердов, в 1851 г. за подобные действия крестьян разрешалось принимать против них строгие меры», то теперь, в 1858 году, в виду «тревожного состояния умов» крестьян он «тем более считал необходимым поступить с ними согласно указаниям министерства в 1851 г.». Действительно, разница между точкою зрения министерства внутренних дел в 1851 и 1858 годах была велика и справедливо ставила губернатора в недоумение, как ему нужно было поступать и что считать законным и допустимым.

В 1851 г. министр внутренних дел ставил в вину губернатору мягкое отношение к жалующимся крестьянам и формальные расследования по жалобам без предварительных секретных разведок о степени их основательности. Министр внутренних дел требовал в 1851 г. «крайней осторожности» в приеме крестьянских жалоб, а особенно в распоряжениях по ним. «Преимущественно не следует принимать и давать формального хода жалобам, приносимым толпою крестьян, ибо, с одной стороны, закон воспрещает подачу жалобы скопом [1]), а, с другой, самовольная отлучка целой толпы крестьян для подачи просьбы на помещика составляет уже начало беспокойства и волнения; посему подобных крестьян необходимо тотчас возвращать на жительство, подвергая их за самовольную отлучку надлежащему взысканию». Министр указывал, что «в распоряжениях по жалобам крестьян» и при известиях о злоупотреблениях помещичьей властью следует поступать согласно с указаниями

---

[1]) Курсив И. Игнатовича.

рескрипта 6 сентября 1826 г., т. е. сначала «удостовериться без огласки» о степени достоверности жалобы или сведения, и если не обнаружится какого-либо уголовного преступления помещика, то на первый раз ограничиться секретным внушением ему через уездного предводителя дворянства и надзором за ним; только в том случае, если внушение не окажет воздействия, можно было принимать «формальные меры для ограждения крестьян от стеснения».

Из этого мы видим, что в 1851 г. в министерстве внутренних дел считали, что законом запрещены жалобы скопом, за что жалобщиков и следует наказывать, не разузнав даже, справедлива ли жалоба.

Министр же внутренних дел в 1858 году указывал, что закон разрешает наказывать крестьян только за несправедливые жалобы; точное выполнение губернатором предписаний министра, сделанных в 1851 г., вызвало замечания и недовольство в 1858 г. Это показывает, насколько изменилось отношение руководящих сфер к крестьянским жалобам на протяжении 8 лет, и насколько это отношение отклонилось от буквы закона.

Ланской в своем ответе на недоумевающий запрос Ахвердова попытался примирить указания 1851 и 1858 годов, предоставив руководствоваться при распоряжениях по крестьянским жалобам рескриптом 6 сентября и предписанием 1851 г., подчеркивая необходимость крайней осмотрительности, памятуя, что неоказание защиты крестьянам служит поводом к беспорядкам. Но в отношении к самим жалобщикам Ланской остался на прежней точке зрения. «Из всего этого, замечал Ланской, не следует, что первым распоряжением по жалобе крестьян, даже самовольно отлучившихся, должно быть распоряжение о наказании их розгами, как это было с крестьянами Энгельгардта, ибо, во-первых, для определения степени взыскания за самовольную отлучку необходимо иметь в виду обстоятельства, вынудившие к сему крестьян и могущие служить к облегчению в глазах правительства их проступка, а, во-вторых, и самое наказание если, по результатам расследования[1]) оно представится необходимым, гораздо сильнее подействует на крестьян, если оно

[1]) Курсив И. Игнатович.

будет произведено в имении». Из этого следует, что если в 1851 году требовали немедленного наказания крестьян за всякую жалобу скопом при самовольной отлучке, независимо от обстоятельств, при которых это происходило, то в 1858 г. за такие действия можно было наказывать только после удостоверения в степени справедливости жалобы и выяснения обстоятельств, вынудивших крестьян к самовольной отлучке толпою для подачи ее [1]).

Крестьянин не имел права собственности как на недвижимое, так и движимое имущество. Крестьяне могли приобретать недвижимую собственность лишь на имя помещика, что практиковалось до самой реформы. Но такие сделки неминуемо вели к злоупотреблениям, так как помещики могли безнаказанно присвоить себе имущество крепостного, а последний не имел никакого права оспаривать подобное присвоение чужой собственности. Закон 1848 г. дозволил крестьянам покупать недвижимое имущество на свое имя, но лишь с *согласия помещика.* Кроме того, самое право было не безусловное и вело к злоупотреблениям в силу существующих узаконений. Так, помещик имел право запретить крестьянину отчуждать его собственность; крепостной не был свободен в защите своего имущества, так как он мог начать иск лишь с дозволения помещика. Самое приобретение на имя крепостного не обеспечивало в целости его имущества от посягательства помещика, так как крепостной не имел права иска против своего господина [2]).

Вообще злоупотребления, касающиеся присвоения недвижимого имущества крестьянина его господином, были многочисленны в крепостное время. Несмотря на позволение крестьянам покупать на свое имя недвижимое имущество, крепостные до самого падения крепостного права обыкновенно приобретали его на имя господина, и, если помещик разорялся, имущество крестьян шло на уплату его долгов [3]). Здесь можно привести характерный случай с крестьянами графа Панина, которому пришлось играть важную роль при выработке Положения 19 февраля. В Риге жило несколько семейств его крестьян, занимавшихся огородничеством на местах, купленных ими на

[1]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп., 1858 г. № 1560.
[2]) Кроме иска о свободе из крепостного состояния.
[3]) Самарин, соч., т. II, стр. 40—41, примечание.

собственные деньги, но на имя Панина. Когда эти места понадобились казне при постройке железной дороги, правление обратилось к Панину с запросом о размере вознаграждения за эти земли. Панин, в порыве великодушия, отдал земли, приобретенные трудами других лиц, даром [1]). С. В. Шереметев поступил таким образом. Многими его крестьянами были куплены сотни десятин. «Все эти земли в 1850 г. он отобрал от крестьян вместе с документами и на одной части земель поселил дер. Антеневку, крестьянам же зачел за отобранную землю не более, как 0,01 ее стоимости в оброк» [2]). Впрочем, некоторые господа признавали имущественные сделки своих крестьян. Так, например, поступал гр. Шереметев, при чем в пользу графа поступал известный процент стоимости приобретенного или проданного крестьянами имущества.

Как мы видели уже, право крестьян на землю признавалось законом не прямо, а косвенно.

Крестьянин не мог уходить из имения без разрешения господина, переходить в другие сословия, поступать в военную службу, не был волен в выборе занятий; даже в брачной жизни он не был свободен, так как не мог вступать в брак без дозволения владельца, вследствие чего происходила масса злоупотреблений. Каждый шаг крепостного человека зависел от доброй воли господина: он мог дать относительную свободу крестьянину, мог регулировать и следить за каждым его шагом, распоряжаться его личностью, что особенно сильно проявлялось ввиду широкой вотчинно-судебной власти помещика. Общим судам крестьянин был подчинен лишь по уголовным делам и, отчасти, в делах гражданских, при спорах о неправильном присвоении имущества между ним и посторонними лицами, хотя самый иск со своей стороны крепостной мог начинать лишь с разрешения помещика. Помещики являлись по закону ходатаями по делам своих крепостных по гражданским и уголовным делам. В 1842 г. был издан закон в пользу крепостных относительно удовлетворения их за обиды, при чем они были сравнены в этом отношении с государственными крестьянами.

---

[1]) «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян», т. III, стр. 87.

[2]) Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. Сборник статей, описей и документов, т. III; ст. Снежневского: «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19-го февраля и первые годы после нее», стр. 69.

Крестьянин не имел права на образование и здесь опять-таки зависел от воли помещика. Мало того, рескриптом 1827 г. министру внутренних дел Ланскому запрещалось отдавать крепостных в гимназии и университеты, а разрешалось обучать их лишь в приходских и уездных училищах, также в частных заведениях хозяйству, садоводству, ремеслам, если программа этих заведений была не выше программы уездных училищ. При министре Уварове это соблюдалось с большою строгостью и последовательностью. В министерской записке 1843 года определенно говорилось, что люди крепостного состояния допускаются в средние и высшие учебные заведения не иначе, «как когда по воле помещика получат увольнение от сего состояния». На таких же условиях стали затем принимать крепостных и в Академию Художеств, хотя еще в начале 30-х годов медаль, получаемая от нее крепостным, давала ему право на свободу.

Бесправность, экономическая эксплоатация и притеснения крестьян помещиками не могли бы проявляться в той степени, в какой они существовали в действительности, если бы помещики не имели права вотчинного суда над крепостными. Эта вотчинно-судебная власть давала им возможность эксплоатировать рабочие силы крестьян под страхом суровых наказаний. Присматриваясь к отношению закона к помещичьей судебной и полицейской власти, можно заметить, что положение крестьян, в которое они были поставлены в судебном и полицейском отношении к помещику, было ужасно по своей бесправности. Но уже самый факт определения в Уложении 1845 г. наказаний, которые мог налагать помещик на крестьян, показывает, что правительство вступило на путь регламентации права наказания помещиками крепостных, а, идя по этому пути, оно должно было прийти к необходимости тщательнее регулировать вотчинно-судебную власть помещика. В Св. Зак. власти помещика положены хотя крайне широкие, но все же хоть какие-нибудь границы.

Право вотчинного суда над крепостными было неопределенно до составления Св. Законов. Единственный вид наказания, регламентацией которого занималось правительство еще в XVIII веке, было право ссылки в Сибирь. Такое внимание к этому роду наказаний нужно объяснить тем, что самая ссылка в Сибирь была разрешена в 1760 г. ввиду государ-

ственных интересов, «понеже», говорится в указе, «в Сибирской губернии и в Иркутской провинции Нерчинского уезда состоят к поселению и хлебопашеству удобные места, которые к заселению государственный интерес требует» [1]). Помещикам было дано право ссылать за различные проступки, лишь бы ссылаемые крестьяне были годны к работе и не старее 45-ти лет. Помещик получал за ссылаемого рекрутскую квитанцию. С ссылаемым отпускалась жена; малолетних же детей помещик мог оставить при себе. За жену и детей помещик получал определенное законом вознаграждение.

Не буду останавливаться на истории ограничений и расширений этого права помещиков. Подтвержденное Павлом I право ссылки было приостановлено при Александре I, но разрешено в 1822 г., а в 1824 г. было уничтожено даже ограничение этого права годностью к работе и 45-летним возрастом. Наконец, в 1827 г. был определен предельный возраст в 50 лет, если только ссылаемые не были дряхлы или увечны; разлучать супругов не разрешалось и повелевалось отпускать с родителями детей мужеского пола до пяти, а женского пола до десяти лет; помещик обязывался снабжать пересылаемых кормовыми деньгами и одеждой до Тобольска, платя за них подати до новой ревизии. Порядок же при переселении был следующий: помещик представлял пересылаемых в губернское правление при прошении, с приложением свидетельства уездного предводителя и земского суда в том, что пересылаемые действительно принадлежат ему, имеют известные лета и не состоят в торговых делах по дозволению помещика. Но и на этом не остановилось законодательство. В 1846 г. было разрешено ссылать крепостных старше 50-ти лет, лишь бы было доказано, что они были в смирительном или рабочем доме, в одной из арестантских рот гражданского ведомства, хотя помещик в таких случаях обязывался внести, сверх кормовых денег и одежды, сумму, равную положенной в той губернии за каждую для письма крепостей ревизскую душу. Из ссылаемых же в Сибирь губернское правление годных к военной службе определяло на военную службу, а негодных отправляло в Сибирь. Крепостные ссылались в большом количестве. Перед реформою 19 февраля 1861 г. помещики местами стали так часто и в таком количестве представлять

---

[1]) Романович-Славатинский, гл. IV, стр. 286.

людей для ссылки в Сибирь, что правительство циркулярами министра внутренних дел от 26 августа и 6 декабря 1858 г. поспешило затруднить ссылку в Сибирь.

Несмотря на освобождение из крепостного состояния, как следствие этого наказания, оно было очень тяжело для крестьян. Так как дети выше указанного возраста должны были оставаться у помещика, то семья, ссылаемая в Сибирь, нередко раздроблялась. Переселенцы отправлялись по большей части в оковах. Условия их пересылки были так ужасны, что масса умирала по дороге, не доехав до места назначения. Право ссылки было еще тем жестоко, что в законе не было определено, за какие провинности помещик имел право сослать своего крепостного в Сибирь, а губернское правление не должно было входить в выяснение причин ссылки человека при представлении такового помещиком. Таким образом, единственным ограничением произвола помещика в этом отношении было соображение о невыгодности лишиться рабочей силы.

Хотя право ссылки в Сибирь принадлежало исключительно самому помещику, но применяли это наказание и управляющие, и приказчики, даже сами крестьяне, если вотчинный суд был предоставлен им самим. Так, в памятной книге А. Ф. Полушина, крестьянина с. Иванова Шуйского уезда, гр. Шереметева, записано под 1827 г.: «сего года в марте и июне месяцах с дозволения его сиятельства графа отданы на поселение 12 человек плутов и распутных людей» [1]).

В числе малочисленных ограничений вотчинной власти нужно отметить изданное в 1854 г. запрещение помещикам предоставлять в общих доверенностях управителям право навсегда удалять крестьян из имения и отдавать их в рекруты, но дозволено уполномочивать на это управителя или кого-либо другого в каждом отдельном случае с упоминанием лица, подвергаемого наказанию. Но зато, с другой стороны, еще в 1847 г. было дозволено помещикам удалять из своих имений несовершеннолетних крепостных людей «порочного поведения» 8—17-летнего возраста, отдавая их на общем основании в распоряжение губернского правления; мальчики распределялись обыкновенно по батальонам военных кантонистов,

---

[1]) «К истории русской промышленности «Памятная книга крестьянина села Иванова А. Ф. Полушина с дополнительными примечаниями сына его и внука 1751—1850 г.» «Р. Архив», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

а девочек отдавали в палату государственных имуществ для распределения по казенным селением в отдаленных от места жительства уездах.

Право вотчинного суда признавалось правительством еще в начале XVIII века, как существующий факт. В Св. Зак., изд. 1833 г. вотчинная судебная власть уже определялась. Помещику предоставлялось право для поддержания порядка и повиновения среди крестьян употреблять домашние средства исправления и наказания *по его усмотрению*, лишь бы только не было увечья и опасности для жизни. В случае нежелания владельца употреблять свою власть или при безуспешности налагаемых наказаний, помещик имел право просить законного содействия администрации. За полицейские проступки против помещика крепостные могли подвергаться или полицейскому наказанию с возвращением обратно к владельцу, или заключению в смирительных или рабочих домах *на срок, самим владельцем определенный* [1]). Как видно из этого определения, законом открывался путь к полному произволу помещика над личностью крепостного. Наказания определялись по личному вкусу и воззрению помещика.

Правительство не считало возможным вмешиваться в это. В 1844 году псковский губернатор, считая, что бритье полголовы крепостным, что практиковали некоторые псковские помещики для удержания крестьян от побегов, «никак не может подойти под разряд домашних исправительных средств», указанных в законе и предоставленных помещику, обязал негласно помещиков подпискою применять эту меру лишь в виде наказания в связи с домашним арестом. Министр внутренних дел Перовский, которому губернатор сообщил об этом, пошел дальше и полагал, «что хотя, с одной стороны, и желательно бы не видеть употребления этой меры в помещичьих имениях, но с другой и возбранять помещикам прибегать к оной для удержания от бродяжничества крестьян дурного поведения он не предвидит необходимости, ибо эта полицейская мера, не заключая в себе никакого истязания, может быть действительною для удержания помещичьих людей от бродяжничества». Таким образом, гр. Перовский считал в 40-х годах бритье полголовы помещиками только полицей-

---

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 561.

скою мерою, не только не превышающей власти помещика, но и достигающей цели [1]).

Законодательство в своих дальнейших постановлениях, регламентируя роды и виды наказаний крепостных, в некоторых отношениях ухудшило положение крестьян, так как закрепило буквою закона некоторые из крайностей проявления вотчинной судебной власти, которые существовали в жизни. Ко времени же второго издания Свода Законов и составления Уложения 1845 г. роды и меры наказаний приводятся в систему и определяются точнее, что осталось без изменения в третьем издании Св. Зак. в 1857 г. Те из проступков и преступлений крепостных, говорится там, которые не подвергают их лишению всех прав состояния и совершаются против помещика, семьи его или против его крепостных, подлежат расправе самого помещика; в случае нежелания последнего употребить предоставленное ему законом право суда или же признания с его стороны, что виновный заслуживает наказания более строгого, виновный отсылается «в полицию или суд для рассмотрения дела и поступления с ним по правилам уложения о наказаниях». Если проступок или преступление совершено против постороннего лица, то обидевший подвергается суду помещика лишь по просьбе самого обиженного; в противном случае, т. е. если жалоба обиженного поступит прямо к местному начальству, дела этого рода рассматриваются в полицейских и судебных местах на общем основании. Законом был определен размер и род наказаний, а именно: «наказанию *розгами* можно было подвергать до 40, а *палками* до 15-ти ударов; затем аресту в *сельской тюрьме* от 1—7 дней, а в случаях особой важности до двух месяцев, «сообразно с правилами, вообще для тюремного заключения установленными» [2]). За преступления более важные, или когда меры домашнего исправления оказывались тщетными, помещик имел право отсылать крепостных в рабочие или смирительные дома на время от двух недель до трех месяцев или в исправительные арестант-

---

[1]) «Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек» — сообщ. А. Б. «Архив истории труда» 1921 г. № 2.

[2]) Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 562. Однако еще в том же 1845 г. в одном из циркуляров министра вн. дел предписывалось властям следить за тем, чтобы помещики, «пользуясь правом употреблять домашние средства для исправления крепостных своих людей, отнюдь не дозволяли себе наказывать их до увечья». Мордовцев. «Накануне воли», стр. 362.

ские роты гражданского ведомства на срок от одного до четырех месяцев. Помещик имел право отдавать своих крепостных в рекруты или удалять из имений с предоставлением в распоряжение гражданского ведомства. Хотя эти постановления жестоки, но они в известной мере кладут уже предел помещичьему произволу. Ухудшение было в официальном признании сельской тюрьмы с правом, для предупреждения побега, заковывать в кандалы, так как это значилось в 87-й ст. устава о содержащихся под стражею, что по закону распространялось и на сельские тюрьмы. Такое признание законом возмутительных фактов практики помещичьей судебной расправы могло справедливо возмущать передовых людей. Но напрасно говорит Самарин, что практика отстала от закона, и помещики не смеют заводить у себя тюрьмы, забивать людей в кандалы и т. д.[1]). Ниже мы встретимся с фактами именно этого рода.

По этим очень кратким и неполным определениям права помещиков над личностью их крепостных можно видеть, что самый закон предоставлял широкий простор произволу господ над их крепостными. При подкупности и продажности чиновников и солидарности дворян, даже и те ничтожные и малочисленные гарантии личности крепостных, какие существовали в нашем законодательстве, обыкновенно игнорировались на практике.

Этому способствовало и то обстоятельство, что в законе очень слабо указана ответственность помещиков за неисполнение постановлений, регулирующих взаимные отношения помещика и крепостных. Прежде всего нужно отметить, что в законе не было определенной меры наказания за смертоубийство истязаниями при наказании, как это и было признано самим Сенатом еще в 1762 г. Поэтому «наказания помещиков» за подобные преступления были крайне разнообразны, начиная от «предания дела воле божией» и церковного покаяния до заключения в монастырь, в тюрьму, лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение или в каторжную работу. Впрочем, в Уложении о наказаниях 1845 г. говорится: «Если от нанесенных не по неосторожности, а с намерением, хотя и без умысла на убийство,

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 72.

побоев или иных насильственных действий причинится кому-либо смерть, то виновный в том приговаривается к заключению в смирительном доме от одного до трех лет с потерею некоторых особенных прав и преимуществ или к заключению в тюрьме от шести месяцев до одного года и предается церковному покаянию». — За разорение крепостных помещиками на имение налагалась опека. По Уложению о наказаниях 1845 г., если виною помещика, через обременение населения безмерными сборами или иными также непомерными тягостями, имение будет доведено до разорения, то как это, так и другие имения того же помещика брались в опеку, и помещику воспрещалось как личное управление, так и отдача кому-либо в управление или владение, «разве чрез продажу, законно совершенную». Сверх того, помещик навсегда лишался права участвовать в дворянских выборах. При изобличении помещика в жестокости налагалась опека над всеми его имениями; помещик лишался права иметь в услужении своих крепостных и подвергался заключению в смирительном доме от года до трех лет с потерею некоторых особенных прав и преимуществ (права поступать на государственную и общественную службу, участвовать в выборах и пр.), или же, без лишения этих прав, к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года. Как видно уже из этих отрывочных указаний, наказания не могли быть особенно страшными для помещиков и останавливать их эксплоатацию крепостных.

Еще яснее обнаруживается возможность злоупотреблений при ближайшем знакомстве с тем, как могли они выплывать наружу и доходить до сведения начальства. Еще Петр I поручал земским комиссарам наблюдать за помещиками и доносить об этом воеводам, которые производили следствие и, в случае разорения помещиком имения, брали его под начал. При Екатерине II злоупотребления должны были раскрываться земскою полициею. Как в первом, так и во втором случае раскрытие преступлений могло происходить очень редко, так как земские комиссары и земская полиция сами зависели от помещиков. Не лучше обстояло дело и в XIX веке. По закону 1817 г. назначение опеки над помещиками зависело от генерал-губернаторов и военных губернаторов, а где их нет, — от дворянских собраний. В 1829 г. правила были изложены точнее: начальники губернии после формального

исследования постановляли наложить опеку над тем или другим имением, но свое постановление предлагали для обсуждения дворянскому сословию. Постановление дворянского депутатского собрания подлежало утверждению Сената. Если дворянское собрание было несогласно с начальником губернии, тогда оба мнения вносились для окончательного решении в сенат. Рескриптом 19 июня 1826 г. Николая I министру внутренних дел Ланскому поставлялось дворянству в непременную обязанность кроткое и законное обращение с крестьянами. Рескриптом 6 сентября 1826 г. на предводителей дворянства возлагалась обязанность наблюдать за отношениями помещиков к крестьянам под угрозою взыскания за неисполнение этой обязанности. Уездные предводители, говорилось в рескриптах, должны тайно без всякого письменного делопроизводства, следить за обращением помещиков с крепостными; земские исправники обязаны были сообщать им о всех случаях нарушения помещичьей власти. Предводитель, удостоверившись в правильности донесения исправника, сначала внушал помещику необходимость перемены в обращении с крепостными; если это внушение не достигало цели, уездный предводитель представлял дело на рассмотрение губернского предводителя, а этот последний сообщал о том начальнику губернии и совместно с ним принимал меры пресечения, т.-е. производилось формальное расследование, и результаты его с заключением губернского правления передавались на обсуждение дворянского собрания для решения вопроса о наложении опеки на имение. Предводителям пересылались для расследования жалобы крестьян на помещиков.

При рассмотрении самой организации раскрытия злоупотреблений бросается в глаза ее главнейший недостаток, а именно: следить за злоупотреблениями помещичьей властью было предоставлено самим дворянам. Иначе нельзя охарактеризовать систему, которою обнаруживать злоупотребления и производить расследования их по донесениям исправников и жалобам крестьян поручалось выборному лицу от того же самого дворянства, следить за поведением которого оно было обязано перед законом. Связанные сословными и экономическими интересами, а зачастую и родственными связями с окружающим дворянством, предводители, «по обязанности своей выборных от сословия, поддерживали помещичью власть.

и притом настолько, что, руководствуясь взглядом обелять всякого, кто носил звание дворянина, — взглядом чисто-дворянским, — очень часто грешили против истины в расследовании дела, придавая ему односторонний характер» [1]). Иногда предводители умышленно не видели злоупотреблений, считая обнаружение злоупотреблений и наказание за них подрывом авторитета помещиков пред крестьянами. Иногда, впрочем, предводители не обнаруживали злоупотреблений неумышленно, в силу привычки к злоупотреблениям, взгляда на них, как на обычное явление в крепостном хозяйстве. Но каковы бы ни были причины, по которым предводители оказывались не на высоте положения, в которое были поставлены законом, — факт был тот, что в большинстве случаев предводители дворянства давали отзывы в пользу помещиков.

Дворянские депутатские собрания, от которых зависело наложение опек за злоупотребления властью, не могли, как коллегия, стоять выше тех лиц, из которых состояли. Предводители и депутаты от дворянства, связанные общими интересами со всем дворянством губернии, заинтересованные в сохранении престижа помещичьей власти, склонны были всячески затушевывать и оправдывать проступки провинившихся собратьев. Лишь вопиющие злоупотребления или исключительное внимание высшего правительства к тому или другому делу заставляло дворянство налагать опеку на имение помещика. Впрочем, нередко имели значение связи помещика и величина его имения [2]).

Другие лица, обязанные по закону доносить и расследовать дела о злоупотреблениях помещичьей властью, также находились в зависимости от дворянства. Исправники, судьи и заседатели земского суда избирались самими помещиками. Сафонович, бывший орловский губернатор, замечает, что в его губернии исправники были выбраны «по интригам влиятельных дворян в уезде с целью обеспечить их существование» и «в предводителях и других важных личностях

---

[1]) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. 1896 г., т. XI, вып. 2. См. ст. Повалишина: «Жестокое обращение помещиков со своими крепостными», стр. 113.

[2]) Следует заметить, что вообще чем крупнее, богаче и знатнее был помещик, тем безнаказаннее мог он свирепствовать в имении, нарушая даже те ничтожные границы, которые указывались законом помещичьей власти.

в уезде» находили «усердных защитников» при малейшем замечании о допущенных ими беспорядках [1]). Боязнь лишиться покровителей и средств к существованию лишала, конечно, всякой самостоятельности подобных исправников. Аткарский исправник Миронов, осмелившийся разоблачить жестокое обращение помещика Карпова со своими крестьянами, не был выбран в следующее 3-летие и умер почти нищим [2]). Кроме того, эти лица выбирались из среды дворян же, следовательно, по своим взглядам, интересам были плоть от плоти и кость от кости тех, злоупотребления которых они должны были пресекать.

Помимо того, вышеуказанные лица состояли большею частью у помещиков на тайном жалованье. Так, «скопинский предводитель дворянства (Рязанской губ.) Лихарев сделал в пользу судьи Бегичева подписку от дворян на его содержание, что и обратилось в обязательство подписавшихся уплачивать подписные деньги ежегодно на все время службы; подписные суммы были от 3 до 50 руб., общее количество — 523 руб.» Приношения были уничтожены по разъяснении дела министром внутренних дел в 1858 г. [3]). Подкупы распространялись на всех лиц, ведших следствие. На это указывают многие факты. Помещик Смоленской губ. Каленов, несколько раз привлекавшийся к суду по поводу жестокого обращения с крепостными, сам рассказывал, что при ведении следствия он, «как обыкновенно в этих случаях, встречал жандармского полковника у заставы, пересаживал его в свою коляску, запряженную шестериком, отвозил в Александрино (свое имение), и после нескольких приятно проведенных дней полковник уезжал, не собрав никаких неблагоприятных для Каленова фактов» [4]). Так, ревизия, назначенная по делу о злоупотреблении властью помещика Рязанской губ. Горяинова ввиду открытия злоупотреблений земским судом и обеления его уездным обнаружила следующее: помещик Горяинов продал более 20 человек своих крестьян из тех, которые показали против него в земском суде, тем лицам, которые имели

[1]) Воспоминания В. И. Сафоновича. «Р. Архив», 1903 г., кн. V, стр. 108.

[2]) Мордовцев, «Накан. воли», стр. 254.

[3]) Повалишин. «Ряз. пом. и их креп.», стр. 116—117.

[4]) «Воспоминания, мысли и признания доживающего свой век смоленского дворянина». «Русская Старина», 1895 г., Май, стр. 76.

влияние на постановление приговора, или родственникам их и выдал также закладные на 50 тысяч [1]). В другом деле—о смерти от истязаний крепостного мальчика помещика Рязанской губ.—«врач и заседатель приехали по обыкновению через неделю, когда тело, будучи в теплой избе, достаточно разложилось, признаков побоев не открыли, хотя бывшие при осмотре понятые и указывали «на животе, ниже пупа, над тайным местом синие пятна». На эти замечания стряпчий «с криком и бранью отвечал им: «Разве не видите, что болезнь его испортила?» А когда крестьянин Петров тоже указывал на это место, то заседатель закричал на него: «Ты здесь доказываешь, а недоимки не платишь!» ударил его по щеке, а по окончании осмотра отправил в сарай и велел выпороть» [2]). Не только в этом деле, но и зачастую при расследовании дел о смерти крепостных от истязаний врачи приезжали на вскрытие тогда, когда тело, помещаемое обыкновенно в теплой избе, настолько разлагалось, что открытие причины смерти посредством вскрытия являлось невозможным. Если же вскрытие и производилось немедленно, то обыкновенно находили какую-либо болезнь, вызвавшую смерть, хотя иногда при вторичном расследовании, даже при беглом осмотре, обнаруживалось противное.

В деле саратовского помещика Лачинова в конце 20-х гг., по поводу смерти его дворовой девушки, от побоев преждевременно разрешившейся от бремени, «полицейские власти действовали положительно преступно, всеми силами стараясь так направить и расположить имевшиеся в их распоряжении факты, чтобы вся гнусность этого дела была закрыта, запутана, до невозможности распутания, чтобы, одним словом, преступник был выгорожен окончательно». Врачи, например, настаивали каждый день на доставлении им сведений для определения причины смерти девушки, но полицейские власти ни слова не отвечали. Доктора жаловались на это губернатору, князю Голицыну, «князь Голицын настаивал на быстроте исполнения дела, и эти настояния не были особенно страшны для полиции, которая считала своим жизненным вопросом угождать дворянам, ибо все высшие полицейские власти — исправники, заседатели и пр. — избирались дворянами и от них большею частью

[1]) Повалишин. «Ряз. помещики», стр. 115.
[2]) Повалишин, стр. 122.

получали свое кормление, а затем каменные дома, усадьбы, сады, земли и пр.» [1]).

Помимо подкупа лиц, ведших расследование по делам о злоупотреблениях помещичьей властью, раскрытие злоупотреблений тормозилось малым количеством свидетелей. Крепостные помещика, находившегося под следствием, боялись показывать против господина, так как, зная, как легко барину оправдаться, боялись мести с его стороны. Их опасения были не безосновательны. Например, помещик Суханов заранее приказал крестьянам, видевшим и знавшим об истязании мальчика, молчать, под опасением «содрать шкуру» за обнаружение истины [2]). Помещики, Рязанской же губ., Польские посадили одну девушку на цепь, а другую содержали с рогаткою на шее за то, что они пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращение с ними [3]). Впрочем, если крепостные и свидетельствовали против помещика, их показаниям не давали безусловной веры, так как они могли умышленно усугубить проступок помещика. Посторонние крестьяне или ограничивались ссылками на слухи, или отговаривались незнанием, не желая впутываться в судебную волокиту. Соседи-помещики также отзывались по большей части незнанием, не желая своими показаниями увеличивать ответственность соседа, в положении которого они могли очутиться не сегодня, так завтра, а также не желая и подрывать авторитет помещика в глазах крепостных.

Таким образом в низших инстанциях дело обнаружения злоупотреблений помещиков сопровождалось такими обстоятельствами, что все стремления и попытки правительства ограничить помещичью власть, предупредить возможные злоупотребления, не могли ни к чему повести. Правительство могло издавать благоприятные для крестьян указы и т. п., но при существовавшей организации местного правительственного механизма, при взяточничестве чиновников, эти благие намерения должны были оставаться мертвою буквою.

Этому благоприятствовало то обстоятельство, что даже чиновники, занимавшие высшие посты, как, например, губернаторы, покровительствовали помещикам, защищали неограни-

---

[1]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 114—115.
[2]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. IX, вып. II.
[3]) Ibid., стр. 114.

ченность их власти, считая крепостное право основою государственного порядка. В этом отношении интересен эпизод с вышеупомянутым Каленовым. Приговоренный к тюремному заключению по делу о засечении им своего крепостного, Каленов хлопотал в сенате о смягчении наказания. Между прочим, он отправился к одному сенатору, прося его похлопотать об его деле. Каленов откровенно изложил ему свое дело. «Господи боже мой! — удивился старичок, — и из-за этого нынче беспокоят дворянина! Я вам скажу по секрету, что я сам в молодости сделал то же самое» [1]).

При таких условиях немудрено, что борьба с злоупотреблениями крепостным правом приводила к ничтожным результатам. Находились, например, такие губернаторы, которые или по долгу службы, или по искреннему желанию старались ограничивать помещичью власть законными рамками. Но они были бессильны бороться с дворянством, сплоченным кровными крепостными интересами. «Если в пылу своего усердия, — рассказывает Сафонович, — он (губернатор) слишком уже задевал интересы дворянства, тогда воздымалась на него буря, которая могла затихать только при уступке, а в противном случае разрасталась до урагана, и в Петербург летели со всех сторон заявления о неблагонадежности губернатора. Они не прекращались до того времени, пока его не сменяли или не переводили в другую губернию [2]). Сам Сафонович должен был выйти в отставку вследствие неудовольствия дворян. Не удивительно, что некоторые губернаторы, по указанию Н. А. Крылова, «по жалобам крестьян на злоупотребления крепостным правом и по другим делам помещиков обыкновенно наводили справки, на ком он женат, кто у него бабушки и тетушки, вообще какие связи в Петербурге» [3]).

Характерно в этом отношении следующее дело. В конце 20-х годов были довольно крупные волнения в имении министра двора князя П. М. Волконского в селе Скачихе Балашовского уезда Саратовской губ. Саратовский губернатор князь Голицын не раз обращался к князю Волконскому с указанием на

---

[1]) «Воспоминания... смоленского дворянина». «Русская Старина» 1895 г., май, стр. 81.

[2]) «Воспоминания В. П. Сафоновича». «Р. Архив», 1903 г., кн. V, стр. 114.

[3]) Н. А. Крылов. «Накан. вел. реф.» «Историч. Вестн.», 1903 г., кн. IX, стр. 800.

стесненное экономическое положение крестьян, как главную причину волнения, но всякий раз безуспешно. Дознания уездного предводителя дворянства Струкова, известного, по указанию Мордовцева, защитою интересов дворян, выяснили экономические притеснения крестьян, но и это не помогло делу. Вся причина бессилия местных властей устранить главную причину волнения состояла в официальном положении князя Волконского, как министра двора. Письма и указания князя Голицына, присылка им жалобы крестьян, где подробно излагались причины их недовольства своим положением, не помогали. Лишь после извещения князя Волконского об истинных причинах волнений крестьян генерал-губернатором помещик переменил только управляющего. Местное начальство всячески усмиряло крестьян, ставило воинские команды, арестовывало, ссылало «зачинщиков» в Сибирь, в другие вотчины князя, сажало в тюрьмы и рабочие дома, но ничего не могли поделать с сановником князем Волконским, чтобы заставить его устранить главную причину волнения — экономические притеснения крестьян [1]).

Князь М. Воронцов, новороссийский генерал-губернатор, в своем письме к шефу жандармов графу Бенкендорфу в 1831 г. по «поводу дела о сечении беременных женщин» управляющим в имении херсонской помещицы Акатцековой, в сильных выражениях рисовал это бессилие правительства в борьбе с злоупотреблениями помещичьей властью. «Всякий раз, как я узнаю о подобных происшествиях, — писал он, — я делаю все, что в моей власти, чтобы начать дело и наказать; я не останавливаюсь ни перед какими сопротивлениями, с которыми, я хорошо знаю, в подобных случаях приходится встречаться. Но что значит 10, или 12, или 15 негодников, которых я подвергаю суду и большая часть которых еще не расплатилась за 100 или 200 проступков, совершаемых ежедневно в стране; тем более, что, если даже кто и строго наказан за подобные дела, никто про это не знает верст за 50, ибо наши суды не гласны, и даже напечатать в газетах, что такой-то помещик или управляющий был наказан за угнетение или зверство, мы не имеем права. Существует какая-то всеобщая уверенность, что правительство не желает вмешиваться

---

[1]) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 31—58.

в подобные дела и что власть над крестьянами и слугами должна оставаться неограниченною. Отсюда сами судьи, которые охотно ссылают в Сибирь и присуждают наказание кнутом за кражу 120 рублей, ссылку на поселение за бродяжничество, стараются не наказывать владельцев за доказанные и повторенные убийства и даже не желают держать в тюрьмах во время ведения дела. Верите ли, — продолжает он, — упомянув о нескольких крайне жестоких помещиках, стоит мне дней 15 не справляться о ходе такого дела, и я наверное узнаю, что все эти чудовища пребывают спокойно в своих домах и поместьях, бичуя и свирепствуя над своими людьми, как будто бы ничего не произошло, в это же время в тюрьмах будут держать множество людей, которые по закону должны быть на поручительстве».

«Такое искажение понятий, — замечает князь Воронцов, — происходит всецело от состояния законодательства или скорее от безразличного отношения правительства к подобным злоупотреблениям». «Я хорошо знаю, — спешит оговориться князь Воронцов, — что всякий раз, как что-либо в этом роде дойдет до сведения государя, он громит преступников... Но что значит 4, 5, 6 случаев в год, которые доходят до его сведения, когда тысячи остаются неизвестными, и особенно, — повторяет князь Воронцов, — в стране, где никто не знает через обнародование отчета о преступлениях и наказаниях, что может ожидать его самого, если он совершит то же» [1]). Эта характеристика, сделанная князем Воронцовым в начале 30-х годов, осталась справедливою и для последующего времени.

Описанное отношение к злоупотреблениям помещичьей властью со стороны лиц, обязанных по закону следить за отношениями помещиков к крестьянам, не ускользало от внимания правительства. Министерство внутренних дел неоднократно предписывало губернаторам ставить на вид предводителям дворянства необходимость раскрывать злоупотребления помещичьей властью. В 1840 г., по поводу открытия через следствие жестокого обращения с крестьянами помещика Сводковского в продолжение почти 25 лет, был сделан строгий выговор могилевскому гражданскому губернатору, губернскому и уездному предводителю дворянства; военно-уездный начальник,

---

[1]) «2 письма кн. Воронцова к графу Бенкендорфу», «Р. Архив», 1890 г. кн. VII, стр. 305—316.

земский исправник и становой пристав преданы уголовному суду. «О таковом взыскании дано знать всем губернаторам, а через них губернским и уездным предводителям дворянства с подтверждением иметь более бдительное наблюдение за образом управления помещиками их крестьян». Однако, в 1842 г. пришлось опять подтверждать предводителям дворянства их обязанность наблюдать за обращением помещиков с крестьянами и раскрывать злоупотребления помещичьей властью. В 1846 г. был предан суду уездный предводитель дворянства Калужской губ. за несвоевременное донесение о жестоком обращении с крестьянами помещика Хитрово. В том же году были преданы суду по тем же причинам три уездных предводителя дворянства Тульской и Орловской губ., и объявлен строгий выговор губернскому предводителю дворянства с внесением в формулярный список; об этих мерах было сообщено всем губернским и уездным предводителям дворянства [1]).

Все эти принимаемые правительством меры оставались без результата. При указанной выше организации раскрытия злоупотреблений помещичьей властью, при очерченном отношении к помещикам как низшей, так и высшей администрации, крепостное право могло принимать на практике те формы, которые требовались жизнью, независимо от закона. Этому благоприятствовала неопределенность тех постановлений, которыми законодательство имело в виду ограничить помещичью власть. Крепостной крестьянин, до самого освобождения, был по закону бесправною личностью, за исключением ограничения права вотчинного суда по уголовным преступлениям, весьма слабого ограничения повинностей теми рамками, за которыми лежало полное разорение крепостных, что было невыгодно самому правительству, и некоторыми другими ничтожными ограничениями, которые, конечно, не принимались во внимание в жизни. При бесправности помещичьих крестьян, при недостаточности мер, которыми правительство стремилось урегулировать власть помещиков над крепостными, можно смело сказать, что положение помещичьих крестьян de jure не есть еще положение их de facto. Для того, чтобы понять сущность

[1]) «Материалы для истории креп. права», стр. 49, 153—154. В 1854 г. комитет министров постановил сделать выговор псковскому предводителю дворянства за благоприятный отзыв о помещике Н. и его жене, изобличенных в крайне жестоком обращении с крестьянами. Середонин, т. II, ч. 1, стр. 336.

крепостных отношений, то положение, в котором находились крестьяне ко времени 1861 г., чтобы выяснить тенденции, которые носило в своем развитии крепостное право, — нужно разъяснить фактическое положение крепостных, к выяснению которого я и перейду в дальнейшем изложении.

ГЛАВА III.

Численность крепостных перед освобождением. — Процентное распределение их по губерниям. — Процентное отношение оброчных и барщинных крестьян в XVIII и XIX веках. — Распределение земли между помещиками и крестьянами. — Земельные наделы крестьян.

Обращаясь к выяснению фактического положения помещичьих крестьян, напомним их численность по десятой ревизии. Из 21.625.609 душ обоего пола (не считая крепостных в Закавказском крае) собственно крестьян было 20.158.231 душ обоего пола, а дворовых 1.467.378 душ обоего пола. Отношение численности помещичьих крестьян ко всей массе населения уменьшилось с XVIII века, а именно: в период времени с 1747 по 1837 гг. отношение это составляло 45%, к десятой ревизии эта цифра упала до $37^1/_2$%. Уменьшение крепостных объясняется прекращением пожалований и иных искусственных мер, увеличивающих число крепостных, постепенным освобождением некоторой части крестьян, переходом крепостных в другие сословия (при отбывании рекрутской повинности, ссылке в Сибирь и т. п.) а также, повидимому, слабым естественным приростом крепостного населения [1]).

---

[1]) На это указывает П. Н. Милюков в своей статье «Крестьяне» в словаре Брокгауза и Ефрона (т. XVI А, стр. 685), при чем объясняет слабость прироста неблагоприятными условиями жизни крепостных. На слабый естественный прирост, как причину убыли крепостного населения со времени 8-й ревизии, указывает и Н. П. Огановский, причем объясняет это усилением эксплоатации труда крепостных помещиками («Закономерность аграрной эволюции», т. I, стр. 239—242). П. Б. Струве более осторожен в этом вопросе и полагает, что «если даже будет доказано, что убыль крепостного населения объясняется не только перечислениями из его состава в другие состояния, но и более слабым естественным приростом населения, то связь этого слабого прироста именно с крепостным правом и крепостным хозяйством для сколько-нибудь обширной территории остается не только не доказанной, но и по существу весьма проблематичной» («Крепостное хозяйство», стр. 145). На слабость естественного прироста крепостных сравни-

С 1812 года абсолютное количество крепостных или стояло на одной высоте, или падало.

Распределение крепостной массы было крайне неравномерно и сложилось, как указывает П. Н. Милюков, «под прямым влиянием исторических причин, среди которых главными можно считать: степень близости к московскому центру и степень давности заселения» [1]. Отсюда и произошло, например, скопление массы крепостного люда в нечерноземных губерниях на ряду с редким населением вообще и малым количеством крепостных в плодородных, но окраинных губерниях. «В помещичьем крепостном праве,—говорит Кавелин,—заключается, если не единственная, то, бесспорно, одна из главнейших причин неправильного распределения сельского народонаселения и искусственного направления его промышленной деятельности» [2]. Это неправильное распределение крепостного населения можно видеть из таблицы Тройницкого [3]) который разделил все губернии на четыре группы по процентному количеству в них крепостных. Из этой таблицы, видно, что в одну группу входят 16 губерний, из которых большинство находится в нечерноземной полосе. (В их число не попала Московская губерния в силу того, что в ней по-

---

тельно с другими сословиями указывали еще в крепостную эпоху некоторые исследователи. Так, В. В. Трубников, рассмотрев влияние разных факторов на прирост или уменьшение различных групп населения Ардатовского уезда, Симбирской губ. между VIII и IX ревизиями, пришел, между прочим, к выводу, что «причина меньшего коэффициента приращения между помещичьими крестьянами в сравнении с удельными заключается в большей смертности первых, а именно на 0,2%, так и в меньшей нарождаемости на 0,4%». В. В. Трубников. «Результаты народных переписей в Ардатовск. у. Симбирской губ.» Сборник статистич. сведений о России, издаваемый Статистическим Отдел. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. III, стр. 366. Изд. 1858 г.

[1]) Милюков. Там же, стр. 685.

[2]) Кавелин, сочинения, т. II, стр. 26.

[3]) Тройницкий. «Крепостное население в России по 10-й народной переписи». Спб. 1861 г., стр. 85. Закавказские губернии исключены из приводимой ниже таблицы, так как положение крепостных этих губерний вообще не затрогивается в наших статьях.

I. *Губернии с крепостным населением выше 50%.*

1. Смоленская	69,07%	8. Владимирская	57,91
2. Тульская	68,94	9. Киевская	57,66
3. Могилевская	64,69	10. Костромская	57,41
4. Калужская	61,80	11. Витебская	57,08
5. Минская	60,74	12. Ярославская	57,07
6. Подольская	59,54	13. Волынская	56,54
7. Нижегородская	58,97	14. Рязанская	56,50
		15. Псковская	53,81
		16. Тверская	50,63

нижающим крепостной процент элементом оказывается столичное население; иначе ее нужно было бы отнести к первой группе.)

Еще резче видно это из таблицы, показывающей процентное распределение крепостного населения Европейской России по районам [1]). Наибольшее количество крепостных (28,5 %) находилось в 12 великороссийских нечерноземных губерниях; 22,5%—в 7 центральных великороссийских черноземных губерниях; 3-е место занимает Малороссия (17,8%) [2]), причем только в двух губерниях правобережной Малороссии было 10% крепостных, и в трех левобережной Малороссии—7,8%; 9,7 % приходилось на северо-западные губернии [3]); затем идут три поволжских губернии (6%), новороссийские степные (3,2 %), приуральские северные (1,9%), восточные степные (1,7 %), земля Войска Донского (1,3%), Астраханская губерния (0,1%), и, наконец, 7,3% приходится на губернии, не вошедшие в указанную таблицу, из которых 4% крепостных были в одной Волынской губернии и 2% в Витебской. Итак, почти 1/3 крепостных сосредоточивалась в нечерноземных губерниях. В поволжских черноземных губер-

---

II. *Губернии с крепостным населением от 50—25%.*

17. Орловская	47,26
18. Пензенская	46,25
19. Виленская	45,95
20. Новгородская	43,07
21. Гродненская	40,97
22. Саратовская	40,19
23. Курская	39,91
24. Тамбовская	39,87
25. Московская	38,84
26. Симбирская	38,83
27. Черниговская	37,61
28. Полтавская	37,47
29. Ковенская	36,90
30. Пермская	32,21
31. Донского войска земля	31,91
32. Екатеринославск.	31,51
33. Херсонская	31,27
34. Харьковская	29,77
35. Воронежская	26,94

III. *Губерн. с крепостным населением от 25—10%.*

36. С.-Петербургская	24,03
37. Вологодская	22,89
38. Самарская	15,32
39. Казанская	13,89
40. Оренбургская	11,81

IV. *Губерн. с крепостн. населением ниже 10%.*

41. Таврическая	5,97
42. Олонецкая	3,99
43. Вятская	2,64
44. Астраханская	2,60
45. Бессарабская	1,17

[1]) См. таблицу № 1.

[2]) С присоединением Волынской губернии % крепостных повысится до 21,8 по всей Малороссии и до 14% в одной правобережной.

[3]) С присоединением Витебской губернии % крепостных повысится до 11,7%.

ниях, в степных (восточных и новороссийских), где народонаселение вообще было редко, а почва плодородна, было лишь около 11% всех крепостных; в великороссийских же черноземных губерниях, сравнительно густо населенных, было 22,5% всего крепостного населения.

В то же время очевидно, что в нечерноземной полосе земледелие не может принести тех выгод, как в черноземных губерниях, и при густоте населения становятся более выгодными промышленные занятия. В силу этой-то причины, главным образом, и замечается уже в XVIII веке различие в системе помещичьих хозяйств на севере и на юге России. На севере преобладала оброчная система, на юге, в черноземных губерниях, напротив, преобладали издельные повинности крестьян.

При сосредоточении значительной доли крепостного населения в великороссийских нечерноземных губерниях и сравнительно ничтожном количестве его в наиболее удобных для земледелия местах, оброчные крестьяне должны были если не преобладать, то, по крайней мере, составлять очень крупную часть крепостного населения.

Ввиду громадной разницы в положении оброчных и издельных крестьян, при чем положение оброчных было несравненно лучше издельных, необходимо выяснить, как изменилась численность тех и других в XIX столетии сравнительно с XVIII веком. При суждении об улучшении или ухудшении положения крепостных по количеству барщинных и оброчных крестьян нельзя, однако, забывать, что в XIX веке развились в значительной степени смешанные повинности, т.-е. появилось много крестьян, плативших оброк и в то же время отбывавших барщину. В 13 нечерноземных губерниях на смешанных повинностях состояло 22,49%, или более 1/5 всех крестьян тех губерний; в 10 черноземных губерниях—10,25%, а по всем 23 губерниям Великороссии—16,54%, т.-е. более 1/6 [1]).

В XVIII веке оброчные крестьяне пользовались почти полным самоуправлением и почти всею землею господина. В XIX веке хотя количество оброчных, как мы увидим ниже, сильно возросло в нечерноземных губерниях, но благосостояние

[1]) См. таблицу № 3.

вряд ли сильно повысилось, так как в XIX веке помещики зачастую заводили в имении небольшую господскую запашку, а это уменьшало количество крестьянской земли, с одной стороны, а с другой, — понижало степень самоуправления оброчных крестьян, так как барщинная обработка земли требовала большего присмотра, а следовательно, и большего вмешательства в крестьянскую жизнь со стороны помещика. Тем не менее положение оброчных крестьян и в XIX веке было несравненно лучше, независимее, чем положение барщинных. Поэтому, для выясненія вопроса об улучшении или ухудшении положения крепостных в XIX веке сравнительно с XVIII, здесь приводится таблица, показывающая распределение барщинных и оброчных крестьян в двадцати великороссийских губерниях в XVIII и XIX веках [1]).

[1]) Относительно XVIII века приведены данные по 20 губерниям, вычисленные В. И. Семевским. Приводимые в первой графе данные о количестве оброчных и барщинных крестьян в XIX веке вычислены на основании приложений к Трудам Редакционных Комиссий («Извлечение из описаний имений по великороссийским губерниям» о помещичьих имениях имеющих более 100 душ», т. I—IV), по образцу работы кн. Волконского «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве» (Рязань, 1898 г., гл. III). Цифры по Рязанской губернии взяты из работы кн. Волконского (см. таблицу № 3). При суждении о величине процента оброчных нельзя забывать, что процент выводился на основании подсчета тягол издельных, оброчных и состоящих на смешанных повинностях, но не душ; поэтому выпускались такие имения, где не показано количество тягол, или же где распределение их на указанные группы не ясно. Так как имения без разделения на тягла были преимущественно оброчные, то из-за исключения их должен был понизиться процент оброчных. Тягла, состоящие на смешанных повинностях, относились то к оброчным, то к издельным тяглам, смотря по величине денежного оброка, а именно: тягла, платившие менее $^1/_2$ среднего по губернии чисто денежного оброка, относились к издельным; нужно заметить, что получились ничтожные отчисления. Во второй графе приведены проценты оброчных и барщинных крестьян касательно всех имений (менее и более 100 душ), вычисленные на основании данных, помещенных в III и VI тт. Трудов Редакционных Комиссий. Нужно заметить что цифры относительно всех имений нужно принимать с осторожностью, так как неизвестно, к какой группе — издельных или оброчных — относили крестьян, состоящих на смешанных повинностях. Судя по некоторым данным, в Хозяйственном отделении Редакционных Комиссий не было ясного представления об этом; например, в Курской губ., при поверочных работах, смешанные тягла отнесены к группе издельных, что совсем не может быть принято. В некоторых уездах издельные крестьяне совершенно не отделены от оброчных, так что при вычислении процента приходилось выпускать крепостных подобных уездов; такие уезды встречаются в губерниях Орловской (5 уездов) и Тверской (1 уезд). В Рязанской губ. в трех уездах показаны только оброчные без издельных, а в одном только издельные. Кроме того, цифры Редакционных Комиссий проредактированы крайне небрежно. Проценты оброчных и барщинных крестьян, выведенные по «Приложениям к Трудам Редакционных Комиссий», хотя охватывают меньшую группу крестьян, более верны, чем вторые цифры. На данные о проценте оброч-

Нечерноземные губернии.	XVIII век. % оброч.	% издельн.	XIX век. В имен., имеющ. более 100 душ. % оброч.	% издельн.	Во всех имениях. % оброч.	% издельн.
1. Владимир. . .	50	50	92,53	8,47	70	30
2. Ярославск. . .	78	22	90,87	9,13	87,4	12,6
3. Костром. . . .	85	15	89,13	10,87	87,5	12,5
4. Олонецкая . .	66	34	88,64	11,36	72	28
5. Московская .	36	64	80,27	19,73	68	32
6. Вологод. . . .	83	17	80,04	19,96	84	16
7. Нижегород. . .	82	18	74,38	25,62	68	32
8. Тверская . . .	46	54	68,25	31,75	41	59
9. Новгородск. .	49	51	65,14	34,86	45,6	54,4
10. Калужская . .	58	42	58,79	41,21	55	45
11. Смоленск. . .	30	70	33,89	66,11	27	73
12. Псковская . .	21	79	32,81	67,19	23	77
Итого в 12 нечерноземн. губ. . .	55	45	69,47	30,53	58,9	41,1
13. С.-Петерб. . .	51	49	63,14	36,86	—	—
Черноземные губ.						
1. Воронежск. . .	64	36	58,76	41,24	45	55
2. Рязанская . .	19	81	47,98	52,02	38	62
3. Тульская . . .	8	92	27,23	72,77	25	75
4. Орловская . .	34	66	25,88	74,12	28	72
5. Тамбовская .	22	78	21,60	78,40	22	78
6. Пензенская .	52	48	18,52	81,48	25	75
7. Курская . . .	8	92	16,67	83,33	24,5	75,5
Итого в 7 черноземн. губ. . . .	26,1	73,9	32,23	67,77	28,8	71,2
По 19 губер. . . .	46,3	53,7	53,83	46,17	47,6	52,4

ных в Вологодской губ. положиться нельзя, так как там во многих имениях показаны повытки, по количеству же душ, приходящихся на тягла и повытки, отождествить эти две величины нельзя. При среднем выводе относительно нечерноземных губ. исключена Петербургская губ. ввиду отсутствия сведений о количестве барщинных и оброчных крестьян по этой губернии относительно всех имений в XIX веке.

Из приведенной таблицы видно, что процент оброчных крестьян повысился в губерниях:

В имен., имеющ. более 100 душ.		Во всех имениях.	
1. Московской . . .	на 44 %	1. Московской . . .	на 32 %
2. Владимирской . .	» 42,5 »	2. Владимирской . .	» 20 »
3. Рязанской . . .	» 29 »	3. Разанской	» 19 »
4. Олонецкой	» 23 »	4. Тульской	» 17 »
5. Тверской	» 22 »	5. Курской	» 16,5 »
6. Тульской	» 19 »	6. Ярославской . . .	» 9,4 »
7. Новгородской . .	» 16 »	7. Олонецкой . . .	» 6 »
8. Ярославской . .	» 13 »	8. Костромской . . .	» 2,5 »
9. Псковской . . .	» 12 »	9. Псковской	» 2 »
10. С.-Петербургск. .	» 12 »	10. Вологодской . . .	» 1 »
11. Курской	» 9 »		
12. Смоленской . . .	» 4 »		
13. Костромской . .	» 4 »		
14. Калужской	» 1 »		

Уменьшение числа оброчных крестьян наблюдается в следующих губерниях:

В имен., имеющ. более 100 душ.		Во всех имениях.	
1. Пензенской . . .	на 33,5 %	1. Пензенской	на 27 %
2. Орловской . . .	» 8 »	2. Воронежской . . .	» 19 »
3. Нижегородской .	» 8 »	3. Нижегородской . .	» 14 »
4. Воронежской . .	» 5 »	4. Орловской	» 6 »
5. Вологодской . .	» 3 »	5. Тверской	» 6 »
		6. Новгородской . .	» 3,4 »
		7. Калужской [1] . . .	» 3 »
		8. Смоленской	» 3 »

Из той же таблицы видно, что в то время, как в 12 нечерноземных губерниях процент оброчных повысился с 55% (XVIII в.) до 58,9% во всех имениях и до 69,47 в имениях, где было более 100 душ, — в 7 черноземных губерниях количество оброчных увеличилось с 26,1 (XVIII в.) до 28,8% в XIX в. во всех имениях и до 32,23 в имениях, где было более 100 душ. Другими словами,—в то время, как в нечерноземных губерниях процент оброчных увеличился на 3,9% во всех имениях, а в более крупных имениях (более

---

[1]) У А. А. Корнилова в его книге «Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче» (стр. 5) приведены данные о количестве оброчных, смешанных и оброчных крестьян по всем имениям, собранные калужским губернатором В. А. Арцимовичем перед объявлением Положения 19 февраля 1861 г. По этим данным, отличающимся, по указанию А. А. Корнилова, большею точностью, чем данные, доставленные калужским губернским дворянским комитетом, оброчных было 114.964 или 42%, на смешанных повинностях — 60.413 д. или 22%, издельных — 100.636 д. или 36%. Соединив в одну группу оброчных и смешанных, видим, что число оброчных равняется 64%, т.-е. количество их не только не понизилось с XVIII в., но возросло на 6%.

100 душ) на 14,02%, в черноземных губерниях во всех имениях оброчные увеличились на 2,7, а в имениях, имеющих более 100 душ, на 6,1%. По всем 19 губерниям процент оброчных повысился с 46,3 в XVIII в. до 47,6% во всех имениях, и до 53,83% в имениях свыше 100 душ, т.-е. на 1,3% — в первом случае и на 7,5% — во втором. Такое повышение количества оброчных, само по себе ничтожное, нисколько не говорит об улучшении положения крестьян, особенно ввиду распространения, как было указано, смешанных повинностей, нередко очень тяжелых для крестьян.

Из приведенных цифр вытекает, что оброчная система, по данным о всех имениях, развивалась сильнее в нечерноземных губерниях, захватывая накануне реформы почти 3/5 всех крестьян; в черноземных же 7 губерниях количество оброчных хотя и увеличилось, но в меньшем размере: их число и в XIX веке охватывало 1/3 всех крестьян. По данным относительно имений свыше 100 душ это преобладание оброчной системы выражается также резко; в то время, как в нечерноземных губерниях на оброке состояло более 2/3 крепостных, в черноземных — лишь 1/3.

Связь между барщинной и оброчной системами, с одной стороны, и степенью плодородности почвы и удобств для земледелия—с другой — резко выступает из следующей таблицы, показывающей распределение оброчных и барщинных крестьян по районам по данным о всех имениях [1]).

[1]) См. таблицу № 1. Распределение оброчных и барщинных крестьян по отдельным губерниям было следующее:

Губернии.	% оброч.	% издельн.	Губернии.	% оброч.	% издельн.
1. Костромская . .	87,5	12,5	16. Ковенская . . .	29	71
2. Ярославская . .	87	13	17. Орловская . . .	28	72
3. Астраханская . .	87	13	18. Смоленская . . .	27	73
4. Вологодская . . .	84	16	19. Тульская	25	75
5. Олонецкая . . .	72	28	20. Пензенская . . .	25	75
6. Владимирская . .	70	30	21. Симбирская . . .	25	75
7. Нижегородская. .	68	32	22. Курская	24,5	75,5
8. Московская . . .	68	32	23. Псковская	23	77
9. Вятская	64	36	24. Тамбовская . . .	22	78
10. Калужская . . .	55	45	25. Самарская . . .	21	79
11. Новгородская . .	46	54	26. Казанская	14	86
12. Воронежская . .	45	55	27. Оренбургская . .	9	91
13. Тверская	41	59	28. Виленская. . . .	8	92
14. Рязанская	38	62	29. Подольская . . .	4	96
15. Саратовская . . .	33	67	30. Могилевская . .	3	97

Губернии.	% оброчн.	% издельных.
Великороссийские:		
а) Астраханская	87	13
б) нечерноземные	58,9	41,1
в) черноземные	28,8	71,2
г) поволжские	26,7	73,3
д) восточные степные	17	83
е) приуральские-северные	9,8	90,2
Северо-западные	7,6	92,4
Земля В. Донск.	2,8	97,2
Малороссия:		
а) правобережная	2,6	97,4
б) левобережная	0,7	99,3
Новороссийские степные	0,1	99,9
По 40 губерниям и Областн. В. Донского	28,3	71,7

Из этой таблицы видно, что крестьян отпускали на оброк преимущественно в нечерноземных губерниях, к которым следует отнести и Астраханскую губернию, хотя и южную степную; из северных губерний процент издельных высок лишь в приуральских северных губерниях (90,2), но в Пермской и Вятской губерниях было много горных заводов, где крестьяне и отбывали барщину. Во всех остальных районах господствует барщина, поглощающая почти всех крестьян в новороссийских губерниях, левобережной Малороссии, правобережной Малороссии, в земле Войска Донского и в северо-западных губерниях, т.-е. именно в тех местностях, где по тем или другим условиям было выгодно вести помещичье хозяйство, а промыслы среди крестьян не развились. По всем 40 губерниям и области Войска Донского, где есть сведения о количестве оброчных и издельных крестьян по всем имениям, процент оброчных равняется 28,3, издель-

Губернии.	% оброчн.	% издельн.	Губернии.	% оброчн.	% издельн.
31. Земля В. Донск.	2,8	97,2	37. Полтавская	0,6	99,4
32. Минская	2,6	97,4	38. Черниговская	0,2	99,8
33. Пермская	2,5	97,5	39. Екатеринославск.	0,2	99,8
34. Гродненская	2	98	40. Херсонская	0,1	99,9
35. Киевская	1,6	98,4	41. Таврическая	0	100
36. Харьковская	1,5	98,5			

Процентные отношения данной таблицы вычислены на основании данных, помещенных в III и VI тт. Трудов Редакционных Комиссий и слабые стороны которых были указаны в примечании 1 на стр. 68. Губернии Витебская, Волынская и С.-Петербургская пропущены, так как в указанных данных нет распределения крестьян этих губерний на оброчных и издельных.

ных — 71,7, т.-е. во всей крепостной массе Европейской России (не считая Кавказа) преобладала барщина, несмотря на то, что, как выше было указано, почти $^1/_3$ крепостного населения находилась в нечерноземных губерниях, где была выгоднее оброчная система [1]).

Можно думать, что процент оброчных по всей Европейской России был бы еще ниже, если бы в силу исторических причин крепостные не сосредоточивались такою массою в нечерноземных губерниях.

Эти явления выступают еще резче по данным об имениях, где было выше 100 душ. Накануне реформы количество оброчных и издельных по 23 губерниям Великороссии было таково [2]):

Великороссия.	% оброч.	% смеш.	% издельн.	% оброч.	% издельн.
13 нечерноземных губ.	47,22	22,49	30,29	68,78	31,22
10 черноземных губ.	20,45	10,25	69,30	30,30	69,70
В 23 губерниях.	34,19	16,54	49,27	50,05	49,95

Из приведенной таблицы видно перемещение цифр. В 13 нечерноземных губерниях Великороссии на барщине—почти $^1/_3$; в 10 черноземных губерниях, наоборот,—почти $^1/_3$ на оброке. В общем выводе, по 23 губерниям эти цифры компенсируются и делят крепостное население почти на две равные части: барщинную и оброчную. Но при этом нельзя забывать, что из числа оброчных $^1/_3$ состояла на смешанных повинностях, что приближало их к барщинным и указывало на распространенность барщинной запашки.

---

[1]) Н. А. Крылов приводит более полные цифры оброчных и издельных крестьян относительно всего крепостного населения, но, к сожалению, не указано, каким статистическим материалом пользовался автор.

По его сведениям, на издельной повинности состояло . .	6.795.274 души
» оброчной » » . .	3.002.923 »
Всего	9.798.197 душ.

Следовательно, на оброке состояло всего 31,7%, и на барщине—68,3% крепостных, что не сильно разнится от процентного вычисления, сделанного на основании данных, помещенных в III и VI тт. Тр. Ред. Ком. (см. статью Н. А. Крылова «Накануне великой реформы». «Историч. Вестник», 1903 г., кн. IV, стр. 816.

[2]) См. таблицу № 3, вычисленную на основании Приложений к Трудам Редакционных Комиссий. В малороссийских губерниях процент оброчных и издельных вычислен на основании оброчных *душ*, а не тягол.

В малороссийских губерниях оброчных было очень мало:

Губернии.	% оброчн.	% издельн.
Харьковская	9,50	90,44
Черниговская	2,56	97,44
Полтавская	1,14	98,86

В новороссийской Екатеринославской губернии в имениях, имеющих более 100 душ, оброчные крестьяне встречались так редко, что в описаниях этих имений нет цифровых данных о них, а есть лишь отдельные указания в примечаниях на существование оброчных в некоторых имениях.

Преобладание оброчных крестьян в нечерноземных губерниях объясняется неблагоприятными условиями для сельского хозяйства. Неплодородная почва делала невыгодным ведение барщинного сельского хозяйства потому, во-первых, что в нечерноземных губерниях для обеспечения быта крестьян необходимо большее количество земли, так что, по обеспечении крестьян землею, у помещика могло остаться мало земли; а, во-вторых, неплодородная почва требовала усиленного искусственного удобрения, т. - е. сильно увеличивала издержки производства, что, при низких хлебных ценах и трудности сбыта сельских продуктов, сильно затрудняло ведение сельского хозяйства. Между тем в нечерноземных центральных, относительно густо населенных, губерниях наличность промышленных и торговых центров обусловливала возможность развития отхожих промыслов и занятий промышленностью. Так как отхожие промыслы и занятия промышленностью могут итти успешнее при свободе трудящейся личности, то помещики нечерноземных центральных губерний отпускали на оброк большую часть своих крестьян [1]).

В Калужской губернии, например, по указанию губернского комитета, даже барщинные крестьяне зимою уходили на заработки: обыкновенно около 15 сентября после уборки хлеба для этой цели отпускался один из двух работников; иные же помещики отпускали и другого работника после

---

[1]) В Вологодской губ., например, большая доходность оброчной системы перед барщинной явствует из такого факта. В имении Межакова доходность 1 рев. души, состоящей на изделье, определялась земским судом, повидимому, в 1816 г. в 10 р. в год, между тем как помещик в том же году взимал оброк по 16 рублей с души (Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 44).

15 ноября «по исправлении строений». «Общий характер калужских хозяйств смешанный, т.-е. доходы взимаются частью оброком, частью обработкою незначительных запашек». Причина этих явлений, по указанию того же комитета, та, что «без промыслов на стороне губерния не прокормилась бы по непроизводительности почвы», так что весь доход был «основан на труде». В Московской губернии занятие внеземледельческими промыслами было так выгодно, что, например, в подмосковном имении Жукова в 40-х годах барщинные крестьяне для своих и господских полевых работ нанимали работников, так как крестьяне «надеялись не на хлебопашество, а на шелковую фабрику» [1]). В лесных губерниях возможность лесных промыслов и трудность обработки земли приводила также к сильному развитию оброчной системы.

Тем не менее близость хлебного рынка и плохие пути сообщения, затруднявшие доставку хлеба из черноземных губерний, делали выгодною в известной мере барщинную запашку и в нечерноземных губерниях. Этим объясняется распространенность смешанных повинностей в нечерноземных губерниях и понижение количества оброчных крестьян в некоторых из них. Уменьшение количества оброчных крестьян замечается в Тверской, Новгородской, Смоленской и Калужской губерниях [2]) (по данным о всех имениях). Понижение это станет еще более заметным, если принять во внимание, что в этих губерниях, по крайней мере, в имениях, имеющих более 100 душ, был наибольший процент крестьян, состоящих на смешанных повинностях.

Я. Соловьев, указывая, что в Смоленской губернии на оброк отпускали «или целыми селениями, или только некоторых крестьян, особенно зажиточных», говорит, что количество имений, исключительно оброчных «весьма ограничено и преимущественно состоит из обширных юсуповских имений в Юхновском уезде с легким оброком»; он констатирует, что

---

[1]) Н. А. Рожков. «Экономическое развитие России в первой половине XIX в.» «История России в XIX веке». Изд. бр. Гранат. Вып. II, стр. 153.

[2]) Замечаемое уменьшение количества оброчных в Нижегородской губ. произошло, быть может, на счет ее земледельческих черноземных уездов. Резкое понижение количества оброчных в Тверской губернии во всех имениях сравнительно с сильным повышением их в имениях, где было более 100 д., наводит на подозрение, не были ли крестьяне на смешанных повинностях причислены к издельным крестьянам.

во многих из оброчных имений крестьяне, кроме оброка, обрабатывают и незначительное количество земли на помещика [1]).

Как видно из примечаний к имениям, имеющим более 100 душ, в «Извлечениях из описания имений», в этих же губерниях встречается особая группа крестьян, которые летом состояли на барщине, а зимою отпускались на оброк. Это обстоятельство зависело, вероятно, от того, что в сельской промышленности время производства не совпадает с рабочим временем. В южных губерниях, в относительно теплом климате, это обстоятельство менее заметно; кроме того, при плохих путях сообщения зимнее время барщинных крестьян могло уходить отчасти на извозы. В нечерноземных же губерниях именно близость хлебных рынков и обусловливала выгодность земледелия, а потому извозы не могли отнять много времени у барщинных крестьян. Очевидно, что при таких обстоятельствах помещику было выгодно отпускать крестьян зимою на оброк, имея в то же время барщинную запашку.

Иные помещики переходили к барщинной системе ввиду крупных оброчных недоимок. Так, местный исследователь по Тверской губернии указывал в 50-х годах, что «там, где оброчные по каким-либо причинам дошли до такого состояния, что не могут не только платить оброка и натуральных повинностей помещикам, но даже платить податей в казну, барщина вводится и теперь». Исследователь держится того взгляда, что эксплоатация земли под личным надзором выгоднее отпуска крестьян на оброк [2]). Помещик Костромской губернии, Дмитриев, также доказывает бо̀льшую выгодность барщины перед оброком, указывая, что большая часть зажиточных помещиков Костромской губернии достигла благосостояния, переводя крестьян на изделье [3]). Тем не менее процент издельных в Костромской губернии и ко времени реформы был невелик (12,5%). В 1859 году костромской губернский комитет заметил в Общем Своде сведений о состоянии помещичьих крестьян, что издельные тягла, сохра-

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статистика Смоленск. губ.», стр. 194.

[2]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ., в сельско-хозяйств. отношении». Изд. Учен. Ком. М. Гос. Им. СПБ. 1854 г., стр. 99, 103.

[3]) С. Дмитриев. «Опыт практических замечаний Кинешемского земледельца о сельском хозяйстве Костромской губ.» Москва, 1855 г., стр. 19—21.

няя свою цифру по принятому в каждом имении хозяйственному расчету, почти ежегодно заменяются в большинстве имений другими, поступая с изделья на чистый оброк или смешанные повинности. «К такому порядку издельного назначения приводит свойство губернии — промысловой по преимуществу, и на изделье поступают или по очереди, сколько нужно тягол, или замотавшиеся промышленники» [1]).

В южных губерниях, как видно из приведенных выше таблиц, преобладала барщинная система, но замечается, что по сравнению с XVIII веком в некоторых черноземных губерниях произошло увеличение оброчных крестьян. Ясно, что здесь на распределение крестьян по указанным группам имели влияние другие причины, кроме выгодности земледелия. Одною из таких причин могло быть малоземелье этих губерний. В малоземельных местностях рост крепостного населения ставил помещиков в затруднительное положение. При малоземелии имения становилось все труднее и труднее наделять землею вновь прибывающее население. Помещики справлялись с этим затруднением различным образом.

Одни из них, чтобы избежать наделения землею прибывавшее население, продавали крестьян на своз, другие переселяли в многоземельные имения, если имели таковые. В приложениях к Трудам Редакционных Комиссий встречаются указания, что некоторые помещики арендовали земли у сторонних лиц для себя или для крестьян, иногда для собственных нужд и для крестьян [2]). В некоторых имениях, по сведениям, данным помещиками, крестьяне и сами арендовали земли у сторонних владельцев [3]). Наконец многие помещики обращали часть крестьян в затяглых, не несших никаких повинностей, но и не получавших земли, другие наделяли крестьян зем-

[1]) Ц. А. Мин. Вн. Д. Земск. Отд. 2-е делопроизв. 1858 г. № 8.

[2]) Так, в 6 имениях (Тамбовской губ. — 2, Симбирской — 1, Саратовской — 1, Рязанской — 1, Орловской — 1) помещики снимали землю для себя, в 8 имениях (в Тамбовской — 1, Саратовской — 2, Самарской — 2, Рязанской — 1, в Пензенской — 1, в Казанской — 1) помещики снимали землю для крестьян; из этих имений в трех земля снималась и для помещиков и для крестьян (в Тамбовской губ. — 1, в Саратовской — 1 и в Рязанской — 1). Приложения к Трудам Редакционных Комиссий: «Извлечение из писаний имений», т. I—IV и VI.

[3]) Указание на это встречается в Приложениях к Трудам Ред. Ком. относительно 6 имений (в Псковской — 1 имение, в Смоленской — 1, в Нижегородской — 1, Рязанской — 1, Орловской — 1, Саратовской — 1): в двух из этих имений (в Орловской и Псковской губ.) крестьяне не имели другой земли, кроме арендованной.

лею на счет собственной запашки, а так как уменьшенная запашка требовала меньше рабочих рук, то или все крестьяне платили незначительный оброк взамен уменьшения барщины, или же часть крестьян оставлялась на прежней барщине, а часть отпускалась на чистый оброк; таким путем образовались имения с крестьянами на смешанных повинностях и имения, где часть крестьян была на барщине, а часть—на оброке. Наконец, уменьшение барщинной запашки из-за наделения новых тягол землею могло дойти до того, что помещику становилось выгоднее отдать крестьянам всю землю и отпустить всех крестьян на оброк. Этим-то обстоятельством и можно объяснить увеличение процента оброчных в Курской, Тульской, Рязанской губ.[1]).

Кроме малоземелья, были и другие причины развития оброчной системы в черноземных губерниях. Повышающим процент оброчных обстоятельством могла быть наличность в губернии большого числа крупных помещиков. Здесь играла роль, прежде всего, величина имения. Так как барщинная система сельского хозяйства требовала строгого неустанного надсмотра над рабочими, то в больших имениях она становилась крайне затруднительною, и в таких имениях нередко крестьян переводили на оброк. Кроме того, имела значение величина всего состояния владельца. Богатый помещик мог довольствоваться низким доходом с имения, нисколько не урезывая своих расходов, а потому мог отпускать крестьян на оброк даже в черноземных губерниях, где было несомненно выгоднее держать крестьян на барщине. Это хорошо иллюстрируется примером Воронежской губернии. Как видно из таблицы (по имениям, имеющим более 100 душ), Воронежская губ. принадлежит к числу оброчных (в ней % оброчных 58,76). В ней находится громадное имение гр. Шереметева, в котором все крестьяне отпущены были на оброк и составляли 33.889 тягол (собственно земельных участков). Если

---

[1]) Впрочем, нельзя забывать, что последняя губерния принадлежит своею северною частью к нечерноземным губерниям, а южною к черноземным. Снежневский, детально разработавший архивный материал Дворянской Опеки по Нижегородскому уезду — о помещичьих имениях с конца XVIII в. до освобождения крестьян, указывает как на причину развития оброчной системы в этом уезде, кроме значительного развития промыслов, на малоземельность его. В. Снежневский. «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородск. губ.» Действия Нижегор. Уч. Арх. Ком. Сборник статей, сообщений, описей и документов. 1905 г., вып. VI, стр. 20.

исключить это имение, то процент оброчных опустится до 34,2 а процент издельных поднимется до 65,8, и Воронежская губерния займет место среди губерний с преобладающим процентом барщинных крестьян. Эту зависимость развития оброчной и барщинной системы от величины имения можно заметить, присматриваясь к приведенным таблицам. Сравнивая процентное количество оброчных и барщинных крестьян во всех имениях и в имениях, имеющих более 100 душ, замечаем следующее: даже в губерниях с повысившимся сравнительно с XVIII веком процентом оброчных крестьян повышение это менее заметно для всех имений, чем в имениях, имеющих более 100 душ. В губерниях же с переходным характером, как Смоленская, Новгородская, Тверская, процент оброчных в первом случае даже понизился сравнительно с XVIII веком. Касательно черноземной Курской губернии является недоумение: при включении имений, имеющих менее 100 душ, процент оброчных повысился сильнее. Но если мы вспомним, что увеличение процента оброчных в этой губернии объясняется малоземельем, тогда придется признать, что, если от малоземелья бросали земледелие и переводили крестьян на оброк крупные владельцы, то, вероятно, тем в большей степени принуждались к тому же мелкие владельцы.

Распространение оброчной и барщинной системы зависело также от абсентеизма помещиков, который опять-таки сильнее замечался у крупных владельцев; отсутствие в имениях помещиков, стремившихся на государственную службу и предпочитавших готовые доходы кропотливому ведению сельского хозяйства, часто вызывало предпочтение оброчной системы перед барщинной. В мелких имениях помещики чаще жили сами и лично вели сельское хозяйство, при чем здесь, даже при отпуске большей части крестьян на оброк, помещики старались иметь хотя небольшую, но собственную запашку. В больших имениях помещик реже вмешивался в личную жизнь крепостного, не имея иногда даже физической возможности делать это; в мелких же имениях господин или управитель мог наблюдать за каждым шагом крепостного и в большей степени эксплоатировать рабочие силы крестьян.

Современники и местные исследователи свидетельствуют о тяжелом положении крепостных в руках мелкопоместных владельцев. «У богатых помещиков, владельцев нескольких

тысяч душ,—пишет Никитенко в своей автобиографии,— крестьяне еще были меньше угнетены, состоя большею частью на оброке, хотя и им приходилось не мало терпеть от самоуправства управителей и приказчиков. Зато мелкопоместные землевладельцы буквально высасывали силы и достояние у несчастных, им подвластных. Последние не располагали ни временем ни собственностью: первое поглощалось барщиною, вторая находилось в зависимости от жадности и произвола помещиков» [1]). Перовский в своей записке 1845 г. указал, что в некоторых имениях, «особенно мелкопоместных», крестьяне «разорены более, чем беднейшие из крестьян государственных» [2]). В Рязанской губ., по словам Повалишина, «иногда стеснения, претерпеваемые крестьянами, происходили не от чего другого, как от бедности помещика, который не имел средств порядочно держать своих крестьян, но даже и самого себя» [3]). По сведениям, собранным министерством внутренних дел в эпоху выработки реформы 19 февраля, в 40 губерниях, у 7.208 помещиков, владевших менее 20 душ (16,1% общего числа таких помещиков), приходилось всей помещичьей и крестьянской земли на душу менее $4^1/_2$ дес. [4]). В их руках было 60.282 р. д. м. п., или 17,8% общего числа крестьян, принадлежавших помещикам, имевшим менее 20 душ. Из числа этих крестьян лишь 30.662, или 50,86%, были наделены землею; безземельных же, живших или в особых домах, или в виде дворовых, было 29.620 душ, или 49,14%. Помещичьей и крестьянской земли приходилось на одного крестьянина, *наделенного* землею, 5,5 дес. [5]).

Приведенные факты показывают, что дробление имений должно было вести к ухудшению положения крестьян. При жалобах крестьян Саратовской губ. на своих помещиков Кривцова, Рюмина и Пашкова предводитель дворянства указывал, как на причину жалоб, на то, что крестьяне раньше принадлежали графу Разумовскому, пользовались большею свободою, большим количеством земли. Теперь же земли стало меньше, и «новые помещики их не баловали, как баловали

---

[1]) А. В. Никитенко. «Записки и дневник», т. I, стр. 42—43.

[2]) В. И. Семевский. «Кр. Вопрос», т. II, стр. 137.

[3]) Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные» стр. 31.

[4]) Нужно, впрочем, заметить, что у 551 владельцев из этого числа имелись земли или имения в других губерниях.

[5]) Скребицкий. «Крестьянское дело в царствов. Александра II», т. IV, стр. 1252—1259.

прежде управляющие»[1]). Один малороссийский крестьянин, на вопрос Г—а о причинах упадка благосостояния крестьян, ответил, помявшись: «Дед твой был гораздо богаче отца твоего и тебя, а жил простее, истрачивал не много; у него было несколько сыновей, имение разделилось, а каждый хотел жить не только не хуже деда твоего, но еще прибавлял разные затеи; имение отца твоего тоже раздробилось, и тебе досталась только часть; значит, ты беднее его, а между тем у отца твоего не было ни такого дома, ни такой роскоши, так о чем же разговаривать»[2]).

Ввиду зависимости систем хозяйства и благосостояния крестьян от величины имения интересно выяснить распределение помещиков по числу имевшихся у них во владении душ и изменение, происшедшее в этом отношении с XVIII века. Приведем для этого таблицу Тройницкого[3]) о количестве землевладельцев, разделенных, по количеству имеющихся у них душ, на шесть групп:

По 8 ревизии[4]).

	Владельц.	%	У них крепост.	%	На 1 влад. прих.
1. Беспоместные	17.763	14,0	62.183	0,6	3
2. Имеющие до 20 д.	58.457	45,9	450.037	4,1	8
3. » от 21—100 душ .	30.417	24,0	1.500,357	13,9	49
4. » » 101—500 » .	16.740	13,2	3.634.194	33,9	217
6. » » 501—1000 » .	2.273	1,8	1.562.831	14,5	688
5. » более 1000 душ	1.453	1,1	3.556.959	33,0	2448
	127.103	—	10.766.561	—	84

По 10 ревизии.

	Владельц.	%	У них крепост.	%	На 1 влад. прих.
1. Беспоместные	3.633	3,5	12.045	0,1	3
2. Имеющие до 20 душ . . .	41.016	39,5	327.534	3,1	8
3. » от 21—100 душ.	35.498	34,5	1.666.073	15,8	47
4. » » 101—500 »	19.930	19,2	3.925.102	37,1	197
5. » » 501—1000 »	2.421	2,3	1.569.888	14,9	648
6. » более 1000 душ .	1.382	1,3	3.050.540	29,0	2207
	103.880	—	10.551.182	—	101

[1]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 264.

[2]) Самарин, т. II, стр. 9.

[3]) Тройницкий. «Крепостное население России по 10-й народной переписи», стр. 67. Таблица дополнена процентными вычислениями П. Н. Милюкова, (П. Милюков. «Крестьяне», стр. 686); кроме того, вычислено количество крепостных, приходящихся на одного владельца.

[4]) В. И. Семевский указывает, что количество землевладельцев по восьмой ревизии, имевших менее 100 душ (84%), согласно исследованию Кеппена, и число таковых же владельцев в XVIII веке — совпадают. В. И. Семевский. «Крестьяне при имп. Екатерины II», стр. 30.

Из этих цифр видно, что сокращение произошло в группах помещиков, имевших менее 20 душ, и в группе, имевшей более 1000 душ крестьян, как в количестве самих владельцев, так и в количестве владеемых ими крестьян. Наоборот, увеличение и владельцев, и имеющихся у них крестьян произошло в группах, имеющих от 20—1000 душ. На такое уменьшение мелкопоместных помещиков могли несколько повлиять меры, принятые правительством к переселению их в многоземельные губернии. Так, например, в 1843 г. комитетом министров было положено предоставить малоземельным дворянам Смоленской, Рязанской и Симбирской губерний переселиться на свободные казенные земли в Симбирской губернии, где предполагалось отводить им участки земли по 60 дес. на семейство, и в Курганский уезд, Тобольской губ., где предполагалось давать по 80 дес. на семейство. По некоторым признакам дворяне не очень охотно отозвались на это мероприятие правительства. Когда по этому поводу были запрошены дворянства Смоленской, Рязанской, Симбирской, Калужской и Вологодской губ., «то из числа малоземельных нуждающихся дворян (9.287 чел. об. п.) только 448 семейств изъявили желание переселиться; из Тульской губ. пожелали выселиться из 207 семей только 30 семейств»[1]). В Смоленской губернии в 50 годах, по словам Я. Соловьева, из числа дворян, не имевших крепостных и предположенных к выселению, «кажется, не переселено ни одно семейство»[2]). В Рязанской губернии, по указанию Повалишина, охотников переселяться было «очень много», и хотя переселилось весьма значительное число дворянских семей, но далеко не все; некоторые «требовали известных угодий и удобного расположения их»[3]). На сокращение числа крепостных у беспоместных дворян должно было повлиять запрещение в 1841 г. таким дворянам приобретать крестьян, а также и продавать последних дворянам, не имеющим земли. Во всяком случае в общем, как указано, количество мелкопоместных владельцев (первые 2 группы) ко времени 10-й ревизии уменьшилось, хотя и накануне реформы их было, как видно из таблицы,

---

[1]) Середонин. «Обзор деят. комитета министров», т. II, ч. 1, стр. 233—234.
[2]) Я. Соловьев. «Сельск.-хозяйств. статистика Смол. губ.», стр. 193.
[3]) Повалишин. «Ряз. помещики и их крепостные», стр. 31.

значительное число (43%). К счастью, в их руках было лишь 3,2% крепостных крестьян, число коих таким образом со времени 8-й ревизии уменьшилось. Вследствие уменьшения этих 2-х групп, мелкопоместных владельцев, имевших менее 100 душ, стало со времени 8-й ревизии меньше; количество же крепостных в их руках почти не изменилось, составляя менее 1/5 крепостного населения. С другой стороны, необходимо отметить увеличение как количества крупных помещиков, владеющих от 100 до 500 душ, так и количества их крестьян: этой группе владельцев принадлежало наибольшее количество крепостных (37,1%). В этих имениях помещичье хозяйство могло иметь наиболее благоприятные условия для развития: достаточное количество рабочих рук, не исключающее возможности личного надзора за хозяйством; богатство, полнота дворянских прав давали в то же время влияние на местную жизнь. У крупных же владельцев, имевших более 1000 душ, стало и крестьян меньше, уменьшилось и количество их самих. Следовательно, на ряду с отмиранием групп наиболее мелких помещиков уменьшался социальный вес и наиболее крупных помещиков. Наиболее живучими оказались, как видим, помещичьи хозяйства, имевшие от 100—500 душ, затем—имевшие от 21 до 100 душ и, наконец, почти в стационарном состоянии была группа крупных владельцев, располагавших каждый от 501 до 1000 душ.

Еще ярче выступает ослабление крайних групп дворянства при сравнении абсолютных количеств помещиков и крестьян указанных групп. Процентное увеличение (+) или уменьшение (—) этих групп к 10-й ревизии сравнительно с 8-й ревизией было следующим[1]):

	Владельцев.	У них крепостных.
Беспоместные и имеющие до 20 душ	— 41,0	— 33,7
Имеющих от 21 до 100 душ	+ 16,7	+ 11,0
Имеющих от 101 до 1000 душ . . .	+ 17,5	+ 5,7
Имеющих более 1000 душ	— 4,8	— 14,2

[1]) Наши цифры значительно расходятся с цифрами Н. П. Огановского, ибо он получил их путем вычисления процентов не на основании абсолютных чисел, как то делали мы, а на основании чисел, показывающих процентное соотношение этих групп по 8-й и 10-й ревизиям. (Сравн. Н. П. Огановский, «Закономерность аграрной эволюции», т. I, стр. 280).

Судя по количеству крепостных, падающих на одного владельца, концентрации имений не только не произошло, но замечается наклонность к размельчанию их. За исключением первых двух групп, в которых количество крепостных на одного владельца не изменилось, во всех остальных группах во время 10-й ревизии на одного владельца приходилось меньше крепостных, чем во время 8-й ревизии. Это явление особенно заметно в шестой группе (имеющих более 1000 душ), где число крепостных, приходящихся на одного владельца, сократилось на 10%, и в четвертой группе (имеющих от 100 до 500 душ), где это же сокращение превышает 9%; в пятой группе сокращение числа крепостных на одного владельца достигает лишь 6%. В среднем по всей Европейской России на одного помещика по 8-й ревизии приходилось 84 души м. п. и по 10-й ревизии—101 душа, что указывает как будто бы на некоторую концентрацию имений. Это увеличение, конечно, лишь кажущееся, явившееся результатом отмирания наиболее мелких слоев дворянства.

Все эти виды крупных и мелких владений распределялись по районам неравномерно, что видно из таблицы на стр. 85[1]).

Как видим, наибольшее количество беспоместных встречается в левобережной Малороссии, затем в великороссийских нечерноземных и черноземных. Останавливает внимание относительно значительная группа их в новороссийских губерниях. — Мелкие имения, имевшие менее 20 душ и отмиравшие, как мы видели, наибольшей массой своей замечались в великороссийских губерниях (нечерноземных и черноземных) и в левобережной Малороссии; новороссийские губернии в этой группе уступают свое место северо-западным губерниям. Мелкие помещики, имевшие от 21 до 100 душ, выросшие наиболее заметно в своем числе, помимо великороссийских черноземных и нечерноземных губерний, где находилась большая половина их, дают заметную группу на Северо-Западный край. Средние и крупные помещики, имевшие более 100 душ каждый, скоплялись, с одной стороны, в великороссийских черноземных и нечерноземных губерниях,—

[1]) Вычислено на основании таблицы № 2, составленной на основании таблицы Д (частная ведомость о распределении помещ. крестьян м. пола по имениям Европ. России и Сибири) Тройницкого «Крепостное население в России по 10-й нар. переписи». С.-Петербург. 1861 г. Распределение губерний по районам см. табл. № 1.

Распределение помещиков и их крестьян по районам (в процентах).

РАЙОНЫ.	Помещики: Беспоместные.	Имеющие до 20 душ.	Имеющие от 21—100 д.	Имеющие от 101—500 д.	Имеющие от 501—1000 д.	Имеющие более 1000 д.	У них крестьян: У беспоместных.	У имеющих до 20 дес.	У имеющих от 21—100 д.	У имеющих от 101—500 д.	У имеющих от 501—1000 д.	У имеющих более 1000 д.	%% распределение крепостного населения по районам.
I. Великороссия:													
а) Нечерноземный	17,3	27,8	35,9	32,2	27,2	24,3	18,0	32,6	36,7	32,2	29,5	22,2	29,7
б) Черноземный	18,5	24,8	24,6	25,8	23,3	23,4	15,0	23,3	22,0	23,1	21,5	21,4	22,5
в) Поволжский	5,7	3,3	5,3	6,4	8,3	9,4	4,9	3,4	5,0	6,1	6,5	6,4	6,0
г) Приуральск. северн.	1,5	0,07	0,1	0,1	0,1	0,8	1,4	0,06	0,2	0,1	0,2	6,0	1,9
д) Астраханск. губ.	1,3	0,03	0,03	0,06	0,08	0,07	1,1	0,04	0,02	0,06	0,07	0,1	0,1
е) Восточные степные	6,1	1,3	1,6	1,8	1,7	1,8	8,2	1,3	1,7	1,9	1,8	1,2	1,7
II. Новороссийск. степн.	10,1	5,6	6,0	3,7	2,7	1,4	12,7	6,7	6,2	3,7	2,5	0,9	3,2
III. Малороссия:													
а) левобережная	19,9	21,6	9,3	6,7	6,1	8,0	21,5	17,5	9,0	7,1	6,4	7,2	7,8
б) правобережная	9,1	2,1	4,2	10,2	7,5	17,4	8,5	2,3	5,8	11,8	18,0	20,7	14,0
IV. Сев.-Зап. край	9,2	8,7	10,9	11,8	11,3	12,3	7,4	9,0	11,4	12,6	11,8	13,1	11,7
V. Земля Войска Донского	—	4,5	1,9	1,1	1,7	1,0	—	3,5	1,8	1,2	1,7	0,7	1,3
VI. Ставропольская губ.	1,3	0,2	0,1	0,1	0,02	0,1	1,3	0,3	0,1	0,1	0,02	0,1	0,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

с другой — в Малороссии и Северо-Западном крае. При этом следует отметить, что правобережная Малороссия выделяется относительным скоплением крестьян в руках крупных владельцев. Здесь находилось 20,7% всех крестьян, принадлежавших помещикам, имевшим каждый более 1000 душ. Районы, где имелись главные массы этих крупнейших помещиков, были нечерноземные и черноземные губернии Великороссии, с одной стороны,—правобережная Малороссия и Северо-Западный край— с другой стороны. При этом следует отметить бросающуюся в глаза разницу между нечерноземными губерниями и правобережной Малороссией. В то время, как в первом районе по мере укрупнения помещиков по числу имевшихся у них душ, все меньшая часть этих групп приходится на эти губернии,— в правобережной Малороссии— наоборот — процент помещиков и принадлежащих им крестьян растет по мере укрупнения поместий.

Следующая таблица [1]) дает нам возможность ознакомиться в процентах, какие группы мелких, средних и крупных помещиков преобладали в том или другом районе).

Из таблицы видно, что в нечерноземных губерниях наибольшая группа крестьян находилась в руках помещиков, имевших от 101 до 500 душ. В руках той же социальной группы находилось от 42,2 до 42,8% всего крепостного населения районов восточно-степного и новороссийского. Этому же социальному слою принадлежат около $^2/_5$ крепостного населения в черноземных великороссийских губерниях, в поволжских и северо-западных. В правобережной Малороссии этой же группе помещиков принадлежало около одной трети (31,4) крепостного населения. Наконец, почти одна пятая крепостных правобережной Малороссии и Земли Войска Донского принадлежала помещикам, имевшим от 500 до 1000 душ. Наиболее крупные помещики, имевшие более 1000 душ, имели наибольшее количество крестьян (93,6) в приуральском северном районе. В нем на долю остального дворянства, составлявшего 93,6 общей массы его в данном районе, приходилось лишь 6,4% крепостных. Благодаря преобладанию такого крупного душевладения в этом районе на одного помещика приходилось 1125,5 душ крестьн.

Этим же наиболее крупным помещикам принадлежало более $^2/_5$ (43%) крепостного населения правобережной Украины.

[1]) См. таблицу на стр. 87. Проценты вычислены на основании табл. № 2.

Распределение помещиков и их крестьян внутри каждого района (в процентах).

РАЙОНЫ.	Помещики: Беспоместные.	Помещики: Имеющие до 20 душ.	Помещики: Имеющие от 21—100 д.	Помещики: Имеющие от 101—500 д.	Помещики: Имеющие от 501—1000 д.	Помещики: Имеющие более 1000 д.	У них крестьян: У беспоместных.	У них крестьян: У имеющих до 20 душ.	У них крестьян: У имеющих от 21—100 д.	У них крестьян: У имеющих от 101—500 д.	У них крестьян: У имеющих от 501—1000 д.	У них крестьян: У имеющих более 1000 д.	На одного помещика душ.
I. Великороссия:													
а) Нечерноземный	1,9	36,2	39,3	19,6	2,0	1,0	0,1	3,3	19,7	40,5	14,7	21,7	95,5
б) Черноземный	2,5	40,6	33,8	19,7	2,2	1,2	0,1	3,3	16,1	38,5	14,5	27,5	90,6
в) Поволжский	4,0	27,2	37,0	25,2	4,0	2,6	0,1	1,8	13,0	37,8	16,4	30,9	125,1
г) Приуральск. северн.	31,0	15,5	29,2	15,5	2,4	6,4	0,1	0,1	1,4	3,1	1,7	93,6	1125,5
д) Астраханск. губ.	58,1	12,8	10,5	15,1	2,3	1,2	2,2	2,2	7,4	40,8	18,8	28,6	69'6
е) Восточные степные	12,6	31,4	31,8	20,4	2,4	1,4	0,5	2,5	16,2	42,8	16,5	21,5	100,9
II. Новороссийск. степн.	6,4	41,6	37,6	12,9	1,2	0,3	0,4	6,7	30,0	42,8	11,7	8,4	60,2
III. Малороссия:													
а) левобережная	4,8	62,0	22,4	9,0	1,0	0,8	0,3	7,3	18,6	34,2	12,5	27,1	57,4
б) правобережная	6,1	16,1	27,7	37,6	7,8	4,4	0,1	0,5	5,5	31,4	19,5	43,0	272,3
IV. Сев.-Зап. край	3,0	34,2	36,8	21,8	2,5	1,5	0,1	2,3	15,3	37,7	14,3	30,3	121,2
V. Земля Войска Донского	—	66,7	23,4	8,0	1,4	0,5	—	8,3	21,6	34,1	19,5	16,5	49,2
VI. Ставропольская губ.	35,4	38,5	18,5	5,4	0,7	1,5	2	4,6	12,9	17,5	7,2	55,8	59,3

От 27,1 до 30,9% крепостного населения принадлежало этим же помещикам в черноземных великороссийских, в поволжских губерниях, в левобережной Украине и Северо-Западном крае. Относительно новороссийских степных губерний следует заметить, что здесь наибольшее количество крестьян (42,8%) было в руках помещиков, имевших от 101 до 500 душ, около $^1/_3$ (30,0%) было во владении помещиков, имевших от 21 до 100 душ, и лишь 8,4%, т. е. менее $^1/_{10}$ крепостного населения находилась в руках помещиков, имевших более 1000 душ, составлявших вообще ничтожную по количеству группу среди дворянства (0,3%). Несколько иначе было в степных восточных губерниях. Здесь две пятых крепостного населения были в руках помещиков, имевших от 101 до 590 душ и более одной пятой—в руках тех, кто имел более 1000 душ.

По количеству душ, приходящихся в среднем на одного помещика, наиболее крупнопоместным был приуральский северный район, где на 1 помещика приходилось 1125,5 крестьян м. п., затем правобережная Украина (272,3 д.), Северо-Западный край (121 д.), восточные степные губернии (100,9 д.), нечерноземные губернии (95,5 д.) и черноземные великороссийские (90,6 д.). И опять-таки новороссийские степные губернии по размеру душевладения (а не землевладения) нужно причислить к среднепоместным, ибо на 1 помещика приходилось только 60,2 д. м. п. на ряду с левобережной Украиной (54,7 д. м. п. на 1 помещика).

Оканчивая выяснение главнейших причин, влиявших на преобладание той или другой системы помещичьего хозяйства, можно отметить общее направление его развития. При переходе натурального помещичьего хозяйства к денежному, по мере увеличения потребностей помещиков, для удовлетворения которых уже требовались деньги, каждый помещик стремился так организовать свое хозяйство, чтобы оно при данных условиях почвы, климата и пр. приносило наибольший денежный доход. Отсюда получилось развитие в различных местностях или барщинной или оброчной системы и их видоизменение, развитие дворянских фабрик и т. п. Где только была выгодна барщинная запашка, помещики селились в имениях и лично вели хозяйство, переезжая в город на зиму. Это оседание дворянства на землю замечалось современниками.

«В настоящее время,—говорит Гакстгаузен, бывший в России в 1843 г.,—дворяне более, чем прежде, живут в деревне, хотя все еще не в той степени, чтобы они могли быть названы сельским дворянством; но все-таки они посещают свои имения, занимаются хозяйством в них, что видно из того, что число барщинных крестьян постоянно возрастает, тогда как оброчное положение, дотоле господствовавшая форма взимания дохода с крестьян во всей Великороссии, прекращается» [1]. «Раньше, — говорит он в другом месте, — молодые дворяне, лет с семнадцати, уже стремились поступать на гражданскую или военную службу, где и оставались, докуда могли... Теперь же большинство выходит в отставку через несколько лет и поселяются в имениях, чтобы заниматься сельскою или мануфактурною промышленностью. В то время, как раньше помещики очень мало занимались сельской экономией, в настоящее время многие образованные помещики, за последние пятнадцать лет, начинают серьезно заниматься сельской промышленностью и переводить крестьян с оброка на барщину, что заставляет их жить в имениях, чтобы лично наблюдать за ведением хозяйства» [2].

Я. Соловьев дал подробную характеристику в этом отношении различных групп дворян в Смоленской губ. в 50-х годах. Дворяне без крестьян жили отдельными селами, обрабатывая клочки своих земель, и на этих дворян, главным образом, направлялись меры правительства к переселению их. Дворяне, имевшие менее 20 душ, приближались к крестьянам: они или совершенно не служили, или после кратковременной службы жили безвыездно в деревнях. Имевшие от 21 до 100 душ очень быстро оставляли службу и также круглый год жили в деревне. Помещики, у которых было от 100 до 500 душ, зимою жили обыкновенно в городах; летом неслужащие жили в имениях или для отдыха, или для ведения хозяйства. И, наконец, помещики, имевшие более 500 душ, очень редко занимались сами хозяйством, редко жили в имениях, проводя время, большею частью, в столицах. Тем не менее, по указанию автора, двумя третями помещичьих

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 426. Конечно, с замечанием Гакстгаузена о прекращении оброчного положения в Великороссии можно отчасти согласиться только относительно местностей, выгодных для земледелия.

[2]) Указ. соч., т. III, стр. 63.

крестьян управляли сами помещики, и не более одной трети крестьян поручалось управлению наемных управляющих или бурмистров из крестьян [1]). В. Преображенский определял количество помещиков, живущих в имениях в Тверской губ., приблизительно в 1/4 всего их числа [2]).

Господство той или другой системы помещичьего хозяйства отзывалось на крестьянах прежде всего в количестве земли, отводимой им помещиками. В XVIII веке, по указанию В. И. Семевского, согласно свидетельствам современников, в чисто-оброчных имениях вся земля была в пользовании крестьян, количество же смешанных вотчин было ничтожно, поэтому можно считать, что в оброчных имениях почти вся земля была отдана крестьянам. Нужно заметить при этом, что в оброчных имениях в XVIII веке крестьяне пользовались лесом весьма свободно. Средний надел на душу равнялся 13½ десятинам, в числе которых было 4 десятины пашни. В барщинных имениях в XVIII веке на долю крестьян приходилось приблизительно 2/3 всей помещичьей земли; на душу в среднем по 8 десятин в нечерноземной полосе и 7 десятин — в черноземной. Нельзя забывать, что в этот приблизительный надел включен и лес, которым крестьяне пользовались под наблюдением помещика, или им отводились отдельные лесные участки [3]). В XIX веке отношение между господскою и крестьянскою удобною землею (без леса) выражается в следующих цифрах [4]):

---

1) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. статист. Смол. губ.», стр. 193—194.

2) В. Преображенский. «Описание Тверской губ.», стр. 103.

3) В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II», т. I, стр. 34—36.

4) См. таблицу № 4. Таблица вычислена по образцу работы кн. Волконского, на основании сведений о помещичьих и крестьянских землях в имениях, имеющих более 100 душ, помещенных в Приложениях к Трудам Ред. Ком. (т. I—IV и VI); цифра по Рязанской губ. взята из работы кн. Волконского. Относительно этих сведений нужно заметить, что они очень неполны и неясны. В некоторых имениях крестьянская земля не показана, и в таком случае приходилось совершенно выпускать имение, что уменьшало количество крестьян, относительно которых делался вывод. Сведения о лесе также сомнительны, что делает распределение земли между помещиками и крестьянами лишь приблизительным в лесных губерниях и более верным в степных губерниях.

Губернии.	% всей удобной земли без леса. У кре- стьян.	У поме- щиков.	Губернии.	% всей удобной земли без леса. У кре- стьян.	У поме- щиков.
1. Петербургская	79,66	20,34	14. Пензенская . .	57,25	42,75
2. Владимирская	79,52	20,48	15. Рязанская . .	52,60	47,40
3. Ярославская .	79,23	20,77	16. Тульская . . .	52,00	48,00
4. Нижегородск. .	79,20	20,80	17. Костромская .	50,02	49,98
5. Тверская . . .	77,18	22,82	18. Саратовская .	47,76	52,24
6. Калужская . .	76,02	23,98	19. Курская . . .	47,25	52,75
7. Вологодская .	73,37	26,63	20. Тамбовская .	47,20	52,80
8. Смоленская . .	71,41	28,59	21. Орловская . .	46,67	52,33
9. Псковская . .	68,24	31,76	22. Воронежская .	46,05	53,95
10. Новгородская .	67,45	32,55	23. Самарская . .	37,00	63,00
11. Олонецкая . .	65,61	34,39	24. Харьковская .	31,82	68,18
12. Черниговская	61,35	38,65	25. Полтавская .	31,37	68,63
13. Симбирская .	57,26	42,74	26. Екатеринослав.	18,43	81,57

На этой таблице отражается разделение крепостной России на две половины, сообразно принятой системе хозяйства в помещичьих имениях: в нечерноземных с преобладанием процента оброчных крестьян заметно преобладание крестьянской земли над господскою; в черноземных же губерниях, где преобладал процент издельных, замечается или равномерное распределение удобной земли между помещиками и крестьянами, или же преобладание господской земли над землей, находящейся в пользовании крестьян. В Екатеринославской губ. количество крестьянской земли спускается ниже $^1/_5$ части всей земли, но это объясняется в значительной степени малонаселенностью этой губернии.

В действительности, крестьяне, кроме показанного количества земли, в большинстве случаев пользовались и лесом для своих нужд: отопление, постройки, ремонт их и т. д.; иногда помещичьим лесом крестьяне пользовались для своих подсобных лесных промыслов: в редких случаях крестьянам отводились особые лесные участки, чаще они пользовались лесом с разрешения и под контролем помещика. По некоторым сведениям, по мере истребления лесов, помещики стали дорожить ими и стеснять крестьян в пользовании лесом. Так, Н. А. Крылов указывает, что Симбирская губерния, считавшаяся в начале XIX века лесистою, к 50-м годам стала почти степною. Ко времени реформы помещики стали уже заботиться о сохранении лесов, стесняли пользование ими, назначали караульщиков и полесовщиков. За самовольные порубки крестьян наказывали, хотя последние все же про-

должали смотреть на лес, как общее достояние [1]). В Черниговской губернии, судя по Приложениям к Труд. Редакцион. Комиссий, крестьяне продолжали, большею частью, пользоваться лесом бесплатно, но в некоторых случаях (в 23-х имениях) пользовались им за известное количество рабочих дней или иную плату; в очень редких случаях были выделены особые участки леса.

Сравнивая это распределение с приблизительным распределением земли в XVIII веке, нужно отметить изменение отнюдь не в пользу крестьян. Количество удобной земли, находящейся в пользовании крестьян, не поднимается выше $^4/_5$ всей удобной земли даже в губерниях с наибольшим процентом оброчных, опускаясь в то же время в черноземных губерниях ниже половины всей удобной земли; в XVIII веке, как сказано, количество земли, находящейся в пользовании крестьян, очень часто вдвое превосходило то, какое оставалось за господином. Это указывает на ухудшение положения крестьян в XIX веке сравнительно с XVIII.

Такое уменьшение количества земли, находившейся в пользовании крестьян, зависело, главным образом, от развития помещичьего барщинного хозяйства. Пока господин не дорожил собственною запашкою, он предоставлял большую часть земель крестьянам. В XIX веке, при увеличении потребностей помещиков, потребовалось повышение дохода с имения, при чем требовался преимущественно денежный доход. Результатом явилось стремление увеличить барщинную запашку для производства сельских продуктов в большем количестве для сбыта на рынке; понятно, такое увеличение запашки шло на счет крестьянских земель. Барщинная запашка заводилась даже в нечерноземных губерниях, что было, как сказано, одною из причин распространения смешанных повинностей крестьян.

Уменьшение относительного количества земли, находившейся в пользовании крестьян, еще неблагоприятнее влияло на положение последних потому, что население продолжало возрастать. Таким образом, вместо того, чтобы при увеличении населения поглощать все бо̀льшую и бо̀льшую часть помещичьих земель, крестьянское землепользование, напротив, все

[1]) Н. А. Крылов. «Накан. вел. реф.» «Истор. Вестн.», 1903 г., кн. IX, стр. 816.

более и более уменьшалось. Так как в нечерноземных, оброчных губерниях отношение крестьянских и помещичьих земель изменилось менее всего, то здесь можно лишний раз подчеркнуть преимущества положения оброчных крестьян перед барщинными.

Различие между положением оброчных и барщинных крестьян яснее раскрывается из рассмотрения средних крестьянских наделов, вычисленных на основании сведений, помещенных в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий, о землях в имениях, имеющих более 100 душ. Крестьянские наделы в XIX веке около времени раскрепощения в вышепоименованных двадцати трех губерниях были следующие [1]):

Губернии.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.	Губернии.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.
1. Вологодская	8,68	15. Орловская	3.50
2. Новгородская	8,61	16. Калужская	3,38
3. Олонецкая	7,64	17. Екатеринославская	3,26
4. Петербургская	6,40	18. Пензенская	3,24
5. Костромская	5,85	19. Черниговская	3,17
6. Смоленская	5,29	20. Воронежская	3,02
7. Самарская	5,27	21. Тульская	2,88
8. Псковская	5,04	22. Тамбовская	2,88
9. Ярославская	4,70	23. Московская	2,86
10. Саратовская	4,41	24. Рязанская	2,74
11. Тверская	4,41	25. Харьковская	2,53
12. Нижегородская	3,83	26. Курская	2,48
13. Владимирская	3,72	27. Полтавская	2,04
14. Симбирская	3,52		

[1]) См. таблицу № 4. В состав средних наделов входит усадебная земля, пахотная, луга, сенокосы, если есть, то кустарники, иногда, в редких случаях, лес; нужно заметить, что зачастую сенокосы были расположены в господских лесах. По указанию Редакционных Комиссий большего доверия заслуживает показанное количество пахотной и усадебной землю, в показаниях о лугах и сенокосах есть много неточностей, которые имели последствием то, что средние выводы о наделах, вообще, ниже действительности; они, впрочем, ближе подходят к истине в черноземной полосе, где пропорция лугов и сенокосов к пахотным землям вообще очень мала, и напротив, могут быть принимаемы только за приблизительные в нечерноземных и преимущественно в малонаселенных губерния, где луговые и сенокосные наделы преобладали над пахотными (Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование Александра II», т. III, стр. 826). Крестьянские наделы в степных губерниях, например, в Самарской, Екатеринославской, нужно принимать с особенною осторожностью, ибо здесь существовало еще залежное хозяйство, при котором наделы отличались большою неопределенностью. По этой именно причине Редакционные Комиссии сочли необходимостью назначить в степных губерниях указные наделы. Крестьянский душевой надел в Харьковской, Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губ. еще не характеризует степени обеспеченности крестьян, ибо в этих губерниях, как видно из таблиц №№ 7—11 крестьяне наделялись различным количеством земли в зависимости от того, имелся ли у них скот, какой и в каком количестве. О положении этих крестьян см. гл. VII.

При рассмотрении размеров средних наделов замечается та же разница между нечерноземными оброчными и черноземными издельными губерниями. По мере увеличения выгодности для помещика занятия земледелием уменьшается и количество удобной земли на ревизскую душу.

Замечаемое уменьшение средних наделов в XIX веке сравнительно с приблизительными средними наделами XVIII века имело свою причину прежде всего в приросте населения при отсутствии или малом количестве прирезаемой земли. В связи с этим стоит влияние на величину надела малоземелья или многоземелья губернии [1]). Вполне естественно, что самая малоземельная губерния (Курская) имела в то же время наименьший средний душевой надел удобной земли. В силу этой причины в число губерний с малым наделом попали такие нечерноземные губернии, как Московская и Владимирская; самое малоземелье этих губерний содействовало развитию промышленных занятий среди крепостных.

На величину надела имело влияние система земледелия. В таких губерниях, как, например, Новгородская, Костромская, Вологодская, где встречалось местами лядинное хозяйство, выше был и надел. Распространением переложной системы и многоземельностью объясняются сравнительно большие наделы в таких черноземных губерниях, как Самарская, Саратовская, Екатеринославская; как было замечено, в действительности крестьянские наделы там были, вероятно, еще значительнее. Веригин, управляющий имениями Нарышкиных в 40-х годах, давал в саратовском степном имении Л. А. Нарышкина по 10 дес. удобной земли, кроме отведенной под

---

[1]) Всей земли (крестьянской и помещичьей) на одну ревизскую душу мужеского пола приходилось следующее количество десятин в разных губерниях (Скребицкий, т. II, стр. 1491—1533).

1.	Новгородская	21,4	14.	Ярославская	7,8
2.	Екатеринославская	19,7	15.	Воронежская	7,3
3.	Петербургская	16,9	16.	Владимирская	7,0
4.	Вологодская	15,7	17.	Нижегородская	7,0
5.	Самарская	15,6	18.	Полтавская	6,8
6.	Костромская	14.3	19.	Калужская	6,5
7.	Псковская	13,3	20.	Тамбовская	6,3
8.	Саратовская	10,3	21.	Пензенская	6,1
9.	Тверская	9,0	22.	Орловская	6,0
10.	Симбирская	8,8	23.	Московская	5,5
11.	Харьковская	8,5	24.	Рязанская	5,3
12.	Смоленская	8,1	25.	Тульская	5,1
13.	Черниговская	8,1	26.	Курская	4,9

поселение и больших выгонов[1]). В Общем Своде сведений о состоянии помещичьих имений, представленном в конце 50-х годов в земский отдел министерства внутренних дел, показано, что одно крестьянское тягло получало 9 дес. 1470 саж. земли. В Екатеринославской губ. крестьяне получали в многоземельных имениях, отдаленных от городов, столько земли, сколько могли обработать, и лишь недостаток времени, занятого барщиной, и рабочего скота мешал им увеличивать свои запашки.

Имела значение и плодородность почвы губернии в связи с развитием промышленных занятий. При отсутствии подсобных промыслов, при неплодородности почвы помещику волею-неволею приходилось предоставлять крестьянам количество земли, достаточное для поддержания существования самого крестьянина и его семьи: в противном случае вся тяжесть содержания нищего населения легла бы на него самого. Впрочем, иные помещики этим не смущались и доводили крестьян до нищенства, урезывая надел и налагая повинности и работы выше сил крестьянина.

Снежневский в своем интересном исследовании о помещичьем и крестьянском крепостном хозяйстве в Нижегородском уезде с конца XVIII до 1861 г. приводит следующую таблицу, показывающую величину крестьянского надела и изменения в нем со времени последнего 10-летия XVIII века. По его вычислениям, надел пахотной земли на 1 рев. душу с 1790—1800 гг. (по данным о 31 имении) равняется 2,8 дес. (колеблясь от 1,5 дес. до 6,1 дес.); покоса приходилось по 0,5 дес. в среднем. В XIX веке этот надел был по десятилетиям таков:

Годы.	Количество имений.	Количество селений.	Пашни дес. на 1 рев. д.	Покоса дес. на 1 рев. д.
1801—1810	2	5	4,5	—
1811—1820	4	12	3,8	0,8
1821—1830	27	53	2,9	0,45
1831—1840	26	33	3,3	0,34
1841—1850	43	51	3,3	0,5
1851—1860	31	60	3,3	0,6

При всей скудости сведений, из которых сделан вывод, можно все же сделать заключение, что пахотный надел, по-

[1]) Н. В. Веригин. «Записки». «Р. Старина», 1893 г., кн. IV, стр. 135.

низившись к 30-м годам сравнительно с началом XIX века, оставался затем неизменным в этом малоземельном со значительно развитыми промыслами уезде; покос уменьшился до половины к 40-м годам и затем повысился, но все же не достиг прежнего размера [1]).

В высшей степени интересно выяснить вопрос, обеспечивал ли земельный надел лишь минимум необходимых средств к существованию, малейшее уклонение от которого вело уже к разорению крестьянина, или же он вполне обеспечивал удовлетворение всех потребностей крестьян даже в неблагоприятные для земледелия годы. Выяснение этого вопроса тем более важно, что Редакционные Комиссии, при определении максимума надела в каждой отдельной местности, приняли за исходный пункт существующий надел (в 1859 году), признав, что в крепостное время «в факте преобладающего надела практически выразилось долголетним опытом дознанное соотношение между крестьянскими нуждами и местными средствами, служащими к их удовлетворению» [2]).

Для выяснения степени достаточности надела для обеспечения существования крепостного населения возьмем расчет Янсона. Янсон считает, что в нечерноземной полосе «на тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел, для того, чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и при том, если земля не очень уж плоха, не может быть, с усадьбою, менее восьми десятин» на одну ревизскую душу; при этом он считает, что из этих восьми десятин может быть по две десятины пахоты в клину. При таком наделе, при урожае сам-третей, получится, за вычетом семян, количество хлеба, едва достаточное на прокормление 2½ душ, т. е. приблизительно того числа, какое приходится на одну ревизскую душу. Уплата различных денежных повинностей сюда не входит. Средние наделы в нечерноземных губерниях, вычисленные на основании Приложений, показывают, что в большинстве нечерноземных губерний средний надел не достигал указанной Янсоном нормы, в иных губерниях опускаясь до $^3/_8$ (в Мо-

---

[1]) Снежневский, «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде. «Действия Нижег. Уч. Арх. Ком.», 1905 г., вып. VI, стр. 12.

[2]) Скребицкий, т. II, стр. 1378.

сковской губернии). Это обстоятельство, т. е. недостаточность наделов, не давало крестьянам возможности существовать, занимаясь земледелием, и делало необходимым подсобные промыслы. В лучшем случае, если предположить, что ошибка при вычислениях средних наделов, вследствие неполноты сведений, достигает двух десятин, то и тогда в большей части нечерноземных губерний земельный надел мог удовлетворить только продовольственной потребности крепостного населения. Оброки же и уплата подушных ложились всецело на подсобные промыслы крепостных. Еще больше оттеняется недостаточность земельного обеспечения при выяснении количества пахотной земли на одну ревизскую душу. Янсон полагает необходимым надел в шесть десятин пахотной земли в трех полях. Между тем количество пахотной земли в некоторых нечерноземных губерниях было следующее [1]):

В	Нижегородской	губ.	на	1	рев.	душу	приход. пахоты	2,83 дес.
»	Калужской	»	»	1	»	»	» »	2,60 »
»	Ярославской	»	»	1	»	»	» »	2,31 »
»	Тверской	»	»	1	»	»	» »	2,27 »
»	Олонецкой	»	»	1	»	»	» »	1,87 »
»	Московской	»	»	1	»	»	» »	1,63 »

Понятно, что при таком количестве пахотной земли земледелие не могло иметь главного значения, требуя подсобных промыслов. В этих губерниях не могло быть крупного, достаточного для существования надела и потому, что это были самые малоземельные из нечерноземных губерний. В Нижегородской, Калужской, Московской, Ярославской губерниях даже общее количество помещичьей и крестьянской земли не достигало восьми десятин, необходимых, согласно Янсону, для обеспечения одной ревизской души. Насколько недостаточен был надел пахотной земли в Ярославской губернии, показывает расчет Гакстгаузена, сделанный им относительно Угличского уезда Ярославской губернии, где надел был равен $2^1/_2$ десятинам пахотной земли на мужскую душу, т. е. почти совпадал со средним наделом по губернии. Гакстгаузен считает на каждое из трех полей по $^3/_4$ десятины. На $^3/_4$ засеяна рожь, которой собирается при среднем урожае в $2^1/_2$ зерна, за вычетом семян, $9^1/_2$ четвериков; около $^3/_8$ засеяно ячме-

[1]) Вычислено на основании сведений, помещенных в Приложениях к Трудам Ред. Ком., об имениях, имеющих более 100 душ.

нем; за исключением семян, собрано $4^3/_4$ четверика, итого $14^1/_4$ четвериков хлеба, которые дадут 556 фунтов хлеба. Овес, посеянный на остальных $^3/_8$ дес., идет на прокормление скота и в расчет не принимается. Допуская, что с надела кормится мужчина и женщина (на самом деле на одну ревизскую мужеского пола душу приходилось больше, так как были еще дети и старики; кн. Волконский считает на одну ревизскую мужеского пола душу — $2^1/_3$ души наличного населения), и считая круглым счетом на каждого человека по $1^1/_2$ ф. хлеба в день, Гакстгаузен вычисляет, что на одного мужчину и одну женщину выйдет средним числом в год 1.094 ф. хлеба. Так как с надела собирается немного более половины этого количества, то является ежегодно дефицит в 538 ф. хлеба. «Дефицит этот покрывается покупкою привозного хлеба, а это может быть только при помощи побочных ремесл и заработков» [1]). Бывший крепостной помещиков — наследников Яковлевых, Пурлевский, живший в громадном промышленном селе Великом, Ярославской губернии, также свидетельствует в своих воспоминаниях, что крестьяне в их селе не довольствовались своим хлебом, а покупали привозный. «Простонародье северных губерний, — говорит Пурлевский, — кормилось почти одним черным ржаным хлебом да серыми щами. Калач считался лакомством, пряники — богатым подарком. В крестьянском быту от своего скотоводства все молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохом, толокном да репой пареной. Наше село не в счет. Промыслы поставляли нам средства не в пример лучше других мест» [2]).

Обращаясь к черноземной полосе, Янсон указывает, что для покрытия продовольственной потребности населения требуется пять десятин в душевом наделе при урожае сам-четверт; при таком наделе почти не может быть никаких избытков для уплаты денежных повинностей и покрытия других хозяйственных расходов. Этому требованию не удовлетворяла ни одна из указанных черноземных губерний. В отдельных имениях, конечно, были наделы, даже превосходящие указан-

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 118—111.

[2]) «Воспоминания крепостного». «Русский Вестник», 1877 г., кн. 7, стр. 342.

ную норму. В степных губерниях хотя и встречались наделы, размер которых был заметно выше пяти десятин, но нельзя забывать, что здесь существовало залежное хозяйство, требующее много земли.

Количество пахотной земли было здесь также далеко недостаточно. Янсон приблизительно вычисляет, что в душевом наделе необходимо иметь десятины четыре пахотной земли. Между тем в пяти черноземных губерниях, относительно которых вычислено количество пахотной земли на одну ревизскую душу [1]), душевой надел пахоты был следующий:

Самарская	3,68 дес.
Саратовская	3,32 »
Симбирская	2,28 »
Тульская	2,33 »
Курская	2 »

Сравнительная ничтожность надела говорит сама за себя. Само собою разумеется, что при таком наделе всякие денежные поборы, в виде оброков, подушных и пр., или ложились на промысловые заработки крестьян, или же вели к их разорению. Этим, быть-может, и объясняется, что отпуск крестьян на оброк в черноземных губерниях не всегда вел к улучшению экономического положения крестьян.

Гакстгаузен свидетельствует, что в приволжской местности (в Симбирской губ.) «барщинные деревни много богаче и лучше оброчных» [2]). Теплов, помещик Орловской губ., указывает также, что в местности, где лежало его имение (преимущественно земледельческой за отсутствием промысловых занятий), «оброк часто бывает обременительнее барщины». Этим и нужно объяснить, что, несмотря на позволение Теплова откупаться от барщины на оброк, крестьяне, даже самые зажиточные, упорно отказывались переходить на оброк, так-что помещик, выведенный из терпения «упрямством» крестьян, насильственно перевел пятьдесят самых исправных тягол на оброк [3]). Оброк в черноземных губерниях мог быть выгоден только в двух случаях: во-первых, если помещик отводил большой надел, и, во-вторых, если есть

---

[1]) На основании сведений о пахотной земле, помещенных в Приложениях к Трудам Ред. Ком.

[2]) Гакстгаузен, т. I, стр. 348.

[3]) Теплов. «Опыт улучшения быта крестьян». Москва, 1870 г., стр. 20, 21.

выгодные промысловые занятия. Так, в той же местности, где Гакстгаузен заметил бедность оброчных крестьян сравнительно с барщинными, он указывает на деревни гр. Орловой, расположенные на мысе, образуемом Волгою. Часть деревень состояла на оброке, часть—на барщине; «первые много богаче последних, так как близость Волги дает возможность заработков в различных промыслах» [1]). Никольский, указывая относительно Балашовского уезда Саратовской губ., что по справедливости оброчные крестьяне должны получать двойную пропорцию земли, сравнительно с барщинными крестьянами, говорит, что это делается иногда, но «в некоторых (имениях) и они не получают более, а только для излишнего земледелия своего снимают землю на стороне» [2]).

Из указанной недостаточности надела вытекает и другой вывод: в лучшем случае, при среднем урожае крестьянин мог удовлетворить со своего надела первые, необходимые продовольственные потребности. Этот вывод подтверждается свидетельством современников. Н. Н. Муравьев, автор примечаний к изданному в 1830 г. русскому переводу сочинения Тэра «Основания сельского хозяйства», говорит: «каждому тяглу потребно $1^1/_2$ дес. пахотной земли в поле, а в трех — $4^1/_2$, сенокосу — по 2 десятины, под поселение и огороды $^1/_2$ десятины, лесных дач и выгонов 1 десятина: итого 8 д. на тягло» [3]); так как Муравьев считает на одно тягло по две ревизских души, то на одну ревизскую душу приходится по четыре десятины. Я. Соловьев, пытаясь вычислить бюджет помещичьего крестьянина Смоленской губ., указывает, что «крестьянин, на говоря об исключениях, проживает все, что получает“ [4]). В. Преображенский делает общее указание относительно Тверской губ., что при урожае ржи сам-$3^1/_2$ а ярового — сам-3 «в ржаном хлебе уже будет недостаток, который в неурожайные годы доходит до 300.000 четвертей и заставляет часть земледельцев искать пропитание на стороне, а достаточных — покупать хлеб с января месяца» [5]).

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 348.
[2]) А. Никольский. «Хозяйств. описание Балашовск. у., Саратовской губ.». Спб. 1855 г., стр. 59.
[3]) Кн. Волконский. «Условия помещ. хозяйства при креп. праве», стр. 23.
[4]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статист. Смол. губ.», стр. 229.
[5]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ.», стр. 276—277.

«Поля дают хлеб помещику на прожиток, а крестьянину — для прокормления себя с семьей и частью на уплату разных государственных и своих общественных повинностей“ — таково мнение Веригина, управлявшаго в 30-х и 40-х годах обширными имениями Л. А., а затем Э. Д. Нарышкиных в Тамбовской и Саратовской губерниях» [1]).

М. Н. Семенов, автор „Руководства к управлению имением“, помещик Рязанской губ., Ранненбургского уезда, считает необходимым давать на тягло $8^1/_2$ дес. удобной земли (или 3,6 дес. на 1 рев. душу) (усадьба, сенокос, коноплянники и пашня). Этот надел был рассчитан Семеновым так, чтобы при среднем урожае крестьяне могли получать ровно столько, сколько нужно было на продовольствие, считая по две четверти ржи на едока. При большем урожае получился бы излишек хлеба, при меньшем — недостаток [2]). Если обратиться к среднему наделу в Рязанской губернии, то надел окажется ниже надела, необходимого, по указанию Семенова, для продовольствия одной ревизской души. Если даже допустить, что такой низкий размер надела составляет результат неполноты сведений о крестьянской земле, все-таки придется признать, что в лучшем случае средний земельный надел обеспечивал только получение минимума необходимых средств существования. При неурожае же крестьянин оказывался совершенно необеспеченным и требовал себе продовольственной и хозяйственной помощи. Г. Повалишин, описывая организацию хозяйства помещика К. В. Рязанской губ., считавшегося образцовым хозяином, отнюдь не притесняющим своих крестьян, указывает на ту же ограниченность надела крестьян. «Нередко происходившие в имении неурожаи воочию доказывали, что в такие годы большая часть крестьян не только не в силах уплатить повинности, но даже не может продовольствовать себя собственным хлебом» [3]). Выясняя, что считалось нормальным строем крепостного хозяйства, основанного на барщинном труде в Рязанской губ., Повалишин делает вывод, который можно до известной степени распространить и на всю Россию: «приобретаемые крестьянами от их помещиков выгоды обеспечивали

---

[1]) Веригин. «Записки». «Русская Старина», 1893 г., кн. VII, стр. 17.
[2]) Кн. Волконский, указ. сочин., стр. 27.
[3]) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии, т. XIV, вып. I, 1899 г., Повалишин: «Рязанские помещики и их крепостные», стр. 38.

им лишь минимум существования и не давали возможности даже в отдаленном будущем думать об улучшении этого положения, путем приобретения каких-либо средств для более сносного человеческого существования. Наоборот, весь ход помещичьего хозяйства давал основание заключить о переходе крестьян в совершенное рабство, т.-е. об ухудшении даже этого худого положения»[1]).

ГЛАВА IV.

Оброчные крестьяне.—Величина оброка.—Занятия оброчных крестьян.—Самоуправление.

В предыдущей главе мы видели, что средние наделы как в черноземных губерниях, так и в нечерноземных, в лучшем случае, только обеспечивали существование крепостного населения. Понятно, что при таких условиях всякие денежные повинности падали всею тяжестью не на землю, а на подсобные промыслы. Барон Гакстгаузен, так метко и ярко характеризовавший некоторые явления в помещичьем крепостном хозяйстве в сороковых годах, подметил и это обстоятельство. «Оброк крепостных, — говорит он, — лежит не на земле, которую помещик дает крестьянину, но на его рабочей силе и его промысле»[2]) Большее или меньшее соответствие между оброками и земельными наделами можно заметить только в местностях, где не были развиты подсобные промыслы, а потому оброк можно было взимать только давая лишнюю землю. Например, в Тульской и Тамбовской губ., как видно из примечаний в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий, оброчным давалось больше земли, сравнительно с издельными. В Тамбовской губ. в иных местах оброчные крестьяне получали от 6 — $7\frac{1}{2}$ дес. в душевой надел (в том числе $1\frac{1}{2}$ дес. сенокоса[3]). В Балашовском уезде Саратовской губ. в некоторых имениях оброчным крестьянам давали вдвое больше земли, чем издельным[4]). В имении графа Воронцова-Дашкова

[1]) Труды Ряз. Уч. Арх. Ком. т. XIV, вып. I, 1899 г. Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные», стр. 50.

[2]) Гакстгаузен, т. I, стр. 220.

[3]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 285.

[4]) Никольский. «Хозяйств. описание Балашовск. у., Саратовск. губ.», стр. 59.

Моршанского уезда Тамбовской губ. издельные получали по 6 десятин, оброчные — по 12 десятин на тягло [1]). В некоторых имениях, как видно из тех же примечаний, самый оброк определялся количеством десятин, которое давалось в надел оброчным крестьянам; оброк взимался подесятинно, при чем с десятины брали около 2-х и более рублей. Большею же частью оброк не находился в связи с даваемым количеством земли. Например, в селе Великом наследников Яковлевых, Ярославской губ. [2]), на 1743 оброчных крестьян приходилось 1723 дес. удобной земли, т.-е. по 0,98 дес. на душу; между тем в этом имении с тягла брали по 21 руб. или 17.230 руб. со всего общества, да кроме того 10.037 руб. 8 коп. на мирские расходы и на подати. В другом имении той же Ярославской губ., селе Поречье гр. Панина, при наделе в 1,64 дес., брали оброку по 7 руб. с души (9 р. 30 к. с тягла) и 5 рублей на мирские расходы. В одной деревне кн. Гагарина Нижегородской губ., в 30 верстах от Арзамаса, земельный надел был так незначителен (1½ дес. пашни и луга на душу при необходимости покупать дрова на отопление), что полевое и домашнее хозяйство вели бабы, старики и дети, а бо̀льшая часть здоровых мужчин уходила из деревни весною и возвращалась только к зиме, занимаясь бурлачеством на Волге. Им приходилось платить 50 руб. ассигнациями с тягла [3]). В Тверской губ. в большей части имений оброк «по малоземелью и скудости почвы» зарабатывали на стороне. Если в семье было три брата или даже два брата с подростками, девушками или освобожденными от оброка стариками, то один брат непременно уходил на сторону, преимущественно в большие города и столицы [4]).

В XVIII веке, во вторую половину царствования Екатерины II, средняя величина оброка равнялась 5 руб. с души в некоторых местах оброк повышался до 20 руб. с тягла (ежегодно). Для сравнения этих оброков с оброками, взимавшимися с крепостных перед освобождением, необходимо принять во внимание, что рубль восьмидесятых и девятидесятых

---

[1]) Приложения к Тр. Ред. Ком., т. III, Моршанск. уезд, № 2.

[2]) Приложения к Трудам Редакционной Комиссии, т. IV, Ярославский уезд, № 35.

[3]) Гакстгаузен, т. I, стр. 220.

[4]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ.», стр. 102.

годов XVIII столетия равнялся самое большее полутору рублю пятидесятых годов XIX столетия. Следовательно, при переводе денежных оброков второй половины царствования Екатерины II на деньги пятидесятых годов XIX столетия средняя величина оброка будет равняться 7 руб. 50 коп. с души, доходя в некоторых местах до 30 руб. с тягла [1]). В XIX веке средние чисто-денежные оброки представляются в следующем виде [2]):

Губернии.	Средний оброк с тягла.	Губернии.	Средний оброк с тягла.
1. Самарская	27 р. 56 к.	13. Рязанская	19 р. 34 к.
2. С.-Петербургская	27 » 26 »	14. Симбирская	18 » 93 »
3. Саратовская	26 » 11 »	15. Нижегородская	18 » 76 »
4. Тульская	23 » 38 »	16. Воронежская	18 » 46 »
5. Орловская	22 » 14 »	17. Вологодская	17 » 83 »
6. Пензенская	20 » 3 »	18. Московская	17 » 67 »
7. Ярославская	20 » 3 »	19. Тверская	17 » 53 »
8. Калужская	19 » 77 »	20. Владимирская	17 » 27 »
9. Тамбовская	19 » 75 »	21. Харьковская	17 » 02 »
10. Новгородская	16 » 55 »	22. Смоленская	16 » 82 »
11. Псковская	19 » 55 »	23. Курская	15 » 60 »
12. Костромская	19 » 40 »	24. Олонецкая	12 » 51 »

Из таблицы видно, что оброки сильно повысились с конца XVIII века.

---

1) Для сравнения ценности рубля второй половины царствования Екатерины II с ценностью рубля в половине XIX столетия взяты средние цены в копейках на одну четверть ржи (Тульская, Тамбовская и Ярославская губ.), пшеницы и овса (Ярославская губ.) конца XVIII века и пятидесятых годов XIX столетия. Данные для XIX стол. взяты из доклада Высочайше утвержденной Комиссии для исследования положения сельск. хоз. (Прилож. II—V, Спб., 1873). Получилось следующее отношение цен:

	XIX в. XVIII в.		XIX в. XVIII в.
Тульская губ.		Ярославская губ.	
рожь в 1780 гг.	437 : 240 = 1,8	рожь в 1780 гг.	361 : 329 = 1,1
» » 1790 »	437 : 285 = 1,5	» » 1790 »	361 : 480 = 0,7
Тамбовская губ.		пшен. » 1780 »	698 : 500 = 1,4
рожь с 1797 г.	250 : 232 = 1	» » 1790 »	698 : 727 = 1
		овес » 1780 »	237 : 162 = 1,5
		» » 1790 »	237 : 265 = 0,9
			1,2

Итак, один рубль пятидесятых годов XIX столетия равнялся 1,2 рубля конца прошлого столетия. Принимая во внимание недостаточность данных, и во избежание опасности уменьшить средние оброки XVIII в. и сделать поэтому вывод из сравнений оброков XVIII и XIX веков слишком неблагоприятным для последнего,— можно принять, что ценность рубля конца XVIII века самое большое была в полтора раза выше ценности рубля половины XIX века.

2) См. таблицу № 5. Средние оброки по двадцати четырем черноземным и нечерноземным губерниям вычислены на основании Приложений

Как видно, высота оброков сильно колебалась, и это зависело от разнообразных причин. Как на самое распределение барщинной и оброчной системы помещичьего хозяйства имели влияние удобства для земледелия, так и здесь выступает влияние той же причины. При выгодности ведения сельского хозяйства, помещики переводили на оброк только тех крестьян, с которых можно было взять большой оброк, заменяющий тот доход, который помещик получал бы с него, заставляя крестьянина работать на барщине. Действительно, на первых местах по величине оброка мы видим черноземные губернии. Но здесь же влияет и другая причина, понижающая оброк: малоземелье и перенаселение помещичьих имений. При малоземельи помещик был вынужден или переводить крестьян в затяглые и не требовать с них почти никаких повинностей, или переводить их на оброк, хотя бы и незначительный. Потому-то, вероятно, самый низкий оброк замечается в Курской плодородной земледельческой губернии.

Необходимость отпускать иногда крестьян на незначительный оброк зависела также от другого обстоятельства: от наличности или отсутствия подсобных промыслов. Чем незначительнее были подсобные промыслы, тем труднее было брать с оброчных крестьян высокий оброк и наоборот. Оттого-то мы и видим на первом месте по величине оброка С.-Петербургскую губернию. Подстоличные и столичные заработки позволяли брать с крестьян этой губернии высокие оброки. Кавелин указывает, что один господин брал с каждого из своих крестьян, торгующих по свидетельствам в С.-Петербурге, по 450 руб. сер. Масса оброчников платила по 60 руб. сер. с тягла [1]). Высокий оброк, отмечаемый в Ярославской губ., без сомнения, также зависел от развития отхожих и местных

к Трудам Редакционных Комиссий (т. I—IV и VI), по образцу работы кн. Волконского («Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве», гл. III). Цифра по Рязанской губернии взята из его работы (см. табл. № 3). Низкий оброк в Олонецкой губернии объясняется малым количеством чисто оброчных имений и отсутствием в них помещиков. В Олонецкой губернии в смешанных имениях оброки были выше и колебались от 14 до 31 рублей с тягла. По Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губ. не вычислена средняя величина оброка по недостатку сведений. В Екатеринославской губ. оброк отмечен лишь в 2-х имениях, где платили в одном имении по 34 р. 30 к., а в другом по 42 р. 50 к. с тягла; в Черниговской губ. с полных хозяйств брали рублей 20 в среднем, а с беззмельных—по 10 р.; в Полтавской оброки колебались от 1 р. 50 к. до 75 р. с души.

[1]) Кавелин, т. II, стр. 13.

промыслов. На величину оброка имели затем влияние размер имения и величина всего состояния помещика. При невозможности успешно вести барщинное хозяйство без личного контроля при крупном размере имения, помещик должен был отпускать или всех, или часть крестьян хотя бы на низкий оброк. Богатство помещика также позволяло ему довольствоваться ничтожным сравнительно оброком. Это хорошо иллюстрируется примером Воронежской губернии. По величине среднего оброка эта черноземная губерния занимает место среди нечерноземных. Выключение одного имения крупнейшего помещика, гр. Шереметева, повышает оброк до 28 руб. 50 коп. [1]) и ставит его на первое место по величине оброка. По этой же причине, несомненно, в разряд губерний с низкими оброками попала черноземная, почти исключительно барщинная, Харьковская губ. Здесь при незначительном общем количестве оброчных крестьян были очень крупные, чисто оброчные имения гр. Шереметева, кн. Юсупова, в которых крестьяне платили незначительные оброки (от 2 р. 82 к. до 4 руб. 87 коп. с души; в одном только имении князя Юсупова Сумского уезда крестьяне платили по 7 руб. 34 коп. с души). При отпуске же незначительного количества крестьян на оброк, что было типичным для харьковских имений, чаще всего брали по 30 руб. с тягла [2]).

Во многих имениях к чисто-денежному оброку, в XIX столетии так же, как и в XVIII, прибавлялись поборы натурою, но, повидимому, они не играли большой роли и были незначительным прибавком к чисто-денежному оброку. Калужский губернский комитет, например, оценил поборы натурою, в среднем, по 3 руб. с тягла, при чем по уездам поборы колебались между 2 руб. (в двух уездах) до 5 руб. (в одном уезде). Иногда крестьяне откупались от этих натуральных поборов, внося деньги за продукты по расценке их помещиком. Так, в имении Межакова Вологодской губернии Уфтюжская вотчина внесла с 93-х тягол — 70 овчин, а за остальные 23 овчины платила из расчета по 90 коп. за каждую; другие две вотчины совсем не внесли овчин, уплатив за них деньги; четвертая, наоборот, предпочитала почти ежегодно

---

[1]) Вычислено на основании Приложений к Тр. Ред. Ком., т. I.
[2]) Приложения к Труду Ред. Ком., т. VI, Харьковская губ.

покупать некоторое количество овчин на стороне ввиду недостатка овчин в собственном хозяйстве [1]).

По исследованию Снежневскаго, в Нижегородском уезде при почти неизменившихся ценах на хлеб оброки с конца XVIII века увеличились почти вдвое. В конце XVIII века оброк с души в Нижегородском уезде равнялся 4 руб. 75 коп. сер.; в 1840-х гг. он уже достигал 9 руб. 74 коп., а в десятилетие 1851—1860 гг.—равнялся 10 руб. 14 коп. сер. Постепенное повышение оброков и понижение благосостояния крестьян Снежневский иллюстрирует такими примерами. В имении Позняковых (село Борисовское и дер. Ройки) крестьяне в 1827 г. платили с души по 25 руб. ассигнац. или по 6 руб. сер., имея пахотной земли по 2,1 дес. К 1849 г. оброки почти удвоились: в Борисовском платили 14 руб. 10 коп. сер., в Ройках—по 13 руб. В 50-х годах оброки увеличились в полтора раза—а с разными поборами, вдвое, при уменьшении надела на 1/2 десятины. По расчету Снежневскаго, этим крестьянам приходилось платить в 1859 г. по 24 руб. сер. в год, т.-е. значительно больше среднего оброка по губернии в то же время. Чиновник, производивший расследование по жалобе крестьян, в рапорте губернатору заметил: «Позняков сделал со своей стороны все для разорения своих крестьян». Конечно, были, наоборот, помещики, которые оставляли оброк без изменения. Так, крестьяне того же уезда помещика Жеребцова платили неизменно до 1859 г. по 4 руб. 72 1/2 коп. сер. с души. Лишь в этом году оброк был повышен до 7 руб. 50 коп., т.-е. он все же не достиг даже среднего по уезду размера [2]). В вологодском имении помещика Межакова оброк с крестьян вырос резко с 1806 по 1831 г. (с 11.090 р. до 27.306 руб. сер., т.-е. более чем в два раза) и затем до конца 40-х годов оставался почти на одной и той же высоте, дойдя лишь в 1846 г. до 30.920 руб. сер. Повидимому, повышения почти не происходило потому, что платежеспособность крестьян при такой сумме оброка была так напряжена, что дальше повышать и не

---

[1]) Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 45. Вологда.

[2]) Снежневский. «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде». Дейст. Нижегородской Уч. Арх. Ком. 1005 г., вып. VI, стр. 14, 19.

имело смысла. На это указывает рост недоимок на крестьянах. Еще в 1832 году недоимки по имению числилось 11.032 руб. 10 коп., а в 1839 году—уже 22.290 руб. 59 коп., т.-е. она возросла более, чем в 2 раза. В среднем ежегодно крестьяне не имели сил доплачивать по 1.407 рублей [1]).

Кроме чисто-оброчных имений, в XIX веке было большое количество имений, где к оброку присоединялось, при существовании барщинной запашки, известное количество барщинных дней в год и некоторые другие работы. Так, Заблоцкий-Десятовский указывает, что в большей части имений оброчные крестьяне были обложены сбором натурою, при чем, если была в имении барщинная запашка, оброчные давали от 4 до 16 рабочих дней в году. Оброк с крепостных, состоящих на смешанной повинности, обыкновенно был ниже, чем с крестьян, состоящих на чистом оброке. В имениях, где часть крестьян находилась на чисто-денежном оброке, а часть отбывала те или другие барщинные работы, денежный оброк последних соответственно понижался. Нельзя, однако, возводить это в общее правило. В имениях, где крестьяне были частью на оброке, частью—на барщине, часто жил сам помещик, так как барщинная запашка требовала личного надзора за производством работ. Живя в деревне, помещик лучше знал состоятельность своих оброчных крестьян и, стремясь к наибольшему использованию рабочей силы крестьян, накладывал иногда высшие оброки сравнительно с оброками крестьян тех имений, где помещик лично не жил. Поэтому-то, вероятно, по вычислениям Хозяйственнаго отделения Редакционных Комиссий, касающимся одиннадцати уездов Владимирской губ., средний оброк по уездам в имениях, где крестьяне состояли на смешанных повинностях, был только в одном случае ниже, а в остальных уездах—выше среднего оброка в чисто-оброчных имениях [2]).

Эти смешанные повинности, при которых крестьянину приходилось разрываться между земледелием и промышленностью,

---

[1]) Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 45. Вологда, 1922 г.

[2]) Первое издание Трудов Редакционных Комиссий, т. XVI, кн. II, стр. 20.

были в большинстве случаев крайне тяжелы для крестьян [1]. В Калужской губ., где, по замечанию в «Общем Своде статистических сведений о помещичьих имениях», «общий характер... хозяйств — смешанный, т.-е. доходы взимаются частью оброком, частью обработкою запашек», встречались яркие образчики положения крестьян, стоящих на смешанных повинностях.

В имении Доломанова Медынскаго уезда крестьяне до 1834 г., когда они перешли во владение этого помещика, состояли на чистом оброке, платя по 60 руб. ассигнац. с тягла и не неся никаких повинностей, кроме ночных караулов и возки дров для господского дома. Земли у них было достаточно; на тягло приходилось по 7 дес. пашни в трех полях и до 100 пуд. сена, и крестьяне жили в достатке. Доломанов повысил оброк до 75 руб. ассигнац. и установил небольшую барщину. С годами господская запашка увеличивалась, рос оброк, а количество крестьянской земли уменьшалось. К 1860 г. крестьянские наделы уменьшились с 7 дес. до $5^1/_2$ на тягло, количество сена—со 100 пуд. до 40, по показанию крестьян, и до 70, по показанию самого Доломанова. Из 165 тягол, по показанию помещика, 145 состояли на смешанных повинностях и 20—на чистой барщине, отбывая ее на винокуренном заводе и помогая остальным в полевых работах «лишь в свободное от заводских работ время». Смешанным 145 тяглам приходилось платить денежный оброк по 25 руб. 68 коп. сер. с тягла и обрабатывать до 150 десятин в озимом и яровом полях, т.-е. по 1 дес. на тягло. Осенние и зимние работы приходилось выполнять женщинам и подросткам, так как мужчины после уборки хлебов уходили на заработки, чтобы было чем уплатить оброк. Помимо этого, каждая женщина должна была доставить по 10 аршин холста из своего льна и выпрясть из

[1]) На это есть и косвенные указания. Вышеуказанный оброк по Калужской губ. (19 р. 77 к. с тягла) вычислен на основании данных о чистооброчных имениях, в которых было более 100 душ. Калужский же губернский комитет определил средний оброк по губернии «с повинностями, переложенными на деньги», в 26 р. с копейками. Правда, при вычислении этого оброка принимались во внимание и имения, где было менее 100 душ, что могло повысить оброк; кроме того, нужно обратить внимание на замечание в «Общем Своде сведений о состоянии помещичьих имений», представленном в Земский Отдел М. В. Д., что средний оброк, «за вычетом на госпиталя», равняется 22 р. 50 к. сер.

господской волны (шерсти) по 4 аршина сукна; вдовы и девушки должны были доставить в лето по 3 фун. сушеных грибов или уплатить их стоимость деньгами по существующим ценам. Женщины, сверх этого, пололи морковь для конского завода и перебирали картофель для крахмального. К столь тяжелому экономическому положению присоединялась крайняя строгость и требовательность помещика при работах, преследование им раскола среди крестьян и различные вымогательства (взимание денег за перечисление детей, взятых в дворовые, обратно в тяглые крестьяне, за освобождение от рекрутской повинности, отказ возвратить деньги, взятые в долг у крестьян). Крестьяне не вытерпели; в 1860 г. среди них начались волнения, кончившиеся благополучно для крестьян, благодаря энергии и настойчивости калужского губернатора В. А. Арцимовича. Самое характерное в этом деле то, что дворянское депутатское собрание, в которое было передано дело об этих крестьянах, признало Доломанова совершенно правым. Так как губернское правление не согласилось с таким мнением, то дело было передано в Сенат, который постановил взять имение Доломанова в опеку. Но дворяне были по-своему правы. Ряд примеров показывает, что тяжелое положение крестьян Доломанова не было исключением и не выходило из общего уровня положения крестьян, состоящих на смешанных повинностях. Крестьяне Доломанова и в 1860 г., несмотря на такие тяжелые повинности, сохраняли еще некоторую степень достатка. Положение крестьян в других имениях Калужской губ. бывало хуже.

В Тарусском уезде в одном имении перед реформою 209 тягол платили по 100 руб. ассигнац. и летом несли барщину от 20 до 24-х дней, а 73 тягла, при оброке в 50 руб. ассигнациями, несли барщину круглый год. Ввиду возникших волнений помещица согласилась обложить всех без исключения по 15 руб. сер. с тягла, но с условием обрабатывать летом господскую запашку (100 дес. в поле) и до 50 дес. сенокоса. В другом имении крестьяне платили по 20 руб. сер. с тягла и исполняли барщину во все рабочее время с Пасхи до конца осени. В одном имении Медынскаго уезда смешанные крестьяне, сверх оброка в 25 руб. сер. с тягла, работали на барщине всю страду и отбывали «многие другие натуральные повинности»; в другом, обрабатывая

господскую запашку и убирая общинные сенокосы, крестьяне платили по 17—23 руб. с тягла и т. д. [1]). В Нижегородском уезде в имении Пирожникова крестьяне за время от 1832 по 1855 гг., кроме оброка (от 5 руб. до 7 руб. 15 коп. с души), обрабатывали на помещика каждый от 0,9 до 1,3 дес. пашни, помимо сборов натурою; надел же этих крестьян был от 2,2 до 3,5 дес. пашни и около 0,4 дес. покоса на душу. В имении Вайнич-Сяножинского того же уезда положение смешанных крестьян было еще тяжелее. Кроме довольно крупного оброка (10 руб. 30 коп. с души), крестьяне обрабатывали по 0,5 дес. господской запашки и до 50 дес. луга. Собственный надел их был недостаточен: пашни было лишь около 2-х десятин. При среднем урожае им хватало своего хлеба только до ноября. Сена они собирали от 60 до 75 пуд. на тягло. Положение крестьян было так тяжело, что в 60-х годах среди них начались волнения. Еще тяжелее было положение крестьян помещиков Чириковых. В 40-х годах эти крестьяне, имея сравнительно большие наделы (по 4 дес. пашни на душу), платили оброк по 12 руб. сер. с души и считали его необременительным. Кроме земледелия, многие из них занимались вязанием рыболовных сетей и ходили на штукатурный промысел. Благосостояние крестьян можно видеть и из того, что на каждый двор приходилось по 2 лошади и по 2,5 голов рогатого скота. С переходом к новому владельцу, сыну прежнего, положение их стало изменяться. Новый помещик понизил оброк до 10 руб. 50 к. с души, но ввел запашку по 0,23 дес. на душу; через некоторое время оброк был понижен до 9 руб. с души, господская запашка увеличена до одной десятины на душу. «Крестьяне не в состоянии были исправно платить оброк, и помещик все увеличивал свою запашку, оставив крестьянам около 1,5 дес. на душу». Так чисто-оброчные крестьяне были переведены на тяжелые смешанные повинности, обусловившие недоимки, а последние вели к переводу крестьян на барщину. В 60-х годах Чириков ввел в имении ежедневную барщину; лишь 75 человек отпускались на посторонние заработки с обязательством отбывать барщину наймом, что, по словам крестьян, им обходилось до 35 руб. в лето. Кре-

[1]) А. А. Корнилов. «Крестьянская реформа в Калужской губернии», стр. 6—11, С.-Петербург, 1904 г.

стьяне жаловались губернатору, что помещик разоряет их работами и поборами. Жалоба крестьян по дознанию подтвердилась [1]). В вологодском имении помещика Межакова оброчные крестьяне отбывали в среднем по 20 дней с повытка, помимо уплаты оброка, различных денежных сборов и взноса натуральных поборов. Ухтолицкая вотчина этого помещика жаловалась ему, что их вотчина «отяжелена всякими находами и, во-первых, по реке лес плавили, у нас за ним... время проходит много, по 10 ден на повыток, а на все ваши господские страды—по 20 ден на повыток... и денежного расходу довольно: старосте — 30 р., земскому — 8 р. и вестовщику, да летние езды отправить — 20 рублей и всего денежного расходу 58 рублей» [2]).

Здесь крестьяне не упоминают еще о платеже оброка и взносах припасов натурой. Не удивительно, что они стремились сбросить с себя работы, как отвлекающие их от работ и занятий, при помощи которых они должны были где-то добывать значительные денежные суммы для платежей. И мы знаем факт из истории этого имения в 1829 — 30 г., когда крестьянский мир уплачивал из мирских сумм „кому рубль, или два, или меньше и больше и за что именно, что жили которые сверх миру в с. Никольском при господских работах", „сверх расположенных дней", „за управление сдельных работ в с. Никольском — сенокос и жатву — за 32 дня [3]). Другими словами — мир решался платить тем крестьянам, которые брали на себя отработку — сверх своих — господских дней, лежавших на крестьянском обществе.

Иногда часть оброка крестьяне уплачивали работою на господина сверх положенной. Так, в имении того же Межакова в Вологодской губ. за работы, произведенные оброчными крестьянами на помещика сверх возложенной на них по принятому положению, — представлялся счет, который обычно и засчитывался в сумму оброка.

Иногда крестьяне летом работали в имениях на барщине и у себя, а зимою отпускались на оброк. Такие имения

---

[1]) В. Снежневский. «Материалы для истории креп. хозяйства». Действия Нижегор. Уч. Арх. Комиссии. 1905 г., вып. VI, стр. 15, 16.

[2]) Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 56.

[3]) Ibid., стр. 46.

встречались часто, как видно из примечаний в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий, в Новгородской, Тверской, Смоленской губ. В имении помещика Стерлигова Московской губ. в 1850-х г. часть крестьян была на годовом оброке, часть—только на зимнем, большинство—на барщине, при чем число и тех и других, повидимому, менялось. Так, в 1857 г. на годовом оброке было 39½ тягла, на зимнем — 28; в 1858 г. на годовом оброке состояло уже только 13. Повинности этих оброчных крестьян были различны. Оброчные годовые уплачивали 80 р. асс. (22 р. 85¾ к. сер.) [1]; годовые, кроме того, обязаны были в летнее время обработать одну десятину от каждого поля и брали на сенокос 4 десятины [2]). Зимний оброк разделялся „по расчету месяцев в ту же сумму". Повидимому, летом они работали на барщине наравне с барщинными крестьянами [3]).

В Псковской губ. смешанная система принимала иногда такой характер, что на один двор накладывалось ½ барщинного тягла и ½ оброчного или на один двор — барщину, а на другой — оброк; это вело к тому, что в одной семье часть мужчин шла на оброк, а другая оставалась на барщине, или для той же цели соединялись два тягла [4]). Иногда в имении ежегодно отпускалось на оброк несколько тягол или по выбору владельца, или по свободному соглашению между самими крестьянами.

Барщинная запашка, встречаемая в нечерноземных губерниях, как было указано выше, может объясняться отчасти отсутствием хороших путей сообщения, вследствие чего помещик нечерноземной полосы мог выдерживать конкуренцию с владельцем черноземного имения. Кроме того, мелкопоместные помещики должны были довольствоваться небольшими доходами и, за неимением средств жить в столицах, должны были поселяться в имениях и заводить хотя небольшие запашки для удовлетворения своих ближайших потребностей. Барщинную запашку заводили и для острастки крестьян, так как последние боялись

---

[1]) Повидимому, с тягла.

[2]) В 1858 г. в результате крестьянских протестов годовые должны были обрабатывать только 1½ десят. пашни в поле и отбывать один день на покосе.

[3]) Пичета. «История крестьянских волнений в России», стр. 100.

[4]) Скребицкий, т. III, стр. 1203. Показание членов от губернских ко-

барщины и исправнее выплачивали оброк. В имении Новинского, Псковской губ. в 1820-х годах, где все крестьяне состояли на оброке, все же была небольшая господская запашка, при чем на барщине состояли лишь немногие крестьяне, «кои совсем развратны, по хозяйству нерадивы» [1]. В имении Шиповой [2], в Тверской губ., не платившие недоимщики назначались, например, на господский хутор, обрабатываемый обыкновенно наймом. В Тверской губ. вообще в тех местах, где оброчные крестьяне по каким-либо причинам не могли не только платить оброка и исполнять натуральных повинностей помещикам, но даже платить податей в казну, вводилась барщина [3]. Перевод с оброка на барщину, как средство борьбы с недоимщиками, применялся и в черноземных губерниях. Управляющий тамбовскими имениями Л. А. Нарышкина в конце 20-х годов, Н. В. Веригин, например, найдя, что в оброчном шацком имении «оброк с 3000 душ не собирался, а выбивался», всех недоимщиков перевел на барщину. Ту же систему применял он, как было указано, в саратовских имениях Л. А. Нарышкина, а затем в 40-х годах в саратовских и тамбовских имениях Э. Д. Нарышкина [4].

В голодные 1833 и 1834 гг. у гр. Разумовского в Аркадакской волости оброчные недоимщики были переведены на барщину. В с. Скачихе Саратовской губ. у кн. Волконского все крестьяне по 1824 г. были на оброке, который уплачивали с трудом. В результате в конце концов все оказались недоимщиками и их поспешили перевести на барщину: оброчных осталось лишь 8 дворов из общего числа 250 [5]. Помещик Саратовской губ. А. Н. Львов обязывал старосту тех крестьян, которые «приходят в упадок и в платеже оброка будут несостоятельны, не доводя их до совершенного разорения, заблаговременно обращать на господское хлебопашество» [6].

---

[1]) Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 329.

[2]) Приложение к Трудам Ред. Ком., т. IV, Бежецкий уезд, № 55.

[3]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ....», стр. 99—100.

[4]) Записки Н. В. Веригина. «Русск. Старина», 1893 г., кн. IV, стр. 124 и 140, кн. VII, стр. 171. См. также Н. Ф. Хованский, «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», стр. 61. Материалы по креп. праву. Саратовская губ. Изд. Сарат. Губ. Уч. Арх. Ком. Саратов, 1911 г.

[5]) Н. Ф. Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», стр. 60—61. — Материалы по крепостному праву. Саратовская губ. Изд. Сарат. Губ. Уч. Арх. Ком. Саратов, 1911 г.

[6]) «Хозяйство и распорядки крупных саратовских поместий в старину“, стр. 13. Матер. по креп. праву. Сарат. губ., Саратов, 1911 г.

Перевод недоимщиков с оброка на барщину был заметным явлением в нечерноземных губерниях в 20-х годах. Как последствие неурожая 1820—22 годов, на оброчных крестьянах накопились за эти годы значительные недоимки. Помещики, стремясь повысить доходность своих имений, всячески боролись в это время, между прочим, и с недоимками. Они переводили недоимщиков на барщину, применяли их труд на фабриках, отдавали их в подрядные работы; подобные меры вызвали в 1826 г. протесты крестьян в целом ряде имений [1]).

Ввиду недостаточности, в большинстве случаев, земельного надела для обеспечения денежных платежей крестьян, очевидно, что повышение оброков в XIX веке сравнительно с XVIII могло произойти только вследствие развития подсобных промыслов. В черноземных губерниях на помощь оброчным крестьянам являлись земледельческие отхожие промыслы, так как, благодаря наличности подобных земледельческих рабочих, могла производиться эксплоатация обширных плодородных пространств малонаселенных южных губерний со слабым процентом крепостного населения. Иногда, конечно, в этих губерниях встречались промышленные оброчные селения. Такова была, например, слобода Михайловка, Новооскольского уезда Курской губ., принадлежавшая кн. Потемкиной. В ней было всего 5000 рев. душ при 14.587 дес. «В земле крестьяне не нуждались, так как почти все были ремесленники, торговцы, хлебопашеством не занимались, сбывали свои произведения, преимущественно сапоги, в огромном количестве в Турцию чрез Одессу и, исправно выплачивая помещице оброк, не более 9000 руб. в год, жили очень хорошо, а многие даже зажиточно» [2]). В лесных губерниях, где в оброчных имениях зачастую вся земля отдавалась в пользование крестьян, хотя земельный надел был относительно велик, но земледелие также было мало развито, оброчные крестьяне уплачивали оброк, большею частью занимаясь лесными промыслами. Так, например, в Кологривском уезде Костромской губ., по указанию барона Гакстгаузена, были сильно распространены дегтярный промысел, мочальное

[1]) См. об этом ст. «Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле и о 14 декабре 1825 г.», стр. 50—59, в сборнике статей И. Игнатович. «Борьба крестьян за свое освобождение». Изд. «Петроград», 1924 г.

[2]) Н. Решетов. «Дела давно минувших дней». «Русский Архив». 1885 г., II, стр. 149.

производство, постройка судов и т. п. [1]). Иногда крестьяне уплачивали оброк, благодаря наличности в предоставленных им всецело господских имениях выгодных статей, например, рыбных озер и т. п. В некоторых местностях крестьяне уплачивали оброки благодаря льноводству. В Ростовском уезде Ярославской губ. процветали садоводство и птицеводство. В деревне Поречье гр. Паниной собиралось до 40.000 пудов цикория, более чем на 200.000 руб. сер. [2]). В местах, где было мало земли, были сильно развиты отхожие промыслы. Иногда часть крестьян оставалась на месте, при земле, а часть уходила на промыслы. В Юхотской вотчине гр. Шереметева, в Ярославской губ., из 9500 мужских душ только 2600 жили на месте, а остальные промышляли по паспортам в Москве, С.-Петербурге и др. [3]). В селе Висене гр. Салтыкова, в Нижегородской губ., из 1820 душ, занимавшихся большею частью сапожным и башмачным ремеслом, около 500 бывали постоянно в отлучке по паспортам [4]). Они работали в Саратове, Астрахани, Уральске и даже в Сибири. Некоторые уходили на 10—15 лет, другие совсем поселялись в чужих городах и никогда уже не возвращались на родину, хотя и не разрывали связей с селом, уплачивая причитающиеся на них подати и сохраняя за собою свой дом, сад, участок земли, хотя сдавали его обыкновенно в аренду. В Костромской губ. оброчные крестьяне уходили на заработки, оставляя хозяйство на попечении жен. Если в семье не было родственника мужчины, который мог бы вести хозяйство, то жена нанимала работника для обработки полосы и посева ярового и озимого хлеба [5]). Значительная часть уходящих на промыслы направлялась в столичные, портовые и другие города. В приволжских местностях Костромской губ. многие крестьяне, вообще неохотно занимаясь земледелием, уходили—помимо отлучек по разным городам—в самое нужное время для полевых работ на Волгу в бурлаки, нанимаясь провожать барки с грузом от Царицына, Саратова, Симбирска, Казани, Нижнего-Нов-

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 192—195.
[2]) Там же, т. I, стр. 123.
[3]) Там же, т. II, стр. 126.
[4]) Там же, т. I, стр. 214.
[5]) С. Дмитриев. «Опыт практических замечаний кинешемского земледельца», 1855 г., стр. 42.

города до Ярославля, Рыбинска и дальше. Земледелие, конечно, от этого сильно страдало, но бурлаков манила надежда на благоприятные ветры и выдача судопромышленниками вперед половины договоренной платы [1]). Вообще многие оброчные крестьяне бурлачили на Волге. Гакстгаузен слышал, что большинство бурлаков (на Волге) состояло из крепостных, редко из государственных крестьян.

Часть оброчников находила себе работу на фабриках и заводах, но эти работы могли поглощать лишь небольшое количество свободных рук, так как даже в 1858 г. число рабочих на фабриках и заводах равнялось лишь 548.921, при чем в этом же числе нужно считать работников мелких крестьянских фабричек, на которых зачастую рабочий сливался с хозяином. В числе фабричных вольнонаемных рабочих, как указывает М. И. Туган-Барановский [2]), было много помещичьих крестьян. Фабриканты предпочитали нанимать их, а не государственных крестьян. Эти фабричные крепостные частью были невольные оброчники, т.-е. помещичьи крестьяне, отданные самими помещиками за известную плату на фабрику, частью самостоятельно нанимавшиеся крестьяне из оброчных имений. Фабричные рабочие должны были уплачивать из заработка оброк хозяину; при этом нередко владельцы фабрик сами уплачивали его господину рабочего. Это, несомненно, должно было понижать заработки рабочих и держало их в полной зависимости от хозяев; подобные рабочие назывались кабальными. Помещик до 1835 года мог во всякое время потребовать оброчного крестьянина с фабрики в имение, и только в этом году закон запретил помещику требовать рабочего обратно до окончания срока выданного паспорта. Но по окончании срока паспорта оброчник никогда не мог быть уверенным, что он останется на свободе, и его не потребуют в имение. Нередко оброчные крестьяне занимались торговлею по свидетельствам, уплачивая громадные оброки, доходящие до 450 руб. сер. с души и выше [3]). Заработки оброчников затруднялись тем, что помещики часто требовали взноса оброчной суммы вперед. Для зажиточных крестьян это не было обременительно, но бедные вынуждены были прибегать к зай-

[1]) С. Дмитриев. «Оп. практ. замеч. кинеш. земл.», стр. 44.
[2]) Туган-Барановский. «Фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 92.
[3]) Кавелин, II, стр. 13.

мам за громадные проценты (нередко по 15 % в месяц), так что многие крестьяне оставались вечно в долгу [1]). Это-то обстоятельство ставило оброчных крестьян в полную зависимость от фабрикантов, уплачивавших за них оброки помещикам.

Положение оброчных было тем тяжелее, что помещик стремился повышать оброк по мере роста богатства или заработков крестьян. А. Ф. Полушин, богатый крестьянин гр. Шереметева в с. Иванове, платил в 1814 г. оброку за 2 тягла, в 1815 г. за 5 тягол, в 1824 за 8 и в 1827 г. за 10 тягол (по 55 руб., т. е. всего 550 руб.). Число членов его семьи за этот период времени не изменилось; «оброк, следовательно, — замечает его сын, Н. А. Полушин,— увеличился только вследствие увеличения материального достатка», чему соответствуют и семейные записи. Так же поступал помещик и с другими крестьянами [2]). Поэтому крестьяне нередко скрывали от помещиков действительные размеры своих заработков. Между тем между ними встречались очень богатые люди, чему способствовали начавшие быстро развиваться в XIX веке, особенно с сороковых годов, кустарные промыслы.

Мелкие крестьянские фабрички с успехом конкурировали с большими частными, вотчинными и поссессионными фабриками. Конечно, это могло происходить только благодаря малому развитию техники производства, дешевизне материала и вольному труду кустарей, работавших для себя, самостоятельно, и имевших притом еще и подсобный заработок в виде земледелия. В силу развития мелкой кустарной промышленности в сороковых годах замечается размельчание производства, а не концентрация. Число фабрик растет, а количество рабочих на каждой отдельной фабрике падает. Главный контингент таких крестьян-кустарей и крестьян-фабрикантов почерпался из оброчных крестьян. В сороковых и пятидесятых годах выдвинулись такие богатые промышленные села, как Иваново, Шуйского уезда, Ворсма и Павлово, Нижегородской губ.,—

[1]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 288.

[2]) «К истории русской промышленности. Памятная книга крестьянина с. Иванова А. Ф. Полушина с дополнительными примечаниями сына и его внука». 1751—1850 г. Сообщил Н. А. Полушин. «Русский Архив», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

оба гр. Шереметева. Первое в сороковых годах давало заработок на хлопчато-бумажных фабриках 42.000 человек и вырабатывало ежегодно 900.000 кусков бумажных материй на сумму 23.400.000 руб. ассигнациями [1]). В конце 30-х годов ценность «свободных» земель в селе Иванове превышала 4.000 руб. сер. за десятину. В 1837 г. село Иваново было включено в маршрут путешествия цесаревича, и этот факт, как правильно замечает Н. А. Полушин, показывает, что «уже в то время внимание правительства было достаточно обращено, как на самое село Иваново, так и на весь окружающий его район фабричной деятельности» [2]).

Во всех этих селах встречались богатые фабриканты, имевшие собственные села и собственных крепостных, хотя и приобретенных на имя Шереметева. Так, одному фабриканту, Ивану Горемыкину, принадлежало сельцо Спасское. Некоторые крестьяне имели по 600—700 душ своих крепостных. Из оброчных крестьян вышел такой богач, как Савва Морозов; в Ворсме особенно известен был фабрикант Завьялов. «В Костромской губ. основатели всех бумаготкацких фабрик, действовавших в конце пятидесятых годов,— говорит Туган-Барановский,—за немногими исключениями, были помещичьими крестьянами, начавшими дело с небольших кустарных заведений» [3]).

Несмотря на возможность достигнуть богатства, крестьянин все же не был независим от господина. Последний мог во всякое время возвысить оброк до такой степени, что оброчник должен был неминуемо разориться. Господин мог лишить его всего имущества. К таким бесчестным поступкам прибегали даже богатые помещики. Господин мог перевести оброчных крестьян на барщину, запретить им заниматься тем или другим промыслом. Вообще эта зависимость от произвола помещика, сдерживаемого лишь личным расчетом, сильно понижала промышленную деятельность оброчных крестьян и заставляла их скрывать свои капиталы. Поэтому понятны стремление оброчных к свободе и ненависть их к крепостному праву.

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 391.

[2]) «К истории русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова, А. Ф. Полушина». «Русский Архив», 1898 г., кн. VI, стр. 202.

[3]) Туган-Барановской, стр. 99, 101.

В этом отношении характерна судьба крепостного крестьянина Николая Шипова, принадлежавшего гр. Салтыкову и жившего в богатой оброчной слободе Выездной, Арзамасского уезда Нижегородской губ. Отец Шипова был зажиточным крестьянином, занимался скупкою скота в большом количестве (5—10 тысяч голов) в Уральске, Оренбурге и Астрахани, пригоняя его для продажи в Нижегородскую губ.; кроме того, он менял юфть на бухарские товары, имел пушную лавку в Нижнем-Новгороде. Шипов имел собственных рабочих и приказчиков, необходимых при его больших торговых делах. Ввиду такой зажиточности Шипова, общество свободы Выездной накладывало на него по раскладке свыше 5.000 в год. Несмотря на отсутствие в имении помещика, предоставившего крестьянам слободы Выездной до известной степени самоуправление, зависимость от помещика тяжело отзывалась на торговых делах Шиповых. В 1828 г., например, Шиповы понесли 18.000 руб. ассигнац. убытку потому, что помощник бурмистра (последним был в то время отец Шипова) распускал слухи, что на Шипове состоят большие начеты по управлению вотчиной, а потому его скот и товары будут арестованы; кредит Шипова пал по этой причине. По смерти отца, по проискам того же помощника, назначенного уже бурмистром, Н. Шипов был арестован на дому. Хотя управляющий имением велел вскоре освободить его, но тем не менее уже было расхищено много товара; состояние и торговые дела Шипова пошатнулись. Кредит нельзя было восстановить, так как во всякое время Шипова, как крепостного, могли лишить всего имущества: носились слухи, что все его имущество будет арестовано, а его самого отдадут в солдаты. Просьбы Шипова сбавить с него оброк в виду пошатнувшихся торговых дел и взыскать убытки с виновников его ареста и разорения не привели ни к чему. Побившись некоторое время, Н. Шипов, будучи энергичным человеком, решил бежать и тем избавиться от гнета крепостного состояния, что исполнил в 1832 г. Но в качестве беглого его действия были еще более стеснены. Он должен был скрываться от посланных за ним сыщиков, вести торговые дела под чужими именами, терпя, конечно, при этом громадные убытки от отсутствия личного присмотра и недобросовестности лиц, которым приходилось доверять. Например, один его приказчик, посланный с юфтью, скрылся

вместе с деньгами. Шипов же не мог его преследовать. Н. Шипов принужден был переезжать из города в город в России и за границей, пока не утвердился на Кавказе, в Пятигорске, где дела его пошли хорошо. В 1837 г. местопребывание Шипова было открыто, благодаря Сухорукову, у которого он служил комиссионером, из-за личных счетов передавшему полицеймейстеру письмо, в котором говорилось о бегстве Шипова. Н. Шипов был посажен в тюрьму и после долгой судебной волокиты был приговорен в 1841 г. уездным судом к возвращению к помещику. Понятно, за это время состояние его опять расстроилось. В 1842 — 45 гг. Шипову опять пришлось потерпеть чувствительные материальные убытки из-за крепостного состояния. Выхлопотав в 1842 г. полугодовой паспорт, он приобрел в Кишиневе клеевой завод с шерстяною мойкою. Вернувшись на родину, он просил вновь выдать паспорт, но получил отказ. Пришлось управлять заводом через приказчика, который ничего не сумел сделать. Задаток и первоначальные затраты пропали даром, и надежда Шипова поправить денежные дела погибла. Положение Шипова становилось бедственным. Приходилось платить 400 руб. оброку, а его, как опального, боялись принимать даже в услужение. Иск Шипова против дяди, у которого он оставил перед бегством часть имущества, был решен магистратом не в его пользу, а гражданская палата решила, что по этому делу мог хлопотать только или управляющий, или помещик. Таким образом и здесь поперек дороги стало крепостное право. Положение Шипова было настолько затруднительно, крепостное состояние настолько связывало его по рукам и по ногам, что Шипов решился на отчаянную попытку освободиться. Познакомившись со статьею закона, что крепостные люди, бывшие в плену у горских хищников, по выходе из плена освобождаются на волю со всем семейством и могут избрать род жизни, какой пожелают, Шипов выхлопотал полугодовой паспорт, пробрался на Кавказ и пристроился маркитантом при действующей армии. Здесь он действительно попал в плен и был освобожден со всем семейством в 1845 г. на основании вышеприведенного правила [1]. На этом конкретном

---

[1]) Н. Шипов. «История моей жизни». (Рассказ бывшего крепостного крестьянина). «Русская Старина», т. XXXI, стр. 31—32.

примере видно, как сильны должны были быть в оброчных крестьянах стремление к свободе и ненависть к крепостному праву.

Конечно, не все были так энергичны и настойчивы, как Н. Шипов, но крестьяне готовы были пожертвовать половиною и более своего капитала, лишь бы выкупиться на волю. Удавалось это лишь богатым крестьянам, при этом приходилось иногда выплачивать громадные выкупные суммы. Савва Морозов купил свою свободу у гр. Шереметева за 17.000 руб. Заблоцкий-Десятовский приводит два случая выкупа оброчных крестьян: в первом случае помещик взял 16.000 руб., в другом — 30.000 руб. при капитале у крестьянина в 45.000 руб. У гр. Шереметева, который неохотно соглашался на выкуп, средняя цена равнялась 20.000 руб. за семейство [1]). Вообще выкупные цены были крайне разнообразны, так как размер их всецело зависел от добросовестности помещика, богатства крестьянина, а также и от того, насколько известно было помещику состояние выкупающегося крепостного. Крестьянин стремился скрыть свое истинное состояние от помещика, помещик — содрать как можно больше с крестьянина. Впрочем, некоторые помещики не желали давать выкупа из тщеславия иметь в своей власти богачей-крестьян. Заблоцкий-Десятовский указывает, что помещики нередко не желали выкупа богатых крестьян из-за боязни потерпеть убытки, так как при существовании круговой поруки эти богачи выплачивали недоимки своих собратий: на этом основании приостановил однажды отпуск на волю гр. Шереметев. Князь Салтыков, владелец слободы Выездной, Нижегородской губернии, совершенно прекратил отпуск крестьян на волю после того, как он отпустил на волю крестьянина, казавшегося небогатым, а после освобождения выстроившего в Москве большой каменный дом и обширную фабрику. Один крестьянин, очень богатый, предлагал ему 160.000 руб. за себя и семерых сыновей, чтобы он отпустил их на волю; помещик не согласился:

---

[1]) А. Ф. Полушин в своей памятной книге отметил, что «в селе Иванове графа Шереметева за 12 лет (с 1827 г. по 1839 г.) выкупились на волю 34 семьи самых крупных фабрикантов. Выкуп не превышал 20.000 руб. с семьи, но в большинстве случаев был меньше». «К истории русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова А. Ф. Полушина», «Р. Арх.», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

Отец Шипова, автора воспоминаний, хотел выкупить на волю свою внучку за 10.000 руб. и также получил отказ [1]).

Выкуп иногда сопровождался невыгодными условиями для промышленников. А. Ф. Полушин сообщает, что в 1828 г. Горелиным, ситцевая фабрика которых в конце 30-х годов была обширнейшей и лучшей в Иванове, при увольнении их из крепостного состояния, дома их и фабрики предоставлены были им в пользование на 25 лет, по истечении которых они могли все недвижимое имущество продать графским же крестьянам. Впрочем, условие это было впоследствии уничтожено, и все недвижимое имущество Горелиных перешло к ним в потомственное владение [2]).

Кроме относительно большей материальной обеспеченности оброчных крестьян сравнительно с барщинными, оброчные пользовались большею самостоятельностью, большим самоуправлением. Нужно отметить, однако, что в этом отношении положение оброчных ухудшилось в XIX веке сравнительно с XVIII. Во многих местах это произошло уже потому, что, благодаря распространению смешанно-оброчных имений, увеличилось вмешательство помещиков в крестьянскую жизнь и ее распорядки. В этих имениях помещик чаще лично раскладывал оброк, сообразуясь с большею или меньшею состоятельностью оброчников. В тех имениях, где все крестьяне отпускались на оброк, помещик, не живя лично в имении, не знал своих крестьян и не мог поэтому соразмерить величину оброка с имущественною состоятельностью каждого отдельного крестьянина. В таких случаях крестьянам часто предоставлялось самостоятельно раскладывать оброчную сумму, назначаемую на все общество сразу. Вместе с раскладкою оброчной суммы помещик обыкновенно предоставлял крестьянам до известной степени и внутреннее самоуправление. Кошелев указывает на самоуправление в оброчных имениях [3]), суд стариков, мирские сходки. Крестьяне сами раскладывали между собою подати и оброки, решали на сходках возникающие вопросы и дела повседневной жизни. Земля у них находилась — в большей

---

[1]) Н. Шипов «История моей жизни и моих странствий». «Русская Старина», 1881 г., т. XXXI, стр. 227.

[2]) «К истории русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова, А. Ф. Полушина». «Р. Арх.», 1898 г., кн. VI, стр. 197.

[3]) Кавелин, стр. 61.

части Великороссии — в общинном владении [1]). Существование круговой поруки и самостоятельная раскладка оброчной суммы вели к соразмерности оброка с платежною способностью крестьян. Для примера приведем описание оброчного села Кубанского, Вологодской губ., принадлежавшего г-же Ярославлевой [2]). «Во главе всей общины, считающей в себе 800 душ, поставлен со стороны помещицы староста, получающий 500 руб. ассигнациями жалованья. Община выбирает сжегодно 5 посредников и 12 старшин, которые подчинены старосте и вместе с ним творят общинный суд, и для письмоводства нанимается писарь с жалованием в 200 руб. ассигнациями. Суд разбирает все спорные дела между поселянами о границах земли, о наследстве и пр., налагает в случае нужды опеку и пр. Этот суд налагает до 24 ударов розгой; уголовные дела, конечно, ему не подлежат». В другом оброчном селе, Висене, Нижегородской губ., кн. Салтыкова, оброк распределялся следующим образом: «Каждые 100 тягол выбирают одного старосту, следовательно, на всю деревню приходится 18 старшин (в с. Висене — 1820 душ), которые разделили всех членов общины на группы по их имуществу и, сообразно этому, разложили на них оброк, разделивши его на число душ, так что, например, один богатый платит за 30 душ, каждый из свечных заводчиков платит за 20 душ, и вследствие этого некоторые платят за полдуши» [3]). В селе Великом, Ярославской губернии, принадлежавшем наследникам Яковлевых, при незначительном количестве земли, не обеспечивавшем платежа оброка, крестьянское общество положило всю сумму оброка на землю, но не разделило его равномерно между своими членами, а принудило богатых взять больше земли, чем сколько им было нужно, и чем сколько бы пришлось на их долю при равном дележе; через такой раздел богатым пришлось вносить больше, чем могла дать земля [4]).

Неравномерность обложения в оброчных имениях видна на примере села Богородского, Нижегородской губ., С. В. Шереметева. В этом селе минимум оброка равнялся 25 руб. сер. с души. Из окладной книги села за 1858 г. видно, что

[1]) Заблоцкий-Десятовский. «Гр. Киселев и его время», т. IV, стр. 288.
[2]) Гакстгаузен, т. I, стр. 144—145.
[3]) Там же, стр. 215.
[4]) Там же, стр. 74.

9 человек платили за год от 500 до 1530 руб., всего 7560 руб.; 24 человека — от 200 до 375 руб., всего 5707 р. и так далее [1]). В имении Межакова, Вологодской губ., наблюдалась также разница оброков. Так, с одного крестьянина дер. Левашева брали 25 р. в год, с другого из дер. Чикайлово — 180 р. асс. В 50-х годах в большинстве случаев размер оброка с крестьянина этого имения составлял от 17 р. до 22 р. 86 коп. сер., а с дворового человека — от 15 до 30 р., с женщины обычно — 7 р. 14 1/2 коп. в год [2]).

Не всем помещикам нравилась общинная организация крестьян, быть-может, вследствие того, что при существовании мирского самоуправления труднее было эксплоатировать отдельных крестьян; если только мирская организация была крепка, на все вымогательства помещика крестьянин мог отвечать определенно: «Мир велит», «мир ответит», «мир решил» и т. п. Против общины вооружается и Заблоцкий-Десятовский, указывая, что круговая порука тяжелым бременем ложится на зажиточных крестьян, лишает их предприимчивости и стремления к увеличению благосостояния. Но с точки зрения интересов беднейшего класса населения необходимо нужно признать очень важное значение за круговой порукой и общинным самоуправлением; круговая порука умеряла и уравнивала произвольные оброки крестьянина, а самоуправление общины охраняло личность крестьянина от эксплоатации и произвола помещика. Отдельная личность могла скрыться за мир: каждого отдельного крестьянина помещик мог притеснить, уговорить, но, раз дело касалось мира, помещики должны были серьезно бороться с его стойкостью. Крестьяне были привязаны к своей общине и с трудом расставались с нею. Заблоцкий-Десятовский указывает, что попытки некоторых помещиков разделить землю на отдельные участки и образовать род ферм не удавались, если помещики лично не жили в имении.

Присматриваясь к положению оброчных крестьян, нельзя не признать, что экономическая эксплоатация их усилилась

---

[1]) Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. Сборник статей, описей и документов, т. III, ст. Снежневского: «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне 19 февраля и в первое время после него», стр. 69.

[2]) Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере» стр. 46.

в XIX веке сравнительно с XVIII, и отчасти уменьшилась их самостоятельность. Но в большинстве случаев, по крайней мере, крепостное право в этой форме все-таки не насиловало личности крестьянина, не обращало его в бессловесное, пришибленное существо. Не то было у барщинных крестьян, к характеристике положения которых я теперь и перехожу.

ГЛАВА V.

Крестьяне, работающие на барщине. - Переход от натурального хозяйства к денежному и борьба помещиков с невыгодными сторонами крепостного права. — Размер барщины. — Тягла.– Крепостные, отбывающие барщину на помещичьих фабриках и заводах. — Общинный быт помещичьих крестьян.

Выше, при рассмотрении таблиц о количестве барщинных и оброчных крестьян в XIX и XVIII веках, мы видели, что число барщинных увеличилось, главным образом, в черноземных губерниях. Помещики, видимо, считали для себя выгодным переводить крестьян с оброка на барщину. Уже из одного этого факта можно сделать вывод, что положение крестьян в этих губерниях ухудшилось. Барщинная обработка земли требовала тщательного надзора за подневольным рабочим, так как только страх перед наказанием мог заставить барщинника работать напряженно. Для возможно большего использования труда крестьянина необходимо было, кроме того, тщательно регламентировать его жизнь. При наличии барщинной запашки помещик ближе соприкасался с личностью крестьянина, следовательно, чаще могли проявляться насилие и произвол со стороны владельца. Таким образом, чем больше внимания обращали помещики на барщинную запашку, чем большую роль она играла в помещичьем хозяйстве, тем хуже должно было становиться положение барщинных крестьян.

К выводу об ухудшении положения барщинников ко времени реформы можно подойти и другим путем. Положение крестьян зависело от величины имения. Чем мельче были имения, тем чаще жили в них сами помещики, а следовательно, тем сильнее могла проявляться с их стороны эксплоатация крестьян, и тем тяжелее была зависимость крестьянина от владельца. В крупных имениях крестьяне чаще отпу-

скались на оброк. Между тем ко времени реформы произошло раздробление крупных имений сравнительно с началом XIX в.

Барщинные имения можно разделить на сельско-хозяйственные и промышленные, так как в нечерноземных губерниях помещики нередко заводили фабрики, заводы, вообще, занимались различными промышленными предприятиями. К последней группе мы перейдем ниже, теперь же остановимся на барщинных имениях сельско-хозяйственной группы.

Как было указано, ко времени реформы в общей массе крепостных преобладали барщинные крестьяне (71,7%). Даже в 23-х великороссийских, из которых 13 — нечерноземных, барщинные крестьяне в имениях, имеющих более 100 душ, составляли почти половину крепостного населения, опускаясь до 31,22% в нечерноземных губерниях и поднимаясь до 69,70% в черноземных. По данным о всех имениях рисуется та же картина. Чем южнее губерния, чем плодороднее почва и благоприятнее условия для развития сельского помещичьего хозяйства, тем выше процент барщинных крестьян. Напомним еще раз степень распространенности барщинной системы по районам [1]:

Губернии	%% барщиных крестьян.
Новороссийские степные	99,3
Малороссийские левобережные	99,3
» правобережные	97,4
Земля Войска Донского	97,2
Северо-западные	92,4
Приуральские северные	90,2
Восточные степные	83,0
Поволжские	73,3
7 центральных черноземных	71,2
13 нечерноземных	41,1
Астраханская	13,0

В этой таблице замечается последовательное падение процента барщинных крестьян по мере движения на север; исключение составляют северо-западные губернии, где близость внешних рынков и Царства Польского могла благоприятствовать развитию помещичьего сельского хозяйства, а поэтому и развитию барщины; в приуральских губерниях (Вятская и Пермская) по местным условиям получила сильное

[1]) См. таблицу № 1.

развитие промышленная барщина, имевшая свои особые формы. Барщинное хозяйство было господствующим в черноземных губерниях. В губерниях Киевской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической крестьяне почти поголовно были издельными. В самом характере и способе ведения сельского хозяйства замечалась сильная разница между отдельными хозяйствами, в зависимости от этого была разница и в положении крестьян.

Пока меновые отношения в стране были мало развиты, и пока потребности помещиков стояли на таком низком уровне, что они могли быть удовлетворены продуктами собственного хозяйства, — до тех пор господствовало натуральное хозяйство. Помещики не заводили барщинных запашек, а довольствовались натуральными приношениями крестьян, при чем эти приношения вначале были даже в готовом виде, например, в виде печеного хлеба, холста и т. п. Такие чисто натуральные хозяйства вряд ли сохранились ко времени реформы. По мере роста своих потребностей помещик уже не довольствовался готовыми приношениями крестьян, а требовал сборов в виде сырья, которое перерабатывалось дворнею в предметы, годные для удовлетворения его вкусов. Дифференциация среди крестьян усилилась. Одна часть крестьян трудилась над добыванием сырья, другая — дворня — перерабатывала сырье в предметы, которые могли быть потреблены барином. При таком строе хозяйства извне приобреталось только то, чего нельзя было изготовить в собственном хозяйстве; для этого некоторая часть собираемых с крестьян продуктов шла на рынок. «Эта часть сельско-хозяйственных произведений, — говорит кн. Волконский, — составляла, вместе с покупными предметами помещичьего потребления, то звено, которым крепостное население привязывалось к остальному обществу»[1]). При таком строе помещичьего хозяйства барщинная запашка была незначительна, а большую роль среди помещичьих крестьян играл натуральный оброк. Дворня была необходимою частью хозяйства и нередко бывала очень велика. Крестьяне в таком имении сравнительно редко приходили в соприкосновение с помещиком, и экономи-

---

[1]) Кн. Волконский. «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве». Рязань, 1898 г.

ческая эксплоатация их не могла сильно развиться, так как помещику было невыгодно теснить крестьян, с благосостоянием которых было связано его собственное.

В начале XIX века в Рязанской губернии, где процент барщинных был велик, в южных уездах (черноземных) натуральное хозяйство, как указывает кн. Волконский, было господствующим. Что такое было подобное натуральное хозяйство, можно показать на примере, приводимом кн. Волконским. Помещик Рязанской губ. Колобов, имевший 500 душ мужеского пола и живший приблизительно в тридцатых и сороковых годах, так вел свое хозяйство. Покупали лишь то, что невозможно было производить дома: покупались железо, соль, деготь, лесной материал, если его не было в имении; пряности, сухие плоды, изюм, миндаль и т. п.; закуски, рыба, если не было рыбной реки или озера. Все покупное очень ценилось и тратилось очень экономно. Дворня в имениях этого рода была многочисленна и разнообразна. Среди дворовых нередко были столяры, кузнецы, молотобойцы, портные, сапожники, кучера, далее дворецкие, пекаря, кондитеры, слесаря, музыканты, псари и штат псовой охоты, актеры, повитухи, даже профессиональные дураки. Конечно, не все помещики были настолько богаты, чтобы позволять себе иметь подобную многочисленную дворню, но каждую потребность помещики стремились удовлетворить по возможности при помощи труда своих крепостных. А так как все многочисленные и постоянно растущие потребности не могли все-таки удовлетворяться исключительно натуральным оброком, то помещики увеличивали барщинные запашки.

Распространение образованности в России, усилившиеся сношения с Западом и расширение потребностей помещиков, как результат этих явлений, должны были, с одной стороны, смягчать нравы господ, а с другой, — увеличивать экономическую эксплоатацию крестьян. Рост потребностей и разнообразие их приводили к необходимости большую часть предметов, необходимых для удовлетворения этих потребностей, покупать на рынке. Это вело к необходимости повышать доход с имения, поставляя на рынок в возможно большем количестве продукты собственного хозяйства. Сельское хозяйство стало вестись не исключительно для производства продуктов, нужных для *самого* помещика, а часть продуктов

уже шла на рынок, чтобы при помощи продажи их добыть нужные для помещика деньги. Выдающийся помещик Нижегородской губ., В. Л. Демидов, например, как явствует из его приходо-расходной книги, вел чисто-денежное хозяйство: исключая хлеба, производившегося на продажу, все приобреталось покупкою — мясо, домашняя птица, крупа, иногда репа и даже яйца; обработка продуктов трудом крепостных почти не производилась. Доход по его имению состоял почти исключительно из дохода от земледелия. Так общие доходы по имению и в числе их доходы по земледелию по пятилетиям с 1840 по 1855 гг. распределялись так:

Годы.	Доход по имению (серебром).	В том числе доход от земледелия (серебром).
1840—1845 г.	16. 817 р. 94 к.	15. 809 р. 16 к.
1845—1850 »	16. 096 » 79 »	15. 299 » 73 »
1850—1855 »	14. 384 » 53 »	13. 777 » 99 »

Несмотря на общее падение доходности имения, доход от земледелия относительно занимает все большую часть общего дохода [1]).

Даже в такой неплодородной губернии, как Вологодская, в имении Межакова, где оброки доставляли главную часть дохода, помещик вел денежное хозяйство, продавая хлеб, масло, лошадей с конского завода. Не имея возможности развить сельское хозяйство по условиям почвы и климата, он завел ряд предприятий, устроил винокуренный завод, кирпичный, черепичный, брал на себя подряды по губернии, отдавал деньги взаймы под векселя и пр., всяческими способами стараясь поднять денежный доход. Приход по его имению состоял из следующих статей (в рублях):

	1835 г.	1840 г.	1849 г.
Оброк	27.270	30.045	30 332
Продажа хлеба	13.580	10.557	5.909
» масла	2.451	3.401	?
» лошадей	1.098	?	?
Разные получки	5.669	—	—
Итого	50.068	50.978	45.293

[1]) В. Снежневский. «Быковская вотчина Демидовых». Д. Ниж. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 99. Доход от земледелия составлял по указанным пятилетиям 93,9% общего дохода по имению, затем 95%, и, наконец, 95,8%.

Как видим, оброк давал главную часть дохода, при чем относительное его значение все повышалось: в 1835 году оброк составлял 54% дохода, в 1840 году — 59% и в 1849 году — 67%.

Продажа хлеба, масла, лошадей хотя давала сравнительно крупную для северного имения сумму, но выручка от продажи хлеба, например, сократилась более, чем в $2\frac{1}{2}$ раза. Впрочем, к 60-м годам количество хлеба, предназначенного на продажу, сильно возросла, а именно: с 60 четвертей ржи в 1845 г. поднялось до 518 четвертей в 1860 г.; овес со 116 четвертей поднялся до 585 четвертей, ячмень с 81 четверти до 101 четверти.

Расходы по имению в те же годы почти поглощали указанный доход и объясняют нам неизбежность стремлений помещика повысить денежный доход с имения.

РАСХОДЫ (в рублях).	1835 г.	1840 г.
Взносы в Опекунский Совет	36.300	26.300
Расходы на содержание	6.000	6.000
Непредвиденные расходы	4.373	?
Всего	49.379	45.452

Здесь взяты сравнительно благополучные годы, когда приход даже превышал расход. Но это не было обычным явлением: в 1831 г. расход равнялся 49.390 р. при 47.371 р. дохода; в 1839 г. при 45.250 р. расхода имелось дохода только 43.276 р. Нужно принять во внимание, что расходы на содержание при этом не растут. Наибольшую часть средств поглощали платежи по долгам [1]).

Главным предметом торговли был хлеб. Пунктами сбыта были города: Вологда, Белозерск, Вытегра, Каргополь, село Устье и Березное в Кадниковском уезде, иногда окрестные села и винокуренные заводы, т. е. местом сбыта служил, видимо, преимущественно местный рынок. Сбывались: овес,

[1]) Л. Андреевский. «Очерк круп. креп. хозяйства на сев.», стр. 38, 47.

рожь, ячмень, изредка мука, крупа овсяная и пшеница. Росла торговля молочными продуктами (масло и сыры). С 1800 года, когда было продано 63 пуда 10 ф., количество проданного масла дошло в 1832 г. до 239 п. 26 ф., упав, впрочем, к 1843 г. до 199 п. 3 ф. Сыры отправлялись даже в Москву. Покупщиками являлись купцы, в редких случаях—крестьяне [1].

В подобных хозяйствах засевалось не то, что было нужно для помещика, не всего понемногу, как было при натуральном хозяйстве, а хозяева приноравливались к спросу на рынке на тот или иной продукт и к свойствам почвы в своем имении. В нечерноземных губерниях чаще предпочитали отпускать крестьян на оброк, чем увеличивать барщинную запашку. В южных же губерниях, по преимуществу черноземных, переход от натурального хозяйства к денежному приводил к постепенному увеличению барщинной запашки. Выступление сельского хозяйства на рынок характеризуется также введением культур, наиболее пригодных для данной почвы, так что в Вологодской губ. перестали сеять пшеницу, а на черноземе лен. Впрочем, это улучшение в сельском хозяйстве нарушалось нередко требованиями рынка: если, например, на рынке требовалась пшеница, тогда, хотя бы данная почва была пригоднее для какой-либо другой культуры, помещик принужден был вводить в севооборот пшеницу.

Один помещик Екатеринославской губ. в 1852 году на вопрос В. А. Папаева, ведется ли у него трехпольное хозяйство, ответил, что он засевает то, что требуется в порты; в данном году, ввиду требования за границу льняного семени, он засеял одним льном 500 десятин; ни пшеницы, ни овса, ни ржи посеяно не было [2]. Действительно, в эпоху реформы 1861 г. в Екатеринославской губ. землевладельцы засевали $^3/_4$ полей пшеницей, а где была целина или залежи, делали большие посевы льна, ввиду того, что за границу обыкновенно требовались, главным образом, эти продукты. Рожь в большом количестве помещики сеяли только там, где были винокурни [3]. В этом отношении с Новороссией не могли

[1] Я. Андреевский «Очерк крупн. креп. хоз. на сев.», стр. 38—39.
[2] «Воспоминания В. А. Панаева». «Русск. Стар.», 1902 г., кн. I, стр. 192.
[3] «Матер. для геогр. и стат. России, собр. офицерами генер. штаба, Екатеринославская губ.». Составил ген. шт. кап. В. Павлович. Спб. 1862 г., стр. 133, 172.

конкурировать даже сравнительно близкие к портам малороссийские губернии. Есть свидетельство относительно Суражского уезда Черниговской губ., что с разведением льняного семени в Новороссии отправка конопляного масла в южные порты, как то было прежде, стала невыгодной, ибо льняное масло вытесняло конопляное [1]). Другую выгодную статью дохода помещичьего хозяйства в Новороссии составляло овцеводство, чему благоприятствовали степи, соответствующий климат и недостаток рабочих рук для земледелия. Здесь овцеводство по своей выгодности могло быть поставлено наравне с хлебопашеством. В Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерниях и в Бессарабской области в 1848 г. было 3.657.290 голов мериносов. В 1851 г. в одних трех первых губерниях было 3.070.000 тонкорунных овец [2]). К требованиям рынка применялись и в южных приволжских губерниях. В Балашовском уезде Саратовской губ., например, арендаторы земель, обрабатывавшие ее наймом, старались их «занимать посевами исключительно одних более ценных хлебов: проса, пшеницы, льна или гороха» [3]).

Развитие сельского помещичьего денежного хозяйства в крепостное время затруднялось и отсутствием удобных путей сообщения [4]). Гакстгаузен, внимательно наблюдавший хозяйственную жизнь России в сороковых годах, говорит. *«Главнейшая потребность России заключается в улучшенных путях сообщения»*. «Россия, — продолжает он, — представляет обширную равнину, которой лучшие внутренние губернии удалены от моря, которой необильные реки три четверти года несудоходны, дороги в дождливое время непроезжаемы, шоссейных дорог не существует, о железных дорогах не начинают думать» [5]). Как известно, первая железная дорога в

---

[1]) Есимонтовский. «Описание Суражск. уезда Черниг. губ.», стр. 21 Н. В—цкий указывает на затруднительность поставки хлебов из Полт вской губ. в южные порты из-за днепровских порогов. «Очерки дореформенного быта в полтавском побережье». «Киевск. Стар », 1896 г., т. VII—VIII, стр. 114.

[2]) В. И. Семевский. «По поводу статьи Рожкова...», «Р. Мысль», 1902 г., кн. IV, стр. 134.

[3]) Никольский. «Хозяйств. описание Балашовск. уезда Саратовской губ.», стр. 70.

[4]) Трудность доставки хлеба из-за плохих путей сообщения объясняет тот факт, что в 1840 г. при неурожае продовольствие Петербурга, по словам имп. Николая I, зависело от подвоза хлеба из-за границы. «Имп. Н. I в его письмах к кн. Паскевичу». «Р. Арх.», 1897 г., кн. I, стр. 28.

[5]) Гакстгаузен, т. I, стр. 413. Курсив Гакстгаузена.

России была открыта только незадолго до отмены крепостного права. Помещики в силу этого никогда не могли рассчитывать на своевременную доставку хлеба, что очень затрудняло торговые обороты. Следствием плохих путей сообщения были резкие колебания хлебных цен, нарушавшие расчеты хозяев. При плохих путях сообщения цены сильно повышались и понижались в зависимости от степени урожая и удаленности от рынка. В 1843 году в С.-Петербургской губ., например, хлеб был в пять раз дороже, чем в Курской (с равномерным урожаем). В 1845 г. в то время, как в Курской губернии цена ржи равнялась 1 р. 50 коп., в Псковской губернии, на расстоянии 600 или 700 верст, цена доходила до 14 и 15 р. сер.[1]). По доставленным Гакстгаузену сведениям, в Харьковской губ. «цена на хлеб, смотря по тому, хороши или дурны дороги, близка или судоходна река, разнится в местах, отстоящих друг от друга на 50 верст, больше чем на половину». Близость рынка для сбыта сельских продуктов делала, по указанию того же Гакстгаузена, чрезвычайно выгодным занятие земледелием около Одессы. Ему указывали, что «если около Киева 500 крестьян доставляют доход в 20.000 руб. ассигнац, то же количество крестьян около Одессы даст 80.000 руб. ассигнациями»[2]).

Затруднение, в которое ставились помещики, занимавшиеся сельским хозяйством, облегчалось до известной степени существованием крепостного права. При падении хлебных цен помещик, не будучи вынужден продавать хлеб, хотя бы за бесценок, лишь бы расплатиться с вольнонаемными рабочими, мог выжидать повышения цен. Это заметил барон Гакстгаузен, говоря о Харьковской губернии: «В этих хлебородных местностях помещики ни под каким видом не продают своего хлеба в урожайные годы и в большинстве случаев запрещают продажу его и своим крестьянам. Поэтому в такие годы огромные массы хлеба не поступают на рынок, и цены на него не падают до минимума. В неурожайный год помещики и их крестьяне продают хлеб по высоким ценам, и этим предотвращается голод». Так в 1831, 32 и 33 гг.— неурожайные годы — Тамбовская губерния не только не удо-

---

[1]) П. Б. Струве. «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX веке». «Мир Божий», 1899 г., кн. XII, стр. 280.

[2]) Гакстгаузен, т. I, стр. 430—432.

влетворила всем потребностям из запасов своих прежних лет, но и продала в северные и южные губернии более десяти миллионов четвертей по таким высоким ценам, которые обогатили помещиков, крестьян и купцов и подняли ценность земли на 50% [1]).

Кроме возможности выжидать поднятия цен, была и другая выгода существования крепостного права для помещиков, при плохих путях сообщения. При наемном труде помещикам пришлось бы тратить массу денег на доставку сельских продуктов на рынки. Помещики, благодаря даровому труду имели полную возможность понижать хлебные цены на стоимость перевозки. При таком условии с ними невозможно было конкурировать лицам, пользующимся вольнонаемными трудом при отвозе хлеба. Так в 1841 г. цена на 1 четверть овса в Москве доходила до 13 руб., в то время как в Туле цена овса была около 6 р. Так как провоз 1 четверти от Тулы до Москвы стоил 6 руб., то было выгодно вести овес в Москву. Однако помещики понавезли столько овса, что в несколько дней спустили цену до 9 и 8 руб. за четверть; они все же выгадали, ибо им ничего не стоил провоз, заплатившие же за провоз хлеботорговцы должны были понести убытки [2]).

Но, доставляя помещикам оружие для борьбы с низкими ценами, крепостное право в то же время способствовало и понижению их до минимума. «Не имея возможности рассчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлеба (именно, во что обходится труд крепостных), — говорит Кавелин, — помещик не в состоянии определить и низшей наименьшей цены, ниже которой нельзя ему продать хлеб, не получив убытка, и потому наибольшая часть помещиков сообразуется только с торговыми ценами и своими потребностями» [3]).

Низкие цены вызывались и указанною в упомянутой выше статье П. Б. Струве недостаточностью внутреннего и внешнего рынка для сельского производства. По расчетам

---

[1]) Там же, стр. 413. О выжидании помещиками благоприятных цен на хлеб в Елецком уезде Орловской губ. см. также Пушечникова. «Р. Архив», 1905 г., кн. IV, стр. 548, 550, 564.

[2]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 333.

[3]) Кавелин, т. II, стр. 27.

статистиков дореформенного хозяйства, обыкновенный ежегодный урожай разного хлеба в России составлял в сороковых и пятидесятых годах до 250 миллионов четвертей. Из этого количества обращалось:

На продовольствие земледельческого населения . . .	132 милл.
» » городского населения и войска . .	18 »
» винокурение	10 »
» обсеменение	60 »
Итого . .	220 милл.

Значит, при среднем урожае ежегодный остаток мог простираться до 30 миллионов четвертей. Между тем в 1845—1853 года за границу средним числом отпускалось около 5½ миллионов четвертей, или только ⅙ всего среднего производимого излишка [1]). Такое относительное «перепроизводство» хлеба было отчасти результатом того же крепостного права. Помещики, в своих попытках повысить доходность имений, шли по линии наименьшего сопротивления. Даровой крепостной труд давал возможность без особых затрат увеличивать господскую запашку и количеством выкидываемого на рынок хлеба повышать доходы, уменьшавшиеся из-за низких цен на хлеб. В Гродненской губ., например, «при барщинной системе труд мало ценится: дурное качество почвы и малую степень урожаев старались по возможности вознаградить не улучшением обработки, а умножением полей. Опираясь на даровую силу крестьян, землевладельцы мало заботились о качестве обработки, содержали недостаточное количество скота и не вводили машин» [2]). Оставляя в стороне вопрос о введении сельско-хозяйственных машин, применение которых далеко не все хозяева-практики считали выгодным в крепостном хозяйстве [3]), это наблюдение спра-

[1]) П. Б. Струве. «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства». «Мир Божий», 1899 г., кн. XII, стр. 278—279. Этот расчет, конечно, приблизителен. Расчеты дореформенных статистиков сильно расходились в абсолютных цифрах. См. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», стр. 190 193.

[2]) «Матер. для геогр. и стат. России, собранные офицерами генер. штаба. Гродненская губ.», ч. II, стр. 151—252. Спб. 1863 г.

[3]) Елецкий помещик Пушечников замечает, например, что низкие цены на произведения земли в России заставляют сельских хозяев ограничиваться самыми простейшими способами обработки земли: дорогие орудия, искусственное удобрение и вообще ведение хозяйства по указаниям науки далеко не окупили бы затраченного капитала и труда. «Заметки елецкого старожила». «Р. Арх.», 1905 г., кн. IV, стр. 573.

ведливо, судя по отзывам других современников, и для великороссийских земледельческих губерний. Никольский, например, указывает, относительно Балашовского уезда Саратовской губ., что «хозяева-помещики рассчитывают преимущественно на большие, хотя и не тщательно возделываемые посевы» [1]).

Подневольный труд, необходимость заботиться о продовольствии крестьян также могли затруднять помещиков, хотя с этим они кое-как справлялись. Все эти причины должны были значительно тормозить переход помещичьих хозяйств к типу чисто-денежных. Тем не менее попытки перехода к более интенсивному сельскому хозяйству, приноровленному к сбыту продуктов на рынке, все-таки встречались.

О развитии денежного хозяйства можно судить по росту внутренней и внешней торговли сельскими продуктами. О внутренней торговле хлебом в нашем распоряжении нет данных; что же касается торговли внешней, то цифры официальной таможенной статистики указывают с несомненностью, что в первой половине XIX столетия торговля собственно хлебом всюду, за исключением Персии и Азиатской Турции, возросла, особенно торговля с Европою. Вывоз хлеба на рынок стал заметно расти с сороковых годов и особенно с начала пятидесятых [2]). Конечно, этот хлеб поставлялся не исключительно помещиками. На рынок вывозили хлеб и крестьяне помещичьи, государственные, удельные, но помещики, ввиду бо̀льшего количества земли у них в руках, поставляли и бо̀льшую часть этого хлеба. Так даже в такой губернии, как Екатеринославская, где был очень выгоден сбыт хлеба, в крестьянских хозяйствах преобладали хлеба для собственного потребления; помещичьи же хозяйства были приноровлены почти исключительно к требованиям внешнего рынка [3]). В Херсонской губернии крестьяне также почти не продавали хлеба [4]). Г. Лященко указывает, что «в общем итоге, по исчислениям неко-

---

[1]) Никольский. «Хозяйственное описание Балашовск. уезда, Саратовской губ.», стр. 70.

[2]) В период 1800—1845 гг. хлеб по ценности составлял 15 — 16% всего русского вывоза, в 1846 — 1860 г. — уже 30 — 35%. Средний годовой вывоз хлеба повысился в десятилетие после 1846 г. с 28 милл. пудов до 51 милл., т. к. на 88%. Н. А. Рожков. «Экономич. разв. России» «Ист. Россия в XIX в.», вып. II—III, стр. 138—139.

[3]) «Мат. для геогр. и стат. России. Екатериносл. губ.», стр. 133.

[4]) Осадчий. «Крестьянское надельное землевладение в Херсонской губ. в связи с платежами крестьян». Херсон, 1894 г., стр. 50.

торых дореформенных писателей, от крестьян поступало на внутренний и внешний рынок не более 10% общего количества, 90% поступало от помещичьего хозяйства [1]). Крестьян нередко заставляла продавать хлеб нужда. Так, в Смоленской губ. крестьяне входили в долги у прасолов, разъезжавших по деревням для закупки хлеба, пеньки и др. произведений; прасолы снабжали крестьян всем необходимым (соль, табак, даже лошадь в рассрочку и т. п.), вознаграждая себя с лихвою при осенних расплатах хлебом и другими сельскими продуктами [2]). Конечно, среди крестьян встречались и профессиональные торговцы хлебом. С другой стороны, оброчные крестьяне, занимавшиеся только земледелием, должны были неизбежно продавать хлеб и др. продукты своего хозяйства для уплаты оброка.

Рост хлебной торговли повлиял до некоторой степени и на изменение в системе ведения сельского хозяйства. Помещики, вместо производства почти исключительно для себя, вывозили все больше и больше сельских продуктов на рынок.

О состоянии внутреннего рынка у нас, как уже упомянуто выше, нет систематических данных; имеются, однако, указания, что внутренний рынок имел больше значения для торговли сельскими продуктами, чем внешний. Так, А. Семенов (в книге своей «Изучение исторических сведений о внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1858 г.») указывает на невыгоды внешней торговли сельскими продуктами. Прежде всего «больший или меньший вывоз хлеба зависит от состояния урожая за границею» [3]). Большой урожай пони-

[1]) Лященко. «Очерки аграрной эволюции в России», стр. 199—200. По вычислениям министерства вн. дел, в 40-х годах в Харьковской губ. у крестьян за покрытием своих нужд оставалось около 15.000 четв. ржи, у помещиков более 1.000.000 четв. (Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 332); подобное же явление отмечалось в Пензенской, Саратовской и др. губерниях. Лященко, стр. 200.

[2]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат.», стр. 254. О вынужденной продаже хлеба говорит и Лященко на стр. 208 своей книги. На подобную же продажу хлеба (для уплаты податей, земских сборов и т. под.) указывает и елецкий помещик Пушечников. Крестьянам приходилось нередко продавать хлеб, несмотря на низкие цены, не оставляя необходимого количества для собственного продовольствия. См. «Заметки старожила Елецкого уезда». «Русск. Арх.», 1905 г., кн. IV, стр. 542.

[3]) Семеновъ, стр. 310. Елецкий помещик Пушечников в своей записной книге отмечает, например, в 1852—53 году, что вследствие слабого требования хлеба за границу цена на него была средняя, хотя зима в тот год угрожала неурожаем и препятствовала передвижению хлеба. Пушечников. «Заметки старожила Елецкого уезда с 1842 по 1872 гг.», «Русск. Арх.» 1905 г., кн. IV, стр. 572.

жает спрос, меньший повышает, так что эти колебания делают невозможными для сельских хозяев правильные расчеты в хозяйстве. Хлебной торговле, по указанию Семенова, мешает также соперничество Америки, Египта и Турции (для пшеницы и кукурузы), в сбыте других сельских продуктов другие страны. Кроме того, заграничное требование простирается больше на пшеницу, следовательно, на такого рода хлеб, который в средней полосе России мало производится... Отпуск пшеницы подвержен случайностям войны, установления таможенных пошлин в иностранных государствах на привозный хлеб; самая отдаленность наших приморских городов от заграничных рынков замедляет отпуск хлеба в иностранные государства [1]). Между тем внутренним губерниям, ввиду отдаленности их от рынков для заграничного отпуска хлеба, заграничная торговля представляет менее выгод, чем сбыт хлеба внутри государства. Семенов особенно сильно напирает на значение для внутреннего рынка именно северных промысловых губерний. Принимая в общем, что заграничный отпуск равняется пяти миллионам четвертей хлеба, Семенов считает, что на внутренний рынок поставляется ежегодно до сорока миллионов четвертей хлеба, т.-е. в восемь раз больше, чем на внешний. Другие сельские произведения, по его словам, также сбываются, главным образом, на внутреннем рынке. Если даже принять половину его цифры, все же очевидно, что значение внутреннего рынка для сельских хозяев, сравнительно с внешним, было очень велико.

Это подтверждается и местными исследователями крепостного времени. В Кинешемском уезде Костромской губ. приволжские крестьяне покупали для семян ячмень и овес с барок, привозящих хлеб из низовых губерний [2]). В Тверской губ. даже при урожае ржи сам-3½, а ярового сам-3 сельскому населению приходилось терпеть недостаток в хлебе, а в неурожайные годы часть земледельцев должна была «искать пропитания на стороне, а достаточные покупать хлеб с января месяца» [3]). В Смоленской губ. крестьяне никогда не продавали ржи, но нередко покупали. В продажу поступала одна только помещичья рожь, и той не очень много, потому что

---

[1]) Семенов, стр. 306.
[2]) С. Дмитриев. «Опыт практ. замеч. кинеш, землед.», стр. 21.
[3]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ.», стр. 276—277.

значительная часть ее шла на содержание дворовых, а иногда и крестьян, в особенности в неурожайные годы [1]). В имении фон-Шлиппенбаха С.-Петербургской губ. в 50-х годах близ Петербурга в помещичьем хозяйстве производили только продукты, имеющие наибольший сбыт в столице [2]).

Известный помещик крепостного времени Сабуров в 1858 г. делил Европейскую Россию на 3 части: *северную*, где более 16 миллионов вовсе не производят или очень мало производят хлеба на свое продовольствие и живут преимущественно промышленностью. *Среднюю* — тоже около 16 миллионов, — где при благоприятных климатических условиях у помещиков производится значительный избыток хлеба, из которого до 30 миллионов четвертей идет на внутреннюю торговлю, требующую не менее 40 миллионов четвертей. Эти 30 миллионов четвертей уходят частью в северную полосу — 10 милл. четвертей, а остальное расходится на продовольствие городских и малоземельных жителей средней полосы, на винокурение тут и в северной полосе, на продовольствие войск и проч. В *южной* полосе — 10 миллионов жителей — занимаются преимущественно земледелием и скотоводством и производят значительный избыток хлебов. По своему отдалению эта полоса не может доставлять своего хлеба в северную полосу, а отправляют туда скот, рыбу, шерсть, соль, рыбий клей, икру, виноград, вино, фрукты и проч.; хлеб же свой она отправляет через порты за границу [3]).

Главными потребителями хлеба, идущего в промысловые губернии, были оброчные крестьяне этих губерний. От степени их благосостояния зависел и рост этого рынка, а тормозом для развития этого благосостояния было крепостное право. Таким образом, сельские хозяева хлебородного района были в известной степени заинтересованы в благосостоянии промысловых губерний, а насколько это благосостояние связано

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. стат. Смол. губ.», стр. 304. Г. Лященко в своей работе «Очерк аграрной эволюции России» также указывает, что центральные губернии оттеснялись от внешнего рынка южными губерниями: «главными потребительными рынками для него, кроме всей вообще нечерноземной полосы, являлись С.-Петербург, Москва и др. северные города», стр. 203—204.

[2]) «Хозяйство ген.-лейт. фон-Шлиппенбаха в Александровском имении, близ С.-Петербурга». Составил член имп. В. Э. Общества Я. Іонсон, Спб. 1857 г., стр. 4.

[3]) «Соображения, касающ. до улучшения быта крестьян», Пензен. помещика Ив. Сабурова. «Журнал Землевладельцев», 1858 г., № 12, отд. II, стр. 2—3.

было с крепостным правом, и в падении последнего. Следовательно, самый рост сельского хозяйства мог до известной степени доводить сельских хозяев до сознания выгод отмены крепостного права, если не в их губерниях, то, по крайней мере, в промышленных. Конечно, такое сознание могло явиться лишь у очень развитых хозяев, способных оценивать выгоды и невыгоды положения, откинув различные традиции, привязанность к крепостному праву, и притом у хозяев, перешедших уже к исключительно денежному хозяйству. Таких хозяев не могло быть много.

Все указанные выше затруднения помещичьего сельского хозяйства привели к тому, что помещики обратились к промышленным предприятиям для переработки сельских сырых продуктов в такие, которые могли получить более легкий сбыт на рынке. В некоторых имениях, преимущественно на юго-западе, помещики, разводя свеклу, устраивали свеклосахарные заводы. В 1845 г. считалось 206 сахарных заводов с производством в 484.000 пуд., а в 1848 г. заводов было уже 340, размеры же производства достигли до 900.000 пуд.[1]). В других губерниях, северных по преимуществу, получили развитие винокуренные заводы [2]), распространились также суконные фабрики и иные подобные заведения.

Отсутствие хороших путей сообщения вызывало и другие явления в сельско-хозяйственной практике помещиков. Необходимость доставлять хлеб хотя бы на ближайшие рынки заставляла помещиков увеличивать извозную повинность. Так, Самарин указывает, что по справкам, наведенным в имениях Московской, Тульской и Рязанской губерний, «почти постоянно, особенно, если в течение последних шестидесяти лет имение несколько раз переходило из рук в руки, где с тягла стави-

[1]) Н. А. Рожков. «Экономич. развитие России в 1-й половине XIX века». «История России XIX в.», изд. бр. Гранат, вып. II, стр. 141.

[2]) В Малороссии в 30-х годах во многих имениях хлебопашество соединялось с винокурением; винокурение поглощало не только весь лишний хлеб, но требовало даже закупки хлеба в соседней Курской и в других великороссійских губерниях (Рожков. «Экономич. развитие России в 1-й полов. XIX в.», стр. 163). О значении винокурения для помещичьих имений в Полтавской губ. см. также статью Н. В—ицкого, «Очерки дореформенного быта в Полтавском побережье» («Киевск. Старина», 1896 г., июль—август, стр. 128). В Екатеринославской губ. в некоторых имениях рожь сеяли специально для винокурения. («Матерпалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губ.», стр. 172). О винокурении в Смоленской губ. см. «Сельско-хозяйств. статистику Смол. губ.», Я. Соловьева, стр. 386.

лась прежде одна подвода, там теперь ставят две, три и больше»[1]). То же говорит и А. И. Кошелев, указывая, что в помещичьих хозяйствах «хлебные отвозы утроились и учетверились»[2]). Насколько была велика извозная повинность, показывает такой факт. В селе Скачихе кн. Волконского, в Саратовской губ., крестьяне должны были отвозить хлеб на своих лошадях в гор. Моршанск, за 200 верст от Скачихи. «На эту повинность шло по 6 подвод с каждого тягла, что составит в оба конца 2.400 верст извоза на тягло, на одну подводу». Хотя предводитель дворянства и признал такой размер подводной повинности слишком тяжелым, но счел возможным понизить его лишь на одну треть, т.-е. до 4-х подвод с тягла[3]).

Насколько была велика разница в отношении извозной повинности при натуральном хозяйстве и денежном, приноровленном к производству на рынок, видно из брошюры князя Волконского. Помещик Колобов не прибегал к увеличению извозной повинности, а предпочитал продавать хлеб дома, хотя бы и за более дешевую цену. Этим он снискал себе среди крестьян большую популярность. Помещик Теплов в Орловской губ., с целью освободить крестьян от обременительной извозной повинности, стремился развить мелочную торговлю хлебом на месте; на такое решение влияло и то обстоятельство, что «мелочные местные цены бывают выгоднее»[4]). Помещик Рязанской губ., Семенов, так ценил подводную повинность, что в своем имении он за вывоз на расстояние 350 в. сверх 156 положенных пудов еще 26 пудов на тягло брался уплатить все казенные земские повинности и принять на свой счет обмундировку и отдачу рекрут в тот год, в который придется очищать рекрутскую повинность, если только повинности не будут превышать 4 руб. серебром. Интересно, что в XVIII веке одна подвода на расстоянии 270 верст ценилась только в 1 р. 50 к. «Подводная повинность считалась,—говорит кн. Волконский, — самою тяжелою и подчас обращалась для крестьян в настоящую зимнюю

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 69.

[2]) Записки А. И. Кошелева. Приложения, стр. 87. Цитир. по книге Повалишина. «Ряз. помещики и их креп.», стр. 44.

[3]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 51.

[4]) Теплов. «Опыт улучшения быта крестьян». Москва, 1870 г., стр. 216.

страду» [1]). Помещик Семенов в своем руководстве, которое, по словам кн. Волконского, можно признать типичным для условий средних помещичьих хозяйств Рязанской губернии, считает на подводную повинность 2603 мужских дней при 5230 лошадях (в имении 283 р. д. м. п.). В некоторых имениях, как видно из примечаний в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий, помещики давали крестьянам, для облегчения тяжелой извозной повинности, землю или известное количество возов сена. Помещики Смоленской губ. иногда платили деньгами за поставку хлеба [2]). В Рязанской губ. вывозкою хлеба занимались государственные крестьяне и оброчные, так как иногда помещики были не в состоянии вывезти весь хлеб на рынок при помощи крестьян.

Вместе с переходом к денежному хозяйству росли и помещичьи запашки. Помещики начинали все более и более ценить землю. Необходимость отвода части земли крестьянам стесняла их, а потому у них являлось стремление уменьшить количество крестьянской земли. Как было указано выше, в двадцати рассмотренных губерниях, там, где преобладал процент барщинных крестьян, общее количество земли, предоставленной в пользование крестьян, упало в XIX веке сравнительно с XVIII до половины и менее господской удобной земли (без леса). С целью сохранить для себя возможно большее количество земли, некоторые помещики прекращали нарезку земли на вновь прибывшие тягла, прекращали увеличение количества последних, переводя часть крестьян в затяглые, отпускали лишних крестьян на безземельный оброк, наконец, переселяли их в другие свои многоземельные имения или же продавали крестьян без земли на вывод. Об увеличении барщинной запашки свидетельствуют современники: Заблоцкий-Десятовский указывает, что в черноземных губерниях в сороковых годах крестьяне обрабатывали на помещика более, чем на себя. Так, в Саратовской губернии, в имении кн. К. каждое тягло должно было обработать более 21 дес., из которых лишь 7 десятин обрабатывало на себя. В Нижегородской губ., в имении г-жи Пр—вой, «крестьяне, обрабатывая на себя по 740 дес., помещику обрабатывали 900 десятин

---

[1]) Кн. Волконский, указ. соч., стр. 142.
[2]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат. Смол. губ.», стр. 219.

и т. д.» [1]). По указанию А. И. Кошелева в его записке 1858 г., «господские запашки удвоились и утроились [2]). Средний размер ежегодного высева различных хлебных злаков на господской запашке в имении Межаковых Вологодской губ. указывает, что посев ржи с 80-х годов XVIII века увеличился к 20-м годам на 251 % (в 3½ раза) и упал к 50-м годам на 29%. Посев овса рос до 30-х годов, увеличившись сравнительно с 80-ми годами XVIII столетия на 160 %; к 50-м годам он уменьшился на 45%; посев ячменя также вырос к 20-м годам на 662%, упал в 30-х годах, опять вырос — хотя и не до той же высоты — в 40-х годах и понизился в 50-х годах сравнительно с 20-ми годами на 39% [3]).

Но некоторые данные указывают, что такое резкое увеличение запашки не было общим правилом. Снежневский вычислил размер крестьянской и господской запашки в Нижегородском уезде по десятилетиям за время от конца XVIII века до 1861 г. и пришел к заключению, «что барщинная запашка в среднем выводе была всегда менее крестьянской и менее почти в половину... Там, где помещичья запашка равнялась крестьянской, последние уже тяготились ею, но там, где она превышала последнюю, крестьяне были или разорены, или стояли близко к этому [4]). Гр. Киселев в своей записке, представленной в секретный комитет 1839 г., указывал, что в его время в помещичьих имениях барщинная запашка обычно или

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский. т. IV, стр. 277.

[2]) Записки Кошелева. Приложения, стр. 87. См. Повалишина. «Ряз. помещики и их крепостные», стр. 44.

[3]) Это ясно из следующей таблицы о посеве хлебов (в четвертях).

Название хлебов.	1784—1790 г.	1791—1800 г.	1801—1810 г.	1821—1820 г.	1821—1830 г.	1831—1840 г.	1841—1850 г.	1851—1860 г.
Рожь	5,1	79,2	148,4	105,3	180,7	130	147,7	127
Овес	201,4	353,5	562	404,3	517,5	523,0	322,5	286 ,6
Ячмень . . .	8,1	18,8	362	37,6	61,6	46,8	50,4	37 ,7

(Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 20).

[4]) В. Снежневский. «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде». Действ. Нижегор. Уч. Арх. Ком., 1905 г., вып. VI,

равнялась крестьянской, или составляла половину последней; барщинная запашка первого рода считалась весьма обременительной [1]). В 50-х гг. в Балашовском уезде Саратовской губ. крестьянское тягло, получая в среднем по 2 десят. в поле, до 2-х десятин в общем выгоне и часть сенокосов, смотря по их обилию, «такое же количество обрабатывали на помещика». При большем количестве господской запашки приходилось прибегать к наемным рабочим, особенно во время сенокосов и жатвы [2]). В имении Львова, Саратовской губ., в конце 30-х годов у крестьян было 6.666 дес. пахотной земли, что составляет 5,1 дес. на душу, или 11,9 на тягло [3]). Господской запашки было лишь 569 десятин, что составляет на одно издельное тягло 5,2 десятины. Таким образом, в конце 30-х годов издельное тягло этого помещика обрабатывало на себя в 2 раза более, чем на помещика [4]). В действительности, на издельное тягло падало барщинной запашки еще менее, ибо оброчные должны были ежегодно быть на господской полевой работе по 3 дня каждое тягло.

Губернский дворянский комитет указал в 1859 г., что в Саратовской губ., при господской запашке во всех полях [5]) в губернии в 816.113 дес., крестьянской пахоты во всех полях было 818.724 дес. [6]). По указанию того же комитета, крестьяне обрабатывали на помещика 414.831 дес.

стр. 25. Снежневский делает указанный вывод на основании следующей таблицы:

Годы.	Число помещ. селений.	Количество запашки на душу: крестьянской	господской
1790—1800	1	1,5	0,7
1801—1810	1	3,0	1,5
1811—1820	—	—	—
1821—1830	6	2,6	1,7
1831—1840	7	2,6	1,5
1841—1850	10	3,2	2,0
1851—1860	10	2,3	1,8

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 39.

[2]) А. Никольский. «Хозяйств. описание Балашовского уезда», стр. 59.

[3]) В имении было по 8-й ревизии—1308 д. м. п. или 507 оброчных тягол и 100½ тягол издельных.

[4]) «Хозяйства и распорядки крупных саратовских поместий в старину». С предисл. К. Веселовского.—Материалы по креп. праву. Саратовская губ.—Саратов, 1911 г., стр. 4—5.

[5]) Не забудем о распространенности переложной системы в этой губ.

[6]) Зато сенокосов у помещиков было больше, а именно: у владельцев было 351.908 дес., у крестьян—118.865 дес.

Если разложить это количество только на барщинные тягла (67.632¼ во всей губернии), то одно тягло обрабатывало 6 слишком десятин; на самом деле это количество нужно уменьшить, ибо в обработке господской запашки принимали участие и крестьяне, состоящие на смешанных повинностях. В Калужской губ., также по указанию местного губернского дворянского комитета, размер господской запашки был от 1 до 1½ дес. в клину на одно тягло; вообще там практиковалась «испольная работа». В Смоленской губ. в 50-х годах «норма господской работы на тягло обыкновенно 1 дес. в поле», а так как должностные лица освобождались от барщины, то на 100 тягол приходилось не более 80 дес. при хорошем ведении хозяйства.

По указанию С. Дмитриева, в Костромской губ. при трехдневной барщине на тягло должно было засеваться 1½ четв. ржи и 6 четвериков ярового; увеличенные посевы хлебов — более 2-х четв. ржи на тягло — заставляли помещиков устанавливать четырехдневную барщину [1]). По словам А. И. Кошелева, господская запашка в Рязанской губ не должна была превышать 150 дес. указной меры в каждом поле на 100 тягол, т.-е. 1½ дес. на тягло в поле. Всякий излишек против этой пропорции должен был принудить помещика или к усилению уроков, или к отнятию у крестьян собственных их дней [2]). Самарин также полагал, что для ведения помещичьего хозяйства «с некоторою выгодою для помещика и без отягощения для крестьян» господская запашка не должна превышать в северных от Москвы губерниях 1½ казенных десятин в поле, а в средних и степных — 2-х десятин [3]). Вышеприведенные факты подтверждают обобщение Самарина. Но, например, образцовый хозяин Васильсурского уезда Нижегородской губ., В. Л. Демидов, полагал на одно тягло лишь по 1 десятине в каждом из 3-х полей господской запашки и по 3 дес. покоса; крестьянам же он давал на тягло по 3 дес. в поле

---

[1]) С. Дмитриев. «Опыт практич. замечаний кинешемск. земледельца», стр. 5—6 и 20. Примем во внимание, что по исследованию Снежневского в Нижегород. уезде в среднем на 1 хозяйственную десятину высевалось ржи 12 мер и на казенную—9. Снежневский. «Материалы для ист. креп. хоз. в Нижегор. у.». Действия Нижег. Уч. Арх. Ком., вып. VI, стр. 11.

[2]) Повалишин. «Ряз. помещики и их крепостные», стр. 51.

[3]) Самарин, т. II, стр. 82.

и 2/3 дес. луга [1]). С другой стороны, в Суражском уезде Черниговской губ., барщинная запашка в 30 дес. в каждом из 3-х полей на 100 рев. душ считалась «весьма обременительною, которая уже с трудом может быть обработана» [2]). В имении волоколамского помещика Стерлигова на обязанности 142 тягол лежала обработка 174 десятин озимого хлеба, 161½ дес. ярового хлеба, овощи в саду, обмолот новой ржи для посева и самый посев на 144 десятинах. Предводитель дворянства признавал эти работы весьма тяжкими, которые крестьяне выполнить в «положенные законом 3 дня» не могли [3]).

Уменьшение средних крестьянских наделов в XIX веке сравнительно со средним наделом в XVIII было уже отмечено выше. В отдельных имениях надел сокращался иногда до невозможности существовать с него крестьянам. В имении Пензенской губ. помещика Столыпина земля не прирезалась с 1816 г. до второй половины сороковых годов, а между тем за это время число крестьян возросло с 240 до 336 ревизских душ. При ежегодном переделе земли между крестьянами наделы стали, в конце-концов, недостаточными, и прежде богатые крестьяне, при отсутствии подсобных промыслов, обеднели [4]). Самарин указывал, что крестьянские поля сокращаются до последней возможности, и лучшие земли отходят под господскую запашку; при обмежеваниях особенно часто происходят невыгодные для крестьян обмены: от них нередко отрезывается земля без всякого вознаграждения [5]). С точки зрения эгоистических расчетов помещиков вполне понятно стремление их сократить крестьянские наделы до того, чтобы сбор с даваемого количества земли только-только покрывал потребности крестьян. С целью не увеличить количество крестьянской земли помещики переставали прирезать землю на вновь прибывавшие тягла при увеличении населения, а заставляли крестьян переделяться. Особенно заметно было это в тридцатых годах, как указывает Заблоцкий-Десятовский, в малоземельных имениях.

---

[1]) Снежневский. «Быковская вотчина Демидовых», Д. Ниж. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 48.

[2]) Есимонтовский. «Описание Суражского у. Черниг. губ.», стр. 9—10.

[3]) Пичета. «История крестьянских волнений», стр. 91.

[4]) Д. Столыпин. «Наши земледельческие порядки до и после упразднения крепостного права». «Русский Архив», тетрадь 5.

[5]) Самарин, т. II, стр. 60.

в многоземельных прирезки еще могли совершаться без большого ущерба для помещиков.

Но и переделы земли могли быть выгодными помещику только до тех пор, пока надел обеспечивал существование крестьянина. В противном случае помещики обращали часть крестьян в затяглых, не имевших земли, но или не несших никаких повинностей, или обложенных легким оброком и другими незначительными повинностями. Например, в имении Яковлева, Калужской губ., при 111½ тяглах, наделенных землею, «затягольных», т.-е. не несущих тягла, было около 58 тягол или 146 душ. Они не имели наделов, отправляли караулы и разные черные работы на барском дворе. После волнения крестьян, бывшего в этом имении в 1859 г., положение крепостных в этом имении было признано тяжелым, и Яковлеву было предложено переделить землю, образовав новые земельные тягла: дворы же, которые должны были остаться затягольными, обязывались отбывать караулы через две недели в третью или взамен этого платить оброк от 6 до 7 руб. с тягла в год; освобождались от этих повинностей лишь дряхлые и увечные [1]).

В связи с этим можно поставить запрещение разделов семей, при которых необходимы были разделы земли или новая прирезка ее. Последнее было невыгодно для помещика, а первое уменьшало рабочую силу крестьянского тягла. Поэтому помещики мешали разделам, так что получались иногда громадные семьи, доходящие до 27 и 40 человек [2]). Некоторые помещики Смоленской губ. допускали разделы в том случае, если в каждом из новых дворов будет не менее трех или двух работников. Одиноких крестьян помещики усиливали присоединением другого работника: сироты — близкого родственника, во всяком случае с обоюдного согласия [3]).

Но, отнимая землю у крестьян, уменьшая крестьянские наделы, не наделяя их землею, помещик был все же ограничен в экономической эксплоатации крестьян ответственностью за их продовольствие. С этою целью помещики, как выше указывалось, прибегали к общественным запашкам, заводили запасные магазины, куда ссыпали хлеб, собранный ими на

---

[1]) А. Корнилов. «Крестьянская реформа в Калужской губ.», стр. 12—13.
[2]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 306.
[3]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат. Смол. губ.», стр. 199.

подобных запашках или при помощи особых сборов с крестьян. В неурожайные годы хлеб выдавался крестьянам из этих магазинов.

Помимо продовольственной помощи, помещикам приходилось помогать крестьянам и в других несчастных случаях, что диктовалось в значительной степени собственными их интересами. Судя по сведениям, доставленным самими помещиками в губернские комитеты по крестьянскому делу в конце 50-х годов, в помещичьих имениях были богадельни, больницы, аптеки, существовали мирские или общественные, ссудные, сиротские капиталы и т. п. [1]). Но подобные сведения встречаются почти исключительно в имениях, принадлежащих очень крупным помещикам, например, в имениях гр. Шереметева, кн. Воронцова, барона Розена, наследников кн. Белосельских-Белозерских. гр. Шувалова, гр. Орлова, гр. Суворова-Рымникского, Мальцова и т. п. Относительно же средних и мелких помещиков, видимо, верна характеристика Н. А. Крылова, указывающего, что помещики «помогали крестьянам исключительно для своих хозяйственных выгод, чтобы не потерять тягла. Случалось, что покупали лошадь, давали семян, лесу, хворосту, овцу с барского двора и т. п., но не было ни благотворительных домов, ни яслей, ни больниц, ни училищ». Обеспечение крестьян в старости, например, нередко «лежало на обязанности семейств этих крестьян, или питались они Христа ради» [2]). О призрении престарелых в богадельне средствами самих крестьян даже в слободе Алексеевке (Воронежской губ). такого крупного помещика, как гр. Шереметев, рассказывает автор воспоминаний об этой слободе со слов алексеевского старожилы Штурбы [3]). О необеспеченности продовольствия крестьян в голодные годы приходилось уже

---

[1]) Так, в сведениях по имениям, где было более 100 душ, богадельни отмечены лишь в 8 имениях, больницы—в 24 имениях (из них в 2-х имениях 2 больницы были устроены на счет самих крестьян); аптеки — в 2-х имениях. Для помощи крестьянам в 27 имениях существовали капиталы под разными наименованиями: в 19 имениях—мирские вспомогательные капиталы, в 1 имени просто «вспомогательный капитал», в 3-х — «крестьянские капиталы», в одном—«ссудный капитал», наконец в 3-х имениях были «мирские банки, для вспомоществования», «общественный банк» и «сиротский банк». Эти сведения нельзя считать полными, ибо они носят случайный характер Приложения к Тр. Ред. Комиссии, тт. I—VI.

[2]) Н. А. Крылов. «Накануне великих реформ». «Ист. В.», 1903 г., кн. IX, стр. 801.

[3]) «Из недавнего прошлого Слободской Украйны». «Киевск. Стар.», 1896 г., кн. IV.

говорить. Сам народ следующими словами описывает пресловутую помощь дворян крепостным в одной из белорусских песен: «Разговор Данилы со Сызепаном».

«Як ча́сам придзе́шь, чаго́ напрасиць:
Нимашь чим ара̀ць, нимашь чим касиць;
Будзь ла̀скау пано̀чку, парату̀й у пригодце!»
Аж ен крычи̇ц, ла̀иць, нимашь конца̀, и годзе,
А каня, ци хле̇ба даста̀ць, вѐльми трудна,
Пан сам не здаро̀у, па̀ни нешта ну̇дна.
Придзи другим ра̀зам; а тым ча̀сам у по̀ли
Ня зро̀бишь у̇ пару̇ рабо̀ты нико̀ли;
И у до̀му—на по̀ле ни за порог вы̇йци,
Бони на приго́ны нима́ли чи̇м рабйци,
Идзи—хоць ты тре́сни, нам не спагадаюц;
По̀руць, бьюць, ла̀юць и у ка̀рк пихаюць» [1]).

Тем не менее нельзя игнорировать, что хозяйственные интересы заставляли помещика, обрабатывающего запашку барщинным трудом, заботиться о поддержании крестьянского хозяйства на известной ступени благосостояния. Нельзя забывать, что в большинстве случаев помещичья запашка обрабатывалась крестьянским скотом и инвентарем, помещичьи поля нередко удобрялись крестьянским же навозом. Следовательно, для наилучшей обработки господской запашки необходимо было, чтобы рабочие тягла имели хороший скот и инвентарь, т. е. чтобы крестьянское хозяйство было исправно. Московский помещик А. В. П. определенно рассказывал, что заботу помещиков о крестьянах не следует относить «ни к их особенному великодушию, ни к каким-либо другим побуждениям, а это есть просто следствие отношений, основанных на взаимных выгодах... Помещик, нуждающийся в крестьянах, поддерживает их в том положении, в каком они могут быть для него полезны» [2]). С этой целью помещики не только в экстренных случаях помогали крестьянам, но и в обыденной жизни следили, чтобы крестьяне не допускали себя до разорения. В имении помещика Глушкова, Егорьевского уезда Костромской губ., бурмистр тщательно следил за тем, чтобы хлеб без надобности не продавался; для этого он отбирал излишек, запирал в общественный магазин и выдавал по мере надобности на еду или для продажи на необходимые нужды. Для лучшего надзора один крестьянин находился под присмо-

[1]) Шейн. «Р. Стар.», 1886 г., март.
[2]) «Описание улучшения быта крестьян Московск. губ., Подольского у., в имении А. В. П.» «Журнал Землевладельцев», 1858 г., № 13, стр. 16.

тром другого, этот — у третьего и т. д. Амбар запирался двумя ключами, из которых один был у хозяина, другой у соседа, так что один без другого не могли войти в него [1]). В Смоленской губ. помещики нередко отбирали яровые хлеба тотчас после урожая для посева на будущий год. Этим хотели оградить крестьян от займов у прасолов [2]).

Иногда помещики заставляли ссыпать в особые амбары хлеб, собранный с крестьянской земли, и лично выдавали его крестьянам по мере надобности. Такой именно способ рекомендует Семенов в своем «Руководстве». Некоторые помещики, как указывает Самарин, отбирали у своих крестьян после уборки хлеба семена для будущего посева и держали их у себя; запрещали им без дозволения конторы занимать деньги, продавать что-либо из своего имущества, назначали крестьянам, отпуская их на заработки, куда им итти, уславливались за них с подрядчиками, принимали от подрядчиков заработанные деньги, выдавая их крестьянам по мере надобности и лишь на определенные расходы. Помещики в некоторых имениях разрешали крестьянину вступать в брак не раньше, чем он выучивался какому-либо мастерству и доказывал свое умение, выполнив на господском дворе заданный ему урок; этим убеждались, что крестьянин может содержать семью. Один пензенский помещик объявил крестьянам в 1847 г., что он разрешит жениться только тем, кто обучится грамоте и какому-либо ремеслу [3]). В имении А. В. П., Подольского уезда, Московской губ., крестьянин с 18 лет получал тягло, но с 18 до 20 лет «промышлял на себя и обрабатывал свою землю для того, чтобы приготовиться к женитьбе и завестись хозяйством... С 20 лет женится или нет—поступает или на барщину, или на оброк» [4]).

П. Межаков, еще в первые годы XIX века обязывал приказчика в инструкции следить, «чтобы и самую зиму крестьянин не проводил в праздности, а упражнялся бы в каком-либо промысле или рукодельи, ибо ему должно достать деньги на подушные и прочие подати, да и на соль еще

---

[1]) Ф. Д. Бобков. «Из записок бывшего крепостного человека». «Истор. Вест.», 1907 г., кн. V, стр. 451—452.

[2]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. статистика в Смол. губ.», стр. 254.

[3]) «Письмо пенз. помещика», Тр. В. Э. Общества, 1845 г., № 5.

[4]) «Описание улучш. быта крестьян...» «Журн. Землевладельцев». 1858 г., № 13, стр. 10.

надо и на другие домашние нужды. И для того понуждать крестьян к обучению молодых ребят из семей нужным ремеслам, как-то: кузнечному, плотничному, кожевенному, бочарному, токарному, что ставцы точут, горшечному и другим, что может их сделать и для себя и для меня полезными» [1]).

Рязанский помещик кн. В. тщательно следил за обработкою крестьянских земель, за их обсеменением, приходя в случае нужды на помощь, хотя и строго требовал возврата ссуд; старосты должны были следить также, чтобы чужие люди не допускались пахать крестьянские земли; даже свои крестьяне не могли нанимать земли у своих. «Тот же порядок существовал и в имении Семенова: крестьяне не имели права передавать земель, данных им от помещика в пользование никому, даже крестьянам своего селения; не имели права даже променивать земли, хотя бы на один посев. Виновные в этом подвергались наказанию (штраф) [2]). В. Л. Демидов, учредивший особых надзирателей за поведением крестьян, ставил им в обязанность наблюдать, чтобы никто «ни продавал, ни даром не давал, ниже в милостыню не подавал: дров, сена, мякины, соломы; если же двух последних у кого накопится много, то излишние для продажи испрашивал бы позволения у выборного, а без сего отнюдь бы не продавал. Равно свою тягловую землю внаем не отдавал, а засевал бы сам для себя» [3]).

Не менее энергично следили за наличностью скота в крестьянских хозяйствах. В Смоленской губ., например, во многих имениях составлялись подворные списки, чтобы знать точно имущество и скот крестьян. Смоленские помещики обыкновенно наблюдали, чтобы каждый крестьянин имел по две рабочих лошади, ибо иначе он был плохим работником,

---

[1]) Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 31.

[2]) Повалишин. «Ряз. помещики и их крепостные», стр. 49.

[3]) Снежневский. «Быковская вотчина Демидовых». Действия Нижегор. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 128.— Надзиратели эти, между прочим, должны были наблюдать также, чтобы никто без разрешения не отлучался из села, ночью же крестьяне не должны были даже выходить со двора; никто не должен был знакомиться с «подозрительными, шаталами, мотами, пропойцами», не принимать их в доме и их не навещать; нечего и говорить, что запрещалось пьянство. За нарушение правил, установленных Демидовым, крепостным угрожали розги, денежные штрафы, работы не в зачет, бритье полголовы и полбороды и даже шейные рогатки.—В. Л. Демидов также выдавал ссуды крестьянам для посева и продовольствия, но за неисправную уплату должников ждала порка и отказ в выдаче дальнейших ссуд (стр. 107).

как для себя, так и для помещика. Бедных крестьян, не имеющих достаточного количества лошадей, отправляли на заработки и на вырученные деньги покупали лошадей; иногда же они приобретались на мирские или помещичьи деньги [1]. В. Л. Демидов, поля которого удабривались крестьянским навозом, требовал, чтобы каждое тягло имело, кроме мелкого скота, не менее 6 голов крупного рогатого скота и лошадей, считая в том числе жеребят и телят. Не имевших его Демидов облагал штрафом в виде оброка сеном в количестве нескольких возов—до тех пор, пока тягла не приобретут себе положенного количества скота [2]. Падежи крестьянского скота были большим несчастием для хозяйства самого Демидова. «Его приказы выборному о принятии предупредительных мер против падежа скота проникнуты лиризмом и религиозным настроением, с явным расчетом повлиять на психологию крепостного, при чем, однако, угрозы нещадным сеченьем и даже обритием голов ослушникам его приказаний стоят на обычном месте» [3]. Таким образом, штрафами и наказаниями помещики старались поддержать равномерность земельного обеспечения крестьян и наличность нужного им скота.

Как на последствие увеличения ценности земли для помещика и стремления увеличить господскую запашку, необходимо также указать на очень интересное явление, которое наблюдается еще в XVIII веке и учащается в XIX в. Это так называемая месячина. В таких случаях помещики отнимали от крестьян землю и давали взамен крестьянам и их семействам жилище и полное содержание круглый год; землю же обрабатывали месячники собственными орудиями помещика. Такие крепостные работали на помещика целую неделю. В XVIII веке месячина была еще редким явлением [4]. В XIX в. перевод крестьян в месячники участился. Декабрист Ф.-Визин еще в записке 1841 г. отметил, что «некоторые наши новые агрономы обнищавших своих крестьян обращают в батраков при господских усадьбах» [5]. Но в Великороссии, по сведе-

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. стат.», стр. 200—201.

[2]) Снежневский. «Быковск. вотч. Демидовых». Действ. Н. Уч. Арх. Ком., вып. VII, стр. 113—114.

[3]) Снежневский. «Быковск. вотч. Демидовых», стр. 111.

[4]) В. И. Семевский. «Крестьяне при имп. Екатерине II», стр. 41.

[5]) Сборн. «Крестьянский Строй». Ст. В. И. Семевского. «Кр. вопрос в России во 2-й половине XVIII в. и 1-ой половине XIX в.», стр. 228.

ниям Редакционных Комиссий, и перед самою реформою месячина составляла редкое исключение: наоборот, в Малороссии обезземеливание крестьян производилось в больших размерах [1]). Самарин говорит об этом так: «Месячники, кажется, появились прежде всего в Белоруссии и Малороссии; теперь же они попадаются во многих губерниях, даже в многоземельных, как, например, Оренбургской и Симбирской, при том всегда в самых мелких имениях» [2]). Чаще всего такие переводы совершались в мелкопоместных имениях, так как там чаще мог встречаться недостаток в земле. Месячники встречались и в Смоленской губ., но преимущественно в мелкопоместных имениях, где было менее 21 души. В более крупных имениях, «если некоторые крестьяне и поступают на месячину, то исключительно *ленивые*, не умеющие вести свое хозяйство» [3]). Перевод на месячину бедных крестьян, как наказание за нерадивость, неумение поправить свое хозяйство, несмотря на неоднократное пособие со стороны помещика, практиковался и в Тверской губ., но случаи такие были редки [4]). Слабость и малочисленность крестьянских лошадей вынуждала некоторых помещиков Черниговской губ. (в Суражском уезде) заводить постоянных дворовых работников «из беднейших или нерадивых крестьян» [5]).

Заблоцкий-Десятовский указывает, что в Рязанской губернии, где особенно много мелкоместных помещиков, имеющих по нескольку десятков душ, переводы на месячину бывали часты. Точно так же и Ю. Ѳ. Самарин, отмечая постепенное увеличение с 1830 г. количества месячников, указывает вместе с тем на зависимость этого явления от дробления имений: где наиболее дробятся имения, там наиболее размножаются месячники. Но такие случаи бывали и в большепоместных имениях. Так, Заблоцкий-Десятовский приводит в пример, что в Тамбовской губернии крупная помещица, княгиня В—ская, перевела всех своих крестьян на месячину; крупный помещик Ж. той же губернии также перевел значительную часть крестьян на ме-

---

[1]) Скребицкий, т. II, стр. 1072.

[2]) Самарин, соч., т. II, стр. 55.

[3]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат.», стр. 195.

[4]) В. Преображенский. «Описание Тверской губ.», стр. 82—83.

[5]) Есимонтовский. «Опис. Суражск. у. Черн. губ.», стр. 11. Перевод на месячину практиковался кое-где и в Саратовской губ., в Балашовском у. — Никольский. «Хозяйств. опись Балаш. уезда», стр. 58.

сячное содержание [1]). Помещик Орловской губ. Теплов, имевший более 500 душ крестьян, разделил их на пять групп: 1) месячники, 2) тягловые работники (барщинники), 3) и 4) оброчные, наделенные землею и безземельные, и 5) нанимающие землю. Месячники, составлявшие от $^1/_7$ до $^1/_{10}$ всех рабочих в имении, работали ежедневно, кроме воскресений, под присмотром сельских начальников, получали месячное продовольствие, пищу, одежду и помещение. Они имели, кроме того, овощники и полутягловое количество сенокоса для домашнего скота. Одни месячники находились при постоянном деле и получали жалованье; другие употреблялись только при текущих работах и не получали жалованья. Месячники не участвовали ни в каких выборах общинных начальников, им запрещалось даже присутствовать на воскресных сходах крестьян для обсуждения мирских дел. В разряд месячников могли переходить сами крестьяне, сложив с себя тягло; кроме того, в бобыли переводили несостоятельных тягловых работников, которым мир отказывался помогать, а сами они не желали воспользоваться безземельным оброком [2]). Иногда помещики употребляли перевод на месячину, как меру для того, чтобы всецело использовать рабочие силы крестьян.

Месячники чаще приходили в соприкосновение с помещиком, в силу чего больше зависели от характера, расположения духа владельца и его капризов, чем издельные крестьяне. Они не имели своего угла: вся их жизнь проходила на виду у господина. Положение месячников близко подходило к положению рабов. «Месячники,—говорит об их состоянии Самарин,—стоят на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством... Месячнику нет исхода из его положения, и, кроме скудно обеспеченного содержания и вечного труда на

[1]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 279, 280. Повалишин сделал попытку вычислить количество месячников в Рязанской губ., принимая имения, где значились одни лишь дворовые (без крестьян), за имения с месячниками. По ревизии 1833 г. было 1.570 таких имений с 7.641 дворовыми или 1,92% всех крепостных в губернии; 1850 г. было 1.110 имений с 5.571 дворовыми (1,40%); по ревизии 1857 г. таких имений было 1.225 с 6.886 дворовыми (1,74%). (Повалишин. «Ряз. пом. и их креп.», стр. 43). Таким образом, судя по этому подсчету, количество месячников к 1857 г. даже уменьшилось сравнительно с 1833 г. (увеличение их за время от 1850 по 1857 г. могло быть результатом усиленного перевода крестьян в дворовые ввиду слухов об эмансипации). Принимая во внимание указанные случаи частичного перевода крестьян в месячники, число их было, вероятно, больше, чем по подсчету Повалишина.

[2]) Теплов. «Опыт улучшения быта крестьян», стр. 32 и 70.

другого до истощения сил, будущность ему ничего не представляет» [1]). Действительно, желая заставить месячника работать интенсивно, помещик должен был учреждать строгий надзор, усиливать меры наказания, заставлять работать до изнеможения сил. Понятно, каким отвратительным продуктом крепостного права нужно считать месячничество. И, если бы крепостное право не было уничтожено, а сельское денежное хозяйство продолжало бы развиваться, может быть, мы дождались бы постепенного полного обращения крепостных в рабов, под именем месячников.

Необходимость строгого надзора над крепостными для повышения интенсивности их труда составляла больное место крепостного права, заставлявшее многих помещиков еще при Екатерине II задумываться о выгодах и преимуществах вольнонаемного труда перед барщинным. В 1843 г. Вилькинс писал в «Земледельческом Журнале»: «Кто из помещиков, лично занимавшихся своим хозяйством и обрабатывающих землю издельными крестьянами, не знает, по собственному опыту, как медленно и небрежно исполняются ими барщинские работы, если нет за ними внимательного и строгого присмотра», Псковский помещик Воинов указывал в 1852 г.: «Смело можно сказать, что в хорошо управляемых барщинах $^3/_4$ барщинников отвечают и за себя и за других, т.-е., что работы утягиваются, по крайней мере, на четвертую долю времени» [2]). По словам Кисловского, некоторые помещики «убедились на опыте, что два наемных работника на хороших помещичьих лошадях вспахивают в день казенную десятину в меньшее время, нежели три сохи издельных крестьян». Помещики, у которых бывает шестнадцать работников, считают, по его словам, достаточным вместо них десять-двенадцать вольнонаемных для успешного ведения хозяйства [3]). В Ковенской губ., где был введен наемный труд, было замечено что сто пеших дней барщинной работы «удобно заменяются» шестьюдесятью днями наемного труда, сто дней конной бар-

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 77—78.

[2]) Самарин, т. II, стр. 37, примечание. Помещик Ладыженский утверждал, что на барщине работа всегда пропадает наполовину.— См. статью Покровского. «Крестьянская реформа» в «Истории России в XIX в.», вып. IX—X, стр. 73. Изд. бр. Гранат.

[3]) Кисловский. «Статист. сведения о состоянии сельск. хозяйства в Кашинском у. Тверской губ.»—«Журнал Сельск.-хозяйства», 1851 г., № 12, стр. 96.

щинной работы заменяются восемьюдесятью днями наемной; если же у наемных рабочих хорошие лошади, то сто барщинных дней заменяются сорока днями наемных [1]).

Вялость крепостного труда создала поговорку о ленивом работнике: «Ты работаешь, словно на барщине» [2]). Кавелин указывает, что у крестьян батрак нанимается за различную плату в зависимости от того, будет ли батрак работать вместо мужика на барщине, или у него самого в поле или доме: в первом случае берется меньшая плата, чем во втором [3]). В Суражском уезде Черниговской губ. иные крестьяне имели особые сохи и лошадей для господских работ. Барщинная работа делалась вяло, небрежно, время утягивалось частыми отстановками и перерывами в работе [4]). В Костромской губ. на барщине при поденных работах исправный хозяин с хорошей лошадью зачастую старался сделать не больше неисправного с плохой лошадью. При понуждениях старосты такие крестьяне обыкновенно возражали: «За что же я буду делать более против моего брата: у него такие же руки, как и у меня» [5]).

С малою интенсивностью труда помещики боролись различными способами. Одним из них был усиленный надзор над крепостными, о котором приходилось упоминать. Необходимость большого надзора над крепостными, как было указано, делала затруднительным ведение сельского хозяйства в крупных имениях, в которых крестьяне зачастую отпускались на оброк. В мелких имениях такой надзор был удобен, но здесь и положение крестьян было хуже. Некоторые помещики для контролирования непрерывности работы надевали на шею работников рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю [6]). Чтобы понудить рабочих скорее окончить господские работы, крестьян во время жатвы иногда не допускали к воде и питью, несмотря на зной [7]). Наиболее обычной мерой воздействия на крестьян были розги, палки, кнуты, иногда арапник и др.

---

1) «Матер. для геогр. и стат. России, собран. офицерами генер. штаба. Ковенская губ.», составил Д. Афанасьев. Спб., 1861 г., стр. 414.
2) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 327.
3) Кавелин, т. II, стр. 14.
4) Есимонтовский. «Опис. Сур. у.», стр. 22, 21.
5) С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», стр. 7—8.
6) В. И. Семевский. «Кр. вопрос» в сборнике «Крестьянский Строй», стр. 289.
7) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 311.

орудия наказания за «лень», «неисправность» и медленность в работе.

Вилькинс в сороковых годах XIX столетия, ссылаясь на удачный опыт в Рязанской губернии, рекомендовал устройство сводных семейств. Он «советовал всем соединять в одно хозяйство по нескольку тягловых женатых работников, не менее четырех. Сведенные семьи должны жить в одном дворе, иметь один стол, скот, орудия, запасы; словом, вся движимость должна быть общая. Над каждым таковым хозяйством помещик назначает начальника, который полновластно распоряжается всеми рабочими силами сводного хозяйства, как на барщине, так и у себя дома, отвечает за успешность работ, за нравственность своих подчиненных и, наконец, распоряжается их детьми, как своими собственными» [1]. Впрочем, сам Вилькинс замечает, что крестьяне с неохотою примут такое нововведение. Вилькинс в этом случае желал повысить интенсивность труда большим контролем над крестьянами. Ответственный начальник из крестьян мог лучше следить за своими подчиненными, чем сам помещик. Здесь надзор был учрежден за всею жизнью крестьянина. Издельный крестьянин хоть в избе мог чувствовать себя свободным от надзора господина; в таких же имениях крестьянин постоянно, днем и ночью, находился бы под строгим надзором.

С малою интенсивностью крепостного труда помещики боролись и другими мерами. В числе этих мер можно отметить перевод крестьян на урочное положение. Уже около половины 40-х гг. помещики начали вырабатывать и печатать урочные положения [2]. Самарин указывает на попытки «подвести крестьянские повинности под определенное урочное положение». Я. Соловьев отмечал в 50-х годах две урочных системы. «В иных имениях, — писал он, — работа производится вместе, так, например, на десятину ставится известное число сох и десятина должна быть запахана в день. В других имениях... все работы производятся в раздел; так, например, каждому тяглу дается десятина, которую оно должно запахать, засеять, сжать и свезти снопы» [3]. Это справедливо не только относительно Смоленской губ. В Суражском уезде Черниговской губ.,

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 53—54.
[2]) В. И. Семевский. «Кр. вопрос», т. II, стр. 410.
[3]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат.», стр. 202.

например, 3 сохи должны были вспахать и 2 бороны заборонить в день одну казенную десятину. В имении Бунина, Тамбовской губернии, «при обыкновенной трехдневной барщине, точно определялось и предписывалось, что должен сделать каждый крестьянин: например, в рабочий барщинный день полагалось вспахать половину десятины и скосить половину большой десятины ржи или половину казенной десятины овса или сена. Женщина должна была сжать и связать 2 ряда, по 4 крестца в каждом ряду, по 13 снопов в каждом крестце» [1]. В имении К. В., приводимом Повалишиным, как образец нормального хозяйства в Рязанской губернии, «вся работа крестьян была на строгом учете и производилась по урокам» [2]. Точно так же Семенов в своем «Руководстве» говорит об обработке земли в своем имении по урокам, которые распределены на дни конные, мужские и женские; за неисполнение же урока грозило наказание. То же явление указано Заблоцким-Десятовским в имении гр. Шуваловых в Пензенской губернии: здесь все работники работали одну работу на барщине, а другую у себя; на барской работе им задавались уроки настолько большие, что крестьяне не успевали их кончить и употребляли на это дня по два и по три из своей недели [3]. В имении В. Ч., Пензенской губернии, крестьяне также должны были доканчивать и перерабатывать уроки в свои дни [4]. В имении Кривцова, Саратовской губернии, в конце 30-х годов, крестьяне работали по урокам, и если не успевали окончить урок в господские 3 дня, то кончали в свои дни [5]. Непосильные уроки при обязательности их окончания хотя бы в свои дни легко могли превратить трехдневную барщину в 4 и 6-дневную. Так было, например, в имении кн. Черкасова, Саратовской губ., в Крутцовской волости, где из-за больших уроков барщинные крестьяне работали 5—6 дней в неделю [6].

В иных имениях, как сказано, урок назначался не по дням, а определялось количество земли, обработать которое должен был крестьянин. Выше было указано нормальное количество

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 401.

[2]) Труды Рязанской Арх. Ком., 1899 г., т. XIV, вып. 1, статья Повалишина, стр. 30.

[3]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 279.

[4]) Труды В. Э. О., 1845 г., № 5, «Письмо пензенского помещика».

[5]) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 263.

[6]) Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», стр. 60. Материалы по крепостному праву.—Саратовская губ. Саратов, 1911 г.

барщинной запашки на 1 тягло, которое крестьяне могли обработать без обременения для себя. Напомним, что нормальным уроком считалась обработка 1—1½ десятин в поле с тягла.

Из тех же фактов о размерах барщинной запашки видно, что при такой урочной системе помещики легко могли довести крестьян до разорения. Оценивая урочную систему с точки зрения помещичьих интересов, можно указать, что урочная система облегчала: во-первых, контроль над барщинной работой; во-вторых, могла повысить интенсивность труда: крестьянин стремился оканчивать быстро свой урок из желания скорее перейти к своим работом. Это относится особенно к тем имениям, где уроки были не безнадежно обременительны, и где крестьянам разрешалось переходить к своим работам только по окончании господских уроков. Именно на эти выгоды урочной системы указывает помещик С. Дмитриев. Помимо того, что крестьяне стараются поскорее окончить уроки, чтобы иметь больше времени для своих работ, говорит он, урочная система дает возможность расчетливым хозяевам знать, сколько рабочих и какое время потребуется для той или иной работы [1]).

Но, повышая количество труда, урочная система мало повышала качество его. Спешность, неизбежно сопровождающая урочную работу, понижала его качество. Повышения качества труда и при уроках помещики должны были добиваться или попрежнему страхом наказания за дурную работу, или же искать новых путей и новых способов организации хозяйства. Для крестьян же урочная система барщины была лишь улучшенным средством выжимания трудового пота. Уроки, как и всякая другая крепостная повинность, основывались на страхе наказания, независимо от того, будет ли наложено наказание за дурное качество работы, будет ли то за переход к собственной работе до окончания урока. Таким образом, урочная система не избавляла крестьян от наказаний за неисполнение наложенной повинности. Но непосильность уроков, придирчивость к качествам работы, влекущая иногда переработку урока, напрягая силы крестьянина, в то же время могла отнимать время, необходимое для крестьянских работ, не меньше, чем четырех, пяти и шестидневная барщина. Не даром крестьяне черниговского помещика Гр. П. Галагана

---

[1]) С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», стр. 15—16.

были недовольны «нововведениями» управляющего, заставлявшего их работать по урокам, «которые иногда довольно сильны» [1]).

Из других способов повысить интенсивность барщинного труда отметим следующие. Как видно из примечаний в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий, некоторые помещики давали крестьянам землю сверх надела «за усердие». Это делалось, вероятно, также для того, чтобы повысить интенсивность труда крепостных. С тою же целью некоторые помещики, назначая сгонные дни и налагая на крестьян излишние против обыкновенного работы, давали им за это— известное количество пашни или сенокоса.

Невыгодность обработки земли трудом крепостных побуждала некоторых помещиков к отдаче земли своим же крепостным внаем. Например, в имении князя Васильчикова, в Воронежской губернии, крестьяне не несли барщинных и оброчных повинностей, а платили за количество десятин земли, которую снимали от помещика на тех же правилах и правах, как отдается земля в арендное содержание посторонним лицам [2]). В имении Загоскина, во Владимирской губернии, в 1853 году по добровольному соглашению с крестьянами была уничтожена барщина. Крестьяне, в количестве 80 тягол, приняли помещичью землю в виде аренды [3]). В имении князя Лобанова-Ростовского, в Орловской губернии, вся земля отдавалась с торгов внаймы своим или соседним крестьянам; своим было предоставлено право, при уплате пяти рублей за десятину усадебной и огородной земли, не допускать ее до торгов [4]). Упоминавшийся уже помещик Теплов указывает, что «самые сильные оброчные в последние годы перед эмансипациею стали снимать у него землю на девятилетний срок. Еще в 1851 г., в селе Молодовом, был введен обычай пятую часть неудобренных господских полей отдавать внаймы подесятинно и под один урожай. Такими наймами пользовались оброчные и издельные крестьяне вместе с посторонними. Десятилетний срок дал наемщикам возможность удабривать нанимаемую землю и приблизил их в этом отношении к фермерам, несмотря на разбро-

---

[1]) «Отрывок из дневника Гр. П. Галагана», «Киевск. Старина», 1899 г. кн. XI, стр. 235.

[2]) Приложение к Трудам Редакционных Комиссий, т. I, Бобровский уезд, № 28.

[3]) Там же, т. I, Покровский уезд, № 10.

[4]) Прил. к Труд. Ред. Ком., т. II, Дмитровский уезд, № 2.

санность нанимаемых ими полевых участков» [1]). Интересно в этом отношении устройство хозяйства (102 тыс. дес.) в имениях Нарышкина, в Саратовской губернии, введенное там в пятидесятых годах и основанное отчасти на крепостном, а отчасти на вольном труде. Озимые хлеба сеялись и убирались урочной, огульной работой всего общества; пшеница же и просо убирались наймом или исполу; сенокос также убирался наймом с предварительной съемкой с осени до следующего сенокоса, когда косцы являлись по получении повестки [2]). Помещик Веселкин, Рязанской губернии, свою землю (за исключением крестьянской) обрабатывал не барщиной, а сдавал в аренду соседним крестьянам [3]). В имении Межакова, Вологодской губ., еще в начале XIX века земля сдавалась в аренду как своим крестьянам, так и окрестным чужим. В первое 10-летие XIX века за повыток взималось обыкновенно по 6 р. в год, при чем годовые денежные получки за аренду были невелики, колеблясь от 200 до 500 рублей. В инструкции приказчику особым пунктом предусматривалась сдача в аренду земли,

---

[1]) Теплов. «Опыт улучшения быта крестьян», стр. 35.

[2]) «Воспоминание декабриста Беляева о пережитом и перечувствованном с 1803 г.». «Русская Старина», 1886 г., февраль, стр. 379. Н. В. Веригин указывает, что в конце 20-х годов в саратовском имении Л. А. Нарышкина «60.000 дес. степной земли отдавались под пастьбу скота торговцам, под сенокос, распашку». «Записки Н. В. Веригина». Русск. Стар.», 1893 г., кн. IV, стр. 135.

[3]) Повалишин. «Ряз. помещ. и их креп.», стр. 146.—Дело об обращении Веселкина со своими крестьянами относится к 1852 г. В Приложениях к Тр. Ред. Ком. сдача земли в аренду отмечена в 48 имениях 17 губерний. В 38 из них земля сдавалась только крестьянам того же имения, в четырех — и своим крестьянам и посторонним, в одном—только посторонним, и относительно 5 имений неизвестно кому сдавалась помещичья земля. Если мы присмотримся к распределению указанных 42 имений, где помещики сдавали земли в аренду своим крестьянам, по губерниям, то увидим, что аренда применялась и в нечерноземных губерниях, и в черноземных; 21 имение находилось в 7 черноземных губерниях и 21—в 8 нечерноземных. В черноземных губ. случаи аренды распределились так: 1) Воронежская губ.—3 имения; 2) Орловская—4; 3) Пензенская—3; 4) Самарская—2; 5) Симбирская—1; 6) Тамбовская—6; 7) Тульская—3; в нечерноземных губ.: 1) Владимирская—3; 2) Вологодская—1; 3) Калужская—1; 4) Московская—1; 5) Псковская—4; 6) С.-Петербургская—1; 7) Тверская—3; 8) Ярославская—7. Этот перечень, конечно, неполон. Напр., в Рязанской и Саратовской губ. не отмечено ни одного случая сдачи земли в аренду, хотя, как видим, помещики сдавали там землю и своим крестьянам и посторонним. Относительно 29 имений из примечаний видны также условия сдачи земли. В 7 имениях земля сдавалась за деньги, в 3-х сдавалась исполу, в 3-х «за обработку земли», в 6 имениях за работу и деньги, в 3-х за работы; далее идут единичные случаи: «за часть урожая», «за часть урожая и работы», «за оброк и особую плату», «за деньги или часть урожая», «за 5-й сноп», «за различные повинности» (Приложения к Труд. Ред. Ком. «Извлечения из описания имений», т. I—IV).

оставшейся свободной за удовлетворением земельной нужды крестьян и помещика, при чем без доклада последнему приказчик не мог сдавать земли [1]). В имении Львова, Саратовской губ., по условиям 1838 и 1839 годов отдавалось в оброчное содержание залужной и пахотной земли 6.000 десятин сроком на 4 года. Съемщиками являлись крестьяне того же имения, купцы и т. д.; за десятину брали 4 р.—4 р. 50 коп. [2]).

Некоторые помещики считали для себя выгоднее отдавать землю крестьянам за половину урожая. Та поступал, между прочим, вышеназванный помещик Рязанской губернии, Семенов, отдававший крестьянам половину картофеля с поля, обрабатываемого ими сверх барщины. В имении Филиппова, в Тамбовской губернии, ненаселенная земля, имеющаяся при имении в количестве 1.126 десятин, обрабатывалась крестьянами исполу и отдавалась за деньги [3]). В средних по величине имениях для хорошего обеспечения крестьян землею, так, чтобы они не бедствовали и не требовали постоянной помощи от владельца, помещики большею частью должны были давать половину земли крестьянам. Так, Семенов в своем «Руководстве», желая устроить образцовое имение, чтобы крестьяне были обеспечены (ровно настолько, чтобы им хватало средств в обрез), делит землю между ними и собою почти поровну. Таким образом, в этих случаях отдача в обработку крестьянам своей половины не могла особенно вредить помещику, строившему свои расчеты не на грубой эксплоатации крестьян; он мог только выиграть, так как крестьяне были сами непосредственно заинтересованы в хорошем урожае.

К мерам, имевшим целью повысить интенсивность крепостного труда, можно отнести и попытки артельных организаций сельского хозяйства в крепостное время. Помещик Стремоухов еще в 1829 г. в «Земледельческом Журнале» описывал устройство хозяйства в своем селе Миловидове, Сумского уезда. Помещичье и крестьянское хозяйство «были соединены вместе и, под руководством помещика, вверены надзору крестьянского

---

1) Л. Андреевский. «Очерк крупного поместного хозяйства на севере», стр. 23.

2) «Хозяйство и распорядки крупных саратовских поместий в старину». С предисловием К. Веселовского, стр. 4—5. Материалы по крепостному праву. Саратовская губ.—Саратов, 1911 г.

3) Приложения к Трудам Редакционных Комиссий, т. III, Тамбовский уезд, № 132.

общества при условии равенства в разделе семейных участков. Вся обработка производилась на счет владельца из половины доходов, но и при этом доход хозяина был выше, чем при прежнем раздельном хозяйстве, благодаря взаимному наблюдению и надзору барского «дружинного». Две дружины или сохи составляли посад, подчиненный «посадскому», и три посада— вотчину, подчиненную «вотчинному старшине». Скотный двор был общественным». Другой помещик, Жуков, в своем имении Балашовского уезда образовал из своих крестьян «дружину». Он посадил часть крестьян на месячину по их дворам и производил обработку земли «артельным» трудом. Попытка была, видимо, удачна, так как в 1848 г. Жуков купил себе еще имение в Московской губернии [1]). Фон-Визин указывает в своей записке (1842 г.) на артельное устройство в имении одного купца, купившего его на имя дворянина. Господская и крестьянская земля соединены вместе, и поля обрабатывались миром под наблюдением купца и по его распоряжениям; урожай после молотьбы, за вычетом семян, делился пополам между владельцем и крестьянами, так же поступали с сеном. В свободное от полевых занятий время крестьяне могли заниматься различными промыслами. Фон-Визин свидетельствует, что устроенное таким образом имение достигло цветущего состояния [2]).

Вглядываясь в такие попытки, можно сказать, что при недобросовестном отношении помещика при назначении количества работы, засеве поля, дележе урожая, крестьянин мог быть еще более разорен, так как он напрягал при артельной работе все свои силы, а мог получить еще меньше, чем при барщинной системе помещичьего хозяйства. Таким образом, «помещичий социализм» мог принести новое горе и разорение крестьянину; не даром крестьяне с неохотою соглашались на такую систему хозяйства.

Хотя в вопросе о пригодности вольнонаемного труда в сельском хозяйстве мнения современников сильно расходились, так что иные говорили, что крепостной труд полезнее (Н. Н. Муравьев), так как он даровой, другие же доказывали противное,—но тем не менее тогда уже появлялись

---

[1]) П. Б. Струве. «Попытки артельных организаций». Журн. «Начало», 1899 г., № 1—2.

[2]) В. И. Семевский. Крестьянский вопрос, т. II, стр. 89.

лица, с успехом применявшие вольный труд к обработке земли. Это были преимущественно купцы, не имевшие права владеть населенными имениями, при чем они, если имели в распоряжении рабочих, получали даже больший доход, чем помещики. Заблоцкий-Десятовский расказывает, что помещик (современник его) Х—в имел населенное имение, сдававшееся на аренду купцу. Последний обрабатывал его наемным трудом и получал от 15 до 20% чистого дохода, между тем как обыкновенный доход помещичьего имения равнялся 8—10%. Высокий доход объясняется наличностью в той местности бедных однодворцев, которые работали у купца за дешевую плату. Но и без них, по мнению Заблоцкого-Десятовского, доход не мог бы быть ниже дохода с заселенных имений. В Новороссии колонисты обрабатывали землю наемными работниками; в губерниях: Воронежской, Тамбовской и Саратовской во времена Заблоцкого-Десятовского, т.-е, в тридцатых городах, было много купцов, ведших сельское хозяйство с вольными работниками [1]). То же указывает барон Гакстгаузен относительно Тамбовской и Харьковской [2]) губерний. В последней купцы-землевладельцы обыкновенно держали своих лошадей, имели свои орудия, телеги и т. д. и нанимали рабочих только на время обработки полей и уборки. Эти факты были, повидимому, нередки. В Тверской губернии обработка земли посредством наемных работников производилась только у тех владельцев, которые не могли иметь собственных крестьян; это были лица из купеческого сословия, духовенства, мещан и богатых крестьян [3]).

Быть может, распространение хозяйств с вольнонаемными работниками, с которыми должны были конкурировать помещичьи хозяйства, заставляло владельцев последних еще более эксплоатировать своих крестьян. Во всяком случае, хозяйства с вольнонаемным трудом успешно существовали в тридцатых годах, а следовательно, конкурировали с пользовавшимися крепостным

[1]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 283. Никольский указывает, что в Балашовском уезде Саратовской губ., был целый «класс арендаторов из людей разных сословий», которые снимали ненаселенные земли у помещиков и купцов и обрабатывали их наймом.

[2]) Гакстгаузен, т. I, стр. 394, 433.

[3]) В. Преображенский. «Опис. Тверск. губ.», стр. 104. Случаи неудачного ведения сельского хозяйства при помощи наемного труда в Суражск. уезде Черниг. губ. (у одного вольноотпущенного крестьянина и одного дворянина на ненаселенной земле) см. у Есимонтовского цит. соч., стр. 11; там же (стр. 18) см. о требовании на наемных работников в Кролевецком и Глуховском уездах Черниговской губ.

трудом. Распространение подобных хозяйств могло иметь то значение, что помещики яснее видели возможность выгоды и для них от эмансипации крестьян.

Вольнонаемный труд применялся и в помещичих имениях. Так, в тех местах, где помещичьи запашки были обширны, крепостное же население—сравнительно немногочисленно, помещики волею-неволею должны были прибегать к вольнонаемному труду. Применялся он и там, где по каким-либо местным условиям было выгоднее своих крестьян отпустить на оброк, а собственную запашку обрабатывать наемным трудом. Некоторые помещики, впрочем, пытались перейти к вольнонаемному труду, как средству заменить мало интенсивный крепостной труд. В этом отношении любопытен пример обработки помещичьей земли в 40-х годах в имении зарайского предводителя дворянства Титова своими же крестьянами, но «по найму, по вольному соглашению». Титов был сторонником «вольного труда» [1]). У образцового хозяина Нижегородской губернии, В. Л. Демидова, к которому приезжал даже директор Петровской академии для ознакомления с его хозяйством, обработка продуктов хозяйства производилась наемным трудом, исключая размола ржи и пшеницы; на «мельнице, как и на кирпичном заводе, мастерами были люди наемные. Окраска собираемой с крепостных пряжи и даже тканье холста также сдавались на сторону» [2]).

Главной ареной применения наемного труда в помещичьих имениях был Новороссийский край, т. е. губернии Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, а также земля Войска Донского. Во время косовицы, уборки хлеба здесь чувствовался недостаток рабочих рук, и если бы не пришлые рабочие из более северных губерний (Малороссии, правобережной и левобережной, из Курской, Орловской, Тульской и др.) многие из помещиков оказались бы не в состоянии снять урожай. Цены на рабочие руки в такое время сильно вздувались.

Наемный труд применялся довольно широко в помещичьих имениях правобережной Украины при возделывании свекловицы, чему способствовало отчасти введение инвентарей в

---

1) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 327.

2) Снежневский. «Бык. вотч. Демидовых». Д. Ниж. Уч. Ахр. Ком. вып. VII, стр. 95.

тех губерниях [1]). Исследование офицеров генерального штаба отмечает ведение помещичьих хозяйств наемным трудом и в Ковенской губернии. Первые опыты применения наемного труда там были около 1839 г. в имениях бар. Клопмана и Вольфа. Этим примерам последовали и другие помещики, особенно в пограничных с Пруссией местностях. «Все помещики», говорится в том же исследовании, «поступившие с надлежащим осмотром при основании новых своих хозяйств на вольнонаемном труде и лично ведущие эти хозяйства с некоторым талантом, выражали убеждение, что реформа им выгодна и что они ни под какими условиями не желают возвратиться к барщине». Нельзя, однако, забывать при этом, что такому успеху вольнонаемного труда в западных губерниях значительно способствовало крайнее экономическое неравенство крестьян, о котором будет сказано ниже. Наличность безземельных крестьян давала помещикам готовый контингент рабочих, жаждущих заработков. Этого благоприятного условия для ведения хозяйства наемным трудом не могло быть в Великороссии, при сравнительно меньшем неравенстве земельного обеспечения крестьян, благодаря существованию общинной формы землевладения. Повсеместному переходу к такому хозяйству, как указывает упомянутое исследование по Ковенской губ., препятствовали отчасти инертность и давняя привычка к барщинной системе и недостаток капиталов на обзаведение орудиями и скотом. Поэтому во многих хозяйствах барщина была соединена с вольнонаемным трудом; некоторые же помещики отдавали свою землю в аренду, обязывая арендатора приобрести необходимые орудия и вести хозяйство наемным трудом [2]).

Но и в великороссийских губерниях — черноземных и нечерноземных—применялся изредка вольнонаемный труд, особенно если господская запашка несоразмерно разрасталась. Так в имении Александровой, Рязанского уезда и губернии, каждое крепостное тягло обрабатывало 2 десятины господской запашки в поле, а остальная земля обрабатывалась дворовыми и вольнонаемными [3]). Выше указывалось, что 2 десятины в поле на тягло в Рязанской губернии было уже максималь-

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 5.

[2]) «Мат. для геогр. и стат. России, собр. офицерами ген. штаба. Ковенская губ.», стр. 412. Спб., 1861 г.

[3]) Приложения к Тр. Ред. Ком., т. III, Ряз. губ. и у., № 2.

ным размером нормальной господской запашки, дальше которого расширение последней должно было сильно обременять крестьян. В Балашовском уезде при господской запашке более 2 десятин в поле на тягло или при употреблении крепостных на какие-либо другие, напр., строительные работы прибегали к наймам посторонних рабочих, особенно во время сенокосов и жатвы [1]). В описании имений, где было более 100 душ, применение наемного труда на господской запашке отмечено лишь в 11 имениях Петербургской, Московской, Нижегородской, Тверской, Курской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. В пяти из этих имений господская запашка обрабатывалась, видимо, исключительно наемным трудом (в С.-Петербургской, Московской, Тверской, Нижегородской и Тамбовской губерниях). В 4-х имениях указано количество десятин господской запашки, обрабатываемой наемным трудом, из чего можно заключить, что часть запашки возделывалась крепостным трудом; эти имения были расположены в Московской, Рязанской и Курской губерниях. В 3 имениях наемные рабочие составляли добавление или к дворовым людям (2 имения), или вообще к крепостным рабочим [2]). Это, конечно, не все случаи применения наемного труда. Например, в Тульской губернии наемный труд применялся в имении гр. А. Н. Бобринского, в Богородицком уезде [3]). В литературе существуют указания и на другие местности, где хозяйство велось наемным трудом. Так, в имении кн. В. И. Васильчикова, Лебедянского уезда, Тамбовской губ., купленном им перед освобождением крестьян, небольшая запашка обрабатывалась местными наемными рабочими, свои же крестьяне состояли на оброке. По указанию того же кн. Васильчикова, вообще в

---

[1]) Никольский. «Хозяйств. опис. Балашовского у. Саратовской губ.» стр. 59.

[2]) Приложения к Тр. Ред. Ком., т. I—VI. Эти случаи применения наемного труда так немногочисленны, что их можно перечислить: первые 5 имений принадлежали: 1) кн. Щербатову, Верейск. у. Московской губ.; 2) М. Я. Чаадаеву, Ардатовск. у., Нижегородск. губ.; 3) гр. Шереметеву, Шлиссельбурск. у. Петербурск. губ.; 4) В. В. Уструговой, Козловск. у. Тамбовской губ. 6 имений, где лишь отчасти применялся наемный труд, принадлежали: 1) кн. А. С. Меньшикову, Клинского у. Московской губ.; 2) Н. Ф. Васкову, Белгородского у. Курской губ.; 3) С. П. Голубцову, Михайловск. у. Рязанск. губ.; 4) О. Д. Александровой, Рязанск. у. и губ.; 5) Павловой, Раненбургск. у. Рязанск. губ.; 6) А. И. Николаевой, Богородского у. Тульской губ.

[3]) Рожков. «Экономич. разв. России». «Ист. России в XIX в.». Изд. бр. Гранат, вып. II, стр. 154.

той местности после освобождения «для крестьян... работа на купеческой и *помещичьей* земле за деньги была дело не новое, а давно вошла повсеместно в обычай» [1]). В Саратовской губернии, в имении Нарышкина, как было выше указано, помещичье хозяйство также велось отчасти наемным трудом. Никольский указывает «на недостаток часто рук» в помещичьих имениях Балашовского уезда, почему считает полезным и выгодным в помещичьих имениях применение молотильной машины [2]). Недостаток крепостных рабочих рук в помещичьих хозяйствах Самарской губернии отмечает Кавелин [3]). Рабочих сил не хватало и в имении Межакова Вологодской губ. Наем возчиков для перевозки хлеба, наем рабочих на винокуренный завод встречался там и в начале XIX века. Сельско-хозяйственных рабочих, главным образом баб, на покос и жатву было нанято в 1857 г.—148 чел., в 1859 г.—206 человек [4]).

Как ни незначительно количество приведенных фактов, но и они дают возможность заключить, что наемный труд в помещичьих имениях применялся в значительной мере лишь в Новороссийском крае и отчасти в западных губерниях; в других местностях это были или единичные случаи, или наемный труд имел частичное, временное значение, как помощь в горячее рабочее время при недостатке по каким-либо причинам рабочих рук. Нужны были очень сильные стимулы для того, чтобы перейти от хозяйства с даровым трудом, готовым хозяйственным инвентарем, скотом и даже, при желании, удобрением к хозяйству, требовавшему большой затраты денежного капитала на указанные средства сельско-хозяйственного производства. А денежными капиталами помещичье хозяйство было не богато. Нельзя забывать также, что наемным трудом можно было вести хозяйство там, где не было недостатка в предлагающих свой труд. В крепостное же время, когда значительная часть населения была прикреплена к местам жительства и распределялась без всякого соответ-

---

[1]) В. И. Семевский. «По поводу статьи Рожкова». «Р. Мысль», 1902 г. кн. IV, стр. 136.

[2]) Никольский. «Хоз. опис. Балаш. у. Сар. губ.», стр. 74.

[3]) Кавелин, т. II, стр. 667. Цит. по ст. Покровского «Крестьянск. реф.». «Ист. России в XIX в.». Изд. бр. Гранат, вып. IX—X, стр. 73.

[4]) Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере». стр. 33.

ствия с удобствами почвы и климата, сельско-хозяйственных рабочих даже при сильном развитии оброчной системы не могло хватать. Не случайно в Новороссийском крае стали прибегать к замене человеческого труда машинами [1]).

Из приведенных выше данных видно, что количество земли у барщинных крестьян должно было быть крайне различно. Начиная с полных месячников, которых было особенно много в Малороссии, можно встретить крепостных, имевших наделы, приближавшиеся по величине к средней цифре для XVIII века. Средние цифры для южных черноземных губерний, как указано было выше, колебались от 5,27 дес. до 2,04 дес. удобной земли на одну ревизскую мужского пола душу; в нечерноземных губерниях душевой надел колебался между 8,68 и 2,86 дес. Были и меньшие наделы, были и большие, в роде 60 дес. на тягло в мызе Карловке, граф. Разумовской, в Полтавской губ. (в двадцатых годах).

Тенденция же в развитии помещичьих хозяйств наблюдалась в сторону обезземеления крестьян. Но это была лишь тенденция в развитии крепостного права, и этого нельзя забывать. При суждении о величине надела нельзя упускать из вида, что помещики отводили крепостным обыкновенно отдаленные и худшие земли. Крестьянская земля была хуже уж тем, что не могла быть удобрена в той же степени, как помещичья. Впрочем, говоря о крестьянском наделе, нужно помнить, что в крепостное время крестьянин был более обеспечен, чем освобожденный крестьянин с тем же наделом. Обыкновенно крестьянин пользовался помещичьим выгоном; скот пасся на помещичьем пару; крестьяне иногда бесконтрольно (преимущественно в оброчных имениях), иногда с разрешения помещика пользовались его лесами и другими угодьями

---

[1]) В этом отношении любопытно мнение опытного помещика Сабурова, указывавшего накануне реформы 19 ф. 1861 г., что, «исключая местностей, где еще остались первобытные тучные степи, на коих можно производить ценные хлеба... или не кладя в счет те губернии, где народонаселение стеснилось и цены на землю возвысились до того, что свободный труд и ныне уже может быть выгоднее обязанного, как, напр., во многих местах Тульской, Орловской и Рязанской губ., и эта оценка начала показывать, что крепостные крестьяне слишком дорого стоят помещику,— во всех прочих местах средней полосы, где народонаселение живет еще на просторе, и особенно в северной полосе, где преимущественно производят дешевые хлеба... при нынешних низких ценах в этих местностях земледелие с трудом может при начале выдержать свободный труд». Ив. Сабуров. «Соображения, касающиеся до улучшения быта крестьян». «Журнал Землевладельцев», 1858 г., № 12, стр. 4—5.

(ловлею рыбы в озерах и реках и т. п.); кроме того, в несчастных случаях (пожар, неурожай) помещик помогал крестьянину.

Размер барщины и порядок ее отправления был крайне разнообразен. Большею частью крестьянское время делилось пополам. Это достигалось различными способами. Обыкновенно работали брат на брата, т. е. если семейство состояло из 2 тягол, то одно работало постоянно на себя, а другое — на барина; в других случаях каждое тягло работало 3 дня в неделю на себя, 3 дня на помещика, при чем нередко помещики разделяли все тягла на две половины, работавшие поочередно по 3 дня в неделю: таким образом обеспечивалась постоянная работа на господской запашке хотя бы половинного количества тягол. У некоторых помещиков Костромской губернии должны были ходить на барщину по 3 дня в неделю с марта по декабрь, а в зимние 3 месяца они увольнялись для заработка денег на уплату казенных повинностей и на собственные свои надобности. Впрочем, если случалась нужда привезти сено или солому, то и зимою крестьяне назначались на несколько дней барщины; в других имениях работали по 3 дня круглый год [1]). В имении А. В. П., Подольского уезда Московской губернии, крестьяне исполняли барщину брат на брата с апреля по ноябрь; в зимние же месяцы (с ноября по апрель) одна треть тягол молотила хлеб машиною через 2 недели в третью [2])

Хотя, по указанию Заблоцкого-Десятовского, большею частью наблюдалась 3-дневная барщина, но нарушения ее были довольно распространены. По указанию некоторых помещиков, при 3-дневной барщине нельзя было справиться с господскими работами. Так, один из уездных предводителей дворянства Рязанской губернии признал, что 3 дня в неделю недостаточны для помещичьего хозяйства [3]). В Костромской губернии у некоторых помещиков, где были увеличенные посевы хлеба или велика была потребность в дровах при отдаленности лесов, 3 дней было недостаточно, почему крестьяне в таких имениях круглый год работали по 4 дня в неделю; в возна-

---

[1]) С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», ч. III, стр. 5.

[2]) «Описание улучшения быта крестьян Московской губ., Подольского уезда, в имении А. В. П.» «Журн. Землевладельцев», 1858 г., № 13, стр. 10.

[3]) Повалишин. «Ряз. пом. и их креп.», стр. 246.

граждение за 4 день помещики принимали на себя уплату подушных и рекрутских денег [1]). В Екатеринославской губернии большая часть помещиков также принимала на себя уплату всех повинностей и налагала за это на крестьян четвертый день барщины [2]). Встречалась местами не только 4-дневная, но даже 5 и 6-дневная барщина; в последнем случае крестьянам приходилось работать на себя по воскресеньям (у мелкопоместных помещиков за Волгою) [3]). Мордовцев указывает на существование в Саратовской губернии даже «сквозной барщины» (7 дней в неделю) [4]). Месячники, как было указано, работали 6 дней в неделю.

Помимо этой регулярной барщины во всех хорошо управляемых имениях назначался один поголовный день, иногда за особую плату. Так в Тульской губернии работали 3 дня на барщине, а в воскресенье назначался «бенефис» помещику, т.-е. крестьяне работали поголовно [5]). Во время спешных летних работ созывались на барщину нередко все крестьяне. При распространенной в Смоленской губернии барщине брат на брата, очень многие помещики созывали для некоторых работ всех крестьян (напр., при вывозке навоза и во время сенокоса) [6]). В имении помещика Рязанской губернии кн. В. при спешности работ брались лишние дни, но записывались на счет тех, с кого они были взяты. В имении Воейкова, Рязанской губернии, во время вывоза навоза, уборки хлеба, сена сзывались все крестьяне, но зато получали столько же дней и для себя [7]). Сгоны или поголовная барщина в летнюю рабочую пору существовали в Балашовском уезде, хотя и редко [8]). Эти внезапные барщины были особенно разорительны для крестьян: они, по требованию барина, должны были отрываться от собственных работ и итти на барщину.

В некоторых случаях помещики в рабочее страдное время,

---

[1]) С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», ч. III, стр. 5—6.
[2]) «Мат. для геогр. и стат. России. Екатеринославская губ.», стр. 174.
[3]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 278—279.
[4]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 370. О чрезмерной барщине в Саратовской губ. см. также стр. 50, 108, 266—267, 269, 310—311.
[5]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 278—279.
[6]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат.», стр. 202.
[7]) Труды Ряз. Арх. Ком., 1889 г., т. IV, вып. I, ст. Повалишина, стр. 30 и 5.
[8]) Никольский. «Хозяйств. опис. Балаш. у., Сар. губ», стр. 59.

торопясь окончить свои работы, брали себе все хорошие дни, оставляя крестьянам дождливые, ненастные. Крестьяне Саратовской губернии жаловались, что их хлеб от долгого стоянья в полях и несвоевременной уборки высыпается из колосьев, выклевывается птицей и проч., и крестьяне голодают [1]. Некоторые помещики вообще заставляли крестьян сначала окончить господские полевые работы, а потом приниматься за свои. Это практиковалось, напр., в некоторых имениях Костромской губернии. Такая барщина ускоряла господскую работу, но крестьяне, несмотря на всю спешность ее, все же опаздывали своими работами, особенно жатвой ярового хлеба, так что иногда овес или пшеницу заносило у них снегом [2]. Но и трехдневная барщина могла стать очень тяжелой, например, при урочной системе: как указывалось, при непосильных уроках и при обязанности оканчивать урок или переделывать

---

[1] Мордовцев. «Накануне воли», стр. 311; об отнятии от крестьян ясных дней и отдаче им ненастных см. также стр. 369. Л. Андреевский приводит в своем интересном исследовании «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере» количество барщинных мужских и женских назначений за 1855, 1857, 1859 и 1860 годы по месяцам (стр. 30). Всех назначений было в эти годы:

мужских	1855 г. 13.589	1857 г. 19.243	1859 г. 19.251	1860 г. 18.510
женских	» 8.061	» 10.609	» 10.852	» 8.890
неявок	» 738	» 2.039	» 2.592	» 2.272

Из приведенных данных видно, что барщина в эти годы росла, несколько упав в 1860 году. Количество мужских и женских назначений, например, в 1859 г. увеличилось на 39% сравнительно с 1855 годом. Такое увеличение вряд ли можно объяснить ростом барщинной запашки, ибо посев ржи за те же годы увеличился лишь на 13%, посев овса даже уменьшился (236 четв. вместо 261 чтв.), умолот ржи и овса за эти годы уменьшился. В то же время выросло и количество нетчиков, т. е. не явившихся на работы. В 1855 году нетчики составляли 3,4% всех назначений, а в 1859 г.—8,6%. Такое увеличение барщинных назначений с одной стороны и увеличение количества нетчиков наводит на мысль, не было ли это результатом падения интенсивности барщинного труда и роста небрежности крестьян к своим крепостным обязанностям в эпоху освобождения. Из этих же данных выступает наибольшее число назначений в летние месяцы и преобладание мужской барщины перед женской ($^2/_3$—мужская и $^1/_3$—женская). Сопоставление общего количества назначений с числом издельных тягол, за вычетом барщинных дней, требовавшихся со смешанных тягол (согласно с данными «Приложений» к Тр. Ред. Комиссий - Описание имений, имеющих более 100 душ. т. I), показывает, что барщина в этом имении была, повидимому, невелика: на 1 издельное тягло падает 78 мужских назначений за весь год.

[2] С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», ч. III, стр. 6. Помещик П. Межаков в инструкции приказчику, еще в начале XIX в., ставил в обязанность соблюдать трехдневную барщину, «окромя только самого нужного времени, как-то уборка хлеба и сенокоса..., в упомянутое же время, если они более уреченных дней пробудут, то давать им толикое же число выживать дома». Л. Андреевский. «Очерк крупн. крепостного хозяйства на севере», стр. 56.

неудачную работу в свои дни, она могла фактически превратиться даже в шестидневную. При назначении определенного количества десятин на тягло для полной обработки, трехдневная барщина также могла сделаться фикцией при слишком больших господских запашках. Между тем, по указанию черниговского помещика Есимонтовского, даже трехдневная барщина без всяких отягчающих условий была обременительной повинностью ввиду того, что из своих 3 дней крестьяне должны были исправлять различные общественные повинности, отлучаться в город и т. п. [1]).

Об увеличении извозной повинности уже было сказано. О других натуральных повинностях приходится сказать немногое. Эти натуральные повинности были больше при натуральном хозяйстве; при переходе к денежному они стали исчезать. Обыкновенно они состояли из домашних произведений (птицы, яйца и т. п.), женских изделий (холст, сукно); иногда приносились орехи, грибы, лесные ягоды и т. п. Последнее было собственно оброком с женщин и детей. Сбор с крестьян грибов и ягод бывал очень обременителен для тех семей, где не было подростков, ибо если семья состояла из мужа и жены, то они едва могли справиться только с хозяйством. При неурожаях грибов и ягод крестьянам приходилось покупать их в других местах для своего помещика [2]).

Так как главная рабочая сила считалась от тягла (тягло— муж и жена), — поэтому производился строгий подсчет тяглам. Тягловым возрастом для мужчины обыкновенно считалось от 18 до 55 лет, иногда до 60 лет, но и после того старики зачастую употреблялись на мелкие домашние работы. На женщин накладывалось тягло обыкновенно с выходом замуж, а снимали его лет с 50. Иногда накладывались некоторые работы и на подростков. Так, в Смоленской губернии подростки с 14 лет хотя и не употреблялись на тяжелые работы, но помогали пастухам, бабам, во время сенокоса были повозниками и т. д. В Балашовском уезде мальчики с 14 лет брались для помощи пастухам и погонки волов во время пашни, девочки для сбора ягод, трав и т. п. или для легких работ в саду и огороде. В Костромской губернии в некоторых имениях подростки с 15 лет уже ходили на господские работы

---

[1]) Есимонтовский. «Опис. Суражск. у., Черниг. губ.», стр. 14—15.
[2]) С. Дмитриев. «Опыт практич. замеч.», ч. III, стр. 18.

по два дня в неделю. В некоторых имениях Саратовской губернии употреблялся детский труд [1]).

Сильные тягла получались только тогда, когда в каждом тягле была мужская и женская сила, т.-е. муж и жена. Это вело к строгому надзору помещика за тем, чтобы женщины не засиживались в «девках», а парни не оставались холостыми. С девушек иногда брали, начиная с известного возраста, плату за девичество. Так, в извлечении из описания имений свыше 100 душ в Костромской губернии в 15 имениях отмечен особый налог с девок и вдов, при чем в некоторых примечаниях определенно указывается, что плата взималась за уклонение от замужества. В имении Безобразова Кинешемского уезда, Костромской губернии, с девок старше 16 лет и вдов «нестарых» брали 5—7 р.; «этот налог признается необходимым для побуждения к выходу в замужество». В имении Мятлевых, Нерехтского уезда, «для побуждения к выдаче дочерей замуж взрослые девки окладываются в $^1/_4$ и $^1/_2$ тягла» и т. д. [2]). Любопытно имение Шишелова, Нерехтского уезда, где отцам разрешалось выкупать на волю за 75 р. тех дочерей, которые не пожелают выйти замуж. Таким образом девушек, отказавшихся нести обязанность размножения крепостного населения, помещик не стремился удержать за собой. Иные помещики неохотно отпускали девушек замуж на сторону, беря в таких случаях за разрешение на замужество особую плату. Так, напр., помещица Глушкова, Костромской губернии, в 1860 г. взяла 100 руб. с крестьянина за разрешение выдать дочь замуж за крестьянина чужой вотчины [3]). Григ. Павл. Галаган рассказывает в своем дневнике за 1845 г., что он не разрешил одного брака, потому что жених был «мастеровой и притом графский». В другой раз он запретил выдать девушку замуж за казака на том основании, что их собственные паробки сидят без невест, а богатые крестьяне стремятся

---

[1]) Я. Соловьев. «Сельско-хозяйств. ст. Смол. губ.», стр. 201; Никольский «Хозяйств. опис. Балашовского у.», стр. 58—59; С. Дмитриев. «Опыт практ замеч. кинешем. земледельца», ч. IV, стр. 4; Мордовцев. «Накануне воли» стр. 109.

[2]) Приложения к Труд. Ред. Ком., т. IV, Кинешемский у., № 63; Нерехтский у., № 29.

[3]) Бобков. «Из запис. бывш. крепостн. чел.». «Ист. Вестн.», 1907 г., кн. VI, стр. 754.

выдать дочерей на сторону за казаков [1]). Московский помещик Подольского уезда А. В. П., указывал, как на один из признаков дурного управления прежней владелицы приобретенного им имения на то, что женитьба и выход замуж зависели от воли крестьян. Найдя, что по этой причине у 37 работников не было жен, а 5 девушек от 17 до 22 лет жили при семействах, он в первый же год своего управления принял меры к тому, чтобы устранить такое явление. Так как богатые крестьяне не хотели выдавать своих дочерей замуж за бедных, другие предпочитали удерживать в семье даровых работниц, то А. В. П. прибег к убеждениям, «с помощью которых в 3 года все переженились» [2]).

Вмешательство помещика в брачную жизнь простиралось очень далеко. Некоторые господа запрещали маломочным крестьянам соединяться с богатыми девушками, чтобы богатые дворы таким образом не разорялись; нередко помещики сами назначали пары и насильно выдавали замуж. В одном имении Ярославской губ. (князя N*), приблизительно в конце двадцатых годов, «почти все браки совершались по наряду заводской конторы. Назначали для этого одно время в году и по особому списку вызывали в контору женихов и невест. Там по личному указанию управляющего составлялись пары и под надзором конторских служителей прямо отправлялись в церковь, где и венчались по нескольку вдруг. Склонности и желания не спрашивались» [3]). Разбор женихов и невест делал в своем имении и известный профессор-этнограф Ив. Мих. Снегирев. В своем дневнике за 1844 г. он говорит об этом, как о самом обыденном явлении [4]). Известный украинский писатель Белецкий-Носенко допускал браки между своими крепостными только со своего разрешения [5]).

Нужно заметить, что, чем сильнее развивалось малоземелье в помещичьих имениях, тем равнодушнее становились помещики к увеличению числа тягол, так как каждое новое тягло требовало земельного надела, вследствие чего самое по-

[1]) Отрывок из дневника Г. П. Галагана. «Киев. Стар.», 1899 г., кн. XI стр. 230—231.

[2]) «Опис. улучшения быта крестьян Москов. г., Подольск. у., в имении А. В. П.» «Журн. Землевлад.», 1858 г., № 13, стр. 5—6.

[3]) «Воспоминания крепостного». «Русский Вестник», 1877 г., кн. 9.

[4]) Дневник Ив. Мих. Снегирева. «Рус. Архив», 1903 г., № 5, стр. 90.

[5]) И. Лучицкий. «Из недавн. прошл.». «Киевск. Стар.», 1901 г., кн. IV, стр. 20—21.

нятие тягла стало сближаться с понятием земельного участка. При известной степени малоземелья помещики начинали часть крестьян зачислять в затяглые и прекращали увеличивать количество тягол.

Ю. Ф. Самарин указывал, что в Тульской, Рязанской, Пензенской и Курской губерниях, «в частных малоземельных имениях, где вся земля давно разобрана, где нет запасной, число тягол, которому соответствует равное число участков не увеличивается, как бы ни нарастало народонаселение. Можно встретить дома, состоящие из 5 женатых работников и несущие только 2 или 3 тягла; здесь тягло уже утратило личный характер и получило значение недвижимого участка. Лишние затягольные работники обращаются к другим промыслам или нанимаются в работу на стороне, возвращаясь домой на косовицу, а иногда и к уборке хлеба»[1]). В таких имениях тягла не налагались, а разбирались нарасхват. В селе Молодовом Теплова «тягловых участков всегда было несколько менее, чем желающих ими воспользоваться». Поэтому каждую весну часть самых задолженных хозяев переводилась в месячники или на безземельный оброк, а освобождаемые тягла налагали на молодых крестьян, по рекомендации старшин и с удостоверением, что у них есть хорошие лошади и исправные земледельческие орудия.[2]). При таком малом количестве тягол, естественно, на тягло приходилось все большее и большее количество ревизских душ. В Калужской губернии затягольных было, видимо, почти 2%. Хотя, по указанию Повалишина, «чем больше затягольных в семействе, тем двор богаче и наоборот»[3]), но та жажда, с которою расхватывались земельные тягла, указывает, что затягольные, т.-е. безземельные крестьяне стремились стать самостоятельными хозяевами. Во всяком случае рост количества затягольных мог при дальнейшем развитии крепостного права повести к образованию особого класса безземельных крестьян, положение которых было бы крайне необеспечено.

Таково было положение барщинных, занимающихся земледелием. Но был еще разряд барщинников, положение которых

[1]) Самарин, т. II, стр. 168.
[2]) Теплов. «Оп. ул. б. кр.», стр. 95.
[3]) Повалишин. «Ряз. пом. и их креп.», стр. 57.

было несравненно тяжелее, и которые еще больше зависели от произвола помещика при работе, требующей большей напряженности. Мы говорим о фабрично-заводских крестьянах. Эта группа крестьян была поставлена несравненно хуже других уже по самым условиям труда на фабриках и заводах. Здесь рабочий находился под постоянным присмотром, вся работа его была на виду. Жизнь рабочего могла быть строго регулирована. Собственно группа этих крестьян была невелика. Так, по подсчетам М. И. Туган-Барановского,—приблизительным, так как показания давались владельцами фабрик и заводов неправильно,—крепостных рабочих, работавших на вотчинных фабриках в 1825 г., было 66.725 человек [1]). Перед крестьянской реформой в помещичьих имениях 38 губерний числилось 381 фабрик и заводов, а рабочих на них 59.375, т.-е количество рабочих немного уменьшилось.

Среди этих фабрик и заводов было больше всего суконных фабрик (139 или 36,4%). На них было занято 40.824 рабочих, что составляет 68,8% всех рабочих, занятых на указанных 381 предприятии, при чем на одну фабрику приходилось 293 рабочих. Из других групп более заметными были следующие [2]):

Наименование предприятий.	Количество предприятий.	Количество рабочих на них.	Количество рабочих на одно пре дпр
Стеклянные и хрустальные	64	4.622	72
Писчебумажные и бумажные . . .	44	4.682	106
Кожевенные	27	1.005	37

[1]) Туган-Барановский. «Фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 106—107.

[2]) Таблица составлена на основании сведений, почерпнутых из Архива Государств. Совета (Главный комитет по крестьянскому делу 1858–1862 г. № 103—Бумаги Чевкина). Эти данные не могут считаться полными. В перечне фабрик и заводов не упоминается, напр., о свеклосахарных заводах, о винокуренных, нередко устраивавшихся в помещичьих имениях. Кроме того, терминология предприятий крайне неясная. В таблице мы привели сведения лишь о наиболее заметных группах. Далее идут указания на 14 видов предприятий (картофельномучные, свечные, рогожеткацкие, крахмальные и т. д.), каждый из которых представлен одним, двумя, тремя небольшими заводами с незначительным количеством рабочих.

Наименование предприятий.	Количество предприятий.	Количество рабочих на них.	Количество рабочих на одно предпр.
Полотняные	14	399	28
Бумаго-пряд. и бумаго-ткацкие	13	4.046	311
Чугунные [1]	12	391	32
Железные [2]	9	692	77
Медные [3]	6	37	6
Фарфоровые и фаянсовые	6	180	30
Сыроваренные	5	12	2
Ковровые	5	206	41
Солеваренные	5	1.758	351

Как видим, чаще всего, после суконных фабрик, встречались стеклянные, хрустальные заводы (16,8%), писчебумажные фабрики (11,5%) и кожевенные заводы (7,0%). По количеству рабочих на первом месте после суконных фабрик стоят писчебумажные и бумажные фабрики (7,8%), стеклянные и хрустальные заводы (7;7%), а также бумагопрядильные и бумаго-ткацкие фабрики (6,8%). Самыми крупными предприятиями по числу рабочих, занятых на отдельных фабриках и заводах, оказываются солеваренные заводы (351 рабочий), бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики (311 рабочих), суконные (293 рабочих), стеклянные и хрустальные заводы (106 рабочих).

Фабрик писчей бумаги, хлопчато-бумажных, канатных, кожевенных было мало, так как в этой отрасли промышленности преобладали купеческие и крестьянские фабрички. Кроме того, было очень много мелких полотняных дворянских фабричек для приготовления изделий преимущественно для домашнего обихода, которые в официальные списки не попадали. Эти вотчинные фабрики начали развиваться в конце XVIII века,

[1]) «Чугунные», «чугуноплавильные», «механич. чугунных изделий».
[2]) «Железные», «железоплавильные», «железных изделий».
[3]) «Медные», «медноплавильные», «медных изделий».

число их росло сильно в двадцатых и тридцатых годах XIX столетия, но в сороковых годах стало уменьшаться, так как крепостной труд оказывался невыгодным в силу своей малой производительности и дороговизны содержания. По способу отработки крестьяне занимали различные положения. На некоторых вотчинных фабриках работа производилась «брат на брата», т.-е. крестьяне разделялись на две смены, поочередно работавшие на фабрике. Здесь фабричная работа производилась, как и всякая другая барщина. На некоторых фабриках крестьяне отпускались на два месяца в году для сенокоса и уборки хлеба. Положение этих крестьян было все же лучше, чем положение фабрично-заводских «месячников». «На некоторых помещичьих фабриках,—говорит Заблоцкий-Десятовский,—работают месячники без всякой заработной платы; сверх того, им задаются уроки, за неисполнение коих следует взыскание... Один помещик завел в Нижегородской губ. суконную фабрику и уничтожил большую часть крестьянской запашки. Мужики переведены частью на месячину, частью на запашку и работают каждый день. Они не привыкли к работе, дело отправляют худо, их наказывают. Не выполнившего урок секут и сажают в воскресенье за работу. По отзывам соседей, все эти люди точно вышедшие из тюрьмы. Многие находятся в бегах» [1]). Но такое содержание не было выгодно для помещиков. Бутовский указывает, что «содержание, выдаваемое помещиком фабрикантом барщинным крестьянам вместо свободных дней, обходилось ему дорого; но всего более заводские терпели ущерб от труда вялого и неудовлетворительного» [2]). Зачастую помещики назначали плату крепостным, но эта плата была обыкновенно ниже платы вольнонаемному [3]). Так, вологодский помещик Межаков употреблял в начале XIX в. на винокуренном заводе труд

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 294.

[2]) Т.-Барановский, стр. 110.

[3]) В Приложениях к Тр. Ред. Ком. в 42-х имениях, в которых отмечено существование помещичьих фабрик и заводов, в 21 имении крепостным рабочим выдавалась плата за их труд (в 3-х имениях на фабриках работали дворовые, в 18 — крестьяне). В одном имении (помещицы Ратынской, Дмитровского уезда Орловской губ.) крепостные крестьяне работали на кирпичном заводе по найму. В 11 других имениях крестьяне отбывали барщину на фабриках, т.-е. работали бесплатно. В одном имении работающие на фабрике крестьяне состояли на господском содержании. Наконец, в 3-х имениях отбываемая на фабриках барщина оценивалась на деньги. Все эти сведения очень неясны и, конечно, неполны.

своих крепостных за плату, которую крестьянский мир признавал совершенно недостаточной. Мир считал своею обязанностью помогать своим односельчанам, на которых падала эта заводская повинность. В расходной книге бурмистра и старосты с. Чиркова этого помещика есть запись 1816 г., которая говорит о такой помощи: жившим на винокуренном заводе в 1815 г. по мирскому приговору за прожитые на заводе месяца сверх господской цены мирских денег положили им всем в награждение по 6 р. в месяц, да за нанятые месяцы вычетных по 1 р. 50 коп. в месяц, да на дорогу по 8 р.»— Следовательно, по расчету мира помещик в 4 зимние месяцы не доплачивал рабочему по 9 р. 50 к. в месяц [1]). Заблоцкий-Десятовский, сравнивая доходы рабочего крепостного на железных заводах Оренбургской губ. и посредственного крестьянина той же местности, указывает, что доход первого уступает доходу последнего [2]). Крестьяне с ужасом говорили об этих заведениях; они говорили: «в этой деревне есть фабрика», с таким выражением, как если бы они хотели сказать: «в этой деревне есть чума». Иногда помещики применяли на своих фабриках и заводах наем на работу своих же оброчных крестьян. Заработная плата зачиталась в оброк, на котором формально состояли эти крепостные. Так, А. Н. Львов на своем кирпичном заводе Саратовской губ. нанимал «из собственных крестьян оброчных и пахотных 10 человек, которые должны были выделать и обжечь 20 тысяч кирпичей, за что платили по 5 р. с тысячи; сверх того от экономии во время работы отпускались хлеб и крупа [3]).

Положение этих фабричных рабов было тем ужаснее, что законодательство совершенно не регулировало его. Когда московский генерал-губернатор князь Голицын в тридцатых годах хотел издать особые правила для вотчинных фабрик и заводов, московский предводитель дворянства заявил, что вмешательство в отношения помещиков и крепостных может вывести последних из повиновения и повести только к волнениям. Были изданы лишь особые правила для «внушения»

[1]) Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере. Вологда.. 1922 г., стр. 42.
[2]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 295.
[3]) «Хозяйств. распорядки крупных саратовских поместий в старину», стр. 11. Материалы по креп. праву, Саратовск. губ. Саратов, 1911 г.

их дворянам; в числе этих правил было подтверждено право помещиков лишь на трехдневную барщину; рабочим полагалось—при отсутствии занятий земледелием—соразмерная трудам задельная плата; помещики не могли заставлять работать в праздники. Эти правила, конечно, не исполнялись, и положение фабрично-заводских помещичьих крестьян оставалось крайне печальным. На фабрики и заводы забирали детей с восьмилетнего возраста, что тяжело отзывалось на здоровьи таких крепостных. Конечно, рабочие-крепостные были или малоземельны, или—чаще всего—безземельны, а это должно было отразиться и на их пореформенном быте. Уменьшение числа вотчинных фабрик в конце 40-х годов, на что указывает Гакстгаузен, является последствием невыгодности для помещиков вести при крепостном труде промышленные предприятия и невозможности для них конкурировать с купеческими и крестьянскими фабриками, основанными преимущественно на вольном труде. Наличность крепостных не давала возможности улучшать технику, потому что это требует интенсивно работающего, ловкого работника, и мешала быстро соразмерять величину промышленного предприятия с требованиями рынка. Пензенский помещик Колокольцев, получив в конце 40-х годов в наследство сильно запущенную суконную вотчинную фабрику, стал применять на ней наемный труд, совершенно изгнав крепостной. По его словам, фабрика, благодаря его предприимчивости, энергии и целому ряду других мер, стала приносить хороший доход, и его же крепостные, отпущенные на оброк, стали наниматься на его фабрику [1]).

Экономическое положение крестьян, как указывают современники (а Самарин заявляет категорически), несомненно, ухудшалось в XIX веке. Это ухудшение было особенно заметно в Малороссии. Здесь играла большую роль, кроме изменения в системе сельского хозяйства помещика, система землевладения среди крестьян. При общинном землевладении, существовавшем среди помещичьих крестьян в Великороссии, земля была распределена равномернее, не было такого сильного экономического неравенства, как в западных губерниях, где господствовало подворное землевладение.

Община затрудняла образование безземельных, положение

---

[1]) «Воспоминания Колокольцева». «Русская Старина», 1891 г., кн. III.

которых могло быть при крепостном праве действительно ужасным. Безземельный крестьянин мог попасть в кабалу к своему односельчанину, которому удалось сохранить, благодаря счастливым случайностям, свой надел; это мы и встречаем при подворном владении в северо-западных и юго-западных губерниях.

Значение общины очень важно еще в другом отношении. Община, мир, соединяла крестьян в одно целое, иногда очень сплоченное, если только не было сильного давления со стороны помещика. При существовании «мира», готового вступиться за каждого отдельного крестьянина, входящего в его состав, помещик не мог эксплоатировать отдельного крестьянина, вымогать от него непосильные подати, отнимать земли, вообще насиловать личность в той мере, как в том случае, если бы мира не было. В случае жестокого обращения с крестьянами помещики скорее могли ждать отпора от крестьян-общинников, чем от подворных владельцев. Кроме того, важно и то, что общинник не чувствовал себя таким одиноким, брошенным на произвол владельца, как подворный владелец. Он всегда видел за собою мир, который мог им руководить и вступиться в случае крайней необходимости.

Насколько была сильна привязанность к общине, показывает то, что свободные хлебопашцы, наделенные землею, по указу 1803 г., в подворное владение, не переставали пользоваться ею по общинным правилам. В 1847—1848 г.г., по исследованию губерний: Московской, Орловской, Владимирской, Ярославской, Рязанской, Тульской, оказалось, что в большинстве имений со свободными хлебопашцами земля осталась неразделенною на подворные участки, а крестьяне продолжали владеть ею на прежних условиях, т.-е. с сохранением общинного землевладения [1]). Кошелев, со своей стороны, указывает, что даже в тех имениях, где помещики по своей прихоти уничтожали суд стариков, сходки, выборы и мирское управление, они быстро восстановлялись, как только имение переходило в руки помещика, не препятствовавшего мирскому самоуправлению. Когда в имении кн. Долгорукой, Вязниковского уезда Владимирской губ., управление из рук бурмистров, выбираемых самими крестьянами из своей среды,

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 220.

было передано в руки управляющего, то крестьяне подняли настолько сильное волнение, что для подавления его потребовалась военная команда, а главные зачинщики были преданы военному суду [1]).

Земля в общине была общая, разделявшаяся на равные участки по числу тягол. В многоземельных имениях на прибылые тягла помещик прирезал новую землю, а в малоземельных или вообще там, где землею дорожили, происходила свалка земли и навалка тягол с одних семей на другие соответственно переменам в личном составе и хозяйственном положении их. От времени до времени производились общие переделы, когда чересполосица от свалки и навалки земли с одной семьи на другую достигала крайности. Никак не следует думать, что переделы земли являлись исключительно последствием давления помещичьей власти. И среди свободных государственных крестьян при многоземельи господствовала так называемая захватная община, когда каждый новый член свободно захватывал новую землю и пользовался ею. Но, когда земли становилось мало, ближайшие земли, а затем и все остальные поступали в передел.

Повинности в общине, большею частью, распределялись также всем миром, сообразно с имущественным обеспечением каждого. Это уменьшало произвол помещика в распределении повинностей. В общине существовала круговая порука. В силу ее, при неисправном платеже денежных повинностей или при неисполнении натуральных, за неисправных общинников отвечал весь мир, при чем обыкновенно за маломочных хозяев приходилось исполнять повинности и уплачивать недоимки сильным, богатым хозяевам. Конечно, это не могло быть по вкусу деревенским богатеям. Для бедных же крестьян круговая порука была очень полезна, предохраняя их от разорения при притеснениях помещиков и непосильных платежах. Иногда мир, с разрешения помещика, покупал землю. Трудно сказать, как распределяли они ее: по числу ли тягол, или по внесенным на покупку земли суммам. В настоящее время дележ чаще всего производится пропорционально внесенным суммам; может быть, в то время дележ производился на таких же началах.

---

[1]) «Мат. для истории креп. права», стр. 45—46.

Известная степень дифференциации среди крепостных существовала, как видим, в Великороссии и при общинном землевладении. В промышленных оброчных селениях, где встречались крупные богачи, эта дифференциация бывала очень сильной. Вспомним, что в слободе Алексеевке, Воронежской губ., гр. Шереметева, наряду с такими крупными торговцами, как Штурба, который вел обороты на сотни тысяч, были крестьяне, не имевшие возможности внести легкий шереметевский оброк. В тараксинской вотчине Э. Д. Нарышкина, в Тамбовской губ., из 2.700 тягол до 1.000 были безлошадными, так что пошли слухи, что вместо лошадей в сохи впрягаются бабы и, таким образом, обрабатывают землю. Богатые покупали землю у бедняков, нанимали их на свои работы за ничтожные ссуды хлебом и др. необходимыми бедняку продуктами, но зато уплачивали за них оброк. Безлошадные были и в Моршанском имении, Тамбовской губ., Л. А. Нарышкина [1]). На существование богатых и бедных крестьян с многочисленными переходами между ними указывает и Я. Соловьев относительно Смоленской губ. У зажиточных, по его указанию, приходилось по 6 голов скота на 1 дес., у большей же части было по 2 и даже по 1 голове скота [2]). Бедные крестьяне в случае нужды обращались к богатым домохозяевам за ссудами хлебом и деньгами, обязываясь обыкновенно, кроме высоких процентов, отработать на своих заимодавцев несколько дней. Еще чаще крестьяне делали займы у прасолов деньгами, предметами и даже хлебом. Никольский различал среди крестьян Балашовского уезда Саратовской губ. 4 группы в имущественном отношении: бедных, исправных, зажиточных и богатых. *Бедный* — обыкновенно безлошадный, или имел плохую корову, или даже этого не имел; у него бывало 2—3 овцы, несколько кур и самый скудный запас хлеба. У *исправных* бывало по 1 хорошей или по 2 исправных лошади на тягло, 2 коровы с подтелком, до 10 овец, иногда 2—3 свиньи, несколько кур и уток. Неурожай делал их лишь временно неисправными. *Зажиточные* имели на тягло 2 и больше лошадей, несколько коров и быков, собственный плуг. Кроме своих полей, при

---

[1]) «Записки Н. В. Веригина». «Русск. Стар.», 1893 г., кн. IV, стр. 122, и кн. VII, стр. 167—171.

[2]) Я. Соловьев, «Сельско-хоз. описание Смол. губ.», стр. 270.

избытке рабочего скота такие крестьяне даже снимали земли в наем; у них бывал избыток хлеба, так что неурожаи и другие случайные несчастья не делали его сразу неисправным. *Богатые* крестьяне имели обыкновенно даже некоторый денежный капитал, и многие из них вели сверх хозяйства торговлю хлебом или скотом. «Приблизительно можно полагать, — пишет Никольский, — между здешними крестьянами более половины дворов исправных, до $^1/_4$ зажиточных, остальные, бедные; богатых денежных дворов встречается по 2 и по 3 из сотни. Имение, в котором более половины двухлошадных тягол, остальные однолошадные, можно, сравнительно с общей степенью крестьянской достаточности в здешнем краю, назвать средним» [1]).

В конце 40-х годов помещик А. В. П. нашел в только что купленном имении Подольского уезда Московской губ. неоплатную задолженность крестьян у промышленников, дававших им семена на посев. Возвращать они должны были в 2 раза более взятого. А так как нередко случалось, что долг невозможно было возвратить, то заимодавец соглашался ждать, но с условием, чтобы в следующем году опять у него одалживали. А там повторялось опять прежнее, так что задолжавший раз оставался должным, пока этого хотел кредитор. У некоторых крестьян этого имения было только по одной корове, у других 1 корова на 2 тягла из-за отсутствия корма. В другом имении, купленном этим же помещиком в 1854 г., из 32 семейств «8 было хороших, 13 посредственных и 11 бедных семейств». Кроме того, 8 зажиточных семейств откупились на волю. У *хороших* во всем был виден избыток. У *посредственных* было все необходимое; положение же *бедных* было самое ужасное: не было ни скота ни лошадей; избы, дворы и др. хозяйственные строения полуразвалились; у некоторых в избах не было рам ни в окнах ни в дверях, так что они заставлялись соломенными щитами [2]). В имении П. и Н. Ив. Тевяшевых, Нижегородского уезда, в 1830 г. при взятии имения в опеку оказалось, что из 50 дворов (125 душ) в 45 было 55 лошадей, 46 коров, 116 овец; лошадей не было в 5 дворах, коров в 7 и овец

---

[1]) Никольский. «Хоз. опис. Балашов. у.», стр. 55.
[2]) Журнал землевладельцев», 1858 г., № 13, стр. 4, 6, 7.

в 19; в 5 дворах не было никакого скота. Хозяйственное положение было признано сносным только в 15 дворах. Наличных запасов хлеба могло хватить до нового урожая только в 5 дворах, в 10—лишь до мая, в 5—на 1 месяц и в 30—не было совсем никакого хлеба; ярового же по случаю градобития не было и в первых 20 дворах [1].

Но, несмотря на такие признаки существующей дифференциации среди крестьян, важно то, что земельная община поддерживала более или менее равномерное обеспечение крестьян землею и предохраняла крепостную массу от обезземеления.

Отношения помещиков к общине были разнообразны. В оброчных имениях она свободно существовала, хотя некоторые помещики шли против нее, как препятствия к обогащению отдельных крестьян. В черноземных же губерниях помещик, стремясь к тому, чтобы не было нужды содержать крестьян на свой счет, мог с выгодою для себя поддерживать общину с круговой порукой, потому что она обеспечивала более исправное исполнение повинностей и равномерную обеспеченность крестьян. Но помещик мог, конечно, оказывать очень сильное давление на общину, на распределение земли и платежей, распределение тягол, искажать или уничтожать своим управлением суд стариков, сходки, мирское управление. Рязанский помещик Дивов, напр., запрещал всякие мирские сходки, а также коллективные от мира прошения владельцу; не возбранены были лишь частные (от одного лица) жалобы на бурмистров или старост [2].

ГЛАВА VI.

Крестьяне в Юго-Западном крае. — Положение крестьян до инвентарей 1847—1848 г.—Инвентари 1847—1848 г.—Положение крестьян накануне реформы 1861 г. — Крестьяне в белорусских губерниях. — Крестьяне в литовских губерниях.

В юго-западных губерниях (Подольской, Волынской, Киевской) и в северо-западных (Белоруссии, Литве) господствовало крайнее различие в экономическом положении крестьян. В западной России земельное обеспечение было очень неравно-

1) Снежневский. «Матер. для ист. и стат. креп. хозяйства в Нижегор. у.». «Действ. Нижегор. Архивн. Ком.», 1905 г., вып. VI, стр. 20.

2) «Записки» гр. М. Д. Бутурлина. «Р. Арх.», 1898 г., февраль, стр. 262.

мерно. Основною единицею земельного обеспечения там считали уволоку (19½ дес.), в которой значилась пахотная, сенокосная и усадебная земля. Полные уволочные хозяйства встречались не часто, а большею частью так называемые тяглые хозяйства владели $^3/_4$ или $^1/_2$ уволоки, полутягловые или пешие хозяйства довольствовались $^1/_4$ уволоки; далее шли так называемые халупники или огородники, имевшие только усадебную землю, и наконец, безземельные и бездомовые так называемые бобыли или кутники. Положение всех этих разрядов было крайне не одинаково. Безземельные бобыли были чистыми батраками не только у помещиков, но поступали в кабалу к своим более обеспеченным односельчанам— тягловым. Положение огородников было близко к тому же. Между тем при системе подворного владения самое размножение народонаселения приводило к разделу земли и переходу обеспеченных крестьян в положение необеспеченных. При отсутствии земельной обеспеченности и мирской организации каждый крестьянин являлся одинокою личностью, предоставленною на произвол помещика. Крестьяне отбывали так называемые «главные» и «добавочные» повинности, смотря по количеству земли и другим выгодам, которые получали от помещика. На первом месте стоят земледельческие работы на панщине, исполнявшиеся посредством пригонов и сгонов, или гвалтов. Пригонами назывались рабочие дни, которые каждое хозяйство должно было отбывать еженедельно; сгон, или гвалт, есть созыв всех наличных работников и работниц поместья для чрезвычайных земледельческих работ на панщине. Кроме этих работ, были и другие: 1) исполняемые мужчинами и женщинами, так называемые «шарварки», или строительные работы, в состав которых входила починка плотин, дорог и т. п., и «сторожество» или разные домашние услуги в фольварке; 2) одними мужчинами: подводная повинность и ночной караул; 3) одними женщинами: прядение, тканье, работа в огородах и т. п. Местами отбывались еще разные хозяйственные работы под названиями «толоки», «ласки», «даремщины» и т. п. Добавочные повинности состояли во взносе натурою (домашние птицы, хлеб, мед и т. д.) или деньгами определенных «данин» с каждого хозяйства. Огородники или халупники увольнялись от всех повинностей помещику, кроме «чинша» (денежного оброка) за усадьбу и иногда

участия в гвалте. С бобылей брался только чинш, если они не были причислены к какому-либо семейству, повинности которого в таком случае и должны были разделять [1]).

Уже издавна в юго-западных губерниях существовали инвентари, которыми были определены угодья и выгоды, получаемые крестьянами, и различные повинности, выполняемые ими.

Но существование инвентарей не мешало экономической эксплоатации крестьян. Крепостное право складывалось в те или иные формы независимо от инвентарей. Этому много содействовало, во-первых, необязательность инвентарей для помещиков, во-вторых, их разнообразие и произвольность с тенденцией оградить прежде всего интересы помещика и, в-третьих, беззащитность крестьян от злоупотребления помещичьей властью. Защиты от власти помещика крестьяне не могли ожидать, ибо члены полиции и дворянские предводители, будучи большею частью сами помещиками, потворствовали своим собратьям, как это доказывалось их совершенным бездействием по множеству дел, возбужденных главным местным начальством, но которых предводители не могли не знать. Поэтому-то фактическое положение крестьян резко отличалось от того, какое рисовалось по инвентарям.

По представленным Бибикову в 1840 г. описям имений по трем уездам (Радомысльскому Киевской губ., Гайсинскому Подольской губ. и Владимиро-Волынскому Волынской губ.), барщина, на которой большею частью состояли крестьяне, отбывалась с души или со двора. Из 408 имений в 131 она отбывалась с души, в остальных 277 имениях, т.-е в $^2/_3$,— со двора (в том числе во всех имениях Владимиро-Волынского уезда). Барщина со двора была выгодна для многосемейных дворов при наличности нескольких работников. По указанию радомысльского исправника в его уезде, например, «семейных хат ныне очень мало существует, ибо они раздроблены на 3 и 4 хозяина». При малом же количестве рабочих сил во дворе барщина распределялась крайне неравномерно между малосемейными и многосемейными дворами. Размер барщины с души был в большинстве случаев по 3 дня с мужчины и по 3 дня с женщины в неделю, очень редко по 2 дня с мужчины и

---

[1]) Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 482—483.

с женщины, и только в одном имении из 131 отмечено по 4 дня мужских и женских. При барщине со двора в Радомысльском уезде требовалась трехдневная барщина, а с одиноких и пеших по 2 дня мужских и женских; в Гайсинском уезде та же трехдневка; иногда при 3-х днях с мужчины — с женщины требовалось только 2 дня, очень редко по 2 дня с тех и других, в одном же имении по 5 дней с мужчины и женщины; наконец, во Владимиро-Волынском уезде с двора требовали по 3 или по 4 дня в неделю, кроме других работ (шарварков, летних дней), с так называемых полно-грунтовых, с полу-грунтовых по 2—3 дня при меньшем количестве других рабочих дней, а с одногородных по 1 и редко по 2 дня в неделю, и то зачастую взамен барщины вносили деньги от 1 руб. 5 коп. до 3 и 4 руб.; женщины же редко ходили на барщину, и то только летом (12—16 дней в лето). Кроме обыкновенной барщины, крестьяне отбывали летние дни (очевидно, «сгоны») и шарварки (чаще всего по 12 дней тех и других, но в иных имениях число таких дней доходило до 15, в иных спускалось до 2; во Владимиро - Волынском уезде, например, с одногородных шарварков совершенно не требовали, а летних дней брали только от 7 до 10). Наконец помимо этих работ на крестьян налагались денежные данины [1]). Относительно сведений по Радомысльскому уезду г. Левицкий отмечает, что «заметить какое-либо соотношение между денежными данями, шарварками и барщиной нельзя: высшая денежная дань 2 руб. 40 коп. встречается в тех имениях, где шарварков 12, летних 12 и по 3 дня барщины с хаты. Можно лишь сказать: в тех имениях, где барщина с души, там почти нет денежной дани и шарварков» [2]). Вещественные дани были очень разнообразны и заключались, главным образом, в лесных продуктах, что при постепенном исчезновении лесов делалось очень тяжелой повинностью. Впрочем, эти вещественные данины требовались далеко не во всех имениях.

Из этого описания повинностей явствует, что барщина по количеству дней, даже прибавочные рабочие дни (шарварки и сгоны), наконец, денежные и вещественные данины

---

[1]) В Радомысльском и Гайсинском у. денежные данины в 99 имениях взимались в размере от 52½ к. медью до 3 р. 30 к. сер., во Владимиро-Волынском у. денежных данин за редкими исключениями не было.

[2]) Ор. Левицкий. «О положении крестьян Юго-Западного края во 2-ой четверти XIX века». «Киевск. Старина», 1906 г., кн. VII–VIII, стр. 261.

не могли сильно обременять крестьян, если бы этот размер повинностей строго соблюдался. Секрет тяжелого экономического положения крестьян заключался в постоянном закабалении их и обращении в постепенных работников. На это указывает интересная записка проскуровского уездного стряпчего Савченка, представленная им Бибикову в 1840 г. Наблюдения над крестьянским бытом в течение десятилетнего пребывания стряпчим в разных уездах Подольской губ. привели его к убеждению, что «отеческие намерения правительства при настоящем образе управления помещиками не могут иметь полного успеха... Крестьяне,—пишет он,—с давних времен по бедности своей оказались несостоятельны к платежу за себя казенных податей и из сего проистекала необходимость платеж таковой возложить на самих помещиков. Сии же последние уплачиваемые деньги налагали на каждого хозяина в отработок, и таким образом бедность крестьян, происходящая от самих же помещиков, сделалась для первых источником нового неудобства, сопряженного с выгодою для вторых. Бедные крестьяне, нуждаясь в хлебе и прочих хозяйственных потребностях, обращались к помещикам, которые снабжали их всем нужным, по своему усмотрению, но опять налагали за долг отработок. Таким образом крестьяне, делая долги у своих помещиков, принимали на себя новую обязанность работать сверх барщины; по этим причинам составились два рода барщины: по инвентарю и на пополнение долга по займам хлеба и прочее и по казенным податям. В тех имениях, где управление было порядочное, там ведется правильный расчет с крестьянами за все отработанные ими дни; но, к сожалению есть имения, где и того поверхностного обряда удовлетворения крестьян не соблюдается. В сказанных расчетах дни, по инвентарю назначенные, зачисляются в панщину бесплатную, а переработанные противу инвентарного назначения обращаются на пополнение долгов крестьян. Но расчеты эти, делаемые управителями и приказчиками, не всегда бывают совестны; кроме того, цена на занятое крестьянином и цена за работу устанавливается произвольно, без всякого спроса крестьян, согласны ли они, или нет на подобную оценку. Обыкновенно продукты, занимаемые крестьянами, оцениваются самою высокою ценою, в то время существующею, а плата за рабочий день полагается иногда в 5 коп. сер., тогда как

вольный рабочий стоит здесь в день от 15 до 20 коп. сер. Это чувствительно тягостно крестьянам... Естественно, что при таких условиях крестьяне впали в неоплатные долги, которые им никогда не отработать. Следствием этого было, что помещики начали считать себя в праве при выручке долгов употреблять крестьян в работу от воскресенья до воскресенья, дозволяя не иначе, как с их же разрешения, в дни свободные от помещичьих работ обработку их полей, которые, оттого почти никогда в свое время не запаханные и несеянные, ничего или очень мало приносят крестьянам пользы в своем урожае. Проезжая летом по полям, можно издали различить крестьянские хлеба от помещичьих, так они всегда плохи.

«Право употреблять крестьян во всегдашние работы породило новое очень ощутительное угнетение: помещики выгоняют их на несколько недель со своими транспортами хлеба, или за доставкою леса, камня, извести и т. под., считая им дни, в пути проведенные, за дни отбытой барщины. Крестьяне, отдаленные от домов, отбывая подобную барщину, должны на свой счет продовольствовать свой скот и, кроме этих издержек, крайне их разоряющих, которых бы они не несли, отрабатывая на месте 2 или 3 дня в неделю, очень часто теряют от изнурения свой скот, составляющий все их достояние. Разумеется, помещики вместо павшего дают вновь свой скот в счет отработки. На основании подобном помещики, имеющие в разных уездах имения, перегоняют на целые недели крестьян из одного в другие имения на работу.

«Вдобавок к тому всему заведено еще во многих местах весною, когда чувствуется крестьянами общий недостаток хлеба, продовольствие их *за гарнцы:* тогда не считается уже барщина, которая остается за крестьянами в долгу, а только за всякий день работы дается им ярового хлеба в цене от 4 до 5 коп. сер. Все это, угнетая крестьян до крайности, освящено стародавним обычаем и не почитается за проступок помещиком, хотя оттого проистекают для крестьян невыгоды очень явные, имеющие влияние на их нравственность» [1]).

---

[1]) Ор. Левицкий. «О положении крестьян в Юго-Западном крае». «Киевск. Стар.», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 269—271.

Волынский губернатор Лашкарев в своем письме к Бибикову в 1840 г. указывал и на другую причину беспрерывной барщины, а именно непосильные уроки. Так он говорит, что посылая крестьян в отдаленные местности с транспортами, помещики назначают им «по 60 верст на один день барщины, тогда как на подводе с волами 20 и не более 30 верст могут в день сделать, и не считают за барщину время, потерянное на угрузку продуктов на возы или лесных материалов, при чем иногда по неделе проходит время, смотря по количеству продуктов. Работа, назначенная на один день, называется *день оранья,* но количество этой земли едва в полтора дня выпашут. *День жатвы* считают 1½ копы, которой никогда в один день не сделают; да иногда приказывают вязать так велики снопы, что один рабочий ½ меры (1½ копы?) жнет два дня, а барщины выписывают на один день» [1]). Радомысльский исправник указывает также на тяжелый для крестьян обычай отдавать их внаймы для сплава леса реками в города Николаев, Севастополь, Херсон и другие места. «Плоты и байдаки пускаются туда с половины мая, а люди возвращаются назад уже при замерзании вод». «Находящимся на сплавном промысле половину времени отсутствия засчитывается за барщину, а за остальную половину получает от владельца весьма умеренную заплату, несмотря на то, что одежда его в одно лето от дождей совершенно истреблена и что один день сих трудов стоит гораздо больше, чем два дня настоящей барщины» [2]).

Помимо уроков, превосходивших обыкновенные силы человека, их высылали для препровождения проходивших войск, для починки дорог и для других повинностей, засчитывая эти дни вместе с неотработанными уроками в долг за крестьянами, а потом заставляли отрабатывать их в предоставленные крестьянам дни. Помещики заводили у себя монополии, продавая евреям исключительное право покупки сельских произведений у крестьян. Прибавьте, что систематическое разорение сопровождалось варварским произволом в наказаниях: за неумышленный проступок и за неосторожность секли и терзали до полусмерти, забивали в неподвижные колодки,

---

[1]) Ор. Левицкий. «О положении крестьян в Юго-Зап. крае». «К. Стар.», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 256.

[2]) Ibid., стр. 262.

томили взаперти, накладывали на голое тело тряпки с соленым раствором и секли по ним, насиловали, жен и девок, подрезали у них косы и т. п.

Неудивительно, что при этих условиях жизнь крестьянина была похожа на каторгу. Крестьянское хозяйство было запущено, ибо некогда было обрабатывать собственные поля. «Осиротелые поля, — говорит о своем уезде радомысльский исправник, — лишенные рук земледельца, дичают, ибо наем хлебопашцев на плоты за готовые деньги слишком выгоден помещикам для временного извлекания доходов... Хлеба в сем уезде весьма мало, запасные магазины пусты, крестьяне терпят нужду, помощь владельческая своим крестьянам слабеет. Неурожаи почти ежегодные, не с причины атмосферы и непостоянных погод, а от неупотребления рук в должном количестве на выработание земель под засев, а даже и огородов, на самых песках поселенных» [1]). Рабочего скота было мало, отчего поля не удабривались и не могли быть должным образом обработаны. Урожай бывал едва сам-два, а иногда возвращались только семена и с наступлением зимы у крестьян уже почти не было хлеба. Жили крестьяне зачастую в лачужках, ибо не было времени на исправку хат или постройку новых [2]). «Вникая во все это,—говорит г. Левицкий,—прямо недоумеваешь, как могли миллионы людей, предки которых веками боролись за свою свободу, переносить это каторжное существование. И не диво, что само правительство постоянно было в опасении, как бы между крестьянами Юго-Западного края не вспыхнули волнения или даже открытое возмущение против своих притеснителей. И такие волнения по временам и возникали в разных местах, преимущественно в Подольской губ., может быть, оттого, что здесь помещичий гнет был едва

---

[1]) Ор. Левицкий «О полож. кр. в Юго-Зап. крае...», стр. 263.

[2]) Прибавим к этому вышеуказанную неравномерность наделения землею, в силу которого значительная часть населения (огородники, бобыли и отчасти пешие) была совершенно не обеспечена в средствах существования. В Кіевской губ., напр., в 1845 г. тяглых и полутяглых, имевших сравнительно достаточное количество земли и рогатого скота, было только 30% крепостного населения или около одной трети; пешие, имевшие значительно меньшие наделы и незначительное количество земли, составляли 55% крепостного населения и, наконец, огородники и бобыли составляли 15%. Другими словами, только одна треть крепостных Киевской губ., по количеству земли и рабочего скота, могла быть обеспечена в своем существовании, а две трети не могли быть уверены в завтрашнем дне. — См. «Статистическое описание Киевской губернии», изд. Ив. Фундуклеем, ч. II, стр. 300—335. — С.-Петербург, 1852 г.

ли не тяжелее, чем где-либо, — но власти крутыми мерами подавляли беспорядки в самом их зародыше» [1]).

С другой стороны, тяжелое экономическое положение заставляло крестьян бежать из имений в новороссийские губернии, за границу и другие места, в поисках заработков или вольных поселений. Радомысльский исправник указывал в своей записке, что в г. Радомысле было обилие крестьян, ищущих работы и которых можно было нанять за дешевую плату; «причина их скитаний—недостаток хлеба и нужда в подушных». Значительное число крестьян, говорится в исследовании Киевской губернии конца 40-х и начала 50-х годов, ежегодно отлучаются из домов своих на сторонние заработки в другие уезды, в города или соседние губернии по извозам, для найма в судорабочие, на местные промыслы, на заработки мастерствами, работы землекопные, полевые, лесопильные, в услужение и т. п. При этом многие пешие крестьяне, огородники, бобыли, понуждаемые крайнею нуждою, уходили без разрешения, под угрозою взыскания по возвращении. «Перезимовавши кое-как дома, на весну они опять расходятся на заработки, увольняясь, тем и от барщины. Такое бродяжничество, кроме северных уездов, в большом обычае между бедными крестьянами уездов южных, смежных с херсонскими степями. По дороговизне наемных рабочих в тамошних местах, промышленники снискивают себе выгодные заработки и отлучаются на них целыми семействами, на что много жалуются помещики и арендаторы тех имений» [2]). Михневич, священник Подольской губернии, в своих воспоминаниях, также упоминает о тайных отлучках крестьян на заработки [3]). Чигиринский уездный предводитель дворянства Нечай, в своем проекте 1832 г. об улучшении положения крестьян, жаловался на побеги крестьян из Киевской губернии в Новороссию и пристанодержательство тамошних помещиков. Но и в новороссийских губерниях, по указанию Нечая, крестьяне не засиживались, а шли часто в Бессарабскую область, а оттуда в другие смежные государства [4]).

---

[1]) Ор. Левицкий. «О полож. кр. в Юго-Западн. крае». «К. Ст.» 1906 г., кн VII–VIII, стр. 274.

[2]) «Статистическое описание Киевской губ.», изд. Ив. Фундуклеем, ч. II. стр. 334. — С.-Петербург, 1852 г.

[3]) «Воспоминания подольского старожила». «Киевск. Старина», 1998 г., кн. II.

[4]) Н. М. «Материалы для новейшей истории Юго-Западного края». «Киевск. Старина», 1899 г., кн. VI, стр. 428—429.

Эти побеги, по тому же указанию, разоряли как киевских помещиков, так и оставшихся крестьян, ибо приходилось исполнять повинности за ушедших. На усилившиеся побеги крепостных крестьян из Подольской губ. в новороссийские губернии представлял в 1831 г. комитету министров граф Пален, управлявший в то время Новороссийским краем. Гр. Пален считал эти побеги результатом мести помещиков крестьянам за то, что последние не участвовали в мятеже [1]). Савченко также указывал в своей записке, что в Подольской губ. крестьяне, не вынося тяжелой эксплоатации их труда, уходили из имений, где их особенно теснили беспрерывной барщиной, в степные места на заработки и даже за границу и там оставались.

Экономическая эксплоатация крестьян и злоупотребления помещичьей власти осложнялись и усиливались в 30 и 40 годах по политическим мотивам. Во время польского восстания русское правительство не решилось открыто звать крестьян-малороссов на восстание против польских панов. Николай I не желал колебать престиж помещичьей власти в глазах крестьян. В 1846 году Николай I по поводу восстания в Галиции писал к князю Паскевичу: «Ты и в Польше проучи мужиков, которые бы хотели предлогом воспользоваться, чтобы подобное затевать; они доноси, если подозревают, но не распоряжайся сами» [2]). Очевидно, той же точки зрения держался Николай I и в 1831 году.

Духовенству конфиденциально было предписано «посредством прихожан» иметь неослабное наблюдение за поведением помещиков и доносить начальству. Главнокомандующий фельдмаршал Остен-Сакен издал даже высочайше одобренное воззвание к крестьянам, в котором они открыто призывались указывать властям мятежников-дворян, схватывать и доставлять их начальству, при чем было обещано, что сами они никогда уже не будут принадлежать владельцам, уличенным в участии в восстании. Крестьяне горячо откликнулись на этот призыв, усердно помогали властям бороться с повстанцами, но жестоко были наказаны за свое усердие. После усмирения восстания обещание Остен-Сакена не было исполнено. Правда, по именному указу 1 августа 1831 года предписывалось налагать опеку на

[1]) Середонин. «Обз. деят. ком. мин.», т. I, ч. II.
[2]) «Имп. Николай I в его письмах к князю Паскевичу». «Р. Архив», 1897 г., кн. I, стр. 37.

имения помещиков, выразивших раскаяние в своем участии в мятеже, оставленных в подозрении или вовлеченных в мятеж силою, а впоследствии начавших преследовать крестьян; если же будет доказано при этом, что причиной притеснения крестьян были их доносы на господ или отказ от участия в мятеже, то таких помещиков предписывалось предавать суду, а имения секвестровать. Но в то же время рекомендовалось местному начальству наблюдать, чтобы правила эти не могли сделаться для крестьян «поводом к неповиновению законной власти их помещиков и управляющих, и чтобы невинные из сих последних ни в каком случае не терпели стеснения в своих правах» [1]. Эта мера, видимо, имела мало значения для крестьян. Организация местного суда, полиции и администрации была слишком хорошо приспособлена к защите интересов помещиков, чтобы подобный указ, требовавший подтверждение крестьянских жалоб местным исследованием, оказал бы существенную защиту крестьянам. Помещики и арендаторы конфискованных в казну имений жестоко отомстили крестьянам, пользуясь покровительством чиновников. Многие из крестьян были сданы в рекруты, другие сосланы в Сибирь. «Не лучше, если не горше, была участь тех, которые оставались дома. Руководясь, кроме мщения, принципами крепостной политической экономии, помещики и арендаторы видели в усилении панщины и повинностей всякого рода верный источник для поправления состояния, потрясенного революцией» [2]).

Но если правительство не решилось исполнить обещание Остен-Сакена, то все же политические расчеты влекли Николая I на путь решительных мероприятий в целях ограничения крепостного права. Правительству необходимо было сохранить в крестьянстве верность и преданность себе. Это было тем более необходимо, что Бибиков в всеподданнейшем докладе в 1839 г. указал; что «крестьяне грекороссийского исповедания, выразившие во время последнего бунта безграничную преданность правительству, после отдания многих из них прежним помещикам, вытерпев жестокие преследования и не получив за заслуги свои ни малейшего со стороны правительства возмездия,

---

[1]) В. И. Семевский. «Кр. вопрос», т. II, стр. 484.

[2]) В. Я. Шульгин. «Юго-Западный край, под управлением Д. Г. Бибикова (1838—1853 г.)». «Др. и Нов. Россия», 1879 г., № 5, стр. 6—7.

начинают приходить к оному в охлаждение» [1]). Бибиков выражал опасение, что крестьяне для того, чтобы «сколько-нибудь облегчить свою участь», постараются впредь «верною службою полякам... выиграть их благорасположение и тем улучшить свой быт» [2]). В записке «Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губ. с 1838 по 1850 годы» также указывалось, что оставление во власти помещиков крестьян, «призванных к содействию против бунтующих господ» и месть со стороны этих последних поколебали надежду народа «на верховную власть и мощное ее заступничество» [3]). Та же мысль выражалась во многих записках.

Ввиду всего этого, в 1844 г. открыты были инвентарные комитеты, работы которых ускорило, повидимому, и жестокое восстание крестьян в Галиции в 1846 г. Уже 26-го мая 1847 года были изданы инвентарные правила, видоизмененные в 1848 г. Содержание этих правил следующее: земля, находившаяся в пользовании крестьян при выходе инвентарных правил, должна была оставаться без изменения. За земельные участки тягловые семейства должны были работать на панщине три дня тяглых с упряжью и один день женский, полутягловые—два дня пеших и один—женский в неделю. Данины, вещественные сборы и косвенные налоги с крестьян в пользу помещика уничтожались. Подробно было определено, какие работы и в каком количестве должны производить крестьяне. Барщина отрабатывалась каждую неделю с правом переноса лишь одного дня на следующую неделю, в случае крайней необходимости. Кроме барщины, каждый способный работник давал по двенадцати сгонных летних дней (не более двух на одной неделе) с платою за них по таксе, утвержденной генерал-губернатором; за особые выгоды, предоставленные помещиками и означенные в инвентаре, тяглые, полутяглые и огородные семейства отбывают «строительные» дни по восьми в год и ночной караул из одного работника раз в месяц. Огородники за усадьбу и огородную землю платят оброк по таксе, а за выгоды в пастбищах, отоплении и т. д. обязаны отбывать двадцать четыре рабочих дня на основаниях сгонных

---

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 484.
[2]) В. Я. Шульгин. «Древн. и Нов. Россия», 1879 г., № 5, стр. 10.
[3]) «Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губ. с 1838 по 1850 г.»; «Русский Архив», 1884 г., № 5, стр. 26.

дней и ночной караул. Бобыли платили только оброк в размере от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. сер.; с женщин брали половину. Подводная повинность также была регламентирована: с тяглого семейства могли требовать одну подводу не более 75 верст в один путь, при чем проезд 25 верст считался за инвентарный день. Запрещалось обращать крестьян в дворовых. Подати в казну крестьяне платили сами за себя. Расправа между дворовыми и крестьянами, а равно взыскание с них за разные проступки производятся помещиками или управляющими их на основании имеющихся на сей предмет узаконений [1]).

Между различными изменениями, сделанными в 1848 г., нужно отметить следующие: в каждом имении определялся нормальный размер участка, «придерживаясь по возможности принятого в той местности обычая и не допуская повинностей, превышающих трех дней в неделю с тяглого двора, наделенного нормальным количеством земли». Помещику предоставлялось право (до составления подробной люстрации имения) в необходимых случаях, по взаимному согласию с крестьянами и с ведома начальства, заменять его равным количеством удобной как по местности, так и по качеству земли. При переходе крестьян из одного разряда в другие, повинности уменьшаются сообразно уменьшению земельного надела, а освободившаяся часть земли отдается другим крестьянам за добавочные по инвентарю повинности, или земля отдается в пользование постороннему лицу. Если тяглый или пеший хозяин умрет, не оставив в семье работника для замещения его на барщине, то помещик распоряжается участком на основании вышеуказанных правил, но не может лишить вдову и непристроенных детей усадьбы и огорода. Но мирская земля должна была вновь выделяться за установленные повинности в случае прибыли рабочих сил в имении; нарезка же новой земли на прибылых работников, в случае недостатка мирской, зависела от доброй воли помещика. Дозволялось устанавливать высшие разряды тягловых хозяйств (плуговые, четвертные и т. д.), увеличивая повинности сообразно с увеличением надела, но запрещалось делить семьи на отдельные хозяйства, если по разделе в хозяйстве не будет трех работников. Надел земли для пешего хозяйства не должен быть меньше ½ определенного для нормального тяглового хозяйства и т. д.

---

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 484.

После утверждения этих правил инвентари каждого имения были переданы в губернские комитеты для исправления сообразно этому закону, что продолжалось 4 года. Только в 1852 г. комитетские постановления по каждому имению были утверждены генерал-губернатором, поскольку они не противоречили правилам 1848 года; все статьи, противоречащие им, не имели силы, исключая одного случая: «при существовании в вотчине меньшей барщины и урочных работ они должны оставаться в прежнем размере на основании особого высочайшего повеления» [1]). Утвержденные подлинные инвентари и положения комитета не объявлялись крепостным, а были разосланы через предводителей дворянства помещикам, чем, конечно, подрывалось их значение. Хотя, таким образом, отдельные инвентари были утверждены лишь в 1852 г., общие инвентарные правила стали действовать со времени их опубликования, т.-е. в том же 1847 и 1848 гг.

При всех своих крупных недостатках инвентарные правила 1847 и 1848 гг. являются, несомненно, наиболее решительною мерою против крепостного права в царствование Николая I. Они в значительной степени регламентировали крестьянские повинности, были обязательны для помещиков и признавали за крепостными право жалобы. Судя по вышеприведенным данным по 3 уездам, инвентарные правила, видимо, закрепили средние повинности крестьян по действовавшим инвентарям, откинув высшие размеры барщины и прибавочные повинности (денежные и вещественные данины), не имевшие общего значения. Урочное положение, определенное инвентарными правилами, также приближалось, по указанию В. И. Семевского, к средним урокам, практиковавшимся в имениях Киевской губ. в 40 годах [2]). Таким образом, инвентарные правила могли только прекратить злоупотребления помещичьей властью, закрепив средние нормы крепостных повинностей; фактически же при данной общественной и административной структуре они, видимо, имели мало значения.

Крестьяне должны были жаловаться тем же становым приставам, а затем исправникам, уездным предводителям, где помещики и раньше находили защиту и покровительство. Вообще не было указано «верного и надежного пути для

---

[1]) В. И. Семевский. «Кр. вопрос», т. II, стр. 503.
[2]) Ibid., стр. 502.

доведения своих жалоб, в случае нарушения инвентарного положения, до высшего начальства». Бывали такие случаи, что помещик, узнав об отправлении крестьянами ходоков с жалобою к предводителю дворянства, «призывал станового на помощь против бунтующихся крестьян. Их секли и лупили, не выжидая возвращения ходоков, которые приходили впоследствии с увещанием от предводителя и находили своих собратьев уже наказанными» [1]). Крестьян, опиравшихся на предоставленные им по инвентарям права или подававших жалобы в случае нарушения правил, многие помещики целыми десятками стали представлять к ссылке на поселение или зажиточнейших из них, или, наконец, усугублять телесные наказания [2]).

Необеспеченность и бессилие жалоб, покровительство помещикам со стороны администрации делало самую обязательность инвентарных правил мертвым звуком, и крепостное право продолжало выливаться в те формы, в какие выливала его жизнь. Некоторые пункты инвентарных правил сами по себе открывали широкий простор для эксплоатации крепостных или непосредственно ухудшали их положение. Право обменивать крестьянскую землю на другую, хотя бы и с согласия крестьян, давало возможность помещикам тем или иным способом переводить крестьян с лучшей земли на худшую. Особенное значение этот пункт должен был иметь в годы перед освобождением, когда и в Великороссии заметным явлением стал обмен крестьянских земель и перевод крепостных на другие земли. После издания инвентарных правил, помещики из боязни дальнейших улучшений быта крепостных, ввиду учащавшихся слухов об освобождении крепостных, отнимали от крестьян даже родовые участки и раздавали своим крестьянам в аренду, чтобы показать впоследствии эти земли своими. Вследствие таких «скассований» класс домохозяев, пользовавшихся землею, постоянно уменьшался, а увеличивался класс безземельных [3]).

По указанию помещика Тарновского, тяглые были обременены несоразмерно с пешими; сверх прежних обязанностей на

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 1—4.

[2]) «Обозрение Киевской, Волынской и Подольской губ. 1838 — 1850 г.», «Русский Архив». 1884 г., т. III, стр. 34—35.

[3]) Соколовский. «Крестьяне в Северо-Западном крае. «Устои», 1882 г. № 1-й.

них навалили сгонные дни, и оттого многие из тяглых стали продавать свой скот, чтобы перейти в разряд пеших [1]). Кроме того, при разнообразии земельных наделов в различных имениях, повинности крестьян могли быть очень неравномерны даже в одной и той же местности, внутри одной и той же группы крестьян (тяглых, пеших и т. д.). «В одной и той же местности, говорит Воропонов в своих воспоминаниях, при совершенно одинаковых почвенных и иных хозяйственных условиях, в одном имении «пеший участок (а в зависимости от него и тяглые, и иные) заключал в себе 6 моргов земли или 3 десятины 702 саж., а в другом — 8 или 9 моргов. Встречались даже четырехморговые наделы. Таким образом, одно и то же количество барщинных, сгонных и строительных дней и ночных караулов в одном селении отбывалось за 6 моргов земли, а в другом, недалеком, за 9 или за 4 морга».

Из добавочных повинностей тяжелым бременем могли ложиться на крестьян сгонные дни. Каждый способный работник должен был отбывать в течение года 12 сгонных дней, при чем помещик имел *право* требовать от крестьян по одному сгонному дню в неделю, а в случае *соглашения* с крестьянами допускалось и 2 сгонных дня в неделю. Так как сгоны отбывались в летнее страдное время, а добровольные *соглашения* в крепостное время были, конечно, одною лишь фикциею, то «выходило в результате, говорит г. Воропонов, что, напр., тяглый в страдную летнюю пору должен был из 6 рабочих дней недели, за вычетом праздников, отбывать владельцу 3 дня барщины со скотом, да 2 дня сгонных, итого 5 дней, оставляя для себя один. А когда на этот последний день приходился праздник, то мужику для своих работ не оставалось уже ничего. Если отбывалось по 2 сгонных дня, то всей суммы сгонных дней (12) хватало на шестинедельный период, охватывающий все время уборки» [2]). Плата за сгонные дни была значительно ниже платы вольнонаемным работникам. «Ходили очень распространенные слухи, — замечает Воропонов в своих воспоминаниях, — что определение размера этой платы было результатом больших помещичьих хлопот в генерал-губернаторской канцелярии» [3]).

---

[1]) Самарин, т. II, стр. 1—2.

[2]) Ф. Воропонов. «Крестьянская реформа в Юго-Западном крае». — По личным воспоминаниям. «Вестник Европы», 1900 г., август, стр. 761, 763.

[3]) Ibid., стр. 761.

Наконец, урочное положение давало помещикам некоторые лазейки для увеличения уроков. На это имеются указания современников. Тот же Тарновский указывал Самарину, что «урочное положение для жнецов и жниц слишком неопределительно» [1]). Священник Михневич, воспоминания которого относятся, главным образом, к подольскому имению гр. Гудовича, указывает, что после инвентарей 1847 года (от 1847—61 г.) уроки, по которым отбывалась барщина, были очень обременительны. Урочная барщина, видимо, произвела такое сильное впечатление на Михневича, что он называет инвентарные правила 1847 г. «правилами об уроках барщины», а самое время от 1847 по 1861 гг. — урочным. «Самое тяжелое для крепостных время, — пишет Михневич, — это были уроки. Наступала косовица, и на одного действительного косаря отмеривались полосы и на его жену и на детей, если они уже ходили на панщину. Во время жнив было то же, и не раз случалось видеть, что на 2 — 3 дес. отмеренных, как уроки, для всех лиц семьи, жнет одна душа, муж или жена; с понедельника до субботы они не кончали работы, а с понедельника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по ночам, и бог ведает, как выдерживала их натура этот сверхчеловеческий труд. Но особенно трудно была молотьба. У крестьянина жена и двое детей, отбывающих барщину, положенную на 4 души, — экономия выбрасывает по 3 копы, т.-е. всякая душа должна была отбывать в неделю 3 урока, и бедный мужик целый день первый только носит из скирды 12 копен в свой стожок, и затем молотит и молотит, а если до субботы не кончит уроков, то его молотят» [2]).

Были ли тяжелые уроки, превращавшие трехдневную барщину в фикцию, распространенным повсеместно явлением — неизвестно. Неизвестно также, прекратились ли отработки долгов, бывшие, как было указано, одною из главных причин постепенного закабаления крестьян, вопреки писанным инвентарям. Ввиду условий, при которых крестьянам приходилось осуществлять свое право жалобы, при возможности для помещиков делать необязательными обязательные по закону инвен-

[1]) Самарин, т. II, стр. 2.
[2]) Воспоминания подольского старожила». «Киевская Старина», 1898 г., кн. II, стр. 50.

тари, можно предполагать, что в действительности экономическая эксплоатация крестьян осталась, хотя и не могла проявляться так открыто и безнаказанно, как раньше. Но это, конечно, область предположений, а не фактических данных. Есть, с другой стороны, некоторые указания, что положение крепостных несколько улучшилось в последнее десятилетие перед освобождением, хотя вышеуказанное экономическое неравенство среди самих крестьян продолжало существовать.

Помещики Юго-Западного края вначале были крайне недовольны инвентарными правилами 1847 г. и вели сильную агитацию против них. Бибиков, ходатайствуя перед государем в 1848 г. о некотором ограничении прав помещиков по отношению к крепостным, приводил факты, характеризующие отношение помещиков к инвентарям: «В селе Пустоварне зять помещика X., наказывая крестьян, приговаривал: «Это тебе указ, это тебе государево добро». В селение Радзивиловке помещик Р., наказывая мужиков, грозил: «Положу указ на спине и буду бить, пока не изобью указа и кожи». В селе Сидоровке эконом В—ий при наказании говорил: «А ты не слушай, что в церкви читают, чорт знает, какой указ!» В с. Толкунской-Рудне помещик Ф. говорил крестьянам: «Никто не в праве мне указывать, как поступить с вами: я могу убить своего мужика, и никого не боюсь» [1]). С другой стороны, Самарин указывает, что общественное мнение в Киевской губ., по крайней мере мнение просвещеннейших из русских, решительно в пользу инвентарей. Все убеждены в том, что они были необходимы; что для первого опыта они составлены недурно, хотя могли бы быть лучше; что это только первый шаг; наконец, что нравственное влияние их на народ было огромно и в высшей степени благотворно» [2]). Надо полагать, впрочем, что помещики быстро приспособились к инвентарным правилам и, как указано, могли и при них достаточно эксплоатировать крестьян.

На ценности земель инвентарные правила, видимо, не отразились, хотя об этом и нет точных данных. По указаниям генерал-губернатора, со времени введения инвентарных правил цены на имения в юго-западных губерниях повысились, но Самарин указывает, что «ценность имений повысилась не

[1]) В. Я. Шульгин. «Др. и Нов. Россия», 1879 г., № 6, стр. 101.
[2]) Самарин, т. II, стр. 1.

вследствие, а *несмотря* на введение инвентарей и уменьшение барщины», из-за ряда других причин, при чем возвысились в цене, главным образом, мелкие имения из-за большого спроса на них [1]).

Сами крестьяне очень доверчиво и с большою радостью встретили введение инвентарей. Как известно, инвентари 1847 г. вводились с большою торжественностью; они читались в церквях в присутствии предводителей и исправников, служили повсюду по этому поводу молебны; один экземпляр оставался в церкви на хранении, другой передавался помещику. У Т—го после объявления инвентарей крестьяне от радости по ночам ходили толпами и распевали песни. «По уверению всех помещиков,—говорит Самарин,—народа узнать нельзя, так он преобразился: он ходит веселее, держит прямо голову; по выражению Т., так подняло его вдруг сознание, что у него есть право. Народ называет инвентари добром» [2]).

Однако, по мере ознакомления с инвентарями возникали недоразумения, появлялось разочарование. «Иногда крестьяне неправильно понимали их; в особенности сгонные рабочие дни, которые обязательны, а, между тем, доставляют им денежное вознаграждение, возбуждали сомнение, довольно основательное» [3]). «Тяглые хозяева полагали, что отбывать тяжелую панщину должны только имеющие по 6 пар волов; другие думали, что не могут быть отправляемы с транспортами за пределы своей губернии, что ночной караул должен быть только при запасных магазинах, что они не обязаны отрабатывать по лишнему дню за подати, заплаченные за них помещиками» [4]). Сомнения увеличивались из-за неправильных толкований инвентарей некоторыми помещиками в свою пользу. В тех местах, где инвентарные правила давали повод усиливать повинности, крестьяне, конечно, разочаровались в своем «добре». Так, Михневич говорит, что после торжественного объявления инвентарных правил «крестьяне увидели, что уроки тяжелее их прежней панщины». Они обращались к священникам с просьбою читать инвентарные правила, «волновались, конечно, не от чтения

---

1) Самарин, т. II, стр. 7.
2) Ibid., стр. 4.
3) Ibid., стр. 2—3.
4) В. Я. Шульгин. «Др. и Нов. Россия». 1879 г. № 6, стр. 99.

правил об уроках, а от невыносимой их тяжести». Помещики обвиняли священников, рассказывает Михневич, в возмущении крестьян; от священников отобрали секретно правила и этим поставили их между двух огней: помещики обвиняли священников в тайном чтении правил, а крестьяне обвиняли священников, что те не читают их [1]).

На почве непонимания и ложных толкований инвентарных правил, среди крестьян первое время возникли «так называемые возмущения, состоявшие собственно в том, что крестьяне, почитая себя правыми, не позволяли себя наказывать, иногда бросали работу, собирались в толпы и заявляли желание, чтобы с ними поступали «як царь звелив, а не так, як пан каже» [2]). Крестьян, конечно, усмиряли, и они постепенно возвращались к выполнению крепостных повинностей. По отчету министра внутренних дел в 1848 году, введение инвентарных правил вызвало волнения в 11 имениях, в том числе — 9 в Киевской губ. [3]). На самом деле, конечно, далеко не все волнения и так называемые неповиновения крестьян дошли до центральной власти. Министр внутренних дел писал в отчете по поводу этих волнений, что крестьяне находили инвентарные правила «отяготительными», единственно по новости их, и, «не дожидаясь полезных последствий новых порядков, отказывались от работ и исполнения повинностей» [4]). Судя по аналогии с другими крестьянскими волнениями, можно думать и иначе. Крестьяне вернулись к обычному складу жизни под влиянием строгих мер, а отчасти разъяснений действительного смысла инвентарных правил, убедившись всем этим, что инвентарные правила не то «добро», которое они надеялись получить, примирившись временно со своим положением, как неизбежным злом, но отнюдь не уверившись в «полезных последствиях новых правил».

Народная радость по поводу инвентарей, недоверчивость к ним и, наконец, разочарование в действительном улучшении своего быта отразились в двух народных песнях. В первой песне приглашая громаду в церковь помолиться за «пана

---

[1]) «Воспом. подольского старожила»... «Киевская Стар.», 1898 г., № 2, стр. 51.

[2]) Шульгин. «Др. и Н. Россия», 1879 г., № 6, стр. 99.

[3]) «Матер. для ист. креп. права». стр. 192.

[4]) Ibid., стр. 192.

Микиту» (очевидно, так обозначен Дмитрий Бибиков), который крестьян «слобоняе» и от панов «добре бороняе», автор поет славу «генералу» и выражает надежду, что

«Може, и буде
Правда між нами,
Може, теперь веселыйший
Вийдем в свою хату».

Во второй песне автор описывает инвентари, данные «губернатором нашим Бибиковым», продолжение прежней эксплоатации крестьян и после них, трудность жалоб на помещиков и кончает просьбою о защите, отсутствие которой может породить в народе проклятие самого Бибикова [1]).

«Ой, недав нас, генерале,—кончает песню автор,—
Тяжко забиждати.
Свою долю сірітскую
Гірко проклинати;
Не дай ж им, генерале,
Нас піневіряти...
Бо будемо й тебе добрій
Й тебе проклинати».

Экономическое положение крестьян накануне реформы 1861 г. в общих чертах было таково. Как было указано, в Киевской и Подольской губ., относительно которых имеются сведения в Труд. Ред. Комисс., почти все крестьяне состояли на барщине (97,4 барщинных и 2,6 оброчных крестьян) [2]).

Наделение землею в Подольской, Волынской и Киевской губерниях было таково [3]):

	Число крестьян.	%
а) Крестьян, наделенных землею усадебною и полевою:		
хозяев тяглых	162 965	34¹/₂
» пеших	229.306	48⁵/₄
б) Крестьян, пользующихся одной усадьбою без полевой земли (огородников)	43.750	9¹/₄
в) Крестьян, вовсе не наделенных землею (бобылей)	34.585	7¹/₂

Таким образом наделено полевою землею было лишь 83 % всех крестьян; 16³/₄% не могли кормиться от земледелия за неимением наделов.

---

[1]) В. Я. Шульгин. «Др. и Нов. Россия», 1879 г., № 6, стр. 104.

[2]) См. табл. № 1. Припомним, что в Юго-Западных губ. было 14% всего крепостного населения России (10% в Киевской и Подольской губ. и 4% в Волынской губ.).

[3]) В. И. Семевский. «Кр. вопр.», т. II. стр. 505—506.

Преобладающие наделы по разным уездам для тяглых хозяйств были в

Подольской	губ.	$6^1/_2$ дес.
Волынской	„	$6^1/_2$—12 дес.
Киевской	„	6 — 9 дес.

Для пеших хозяйств преобладающими наделами были:

Подольской	губ.	$3^1/_4$—4 дес.
Волынской	„	$3^1/_4$—$6^1/_2$ „
Киевской	„	3 —„ „

Таким образом мы видим, что, помимо тяжелых барщинных повинностей, среди крестьян было велико имущественное неравенство. $16^3/_4$% всех крестьян не могли заниматься земледелием, не имея полевой земли, а из них $7^1/_2$% имели только усадьбу. Следовательно, более $^1/_6$ части крепостного населения не было обеспечено в своем существовании. Наделы пеших хозяйств также не могли быть достаточными и лишь $^1/_3$ крестьян (тяглые) имели достаточные наделы, но зато, по свидетельству Тарновского, были обременены повинностями, заставлявшими их добровольно переходить в разряд пеших крестьян. Не удивительно поэтому, что, видимо, и после инвентарей 1847 г., несмотря на распространенную барщину, крестьяне уходили на посторонние заработки.

Самарин указывает, что в юго-западных губерниях, под влиянием возделывания свекловицы в больших размерах, на ряду с введением инвентарей, сокративших барщину, особенно сильно развилась потребность в вольнонаемных рабочих. Это заставило не брезгать и беглыми крестьянами тех же губерний. «Прежде, — говорит Самарин, — нанять чужого беглого крестьянина почиталось делом бесчестным; теперь все делают это по необходимости, и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, зазывают баб из соседних деревень; они приходят тысячами и договариваются о цене. Другие отбивают их обещанием высшей платы, начинается торг, но о крепостном праве и помину нет. Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих сил к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкали» [1]). Подобное обильное предложение труда доказывает лучше всего, что

[1]) Самарин, т. II, стр. 5.

крестьяне не могли прокормиться собственным хозяйством и принуждены были искать посторонних заработков. Местный спрос на наемный труд не мог поглотить всех жаждущих продать его, и крестьяне в поисках за заработком шли за пределы родных губерний. Так, в конце 40-х г. Подольская и Киевская губ. снабжали иногда работниками Новороссию. То же было и накануне освобождения. «До сих пор,—говорится в газете «Одесский Вестник» за 1860 г.,—в наши края приходили обыкновенно полевые рабочие из Малороссии и ближайших губерний, как-то Подольской и отчасти Волынской» [2]).

В северо-западной России (Литва и Белоруссия) также издавна существовали инвентари, равно необязательные для помещиков, не защищавшие крестьян от эксплоатации владельцев и отличавшиеся крайним разнообразием.

Повеление 1844 г. об открытии губернских комитетов для рассмотрения и составления инвентарей помещичьим имениям относилось и к этим губерниям. В литовских губерниях (Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) в руководство губ. комитетам были даны в 1845 г. правила, утвержденные генерал-губернатором в особо образованном комитете из начальников губернии и представителей от губернских инвентарных комитетов. Одним из главных пунктов этих правил было установление главных натуральных повинностей (пригонов и сгонов или взамен их оброчных повинностей) соразмерно с качеством и количеством отводимых крестьянам поземельных участков, при чем эти повинности по оценке должны были равняться $^1/_3$ валового дохода поземельных участков; добавочные же повинности (шарварки, подводная повинность, вещественные данины и пр.) должны были отбываться, как плата «за придаточные выгоды, предоставляемые для крестьян владельцами в своих поместьях, и за попечительность владельцев о их благосостоянии».

Но в литовских губерниях дело пошло иначе, чем в юго-западных. Здесь ограничились поверкою и исправлением частных инвентарей, которые и стали действовать по порядку их введения в имения: одни с 1845 г., другие с 1846 г. и 1847 г., при чем вышеуказанные правила были применены

[2]) В. И. Семевский. «По поводу статьи Рожкова». «Р. Мысль», 1902 г. кн. IV, стр. 131—133.

в этих губерниях «не во всем одинаковым образом». В Белоруссии (Могилевской и Витебской губ.) дело шло еще медленнее. Тамошний генерал-губернатор признал возможным для определения повинностей принять за основание $^1/_3$ дохода с выделенных крестьянам земель и ввести инвентари по правилам, установленным для литовских губерний. Однако дворянство отнеслось несочувственно к этому проекту и желало установления трехдневной барщины с рабочей души [1]). Встретив противодействие дворянства, дело пошло крайне медленно. В большей части имений инвентари были составлены мерами правительства на счет владельцев. По составлении инвентарей оказалось, что привести их в действие невозможно, потому что в них были показаны предположенные наделы, а не действительные, притом с равной доходностью для всех семейств, без различия в них рабочих сил; повинности крестьян оказались крайне тягостными, ибо $^1/_3$ дохода была выведена не из средних, а из высших чисел. В 1852 г. было приказано ввести в витебском и виленском генерал-губернаторствах инвентарные правила на основании правил 1848 г. для киевского генерал-губернаторства. В 1854 г., под влиянием жалоб помещиков, действие этого распоряжения было приостановлено, и было положено, что инвентарные правила будут рассмотрены в губернских комитетах, затем генерал-губернаторами, а после в низших и высших комитетах уже в Петербурге. Правила были внесены в государственный совет в 1855 г. при Александре II. Государственный совет отделил вопрос об инвентарях в белорусских губерниях от такого же вопроса в литовских губерниях, постановив относительно последних «собрать предварительные сведения о том, в какой мере принятые в 1844 г. основания для инвентарей должны быть изменены или отменены» [2]).

Пересмотр инвентарей в литовских губерниях затянулся таким образом до начала освобождения крестьян, вызвав известное ходатайство литовского дворянства об уничтожении крепостного права. Таким образом в литовских губ. до освобождения крестьян действовали инвентари, введенные в 1845—1847 гг. Относительно белорусских губерний государствен-

---

[1]) В Могилевской губ. и белорусских (8) уездах Витебской губ. существовала тягловая система с трехдневной барщиной.

[2]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 239.

ный совет высочайше утвержденным мнением 14 мая 1855 г. установил главные основания для составления инвентарей в тех помещичьих имениях Витебской и Могилевской губ., где существовала тягольная система, не распространяя на те имения, где вместо тягольной существовала подворная система.

Не излагая подробно принятых правил, отметим, что ими был определен нормальный участок в размере minimum ($4^3/_4$ дес.) и maximum (9 дес.), полагающийся на каждого способного работника (каждый работник, наделенный таким участком, составлял тягло). Если существующий надел не достигал minimum'а, помещик должен был добавить земли, а за недостатком ее—уменьшить соответственно повинности; если надел превышал maximum, излишек мог оставаться в пользовании крестьян по взаимному соглашению с помещиком за особое вознаграждение. Разрешалась замена отведенной крестьянам земли другою, равною количеством и качеством, в том же или другом селении. С каждого тягла полагалось отрабатывать помещику по 3 дня мужских и по 3 дня женских в неделю, помимо ночных караулов, отбываемых каждым тяглом по очереди. Подводная повинность должна была исполняться в барщинные дни; сгонные дни, данины, какого бы то ни было наименования, а также всякие другие повинности, за исключением вышеуказанных, воспрещались. Тягольными работниками считались мужчины от 17 до 55 лет и женщины от 16 до 50 лет. Оговорено было право крестьян высылать на барщину вместо себя наемных работника или работницу, а за неимением их выставлять подростков (мальчиков от 14 до 17 лет и девочек от 14 до 16 лет), с зачетом 2 дней их работы за один. Инвентари, составленные согласно этим правилам, должны были вступить в действие с 1 января 1856 г. Так как не было средств немедленно произвести нарезку нормальных участков земель, то дозволялось оставить крестьян при существующих земельных наделах с тем лишь, чтобы повинности крестьян не превосходили назначаемых данными правилами. Каждый помещик, у которого была тягольная система, обязывался ввиду этого по окончании полевых работ 1855 г. представить составленный им на принятых государственным советом основаниях инвентарь своего имения уездному предводителю дворянства, передававшему инвентарь в губернский комитет для поверки с данными правилами.

Таким ускоренным темпом, как бы тайком [1]), решено было ввести инвентари в белорусских губерниях, да и то не во всех имениях. Спешность, с которою были проведены правила 1855 г., может быть, объясняется крайне тяжелым экономическим положением крестьян в Белоруссии. Однако эти правила, имевшие целью улучшить положение крестьян в Белоруссии, вряд ли получили практическое значение ввиду вскоре наступившей реформы 1861 г.; узаконенное же накануне реформы право помещика обменивать крестьянские земли могло сыграть очень печальную роль в земельном обеспечении крестьян при указанном стремлении помещиков накануне реформы 1861 г. округлить и улучшить собственные владения.

Еще в 1853 г. Николай I, препровождая в комитет министров рапорт ген.-губернатора П. Н. Игнатьева о положении Белоруссии, положил на нем такую резолюцию: «В комитет министров с тем, чтобы все господа министры прочли и убедились, в каком страшном положении сии губернии находятся, и что одними законными мерами край сей не только не подымется, но окончательно пропадет: нужны экстренные и крутые меры, которые министру внутренних дел обсудить и представить на рассмотрение комитета, не стесняясь законными формами» [2]). Положение Витебской и Могилевской губ. (Белоруссии) было действительно самое безотрадное. «В губерниях белорусских,—говорит Шульгин, на основании, по его словам, безусловно достоверного документа [3]) — недоимки возросли до огромной цифры 41.500.000 руб., в том числе почти 34.000.000 руб. на одних помещичьих имениях, что составляло средним числом по 86 руб., а в иных местах до 150 руб. на душу» [4]). В голодные годы население этих губерний терпело страшную нужду. Во всеподданнейшем рапорте 1853 г. генерал-губернатор П. Н. Игнатьев мрачными красками описывал продовольственное положение этих губер-

---

[1]) Государственный совет положил «не публиковать повсеместно принятых им правил», но «предписать только к исполнению по Витебской и Могилевской губ., прочим губернским начальствам мнения этого не сообщать и ни в каких ведомостях не помещать». Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 239.

[2]) Середонин. «Обзор деят. ком. мин.», т. II, ч. I, стр. 211.

[3]) Это, очевидно, та же всеподданнейшая записка генерал-губернатора Витебской, Смоленской и Могилевской губ. П. Н. Игнатьева, — Шульгин говорит о начале 50-х годов.

[4]) Шульгин. «Др. и Нов. Россия», 1879 г., № 6, стр. 104.

ний, о чем приходилось говорить выше. За последние 30 лет этот край 10 раз был постигнут неурожаем; «правительство постоянно поддерживало помещиков: две эти губернии получили ссуды на 38.186.718 руб. при населении в помещичьих имениях 445.094 душ в Витебской губ., 585.726 душ в Могилевской; несмотря на правительственную помощь, $^{2}/_{3}$ этого крестьянства в полной нищете». Министр внутренних дел Бибиков указывал в комитете министров, как на одну из причин бедности белорусского крестьянства, на то, что крестьяне набирали земли больше, чем могли обработать, а потому обременяли себя непосильными повинностями. Земля по этой причине, а также и по недостатку скота плохо обрабатывалась, так что в то время, как на помещичьей земле урожай был сам-5 — 6, на крестьянской только $1^{1}/_{2}$ — 2 [1]).

Такое объяснение вряд ли было справедливо в целом, ибо крестьяне брали, конечно, столько земли, сколько им было необходимо. В Витебской губ., в конце 50-х годов, по указанию дворянского губернского комитета, на тягло приходилось пашни и сенокоса в среднем 6,5 дес., что, судя по великорусским губерниям, обеспечивало только существование и повинности крестьян. В Могилевской губ. надел, по тем же сведениям, был несколько выше (7,3 дес. пахотной и сенокосной земли на тягло), но все же не может считаться чрезмерным. Очевидно, вся суть дела была в чрезмерных повинностях, что нужно, по крайней мере, в Могилевской губ., где почти все крестьяне состояли на барщине (97%), отнести на счет последней [2]).

О положении крестьян в литовских губерниях можно сказать очень мало. Как было указано, лишь в одной Ковенской губ. % оброчных был сравнительно велик (29%), но в других почти все крестьяне состояли на барщине (в Виленской губ. барщинных крестьян было 92%, в Минской — 97,4%, в Гродненской — 98%). По исследованию офицеров генерального штаба, производившемуся в конце 50-х годов, инвентари затруднили помещиков этих губерний при переходе к улучшенным системам хозяйств, почему со времени их введения начинается в литовских губерниях стремление помещиков, несмотря на чисто земледельческий характер населения,

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 367, 368.

[2]) О числе барщинных крестьян в Витебской губ. нет сведений.

переводить крестьян на оброк, или вовсе уничтожая господскую запашку, или заменяя прежнюю барщину хозяйством вольнонаемным. Всего сильнее это стремление обнаружилось в Ковенской губернии [1]).

Для более детального ознакомления с положением крестьян в этих губерниях накануне реформы 1861 г. остановимся на Гродненской и Минской губерниях, по которым есть сведения в материалах, собранных в то время офицерами генерального штаба.

В Гродненской губ. в конце 50-х годов распределение земли между крестьянами и помещиками (в 1699 имениях) было таково [2]):

	Всей земли. Десятин.	%%	Пахоты Десятин.	%%
У крестьян	689.814	57,2	533.418	60,7
» помещиков	516.225	42,8	361.983	39,3
Всего	1.206.033	100,0	895.383	100,0

Из приведенной таблицы видно, что в Гродненской губ. из всех угодий на долю помещиков приходилось немного более $^2/_5$ земли и на долю крестьян около $^3/_5$; господская запашка равнялась почти $^2/_3$ крестьянской запашки.

Во всех этих имениях было 38.058 дворов, при чем на двор приходилось по $3\frac{1}{2}$ рев. душ м. п. Эти дворы распределялись так:

	Дворов.	%%
Тяглые	44.493	90,4
Оброчные	1.547	4,1
Огородники	1.416	3,7
Бобыли	702	1,8
Всего	38.058	100.0

Если принять во внимание, что огородники владели одною только усадьбою и огородами, бобыли не имели даже огородной земли, а оброчные обыкновенно наделялись пахотной, сенокосной и усадебной землею, то из приведенной таблицы явствует, что 94,5% дворов владели полными наделами (па-

[1]) «Мат. для геогр. и стат. России, собр. оф. ген. шт. Ковенская губ.». Составил Д. Афанасьев. Спб. 1861 г., стр. 409.

[2]) «Матер. для геогр. и стат. России, собранные офицерами ген. штаба. Гродненская губ.». Составил член имп. Р. Геогр. Общества, ген. штаба подполковник И. Бобровский. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 761. Абсолютные цифры данного исследования дополнены процентными вычислениями.

хотная, сенокосная и усадебная земля), 3,7% — только усадебной и огородной землею, а 1,8% дворов были обезземелены. В среднем на один двор приходилось по 10½ дес. пахотной земли и по 14,7 дес. всех угодий; на один двор тяглых и оброчных крестьян приходилось 11,6 дес. пахотной земли. Этот земельный надел авторы исследования признают достаточным, но указывают, что многочисленные барщинные повинности делали положение крестьян крайне затруднительным. Более чем в половине имений крестьяне работали с каждого двора по 3 дня тяглых и по 3 дня пеших в неделю; в более чем 1/5 имений отбывалось со двора по 2 тяглых и по 3 дня пеших в неделю и 1/5 таких, у которых на каждый двор приходилось по 2 дня тяглых и 3 или 2 дня пеших. Имений, в которых тяглых и пеших рабочих дней было более 3-х, считается 1465 или 90% [1]); средним числом по губернии барщинную повинность отбывали тяглую в 143 дня, пешую — 122¾ дня со двора. Кроме того, каждый двор платил помещику натурою повинность: яйцами, курами, шерстью, холстом, грибами и другими произведениями. Количество этих даней определялось в каждом имении «на основании древних обязательств». Крестьяне должны были также отбывать шарварки (исправлять строения, загороди, дороги, мосты), возить дрова, караулить лес, возить хлеб на рынок, платить подушные за дворовых. Нормальная цена обязательного труда составляла, по указанию авторов исследования, по самым низшим ценам около 64 руб. сер. на двор, а с данинами, шарварками и прочими работами до 70 руб.

Инвентарные правила мало ограждали крестьянина [2]), даже в смысле определенности повинностей, ибо, видимо, давали помещикам лазейки для незаметной эксплоатации крестьян. Авторы исследования указывают, что помещик, «опираясь на инвентари, как договор, освященный законом... а в сущности пользуясь различного рода недоимками и недо-

[1]) Ibid., ч. II, стр. 226, 227, 231.

[2]) Тем не менее авторы исследования указывают, что после введения инвентарей 1847 г. положение крестьян несколько улучшилось. В указанных 1699 имениях повинности уменьшились, а именно количество мужских рабочих дней уменьшилось на 16.344⅕ и женских на 68.545. В общем крестьянские повинности уменьшены были, в переводе на деньги, на 10.378 р. 23 к.

работками, вытекающими из обычных житейских условий, давил крестьянина своими требованиями; с другой стороны, крестьянин, оставаясь крепостным, лицом неполноправным, не имел средств отстаивать несправедливые притязания владельца, который по виду действовал законно» [1]) Так, господские работы бывали иногда за 15—20 верст, благодаря чему крестьяне теряли очень много времени на переходы. При наступлении ненастья приходилось уходить, день же этот не засчитывался, ибо помещики считали только те дни, когда крестьяне действительно работали. Так как имущество крепостного не было обеспечено законом, то помещик мог у неисправного крестьянина забрать все. Помощь помещика скотом или хлебом служила источником закабаления крестьян. Если помещик, говорят авторы данного исследования, помогал крестьянину «скотом или хлебом, то по назначенной им самим цене, всегда в видах только собственной выгоды, требуя, чтобы крестьянин отработал; так же поступал и при недоимках; долги крестьян накоплялись, и один неурожайный год, одно несчастье ввергали его в нищету» [2]).

Не лучше было положение и в Минской губ. С одной стороны, инвентари давали очень малую защиту против эксплоатации владельцев. Инвентари фактически составлялись так, как было угодно помещику; если же некоторые из владельцев «находили себя обиженными, то не обращали никакого внимания на инвентарные положения; оне имели полную возможность придавать своему вымогательству законный вид и распоряжаться крестьянами, как рабочею силою, созданною только для собственного обогащения» [3]). С другой стороны, подворное владение землею обусловливало экономическое неравенство, как и в других западных губерниях. По исследованию офицеров генер. штаба, в Минской губ. в конце 50-х годов было всего 84,637 дворов (на каждый из дворов приходилось по 3,7 душ м. п.), которые распределялись следующим образом [4]):

---

[1]) «Мат. для геогр. и ст. России. Гродненская губ.». Сост. И. Бобровский, ч. I, стр. 762.

[2]) Ibid., ч. I, стр. 763.

[3]) «Мат. для геогр. и стат. России, собр. оф. ген. штаба. Минская губ.». Сост. Зеленский. Спб., 1864 г., ч. I, стр. 197.

[4]) Ibid., стр. 637—639. Цифры данного исследования дополнены процентными вычислениями.

	Дворов.	%
1) тяглых	75.210	88,9
2) оброчных	1.859	2,2
3) огородников	3.413	4,0
4) бобылей	4.155	4,9
Всего	84.637	100,0

Таким образом здесь безземельных было 4,9%, а дворов с земельными наделами 91,1, Наделы тяглых дворов, по тем же сведениям, колебались по уездам между 12,1 и 26,3 дес., а в среднем равнялись 17,9 дес.

Для оценки величины земельных наделов нельзя забывать, что в Минской губ. в некоторых уездах[1]) при господстве трехпольной системы существовало переложное хлебопашество, иногда соединявшееся с трехпольным на ближайших к усадьбам полях.

Экономическое положение характеризуется также количеством скота на двор: в Минской губ. на двор приходилось лошадей 0,9, волов и коров 4,0, мелкого скота 8,0; пчелиных ульев—0,9[2]).

Наиболее резко должно было проявляться экономическое неравенство в Ковенской губ., где к подворному владению присоединялось наследование двора одним наследником, чаще старшим или младшим сыном, а иногда способнейшим, по выбору отца. Этим должна была охраняться неделимость имущества и земельного участка, но зато образовывался пролетариат, ибо остальные члены семейства делались батраками или работникам, не имевшими собственности, а жившими в домах хозяев. На этом основании, очевидно, инвентарный комитет, при оценке рабочего дня, принимал крестьянское семейство состоящим не из 4-х душ об. п. (как, например, в Гродненской губ.), а из 8:4 рабочих (хозяин, его жена, работник, работница) и 4 душ нерабочих (малолетних или престарелых).

Указанное положение крестьян в юго-западных и северо-западных губерниях ухудшалось особенно тогда, когда имение отдавалось в аренду, что было довольно сильно распростра-

[1]) В I изд. Мат. Ред. Ком. указаны Мозырский, Речицкий и Бобринский уезды, в Мат. для геогр. и стат. России названы Мозырский, Речицкий, Пинский и некоторые имения Игуменского уезда, I изд. Мат. Ред. Ком., т. IV, стр. 40. Мат. для геогр. и ст., ч. II.

[2]) Ibid., стр. 647.

нено в литовских губерниях. Сдав имение, помещик предоставлял его в полное распоряжение арендатора, обозначив в условиях, на основании инвентаря, только повинности, лежавшие на крестьянах и права самих арендаторов. Арендатор имел только одну цель—получить наивысший доход, а сложная, запутанная барщинная система вполне помогала ему в достижении этой цели. Думая только о барыше и выжимая его из крестьянина, арендатор доводил рабочие силы крестьян до последнего напряжения. К жалобам крестьян помещик был глух, потому что для него важен был только арендатор, дающий ему возможность без всяких хлопот получать большой доход с имения. К тому же «большинство помещиков не жило в своих имениях, а проводило время за границей или в Варшаве» [1]). Правда, в 1846 г. уже было обращено внимание на обычай отдавать имения в аренду. Д. Бибиков настаивал на запрещении таких аренд, как в то время, когда он был еще генерал-губернатором юго-западных губерний, так и впоследствии, когда он был министром внутренних дел.—Только в 1853 г. аренда населенных имений была повсеместно запрещена; однако существовавшие арендные контракты должны были сохранять свою силу до истечения срока; контракты же, срок которым истекал вскоре после издания этого закона, разрешено было возобновить с назначением им срока не далее 1 января 1857 г. [2]). Таким образом это тяжелое видоизменение крепостного права в западных губерниях местами существовало до реформы 1861 года.

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. России.—Гродненская губ. Сост. И. Бобровский, ч. I, стр. 765.

[2]) В. И. Семевский. «Кр. вопр.», т. II, стр. 508; Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 238—245.

ГЛАВА VII.

Общий очерк положения крестьян в Малороссии. — Система землепользования.—Зависимость крестьянских наделов от количества скота.—Экономическое неравенство между крестьянами.—Безземельные.—Распределение земли между различными группами крестьян.—Крестьяне в Новороссии.—Количество крепостных.—Недостаток рабочих рук.—Господство барщины.—Значение дворовых.—Распределение земли между крестьянами.—Причины тяжелого экономического положения крестьян.—Побеги.

В левобережной Малороссии (Полтавская, Черниговская и Харьковская губ. [1]) положение было гораздо тяжелее, так как здесь правительство не принимало особых мер для ограждения крестьян от эксплоатации помещика. Крепостное право здесь достигло лишь в половине XIX века полного сознания своей силы.

Помещичье хозяйство здесь, как и всюду, уже было в значительной мере вовлечено в круговорот денежного хозяйства, и помещики, во имя получения наибольшего дохода, увеличивали до ужасающих размеров экономическую эксплоатацию своих крестьян. «Там господствует, — говорит Самарин, — самое ужасное сочетание бесчувственности и беспорядочности в помещичьем хозяйстве; требования помещиков непомерны» [2]). Почти все крестьяне, как указано, были на барщине; в имениях, где было более 100 душ, в Полтавской губ. количество барщинных достигло 98,86%, в Черниговской 97,44% и в Харьковской 90,44%. По данным о всех имениях, т. е. с включением и мелкопоместных имений, имеющих менее 100 душ, эти губернии занимают одно из первых мест по числу барщинных, а именно: в Полтавской губ. было—99,4% барщинных крестьян, в Черниговской—99,8, в Харьковской—99,8%. Эти губернии принадлежали к числу мелкопоместных: в среднем на 1 владельца приходилось в Полтавской губернии 44 крепостных, в Черниговской—60 и в Харьковской — 70 крепостных [3]). Это обстоятельство также указывает на большую эксплоатацию крестьян. Сама-

---

[1]) Харьковская губ. составляет собственно уже переход к Великороссии. Автор, причисляя данную губернию к Малороссии, следует общепринятому делению губерний на районы, а также имеет в виду состав народонаселения и сходство наделения помещичьих крестьян землею в указанных 3-х губерниях.

[2]) Самарин, т. II, стр. 11.

[3]) Тройницкий. «Крепостное население в России по 10-й народной переписи», стр. 45.

рии говорит, что в Полтавской и Черниговской губ. «имения раздроблены до крайности; душа не почитается там неделимою единицею; есть крестьяне, которые составляют собственность двух, даже трех помещиков и работают в неделю день на одного, день на другого и день на третьего... Дворянство большею частью состоит из поповичей и выслужившихся казаков, которые всевозможными средствами извлекают доходы». В числе этих средств были те же, о которых приходилось говорить выше. Здесь был и сильнейший надзор за работою крестьян, повышение количества и качества барщинной работы помощью всевозможных телесных и других наказаний, введения урочного положения и пр. и пр. Барщина была не только 3-дневная, но нередко—4—5—6-дневная. Здесь, как известно, сильнее, чем в каком-либо другом месте, развито было месячничество. Количество безземельных здесь «достигло цифр, беспримерных по всей России» [1]).

При общей тенденции в крепостное время к обезземелению крестьян, здесь были особо благоприятные условия для этого в отсутствии общинной организации и в давно установившихся земельных порядках. Хозяйственное отделение Редакционных Комиссий в своем докладе о наделении крестьян землею в Черниговской и Полтавской губерниях указывало, что в прежнее время крестьяне пользовались землею в таком виде: 1) в отрубных, большею частью многоземельных имениях каждый крестьянин обрабатывал столько земли, сколько позволял ему имеющийся у него рабочий скот; 2) в чресполосных имениях неравномерные участки земли, бывшие в пользовании крестьян, большею частью переходили наследственно в одних и тех же семействах; 3) наконец крестьяне, не имевшие рабочего скота, обыкновенно жали хлеб за 3-й или 4-й сноп и косили сено из половины. В Суражском уезде еще в половине 40-х годов сохранилось отбывание повинностей по количеству владеемой земли, как то мы видели в Юго-Западном крае, при чем это количество могло быть крайне разнообразно. За основание в таких имениях при-

[1]) I изд. Материалов Редакционных Комиссий. Изд. 1859 г., т. III. Добавление к докладу хозяйств. отделения, № 15, стр. 5. Хозяйственное отделение в своем докладе относит к лево-бережной Малороссии только Полтавскую и Черниговскую губернии, а поэтому как приведенное, так и нижеследующие указания хозяйственного отделения относятся только к Полтавской и Черниговской губерниям.

нималась чвертка (равная почти уволоке). Крестьянин, владея четверткою, т.-е. четвертою частью чвертки, обязан был выставить постоянного конного работника и пешую работницу на барщину. Кто владел полчверткою—вдвое, а кто половиною четверки—в половину. Эта повинность, при которой из 5 десятин земли приходилось выставлять на барщину постоянного работника и работницу, облегчалась тем, что, кроме *резовой* (надельной) земли, крестьянин имел еще *новины*, т.-е. обрабатывал неопределенное количество земли из-под леса, зарослей и т. д.; кроме того, повинности выполнялись неаккуратно. В имении Есимонтовского во 2-е десятилетие XIX в. еще существовала подобная система отбывания повинностей, которая облегчалась наймом крестьянами дешевых работников из Белоруссии. С течением времени, по мере роста населения, развития помещичьего хозяйства, крестьянское землепользование стеснялось, крестьяне замыкались на одну резовую землю, и такого рода повинности делались непосильными. В Суражском уезде уже в 40-х годах некоторые помещики ввиду этого стали переходить к тягловой нарезке земли в определенном размере за определенную барщину. Обыкновенно в таких имениях давали по 2 дес. пахотной земли в каждом поле, $^1/_3$ дес. коноплянника и сенокоса по количеству угодий на 1 тяглового работника; за это полагалось отбывать по 3 дня в неделю с тягловых работника и работницы [1]).

Сокращая постепенно крестьянское землепользование, регулируя его сообразно со своими интересами, малороссийские помещики не имели узды в прочно установившихся общинных порядках, с которыми должны были считаться, невольно сообразуясь с ними, великороссийские помещики. В Малороссии количество земли у каждого отдельного крестьянина зависело от степени его благосостояния, а последнее выражалось в количестве скота. Помещики восприняли существующий факт и, не нарушая земельных порядков крестьян, старались приспособить их к своим интересам. Для них было нужно иметь даровых работников с готовым хозяйственным инвентарем и скотом. Чем больше скота было у крестьянина, тем более ценным работником был он и тем

[1]) Есимонтовский. «Описание Суражского уезда, Черниговской губ.», СПБ. 1846 г., стр. 14—15.

более давали ему земли. Но, желая сохранить за собою возможно большее количество земли, помещики старались, во-первых, чтобы земля доставалась только тем крестьянам, которые имели скот, и постольку, поскольку они имели его, а во-вторых, чтобы наделы были ограничены строго необходимым количеством земли. Отсюда помещики наделяли крестьян разным количеством земли, смотря по количеству скота.

Помещики старались также уследить за изменением в имущественном положении крестьян, и сокращение количества скота или увеличение его заставляло их сокращать наделы одних крестьян и увеличивать наделы других. Отсюда очень часто происходили своеобразные помещичьи переделы земли, иногда каждый год, так что крестьяне фактически не имели определенных наделов, и переход из высшего разряда в низший и даже в группу безземельных мог совершаться очень быстро. Начальник Черниговской губ., сообщая в земский отдел мин. вн. дел в 1859 году сведения о числе наделенных и не наделенных землею, писал, что количество тех и других «ежегодно меняется, по усмотрению помещиков, которые при наделе крестьян землею берут в соображение средства каждого крестьянского семейства, заключающиеся в числе рабочих рук и рабочего скота. Поэтому цифры, показанные в представляемой ведомости по Черниговской губ., и отношения между ними никак нельзя принять за постоянные». По указанию зеньковского земского исправника Полтавской губ., «помещичьи крестьяне в этом уезде не имеют постоянного и определенного надела пахотной земли; пользуются же таковым не многие, и то в больших экономиях, имеющие рабочий скот» [1]).

К этому присоединялся полный произвол владельца, не имевшего никакой сдержки в своем усмотрении. «Определивши крестьянские наделы, — указывало хозяйственное отделение,—помещик разверстывает их между хозяевами без всякого участия мира, а также производит передел при умножении числа хозяйств или по новым хозяйственным соображениям. Обыкновенно надел дается каждому хозяину, но если одно хозяйство с ним составляет и другой женатый

---

[1]) Ц. А. Мин. вн. д., Земск. отд., 2-е делопроизв. 1859 г., № 4.

член семейства, то и этому члену семейства дается особый надел, тяглый или пеший, смотря по тому, какого рода барщину он отбывает. Впрочем, и в этом отношении не соблюдается постоянного правила, в иных имениях наделяют землей и холостых рабочих, даже иногда полурабочих; в других дается надел только на хозяина, хотя члены семейства одинаково работают». «Таким образом, — продолжает хозяйственное отделение, — лучшая сторона общинного быта — разверстание миром участков между домохозяевами, не существует в Малороссии, а сторона самая вредная для сельского хозяйства — передел земель — повторяется часто и зависит совершенно от произвола владельцев, не стесняемых никакими общинными обычаями и преданиями» [1]).

Следя за тем, чтобы соблюдалась известная равномерность наделения крестьян землею сообразно с количеством владеемого скота, помещики принуждены были и здесь бороться с результатами экономического неравенства крестьян. Обедневшие почему-либо крестьяне передавали свои наделы богатым крестьянам, которые, во избежание господских повинностей, сознательно уклонялись от господских наделов, или предпочитая нанимать земли у посторонних землевладельцев, или будучи уверены, что и другим путем эти же наделы от бедных крестьян попадут в их руки; обедневшие, обессилевшие экономически крестьяне нередко закабалялись у своих же односельчан или у посторонних лиц и, наконец, бегством спасались от непосильных повинностей и долгов. Полтавский помещик П. П. Белецкий-Носенко, крестьяне которого состояли на оброке, писал в одном из своих приказов в 1825 г.: «из ведомости о людях я увидел, что бедные, которые не имеют скота ни шерстины, обложены на смех большим оброком, а богатые, чтобы меньше платить чинша (денежный оброк) и подати, господской земли взяли как можно менее»; для устранения такого «беспорядка» он приказал, «чтобы земли резовые были взяты от тех, кои не в состоянии их обрабатывать и отданы богатым. У самых бедных оставить столько земли, сколько они сами в состоянии обрабатывать». В другом случае он пишет: «до моего сведения дошло, что земли резовые пашут не те, кому они

[1]) I изд. Мат. Ред. Ком., т. III. — Дополнение к докладу хозяйств. отд. № 15, стр. 5.

даны, чтобы было с чего оплачивать подати и чинши, а другие те земли захватывают, подати же взыскиваются с тех, кто землею не корыстуется». Это также вызывает соответственные распоряжения с его стороны, с целью искоренить эти явления. В интересах наибольшего поступления оброка (чинша) с крестьян, взимаемого по количеству земли, Носенко строго запрещал крестьянам брать землю на стороне. Они должны были обрабатывать только землю своего помещика, чтобы не причинить ему ущерба. «Кто осмелится, — гласит приказ 1825 г., — взять землю и пахать на стороне, когда своя впусте и когда он имеет земли столько, сколько всякий бедняк (вследствие того, что уклоняется от чинша), то с такого мошенника взыскать чиншу втрое и наказать его перед громадой розгами и сей приказ тотчас привести в исполнение» [1]. В имении Гр. П. Галагана в местечке Ичне, Борзенского уезда Черниговской губ., в 40-х годах, по словам самого помещика, «монополия богатых — в сильнейшей степени, бедность в 64 семействах, неимущих земли, ужасна. Притом у остальных земля вся заложена у разных людей, у наших, у дяденькиных, и у казаков». Для поднятия благосостояния крестьян в Ичне Гр. П. Галаган проектировал такие меры: 1) «отобрать даром все заложенные земли и отдать их владельцам, это лучший урок, чтобы они не закладывали вперед»; Галаган намеревался отобрать земли даже с посеянным на них житом; 2) «отобрать у казаков всех наймитов и подать на них бумагу, как на передержателей беглых, потому что они не имели никакого позволения от экономии» [2].

Однако такие меры мало помогали. Крестьяне, обремененные тяжелыми повинностями, разорялись, закладывая наделы, продавая скот, закабаляясь лично и т. д. Наделение землею соразмерно с количеством скота санкционировало происходившее разорение. По мере того, как исчезал скот в крестьянских хозяйствах и понижалось его качество, помещики уменьшали количество земли, оставляя не имевшим его или незначительные наделы, или совершенно обезземеливая их.

---

[1]) И. Лучицкий. «Из недавнего прошлого», «Киевск. Старина», 1901 г., кн. VI, стр. 6—7, 20.

[2]) Отрывок из дневника Г. П. Галагана за 1845 г. «Киевская Старина», 1899 г., кн. XI, стр. 231.

Слабость крестьянского скота, незначительное его количество и бедность крестьянских хозяйств побуждали помещиков обезземеливать и слабосильных хозяев. Помещики предпочитали по этим мотивам заводить собственный скот и собственный инвентарь. Таких обезземеленных крестьян помещики или сажали на чистую месячину, поселяя их в господских же усадьбах, или давали им, кроме месячины, усадьбы и небольшие огороды, или же заставляли их работать на своих полях из доли урожая. Таким образом положение крестьян, не имевших скота, было крайне неопределенно и путем бесчисленных градаций сливалось с положением дворовых, из которых, как было указано, значительная часть были теми же земледельческими рабочими, лишь номинально числившимися дворовыми. Главнейшими группами среди крестьян, не имевших скота, были пешие, получавшие более или менее значительные наделы земли (только пахотной, иногда только сенокосной, иногда той и другой в небольшом количестве, кроме усадьбы и огорода), пешие, работавшие из доли урожая, и месячники. Определить хотя бы относительное количество этих групп нет возможности. В сведениях, доставленных самими помещиками губернским дворянским комитетам и вошедших в «Извлечения из описаний имений, имеющих более 100 душ», помещики не делали различий между этими группами, называя пешими и тех, кто совершенно не имел земли, и тех, кто имел ее в том или другом небольшом количестве, и работавших из доли урожая. Однако есть общие указания, что месячничество в Черниговской и Полтавской губ. получило особенно сильное развитие. Есть указания и цифровые данные о чрезвычайно большом количестве безземельных в этих 3 губерниях.

По указанию хозяйственного отделения Редакционных Комиссий, в Черниговской и Полтавской губ. «нет почти ни одного имения, в котором бы все крестьяне были наделены землею; но есть много таких имений, в которых не наделены только не имеющие усадьбы, преимущественно живущие в господском дворе; в других вовсе не наделяются семейства вдов, не имеющих взрослых работников, в третьих—некоторые из пеших, в иных все пешие и, наконец, все крестьяне» [1]).

[1]) I изд. Мат. Ред. Ком., т. III. Дополн. к докл. хоз. отд. № 15, стр. 6.

В Полтавской и Черниговской губ., безземельные встречались в большей или меньшей мере во всех почти имениях, где было более 100 душ, что видно из следующей таблицы [1]):

	Количество имений. Полтав.	Черниг.	% % Полтав.	%% Черниг.
I. Не более 0,1 ненаделенных землею	529	542	76,12	89,73
II. Более 0,1 ненаделенных землею	121	46	17,41	7,62
III. Все крестьяне не наделены землею	36	—	5,18	—
IV. Неизвестно	9	16	1,29	2,65
	695	604	—	—

Из таблицы видно, что в Полтавской губ. в значительной группе имений крестьяне совершенно были обезземелены, и, кроме того, более, чем в $^1/_6$ имений, безземельных было больше 10%; в Черниговской губ. безземельных крестьян было значительно менее. В этих имениях хозяев, наделенных землею, в Полтавской губ. было 85.982, или 92,91%, из числа всех крестьян, повышаясь в имениях, имеющих более 500 душ, до 95,76%. В 179 имениях Полтавской губ., относительно которых имеются более детальные сведения о числе наделенных и ненаделенных землею, из 18.110 тягол было 1.577, или 9,54%, безземельных [2]).

Громадным количеством безземельных крестьян следует отчасти объяснить и необычайный рост количества дворовых к 10-й ревизии. Ввиду слухов об освобождении помещики могли усиленно переводить безземельных крестьян в дворовые, чтобы оградить себя от наделения их землею. В Полтавской губ., как указывалось, количество дворовых увеличилось на 28.044 души или 220%, в Черниговской — на 19.549 или 309%, в Харьковской на 30.814, или на 236%. Общее количество дворовых во всех имениях равнялось по 10 ревизии в Полтавской губ. 10,8%, в Черниговской — 9,6% и в Харьковской 24%. Однако в имениях, где было более 100 душ, % дворовых в Полтавской губернии был

---

[1]) Вычислена на основании Приложений к Трудам Редакционных Комиссий, т. VI. Выводы по Полтавской и Черниговской губ. Из примечаний к описанию имений видно, что в Черниговской губ. в одном имении были только одни дворовые; и в 4-х имениях все крестьяне не имели пахоты.

[2]) В том числе 24 полутяглых и 1.553 пеших тягла. См. табл. №№ 7 и 10, вычисленные на основании т. VI. Прилож. к Тр. Ред. Ком.

очень незначителен, равняясь 0,59%, в Черниговской дворовых в таких имениях было 4%, и лишь в Харьковской губ. число их доходило до 11,33%; с присоединением же крестьян на дворовом положении количество их в последней губернии достигало 16% [1]).

В 1859 году министерство внутренних дел затребовало сведения от местного начальства Полтавской, Черниговской и Харьковской губ. о количестве крестьян, наделенных пахотной и сенокосной землей, о наделенных только усадьбою и огородом и совершенно не наделенных землею». В ответ поступили такие сведения [2]):

	Полтавская.	%	Черниговская.	%	Харьковская.	%
Число крестьянских усадеб . . .	96.332	—	76.519	—	54.296	—
I. Число крестьян, наделенных пахотной землею и сенокосом .	83.193	53	100.059	72	173.000	76
II. Число крестьян, наделенных усадьбою и огород. (огородников.)	47.674	32	5.456	4	—	—
III. Число крестьян, ненаделенных землею (бобылей)	47.940	15	33.447	24	53.534	24
Отношение числа крестьян, наделенных пахотной землей, к числу ненаделенных	1,1 : 1	—	2,6 : 1	—	3,3 : 1	—

Из этой таблицы видно, что в Полтавской губ. не пользовались земельными наделами (пахотной и сенокосной землей) около половины крепостного населения, в Черниговской— около $^1/_3$, и в Харьковской почти $^1/_4$. По отдельным уездам количество безземельных было еще более поразительно. Так, в Константиноградском уезде количество безземельных отно-

---

[1]) См. табл. № 6.

[2]) Ц. А. м. вн. д., Земск. Отд. 2-е делопроизв. 1859 г. № 4. См. об этом также Тр. Редакционных Комиссий, т. III. Дополнение к докладу хозяйственного отделения № 15: стр. 5—6. Сведения, доставленные в министерство внутренних дел, дополнены процентными вычислениями. Следует заметить, что эти сведения не совершенно однородны. Так, начальник Черниговской губ. разъяснил, доставляя эти сведения, что в первых 2-х группах заключается не одно число домохозяев, а общее число взрослых работников, пользующихся наделом, в III группу вошли все дворовые люди и крестьяне, не имеющие ни земли ни усадьбы, а живущие при помещичьих дворах и имениях». В Харьковской губ. в III группу зачислены дворовые люди, (приписанные к населенным имениям, к домам и капиталам), а также крестьяне, состоящие на дворовом положении. В сведениях по Полтавской губ. число крестьян показывает: «начальников семейств», а не общее число ревизских душ; в III группу зачислены «дворовая прислуга и крестьяне, живущие в избах при господских домах». Следует заметить, что эти сведения, собранные чрез земских исправников, едва ли отличаются точностью, а поэтому к ним следует относиться с большою осторожностью.

силось к числу наделенных землею, как 2 : 1; в Зеньковском уезде, как указывалось, земский исправник, собиравший сведения, отказался выяснить отношение между теми и другими, ибо крестьяне совершенно не имели определенного и постоянного надела пахотной земли за исключением небольшого количества имеющих рабочий скот в некоторых больших экономиях.

К сожалению, и эти сведения, указывая на большое количество безземельных, не выясняют вопроса о количестве месячников и работающих из доли урожая, не только тех и других в отдельности, но и в совокупности, ибо в число ненаделенных землею зачислено неопределенное количество дворовых. Можно лишь точно сказать, что в III группе наряду с дворовыми имеется довольно значительное количество месячников, и заподозреть, не месячников ли, главным образом, зачисляли помещики в дворовые при 10-й ревизии [1]).

На распространенность работы из доли урожая можно иметь лишь косвенные указания. Так, в сведениях о числе наделенных и ненаделенных крестьян указывается в общей форме, что «ненаделенные землею крестьяне получают от владельцев своих со всего собираемого ими хлеба 3-й сноп, пользуются продовольствием на барщине и уплатою за них податей». В докладе хозяйственного отделения Редакционных Комиссий говорится, что в Полтавской и Черниговской губ. многие помещики наделяют землею только тяглых; «остальным же предоставляется только, по старому обычаю, жать экономический хлеб из 3-го снопа и выкашивать часть сенокосов с половины, увольняя при этом от барщины во время жатвы; иные же вместо надела отпускают определенное количество сена пудами или по усмотрению» [2]). В имениях, где было более ста душ, в Полтавской губ. получение хлеба (3-го или 4 снопа) отмечено в «Описаниях имений» в 314 имениях (из 695). Из этих 314 имений в 158 сноп получали беззе-

---

[1]) Так, если допустить, что в сведениях по Харьковской и Черниговской губ. в III группу попали все дворовые по 10-ой ревизии (чего, конечно, не могло быть), то и тогда за вычетом дворовых число крестьян, не имеющих ни земли ни усадьбы, живущих при помещичьих дворах в Черниговской губ. будет равняться 7.758, т.-е. 6%, в Харьковской губ.—9.532 или 4%. Относительно Полтавской губ. такого расчета сделать нельзя, ибо в данных сведениях количество крестьян III группы не достигает количества дворовых по 10-й ревизии. Кроме того, как сказано, в III группу зачислена «дворовая прислуга», что нельзя отожествить с дворовыми.

[2]) I изд. Мат. Ред. Ком., т. III. Дополн. к докл. хоз. отд. № 15, стр. 3.

мельные, в 61-м — не имевшие пахоты. В некоторых имениях крестьяне, кроме хлеба, получали сено (61 имение) или другие льготы (3 имения). В описаниях некоторых имений определенно указано, что сноп давался за те или другие полевые работы (12 имений) или получали его «нуждающиеся», «вдовы»[1]). В Черниговской губ. в «Описании имений, имеющих более 100 душ», указания на отдачу 3 или 4 снопа встречаются редко: лишь в 8 имениях ненаделенные получали 3 и 4 сноп, при чем в одном из них давали, сверх того, сено.

Как было выше указано, положение крестьян, наделенных землею, ухудшалось также по мере развития помещичьего хозяйства. По указанию хозяйственного отделения, ко времени реформы помещики в отрубных имениях запретили крестьянам пользоваться произвольно землею, отделивши им постоянный надел известной меры. В чрезполосных имениях наследственные участки земли были большею частью также отобраны и заменены определенными наделами. Однако и ко времени реформы сохранились имения, где крестьяне пользовались крайне неравномерными наследственными участками земли. Очень часто в таких имениях значительная часть хозяев была безземельными, иные же имели огромные участки, превосходящие наделы всех других имений. Имения, в которых крестьяне пользовались бы произвольно помещичьей землей, было очень трудно встретить. Большею частью крестьяне были наделены определенными наделами, по разрядам, соразмерно с количеством скота. Крестьяне, имевшие рабочий скот, составляли разряд тяглых, не имеющие его — разряд пеших. Под тяглами обыкновенно разумелись хозяева, имевшие, по крайней мере, пару рабочих волов, в некоторых частях Черниговской губ. — пару лошадей и даже 1 лошадь. Встречался также особенный разряд хозяев полутяглых или одноволовых. В Харьковской губ. эти тягла носили определенное название — воловых и конных.

Общее количество тягол в этих 3 губерниях распре-

---

[1]) Вычислено на основании примечаний к «Описаниям имений» в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий. По этим же сведениям в 264-х имениях хлеб получали пешие, в 36 имениях—полутяглые, в 71-м имении — тяглые; в 92 имениях сноп получали все тягла.

делялось по указанным группам таким образом (в процентах): [1]).

Полтавская губ.		Черниговская губ.		Харьковская губ.	
тяглых	18.63%	тяглые	63,84	воловые	31,84
полутяглых	8,02	пешие	33,28	конные	38,50
пеших	73,35	имеющие только усадьбу	2,88	пешие	29,66

Из этих таблиц видно, что пешие тягла преобладали в Полтавской губ., составляя почти $^3/_4$, в Черниговской они составляли $^1/_3$ всех тягол и в Харьковской губ. — значительно более $^1/_4$.

Земельные наделы этих разрядов тягол сильно разнились между собою. «Самое выгодное устройство пеших — по указанию хозяйственного отделения — там, где пеший надел вдвое менее против тяглого. Но очень часто бывает гораздо более разницы между двумя наделами. Во многих имениях дается пешим только пахотная земля, иногда только сенокосная» [2]). В чрезполосных имениях, по указанию того же хозяйственного отделения, «пешие гораздо реже оставались без наделов, потому что мелкие куски неудобно было употреблять для экономии» [3]).

В имениях, где было более 100 душ, в Полтавской губ. на 1 тяглое тягло приходилось в среднем (по 179 имениям) 6,26 десятин пахотной и сенокосной земли, на полутяглое 3,11 и на 1 пешее тягло — 2,79 дес., т. е. на пешее тягло в среднем приходилось менее половины тяглого надела. В Черниговской губ. пешее тягло получало немного более половины тяглого, а именно: тяглые имели по 6,25 дес. на тягло или по 2,75 дес. на 1 рев. душу, пешие по 3,63 дес. на тягло (1,6 дес. на 1 рев. душу). В Харьковской губ. в 433 имениях воловое тягло получало в среднем 7,06 дес., конное — 6,23 и пешее — 4,49 дес. В указанных имениях

[1]) См. табл. №№ 7 и 8. В Полтавской губ. в имениях, где было более 500 душ, тяглых было 17%, полутяглых—8,75% и пеших—72,25%.

[2]) I изд. Материалов Редакционных Комиссий, т. III. Дополнение к докладу хозяйств. отделения, № 15, стр. 3.

[3]) Ibid. стр. 4.

Полтавской и Харьковской губ. тягла и имевшаяся у них земля распределялась таким образом (в процентах) [1]):

Полтавская губ.	Тягол	Земли у них.	Харьковская губ.	Тягол	Земли у них.
тяглые	20,19	36,00	воловые	34,05	40,12
полутяглые	6,92	6,32	конные	36,02	37,45
пешие	72,89	57,68	пешие	29,93	22,43
безземельные	9,54	—			

Из этих таблиц видно, что в Полтавской губ. большая половина пахотной и сенокосной земли находилась в пользовании пеших, составлявших почти $^3/_4$ общего количества тягол в указанных имениях; меньшая половина, более $^2/_5$ земли, была в руках тяглых и полутяглых; в Харьковской губ. в пользовании пеших составлявших около $^1/_3$ всех тягол, было немного более $^1/_5$ пахотной и сенокосной земли; конным и валовым тяглам, т. е. более чем $^2/_3$ тягол, принадлежала большая часть земли (около $^4/_5$). Относительное количество земли в руках пеших крестьян отставало от относительного количества их самих.

Из приблизительных размеров земельных наделов у разных разрядов крестьян видна относительная обеспеченность высших разрядов (тяглых, воловых) и малоземелье среди пеших крестьян. При значительном же количестве пеших и безземельных, не удивительно, что по среднему наделу удобной земли на ревизскую душу Полтавская губ. занимает последнее место в числе 23 губерний, о которых имеются вычисления по имениям, где было более 100 душ, а Харьковская — третье место. В Полтавской на одну ревизскую душу приходится 2,04 дес., в Харьковской — 2,53 дес.; общее количество крестьянской земли в этих губерниях не достигает $^1/_3$ всей земли в имениях (не считая господского леса); в Полтавской — лишь 31,37 %, в Харьковской—

---

[1]) См. таблицы №№ 9, 10, 11, вычисленные на основании Приложений к Тр. Ред. Ком., т. VI. — В среднем на 1 тягло в Полтавской губ. по этим сведениям приходится 3,51 дес. и в Харьковской — 5,98 дес. На 1 тягло в Полтавской губ. приходится 2,31 рев. д., в Черниговской — 2,97 и в Харьковской губ. 260 рев. души. Таблицы №№ 9, 10 и 11 есть результат подсчета цифр, указывающих наделы тяглых, пеших и иных тягол и имениях, где было более 100 душ. Сюда, видимо, не входила огородная и усадебная земля, а поэтому приведенные наделы несколько ниже действительных. Припомним, что в среднем на рев. д. м. п. приходилось в Полтавской губ. — 2,04 дес. уд. земли, в Черниговской — 3,17 дес., в Харьковской — 2,53 дес.

31,82 %. Несколько выше стоит Черниговская губ., где в имениях, имевших более 100 душ, на 1 ревизскую душу приходилось 3,17 дес. удобной земли, а в руках крестьян было 3/5 всей земли в имениях (61,35 %), не считая леса. Если припомнить то, что говорилось о крестьянском бюджете, о степени достаточности крестьянских наделов, то нужно констатировать, что в этих губерниях даже высшие разряды крестьян были наделены количеством земли, едва достаточным для удовлетворения необходимейших потребностей крестьянина. Черниговский помещик Есимонтовский доказывал, что при наделе на одно тягло (состоящее из мужа, жены и 3 малолетних детей) по 2 дес. в поле, 1 дес. сенокоса и 1/3 дес. коноплянника, в годовом бюджете крестьянина должен получаться неизбежный дефицит. «Не прибавляя лакомств, водки и табаку, при благополучном урожае, — писал он, — при порядочном образе жизни и правильном содержании своего хозяйства, одним хлебопашеством суражский крестьянин существовать не может, а так как промышленности никакой нет и заработать ничего невозможно, то казенные подати остаются неуплаченными, и половину года питаются кое-как и кое-чем». При неурожае же положение делается чрезвычайно тяжелым: «начинаются займы за неимоверные проценты, продажа одежды и скота и полное расстройство хозяйства» [1]). Такое разорение, можно прибавить после всего вышеизложенного, грозило переводом крестьянина в низший по размеру надела разряд, что в свою очередь уменьшало шансы восстановить расстроенное хозяйство. Так земельные порядки и наделение землею не соответственно потребностям, а соразмерно с орудиями производства — живым и мертвым инвентарем — вели постепенно малороссийских крестьян к обнищанию и обезземелению.

В *Новороссийском крае* земельные порядки ко времени реформы отличались крайнею пестротою, земельное же обеспечение крестьян зависело не столько от системы землевладения, сколько от размера повинностей и количества рабочего скота. Новороссийские губернии в то время находились еще в процессе заселения и принадлежали к числу наиболее редко населенных мест в России. Крепостное население было здесь

---

[1]) Есимонтовский. «Описание Суражск. уезда Черниговской губ.», стр. 65.

незначительно, и одним из главных затруднений для помещичьего хозяйства был недостаток рабочих рук. По 10 ревизии в указанных 3 губерниях было лишь 3,2 % всего крепостного населения Европейской России [1]), при чем крепостные в Екатеринославской губ. составляли 31,51 % всего населения губернии, в Херсонской — 31,27 %, в Таврической — лишь 5,97 %. На одного помещика в Екатеринославской губ. приходилось в среднем 66,61 крепостных душ, в Херсонской — 59,77 душ и в Таврической — 52,02 души [2]). Крепостные в очень незначительном количестве принадлежали к коренному населению края; в большинстве же это были или переселенные самими помещиками из внутренних губерний, или же «втикачи», беглые из разных губерний, стремившиеся сюда в надежде здесь стать вольными и попадавшие в то же крепостное ярмо, как и у себя на родине.

Не касаясь здесь вопроса о заселении Новороссии и о постепенном росте крепостного населения, нужно заметить, что, как переселять крепостных из других губерний, так и закреплять постепенно «втикачей» заставляла здесь, с одной стороны, выгодность ведения помещичьего хозяйства вследствие близости внешних рынков, так и раздача земель правительством в этом крае на условии непременного заселения их в установленном количестве в течение определенного времени под угрозою отнятия земель обратно при неисполнении этих условий. Выше указывалось на благоприятное положение Новороссийского края относительно внешнего рынка ввиду близости портов, на большую доходность помещичьих имений в этом крае и приноровленность помещичьего сельско-хозяйственного производства к требованиям внешних рынков. Указывалось также на недостаток рабочих рук в этих губерниях, вызывавший уже в крепостное время довольно широкое применение наемного труда, особенно в косовицу и во время жатвы.

Незначительного крепостного населения не хватало для обработки и уборки обширных городских запашек, и помещикам приходилось во время летней страды затрачивать крупные доли валового дохода на наем рабочих. «Обработка полей

---

[1]) Вычислено на основании данных Тройницкого «Крепостное население»...

[2]) Тройницкий. «Крепостное население», стр. 45 и 85.

в этом крае, — говорит исследование офицеров генерального штаба, посвященное Екатеринославской губернии, — ценится весьма дорого по причине недостатка рабочих рук. Плата наемным рабочим зависит от многих условий, но в обыкновенные годы обработка десятин стоит более чем половина дохода, приносимого ею от сбора хлеба, а в неурожайные годы почти равняется самому доходу» [1]).

Недостаток рабочих рук заставлял новороссийских помещиков уже в эпоху реформы довольно широко применять сельско-хозяйственные машины, сберегающие труд. «В лучших помещичьих имениях, — говорит выше цитированное исследование, — почти везде в настоящее время заведены уже молотильные машины, действующие силою волов. В виде опыта некоторые помещики выписывали сами из-за границы паровые молотильные машины в 4 и более сил». Некоторые из них уже в то время завели у себя конные грабли. В некоторых имениях употреблялись в виде опыта сенокосные машины [2]).

При сильной потребности в рабочих руках вполне понятно стремление помещиков использовать в возможно большей степени имеющийся в их распоряжении даровой крепостной труд. Поэтому-то почти все крепостное население состояло на барщине. Самарин заметил относительно Новороссии, что самое заселение ее крепостными «было спекуляцией помещиков, и крестьяне с минуты их водворения посажены на барщину» [3]). Во всех имениях трех Новороссийских губерний барщинные крепостные составляли 99,9% всех крепостных, и лишь 0,1% состояло на оброке, при чем в Екатеринославской губ. % барщинных равнялся 99,8%, в Херсонской — 99,9%, в Таврической — почти 100%. В Екатеринославской губ. в имениях, где было более 100 душ, барщинные составляли почти 100% всех крестьян, и наличность оброчных отмечена в 3 имениях без обезначения их количества [4]).

Потребность в рабочих руках заставляла пользоваться и

---

[1]) Материалы для геогр. и стат. России, собранные офицерами генер. штаба. Екатериносл. губ. — Составил ген. шт. кап. В. Павлович. СПБ. 1862 г. — стр. 135.

[2]) Мат. для геогр. и стат., собр. офиц. ген. штаба Екатеринославск. губ., стр. 137, 140.

[3]) Самарин, т. II. стр. 50.

[4]) См. табл. № 3.

дворовыми, количество которых было очень значительно: в Екатеринославской губ. они составляли 17% всего крепостного населения (в имениях, где было более 100 душ,— 12,61%), в Херсонской — 19% и в Таврической — 13%. Исследование о Екатеринославской губ. отмечает, что дворовые «были весьма полезны в этом крае, где недостаток рук столь еще ощутителен... Помещикам составляло немаловажный расчет иметь постоянных работников, хотя при этом и приходилось содержать их и уплачивать подати» [1]). Хозяйственное отделение Ред. Ком. отметило относительно всей Новороссии, что «большая часть семейств, записанных по ревизии дворовыми, более или менее наделены землею» [2]).

Новороссийские помещики, располагая громадными количествами земли, не стесняли крестьян в пользовании ею. При многоземельности имений наделение крестьян землею было нечувствительно для доходности помещичьего хозяйства. По указанию хозяйств. отд. Ред. Ком. сами помещики в описаниях имений заявляли, что крестьяне пользуются землей неограниченно, смотря по своим средствам, нуждам и желаниям» [3]). Указанное исследование по Екатеринославской губ. также отмечает, что здесь в многоземельных имениях, отдаленных от городов, крестьянам отводилось столько земли, сколько они могли обработать [4]). То же отмечено в исследовании офицеров ген. шт., посвященном Херсонской губ. «В весьма немногих имениях в помещичьих дачах были нарезаны особые участки для крестьян; большею частью им по очереди отводили известное место в даче, где каждый мог пахать, сколько позволяли его средства, без наблюдения со стороны помещика, чтобы земля между крестьянами была разделена сообразно выгодам каждого из них» [5]).

Тем не менее, несмотря на многоземельность помещичьих

---

[1]) Мат. геогр. и стат. России... — Екатеринославская губ. — стр. 174. В Прил. к Трудам Редакционных Комиссий в Екатеринославской губ., указано 1.408 дворовых, наделенных землею (в 23-х имениях).

[2]) I изд. Мат. Ред. Ком. т. VI — Дополнение II, стр. 3.

[3]) Ibid., стр. 2. — В примечаниях по Екатеринославской губ. в Прилож. к Тр. Ред. Ком. т. VI относительно 49 имений определенно сказано, что крестьянам дается столько земли, сколько кто может обработать.

[4]) Мат. для геогр. и стат. России. Екатериносл. губ., стр. 176.

[5]) Матер. для геогр. и ст. России, собр. оф. ген. штаба. Херсонская губ. Составил Шмидт. Цитир. по Осадчему: «Крестьянск. надельное землевладение в Херсонской губ.», Херсон, 1894 г., стр. 49.

имений [1]), количество земли, находившейся в пользовании крестьян, было очень невелико. Так, в Екатеринославской губ. у крестьян было лишь 18,43% всей помещичьей удобной земли, при чем на 1 ревизскую душу приходилось 3,26 дес. удобной земли [2]). В Херсонской губ., согласно упомянутому исследованию, перед реформою крестьянский надел не мог превосходить 4 дес. на душу, что косвенно подтверждается и определением хозяйственного отделения Ред. Ком. существующего надела в Новороссийском крае при залежной системе также в 4 дес. на одну душу. При таком среднем наделе в пользовании крестьян в Херсонской губ. могло быть лишь 26,5% всей помещичьей земли [3]). Впрочем, нельзя забывать, что крестьянский скот обыкновенно пасся на тех же выгонах и перегонах, на которых пасся господский скот, что, при громадном значении скота в крестьянском хозяйстве, служило значительным добавлением к крестьянским наделам.

Распределение земли, ввиду разнообразия земельных порядков, в Новороссийском крае было неоднородно. Каждый элемент, вновь поселившийся в этом крае, приносил свои порядки, свои обычаи пользования землею. Поэтому здесь можно было встретить и семейное владение землей, и общинное; распределение земли производилось и по количеству душ, и по количеству работников, и по количеству скота; иногда эти формы пользования землею приходили в различные своеобразные сочетания. Помещики, при изобилии земли, предоставляли свободу в этом отношении своим крестьянам. Выше указывалось, что в Херсонской губ. помещики не наблюдали за распределением земли между крестьянами. Хозяйственное отделение Ред. Ком., указывая, что в значительной части имений удерживалось общее пользование землею и что, по указанию

---

[1]) В среднем на одну ревизскую душу муж. п. приходилось в Екатеринославской губ. 19,7 дес. всей земли в имениях, в Херсонской—24,4 дес., в Таврической — 62,8 дес. Тр. Ред. Ком., т. VI.

[2]) Вычислено на основании Прил. к Тр. Ред. Ком., т. VI. Следует заметить, что этот размер надела, вероятно, меньше действительно существующего. Здесь была сильно распространена залежная система. По указанию хозяйств. отд. Ред. Ком., в новороссийских губерниях «показания помещиков в описаниях имений не могут служить достаточным руководством для определения размера наделов. Без всякого сомнения, большая часть помещиков включала в цифру крестьянского надела только ту землю, которая пашется, и не присоединяла той, которая остается для отдыха». I изд. Мат. Ред. Ком., т. VI, Доп. II, стр. 6.

[3]) Осадчий, «Кр. над. землевлад. в губ.», стр. 49, 51.

помещиков, крестьяне пользовались землею неограниченно, смотря по своим средствам, нуждам или желаниям, говорит: «При умножении народонаселения или правильном устройстве имений эта система переходила или в великороссийское общинное устройство, где определенное пространство земли наделяется целому миру, или в малороссийские семейные участки. При семейном наделении иногда различаются разряды крестьян тяглых и пеших, как в Малороссии; иногда земля разделяется семействам по числу душ, несмотря на то, имеют ли семейства рабочий скот, или нет».

В Екатеринославской губ. семейное и мирское владение по имениям, где было более 100 душ, по показаниям помещиков [1]), в 50-х годах распределялось следующим образом. Из 422 имений помещики отводили землю:

	Количество имений.	% %
В семейное владение	214	50,72
» мирское	118	27,96
Неизвестно	90	21,32

При этом из 214 имений, где было семейное владение, в 49, или 22,90%, помещики давали земли столько, сколько кто мог обработать. Из этих цифр видно, что семейное владение землею было широко распространено в Екатеринославской губ., общинных же было менее чем в $^1/_3$ имений и в $^1/_5$ имений форма крестьянского землевладения неизвестна.

Количество общинников-крестьян и количество земли, бывшей в их распоряжении, видно из следующей таблицы:

		Процентное отношение по губернии (в имениях, где было более 100 душ).
Количество имений	112	26,54
В них крестьян	28.074	29,77
» » десятин земли	94.548,82	35,39

Любопытно, что процентное отношение крестьян отстает

[1]) Нужно заметить, что к этим показаниям нужно относиться с большою осторожностью. С одной стороны, по данным 1877 г., в Екатеринославской губ. 79% крестьянской земли находилось в общинном владении. С другой стороны, нельзя забывать, что относительно более чем одной пятой имений, имеющих более 100 душ, неизвестно, какова была форма владения землею.

от процентного отношения их земли по отношению ко всей крестьянской земле в губернии. Из таблицы видно, что менее, чем у $^1/_3$ населения, было более трети земли, т. е., что общинники были в общей массе лучше обеспечены землею, чем другие категории крестьян. Разверстка земли у общинников была крайне разнообразна. По скудным и отрывочным сведениям, рассеянным в Приложениях к Труд. Редакц. Ком., в 14 имениях земля распределялась миром различно:

	Число имений.
На воловые и пешие тягла	3
По числу работников и тягол	3
» » хозяев	1
» семействам	1
» числу ревизских душ	3
» душам	2
» средствам каждого	1
	14

Из этих цифр видно, что чаще встречалась разверстка по ревизским душам [1]). В 3 имениях мир наделял неодинаково пеших и воловых хозяев, полагая на воловых вдвое больше, чем на пеших хозяев. В 3 имениях земля разверстывалась по числу работников и тягол, в одном—по работникам. По средствам каждого,—под чем следует разуметь, вероятно, трудоспособность и наличность живого и мертвого инвентаря,—земля делилась в одном имении. Сроки переделов неизвестны. В некоторых случаях указано, что помещики переменяли землю ежегодно, следовательно, ежегодно должны были делиться и земли (напр., в имении Хандалеева и Козловского Павлоградского уезда; ежегодная разверстка была в имении Лашкаревой того же уезда). Почти во всех имениях, даже в тех, где земля отводилась самим помещиком посемейно, толока (пар) была общей, так же, как и водопой.

Как видно из всего вышеизложенного, малороссийские порядки владения землей по количеству скота отразились даже

[1]) К этой группе, очевидно, нужно отнести и 2 имения, где земля распределялась «по душам», и, вероятно, имения, где земля делилась «по семействам», так как часто землю делили по числу ревизских душ в семействе, отводя исчисленную таким образом землю каждому семейству. Все эти данные выведены из сведений, имеющихся в Приложениях к Труд. Ред. Ком., т. VI.

на общинных порядках, ибо и там встречается резкая разница в наделении пеших хозяев, т. е. не имеющих скота, и воловых. В действительности, малороссийская система была, видимо, сильно распространена в Екатеринославской губ. вплоть до наличности безземельных, хотя и в ничтожном количестве. Так, в 398 имениях, в которых было 91.203 души крестьян [1]), тягла (на тягло приходилось 1,9 ревизской души), разделялись на воловых, конных и пеших, распределявшихся так:

		% %
Воловые	16.918	35,27
Конные	1.882	3,92
Пешие	29.165	60,81

Цифры эти показывают, что более чем у 3/5 крестьян не было скота, и они пользовались наделами наименьшего размера. При общем количестве 47.965 тягол, хозяев, наделенных землею, было 47.587, т.-е. количество тягол не совпадало с количеством хозяев, наделенных землею, из чего можно заключить, что часть тягол была безземельными. И, действительно, в примечаниях к описанию имений, имеющих более 100 душ, в 10 имениях отмечено 619 пеших тягол, пользующихся третьим снопом, при чем в 7 имениях третий сноп получали «вместо пахоты», в двух имениях— третий сноп давали «вместо земли», «за обработку земли»; в одном имении сказано, что 45 пеших тягол «зарабатывают хлеб из снопа на экономических ланах» [2]).

Из этих данных, как замечено, явствует, что количество скота у крестьян в Екатеринославской губ. было очень незначительно. Необходимый для обработки земли скот имелся менее, чем у 2/5 крестьян. Недостаток скота у крестьян в Екатеринославской губ. констатирует и исследование офицеров ген. шт. по Екатеринославской губ., указывающее, между прочим, что для поднятия местной тяжелой почвы каждое семейство должно было иметь 4 пары волов; воловых же тягол, как видно, было лишь 35,27%. «Хозяева, вовсе не имевшие рабочего скота, обыкновенно брали плуг у помещика, у кото-

---

[1]) Это составляет 68% общего числа крестьян в губернии или 97% числа крестьян, о которых есть сведения в Приложениях к Труд. Ред. Ком.

[2]) См. таблицу № 8, вычисленную на основании Приложений к Тр. Ред. Ком., т. VI.

рого за то, по взаимному договору, работали лишние дни»[1]. Исследование по Херсонской губ. указывает, что скотоводство крестьян ограничивалось «теми выгодами, какие надеялись извлечь из этого помещики»[2]. Малое же количество скота лишало крестьян возможности обрабатывать столько земли, сколько могли бы сделать они при многоземельности имений.

Еще более ограничивали крестьянское землепользование тяжелые барщинные повинности. В Екатеринославской губ. большая часть помещиков, сверх узаконенной трехдневной барщины, требовала четвертый день, принимая за то на себя уплату всех повинностей[3]. Как указано, не имевшие рабочего скота отбывали лишнюю барщину за пользование господским инвентарем. Крестьяне, по словам исследования по Екатеринославской губ., «могли немного обработать степи по недостатку как времени, занятого барщиной, так и рабочего скота»[4]. В Херсонской губ. помещичьи крестьяне отбывали барщину в общем в год по 156 дней с мужчины и с женщины (по 3 дня в неделю), со включением в это число дней отбывания казенных натуральных повинностей: поставку подвод, исправление дорог и пр. Впрочем, не во всех имениях было принято за правило, чтобы число барщинных дней не превышало 3. Где требовалась спешная работа, напр., во время жатвы, выгоняли на барщину на 4, на 5 и даже на 6 дней сряду в счет барщины следующей недели. Подобные распоряжения казались даже вполне законными как владельцам, так и крестьянам. Но «замещение дней панщины одной недели днями какой-либо другой вело к тому, что чем крестьянин был зажиточнее, тем большим бременем падала на него панщина; для собственных работ ему оставался скот, изнуренный уже работами на помещика, а главное, чем мог он вознаградить упущенное для полевых работ время... Землею крестьяне пользуются, по большей части, в размере, соответствующем их производительной силе, но с тою разницею, что не всегда соответственно требованиям сельско-хозяйственных эпох могут они пользоваться своим трудом. Эти упущения времени, как для приготовления посевов, так и для уборки

---

1) Мат. для геогр. и стат. России — Екатериносл. губ., стр. 175, 176.
2) Осадчий, стр. 49 — 50.
3) Мат. для геогр. и ст. России — Екатериносл. губ., стр. 174.
4) Ibid., стр. 176.

произведений, и составляют главную причину дурного положения хлебопашества у крепостного сословия; хуже этого можно встретить хозяйство только у евреев-земледельцев» [1]).

Заключая очерк положения разных групп крестьян Херсонской губ. перед реформою 1861 года, Осадчий говорит: «Исходя из главнейших положений для земледельца о размере земли, необходимом для удовлетворения его жизненных потребностей и приложения к ней своих трудовых сил и о размере повинностей, падающих на эту землю,—нужно признать положение всего крестьянского населения Херсонщины в прошлом мало удовлетворительным, несмотря на существовавший в то время земельный простор. Простор этот должен был служить прочной основой быта земледельца, но влияние других факторов—бесправия его и повинностей—совершенно уничтожали для него благотворное влияние простора» [2]).

К тяжелым повинностям и неудовлетворительному экономическому положению прибавьте ужас бесправия крепостных, суровые наказания, произвол землевладельцев и пр. и пр., и тогда станет понятным, почему и в этом крае недавнего существования крепостного права и недавнего заселения было велико стремление крепостных так или иначе вырваться из-под крепостного ига. Побеги крепостных были одним из зол для помещичьего хозяйства, лишая их рабочих рук. В Херсонской губ. «отсутствие надежды на улучшение своего быта выразилось в здешнем крепостном сословии в особенной склонности к бродяжничеству, которое сделалось здесь весьма обыкновенным явлением: только семейные связи и обладание небольшим хозяйством удерживает их на помещичьей земле» [3]). И. И. Срезневский в одном из писем к своей матери в 1833 г. из Екатеринославской губ., упоминая о бегстве целого семейства из имения, где он жил, пишет: «Надобно знать, что в здешних местах есть много панков, которые беспрестанно принимают к себе беглых, обременяют их работами и ничего не

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. России собр. оф. ген. шт. Херс. губ.; цит. по Осадчему, стр. 48—49. О секретном циркуляре 1853 г., запрещавшем эту форму барщины, послужившею одною из причин волнения крестьян у помещика Колонтарова, Ставропольской губернии см. стр.

[2]) Осадчий. «Крестьянское надельное землевладение в Херсонской губ. в связи с платежами крестьян». Херсон, 1894 г., стр. 53.

[3]) Ibid., стр. 50.

платят, угрожая судом. Но таков предрассудок: мужику лучше жить *под паном*, нежели у пана по крепости» [1]).

В Новороссийском крае было легче укрыться от помещика: жажда рабочих рук заставляла не гнушаться пристанодержательством беглых, несмотря на ответственность перед законом. Если нельзя было пристроиться в родных местах, к услугам недовольных была близкая австрийская и румынская граница, Кавказ, куда устремлялись искатели воли. С легкостью побегов и их убыточностью для хозяйства должны были считаться помещики, и это было одним из главных ограничений помещичьей власти. Так, Осадчий указывает, что положение крепостных в западной половине Херсонской губ. до 50-х годов было значительно лучше, чем в восточной половине и особенно в населенных Елисаветградском и Александровском уездах. Там слабая заселенность и нужда в земледельческом населении при возможности легкого ухода заставляли дорожить крепостными. В западной половине Херсонской губ. сохранились, кроме того, традиции десятинщицких отношений, доставшихся в наследие от татар, и они «долгое время, — говорит Осадчий, — избавляли население от той панщины, какая была присуща нашему крепостному праву» [2]).

Так нужда в рабочих руках, заставлявшая помещиков усиливать повинности крепостных, в то же время принуждала их, в силу местных условий, при известной активности крестьян, умерять гнет крепостного права.

ГЛАВА VIII.

Дворовые. — Величина дворни перед освобождением. — Быт дворовых. — Разврат помещиков. — Жестокое обращение с крепостными. — «Крепостная интеллигенция».

Из приведенных выше данных, о положении крестьян оброчных, барщинных, земледельческих и фабрично-заводских, можно видеть, что степень экономической эксплоатации крестьян изменялась, смотря по степени близости их к лич-

---

[1]) «Из переписки И. И. Срезневского». «Киевск. Старина». 1901 г., июль—август, стр. 222—223.

[2]) Осадчий, стр. 47—48.

ности господина. Чем ближе стоял помещик к своим крепостным, чем больше имел он возможности наблюдать за жизнью крепостных, тем сильнее эксплоатировались силы крестьян, и резче становилась зависимость последних от характера и произвола господина. Поэтому, как мы уже указывали, положение крепостных людей было хуже у мелких помещиков. Если по этому признаку расположить различные группы крепостных в нисходящем порядке, то, несомненно, низшую ступень займет группа дворовых. Состоя большею частью в услужении у помещика и его семьи, они приходили с ним в постоянное, близкое соприкосновение и ежеминутно чувствовали гнет зависимости от его произвола. Образ их жизни, занятия изменялись в зависимости от личных вкусов и взглядов помещика. Их положение зависело также от изменений, происходивших в самом ведении помещичьего хозяйства.

При натуральном хозяйстве дворня была необходима для помещика, так как она перерабатывала сельские продукты в предметы, годные для потребления господину и его семье. По мере развития денежного хозяйства, когда потребности помещика все в большей и большей степени удовлетворялись покупными предметами, дворня в известной степени теряла свое значение и делалась отягощением для помещика. Ее содержание падало тяжелым бременем на крестьян, которые должны были, кроме того, платить за дворовых подушную подать. Помещикам же, стремящимся как можно более эксплоатировать в интересах своего хозяйства труд крестьян, такая затрата его казалась крайне невыгодною. Отсюда понятно стремление помещиков сокращать численность дворовых. Для этого прибегали к различным мерам.

Отчасти их обращали в земледельческих рабочих, ставя на положение месячников и заставляя обрабатывать господскую запашку; отчасти их наделяли землею, и в таком виде дворовые мало чем отличались от крестьян; частью труд их эксплоатировали на помещичьих фабриках, наконец, часть дворовых отпускалась на оброк. Так, в имении Шипова, в Ярославской губернии, при 164 крестьянах было 101 дворовый. Эта крупная цифра дворовых распадалась на три группы: 1) должностные и чернорабочие по хозяйству — 15 человек; 2) работающие на фабрике — 60 человек;

3) малолетние и старики — 26 человек [1]). У помещика Смоленской губ. Шомпулева «крепостная прислуга состояла из какой-то разнокалиберщины: большею частью это были старики, мальчики, девчонки, так как взрослых молодых людей помещик старался по возможности отпускать на оброк» [2]). Я. Соловьев, как было указано, считал, что из дворовых, по крайней мере, половину следует причислить к земледельческому классу. В Тверской губ. во многих имениях дворовые посылались на полевые работы, при чем конные работы исполнялись ими на помещичьих лошадях [3]). О роли дворовых в Екатеринославской губ. уже говорилось выше.

Семенов в своем руководстве почти не упоминает о дворовых. Они предназначались, видимо, лишь для личных услуг, получали с 18 лет вознаграждение, а через 25 лет отпускались на волю или на оброк по 18 руб. сер. ежегодно. Отпуск на оброк престарелых рабочих встречался и у других помещиков, при чем доходил до жестокости. Помещица Бессонова, Нижегородской губ., послала своего дворового, 75-летнего старика, из своего села Спасского в Нижний-Новгород искать работы; для него нашлось еще какое-то дело, но он потерял паспорт и был выслан к своей госпоже. Другой дворовый, также старик 65 лет, портной, был отпущен на оброк; он пошел искать работы зимою, но на дороге замерз. «Многие помещики лишние непроизводительные рты из своих дворен сдавали в аренду для послуг лицам, не имевшим права владеть крепостными, чаще купцам и мещанам, по так называемым верющим письмам» [4]). Штрафных дворовых помещик зачастую отдавал в рекруты вместо крестьян, преимущественно дворовые продавались в рекруты. Это стремление помещиков с развитием денежного хозяйства уменьшать количество дворовых заметил Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 г. «Дворянство — говорит он, — теперь находит более выгодным и соответственным новым привычкам и образу жизни помещать за определенный оброк прежде ничего

---

[1]) Прилож. к Трудам Ред. Ком., т. IV. Рост. уезд № 45.

[2]) «Воспоминания ... смоленского дворянина». «Русская старина», 1896 г., июль, стр. 92.

[3]) В. Преображенский. «Опис. Тверск. губ.» стр. 82—83.

[4]) «Нижегородский Сборник», издаваемый нижегородским губернским статистич. комитетом, под редакцией А. С. Гациского, т. X. Снежневский. «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях», стр. 551. Нижний-Новгород, 1890.

не делавших дворовых людей в рабочие на фабрики. Часть дворянства, воспитанного на совершенно европейскую ногу, не держит при себе вовсе своих крепостных, а нанимает прислугу» [1]).

Несмотря на наличность такой тенденции, в помещичьем хозяйстве до самого освобождения встречались громадные дворни. У матери Ив. С. Тургенева, Варвары Петровны, всей дворни было человек 200—300. Среди них были каретники, ткачи, столяры, портнихи, музыканты, пялечницы, коверщицы и т. д.; были особые пажи для различных мелких услуг в комнатах, в которые брались красивые крепостные мальчики [2]); среди дворовых находился также фельдшер, ездивший за границу вместе с Иваном Сергеевичем и слушавший лекции на медицинском факультете Берлинского университета [3]). У помещика Н. И-ча Б. в одной из приволжских губерний «дворня была человек 100. Сколько бы ни было гостей, за обедом непременно стояло по лакею за каждым стулом» [4]). Бедные помещики тянулись за богатыми и заводили себе иногда дворни не по средствам. Так, при следствии по поводу покушения на жизнь помещика Кирьякова, Харьковской губ., было обнаружено, что он не мог содержать слишком многочисленной дворни, почему ему «было внушено, чтобы он содержал у себя дворовых соразмерно потребности и способам своего имения» [5]). Видимо, вообще, чем крупнее был помещик, тем бòльшая абсолютно была у него дворня. Относительное же количество дворовых уменьшалось с укрупнением имения [6]). На это указывает сравнение процентного коли-

---

[1]) Гакстгаузен, т. I, стр. 33.

[2]) Колонтаева, «Воспоминания о селе Спасском». «Исторический Вестник», 1885 г., № 10.

[3]) Житова, «Воспоминания о семье И. С. Тургенева», «Вестник Европы», 1884 г., ноябрь.

[4]) «Записки сельского священника», «Русск. Стар.», т. 27, стр. 80.

[5]) Мат. для ист. креп. пр., стр. 102.

[6]) Я. Соловьев указывает относительно Смоленской губ., напр., что количество дворовых распределялось по группам помещиков и на каждого владельца таким образом (Я. Соловьев. Сельско-хоз. стат., стр. 132—134):

	% дворовых.	У 1 владельца.
У имеющих менее 21 души	29	2
» » от 21 до 100 душ	12	6
» » » 100 » 500 »	6	11
» » » 500 » 1000 »	3	20
» » более 1000 душ	2	37

чества дворовых в имениях, где было более 100 душ, и во всех имениях, напр.:

Губернии.	В имениях, где было более 100 душ.	Во всех имениях.
Екатеринославская	12,61	17
Харьковская	11,33	24
Самарская	7,24	8,7
Саратовская	5,20	7,3
Симбирская	5,01	6,0
Черниговская	4,00	9,6
Полтавская	0,59	10,8

Уменьшения общей численности дворовых всех категорий цифровые данные не обнаруживают. Так, процентное отношение крестьян и дворовых к общей массе крепостных с восьмой ревизии до десятой изменялось следующим образом: [1])

	8 ревизия.	9 ревизия.	10 ревизия.
Крестьяне	95,86	95,21	93,21
Дворовые	4,14	4,79	6,79

Такое увеличение дворни можно объяснить отчасти тем, что помещики широко пользовались дозволением закона брать крестьян с пашни во двор, чтобы увеличить барщинную за-

[1]) Тройницкий, «Крепостное население по 10-й переписи», стр. 58. В некоторых губерниях количество дворовых между 9 и 10-й ревизиями увеличилось очень резко, что видно из следующей таблицы (Скребицкий, т. IV, стр. 184):

Губернии.	Прибыль в проц.
Орловская	30
Пензенская	40
Воронежская	58
Курская	60
Полтавская	220
Харьковская	236
Екатеринославская	265
Черниговская	309
Херсонская	328
Минская	1.819
Костромская	13.572

Н. П. Огановский указывает, что число дворовых возросло к 10-й ревизии (сравнительно с 8-й) в земледельческих районах, особенно в центральном; в промышленных же (московском и северо-западном) оно сократилось («Закономерность аграрной эволюции», т. I, стр. 286). При оценке фактов, указывающих на увеличение дворовых, нужно принять во внимание, что что на самом деле дворовых было больше. Из описания имений в Приложениях к Трудам Редакционных Комиссий видно, что в имениях были крестьяне «на дворовом положении», «господском содержании» и «при особых должностях». Эти крестьяне, вероятно, занимали в имении должности

пашку на счет крестьянских земель. Сильное увеличение дворовых между девятой и десятой ревизиями, объясняется тем, что помещики стремились, под влиянием все более и более определенных слухов об освобождении, переводить крестьян в дворовые, чтобы не дать им земли при освобождении. Неизвестно, до какого количества возросло бы число дворовых к самому освобождению, если бы в 1858 году не было запрещено переводить крестьян в дворовые.

О продовольствии дворовых иногда так мало заботились, что встречаются жалобы их даже на голод. Пойманные беглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губ.) показали, что разбежались, «будучи не в состоянии переносить голод от мало выдаваемой госпожею пищи» [1]). У помещицы Свирской Харьковской губ. дворовые продовольствовались крайне плохо. Пища варилась раз в неделю, при этом борщ варился без соли, на второе подавали гнилую тыкву или ягоды бузины, на день давали кусок хлеба; червивое мясо давалось только раз в неделю. Городской врач, при следствии по делу Свирской о злоупотреблении помещичьею властью, также нашел пищу дворовых негодною [2]). При рассмотрении дела о злоупотреблениях помещика Рязанской губ. Логвенова выяснилось, что он не выдавал пищи дворовым. Дворовый человек помещика Татаринова (той же губернии) жаловался на своего помещика, что он делал ему изнурительные побои и не давал ему пищи и одеяния [3]). Мордовцев указывает

сторожей, скотников, кузнецов и т. п., т.-е. исполняли те же обязанности которые зачастую лежали на дворовых. С причислением этих крестьян к дворовым процент последних в имениях, имеющих более 100 душ, по некоторым губерниям значительно повышается (см. таблицу № 6).

	Дворовые.	Двор., крест. на дворов. полож. и пр.
Вологодская губ.	2,89	4,22
Псковская »	3,73	4,76
Тверская »	4,19	5,67
Новгородская »	4,21	5,77
Тульская »	6,03	6,66
Воронежская »	6,60	9,52
Самарская »	7,24	8,25
Харьковская »	11,33	16,00

[1]) «Нижегородский Сборник» 1890 г., т. X, Снежневский, стр. 550.

[2]) Делярю. «Эпизод из крепостного права». «Русский Архив», 1882 г. № 4.

[3]) Тр. Ряз. Арх. Уч. Ком. 1896 г., т. XI, ст. Повалишина, стр. 116 и 120.

на случай в Саратовской губ., когда при дешевизне эльтонской соли рабочим и дворовым людям «на варево не отпускаемо было соли ни щепоти» [1]).

Труд дворовых ценился ни во что. У вышеупомянутого помещика Колобова, Рязанской губ., платья его дочерей, приготовлявшиеся для торжественных случаев, обшивались блондами домашнего изделия, выделка которых для каждого платья требовала двухлетнего труда искусной мастерицы [2]). У Варвары Петровны Тургеневой крепостного Герасима (описанного в повести «Муму») отправляли пешком из Спасского в имение, отстоящее на 70 верст, за небольшим горшечком гречневой каши, так как, по мнению Варвары Петровны, в селе Спасском эту кашу приготовлять не умели [3]). Нередко дворовых изнуряли работою, стремясь выжать из их труда все, что только возможно. У помещицы одной приволжской губернии, Наталии Павловны К**, сапожнику, шившему на господ и на продажу, и портному работа давалась на урок, за которым они просиживали и дни и ночи, не зная никаких праздников в году, кроме пасхи. «В девичьей девок пятнадцать-двадцать постоянно поурочно плели кружева и вышивали. Эти тоже сидели и день и ночь до проседней, с подбитыми глазами и синяками от щипков по всему телу» [4]).

Чтобы не допускать излишнего увеличения дворовых [5]), помещики нередко запрещали браки, чем вызывали тайный разврат или болезни среди дворовых; особенно жестоко поступали с девушками. Замужество им запрещалось из-за нежелания лишиться искусной мастерицы и работницы, — к тому же с девушки требовалось больше работы, чем с замужней женщины, — между тем девушек жестоко преследовали за недозволенные половые сношения. Их тщательно выслеживали, жестоко наказывали, выдавали в наказание замуж в дальние деревни за вдовцов с большими семействами или за заведомых пьяниц, дрянных мужиков и т. п. Между тем, девушкам трудно было оставаться невинными. С одной стороны, мужская половина дворни была большею частью крайне раз-

---

[1]) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 369.

[2]) Кн. Волконский. «Условия помещ. хоз.», стр. 5

[3]) Колонтаева. »Исторический Вестник», 1885 г., № 10, стр. 50.

[4]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 469.

[5]) Самарин указывает, что дворовые быстрее размножалися, и смертность между ними была не так значительна, как у крестьян.

вращена, с другой — помещик позволял себе полный произвол в половых отношениях. Дворовые девушки чаще являлись жертвами помещичьего разврата, быть может, потому уже, что они чаще попадались на глаза помещику, ближе находились к нему, чем крестьянские девушки. Но и последние часто брались с этою целью во двор господина, а потому, говоря о разврате помещиков, трудно и невозможно отделять дворовых девушек от крестьянских.

До чего доходил помещичий произвол в этом отношении, показывают следующие факты. По следствию 1855 г. помещик Оренбургской губернии Жадовский оказался виновным в растлении многих своих девок, при чем некоторые из них за несогласие на прелюбодеяние наказывались розгами. Он установил в имении нечто в роде jus primae noctis, позволяя некоторым из своих крестьян жениться на крепостных только с тем условием, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, не выполнившего этого условия, он отдал в солдаты [1]). Приблизительно то же совершал помещик Страшинский, дело которого о злоупотреблениях помещичьею властью тянулось с 1845 до 1857 г. Он отнимал жен у своих крестьян, растлевал девушек, из которых иные были 12—14 лет; две девочки умерли от изнасилования. Дело интересно тем, что, несмотря на подтверждение этих фактов его крепостными трех деревень различных уездов, соседними крестьянами, самими потерпевшими и медицинским освидетельствованием, Сенат «оставил Страшинского по предмету растления крестьянских девок—в подозрении» [2]).

Вообще злоупотребления помещичьей властью в области половых сношений легче всего сходили с рук помещикам: крестьянам было трудно доказать их, а администрация и местное дворянство склонно было снисходительно относиться к «шалостям» барина. Между тем, факты этого рода были, видимо, довольно обычным и распространенным явлением. Назовем некоторые из них.

Бывший дворовый Бобков в своем дневнике передает слышанный им разсказ о рязанском помещике Волховском, который «очень любил девушек и не пропускал ни одной. У него

---

[1]) А. Любавский. «Русские уголовные процессы». С.-Петербург, 1867 г., т. II, стр. 330—345.
[2]) Там же, стр. 345—357.

было правило, что выходившая замуж девица в первую ночь должна итти на поклон к барину. Случилось, что один крестьянин не пустил свою молодую жену к барину после венца, несмотря на присылку за ней сначала старосты, а потом лакея. Рассерженный барин прибежал сам за бабой. Муж отдул его плетью, и на другой день был отправлен в город и сдан в солдаты [1]). Управляющий имениями кн. Кочубея в Саратовской губ., Ветвицкий, пользовавшийся большою популярностью и уважением со стороны соседей-помещиков, кроме совращения с пути несчетного числа крестьянских жен, увлек также до 200 крестьянских девушек, при чем многих крестьян отдал в рекруты, чтобы свободнее пользоваться их женами и сестрами [2]). В имении П-ского уезда С-ской губ. управляющий «Карла» в имении И. С. Гонецкого «растлил всех девок» — и требовал к себе каждую смазливую невесту на первую ночь. «Если же сие не понравится самой девке, либо ее матери или жениху, — писала сестра помещика брату, — и они осмелятся умолять его не трогать ее, то их всех по заведенному порядку наказывают плетью, а девке-невесте на неделю, а не то и на две, надевают на шею для помехи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключ Карла прячет в свой карман. Мужику же, молодому мужу, выказавшему сопротивление тому, чтобы Карла растлил только что повенчанную с ним девку, обматывают вокруг шеи собачью цепь и укрепляют ее у ворот дома». Хотя сестра Гонецкого, сообщая брату о таком поведении управляющего, и говорит, что сажание на цепь, наложение рогаток на шею женщинам и «пакости на счет невест крестьян» в их местах не встречаются, но «многие помещики... — по ее словам, — весьма изрядные развратники: кроме законных жен, имеют наложниц из крепостных» [3]). Автор «Воспоминаний смоленского дворянина» говорит о своем дяде Каленове, что «само собою разумеется, что весь женский персонал в его вотчине был в полном и постоянном распоряжении пана, и еще до сих пор по деревням, принадлежавшим Каленову, можно встретить

---

[1]) Ф. Д. Бобков. «Из записок бывшего крепостного человека». «Истор. Вестник», 1907 г., кн. VI, стр. 744.

[2]) В. А. Шомпулев. «Мнимоумерший», «Русск. Стар.», 1898 г., май стр. 348.

[3]) «Воспоминания». Е. Н. Водовозовой. «Минувшие Годы», 1908 г., кн. VII, стр. 204.

черты лица, когда-то для них грозные» [1]). Сельский священник рассказывает, что помещик Н. И-ч Б. «был настоящим петухом, и до женитьбы и после вся женская половина его крепостных, — от млада до стара, — были его курами. Пойдет, бывало, Н. И-ч поздно вечером любоваться благоденствием своих крестьян, остановится против какой-нибудь избы, посмотрит в окно и легонько постучит в стекло пальцем. Стук этот хорошо уже был известен всем: постучит — и сию же минуту красивейшая из семьи выходит к нему» [2]).

Горе было тем крепостным, которые осмеливались ослушиваться воли барина и не отдаваться ему по первому требованию. Крепостная помещика Рославлева, Саратовской губ., не согласилась на предложения последнего и пожаловалась его жене. В первую отлучку жены Рославлев приказал выдать непокорную за дурака-крестьянина, ходившего летом и зимою босиком и в одной рубахе. Управляющий пожалел ее и выдал не за столь глупого. Рославлев рассвирепел, узнав об этом, и сейчас же велел отдать мужа в рекруты [3]). Как рассказывает в своих воспоминаниях Пурлевский, бывший крепостной села Великого Ярославской губернии, сосед его родного села, богатый помещик, «вынуждал всех молоденьких крестьянок чередоваться у него в ночных дежурствах, за ослушание же наказывал розгами или на целый месяц надевал на шею железную рогатку» [4]). Бобков лично знал красивую крепостную девушку Настю, которую барин сослал в Сибирь «за то, что она отказала ему в его требованиях и сошлась с дворовым Федей, от которого забеременела» [5]).

В случае ревности со стороны жены помещика, крепостные оказывались между двумя огнями. Неповиновение помещику грозило наказанием с его стороны, за повиновение ему они могли ожидать мщения со стороны госпожи. Жена саратовского помещика Малова, узнав о сожительстве одной из крепостных со своим мужем, призвала ее в людскую, «отрезала

---

[1]) «Воспоминания... смоленского дворянина». «Русск. Стар.», 1895 г., май, стр. 71.

[2]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 63.

[3]) В. А. Шомпулев. «Провинциальные типы в 40-х г.» «Русск. Стар.» 1898 г., август, стр. 333—334.

[4]) «Воспоминания крепостного». «Русский Вестник», 1877 г., кн. 9, стр. 42.

[5]) Ф. Д. Бобков. «Из записок бывшего креп. человека», «Ист. Вестн.», 1907 г., кн. VI, стр. 744.

ей волосы, а после, раздев ее, придя в азарт, зажгла пук лучины и около естества опалила волосы» [1]). Впрочем, некоторые помещицы очень снисходительно и даже покровительственно относились к половым сношениям своих мужей, сыновей и т. п. с крепостными женщинами. Бобков рассказывает лично ему известный факт, как знакомая помещица высылала к сыну в Петербург приглянувшуюся ему крепостную девушку [2]). Помещица Кашкарова не только не возмущалась применявшимся иногда ее мужем правом primae noctis, «но как будто сочувствовала ему... По крайней мере, известно, что некоторых малолетних девочек она сама приводила к мужу и в случае их сопротивления сама помогала ему» [3]).

Некоторые помещики специально содержали целые гаремы. Встречались и такие помещики, которые из разврата крепостных девушек создавали себе доход. Гакстгаузен свидетельствует, что публичные женщины в Москве и Петербурге платили помещикам оброк [4]). Одна помещица выписывала из деревни крепостных девок, воспитывала их у себя и снабжала ими дом терпимости, содержимый ею самою. Состарившихся она отсылала в деревню, а на выбылые места подготовляла новых [5]).

Произвол помещика проявлялся не только по отношению к женской половине крепостного населения, но давал себя чувствовать на каждом шагу каждому крепостному. Проявления этого произвола доходили иногда до жестокости. Конечно,

---

[1]) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 15.

[2]) Ф. Д. Бобков. «Из записок...», «Ист. Вестн.», 1907 г., кн. VI, стр. 748.

[3]) Дубасов, «Елатомский, помещик Кашкаров». «Др. и Нов. Россия», 1877 г., кн. I, стр. 127. Мордовцев на основании архивных материалов по Саратовской губ. дает такую сводку «проявлений нравственной разнузданности и барского сластолюбия: Поголовное отобрание крестьянских девушек во двор и девичью: «для барского двора и постельного дела всех девок из имения выбрал, не оставивши в деревне даже подростков для пастьбы гусей» (из жалобы крестьян). Покупки крестьянских девушек из соседних имений для собственных нужд барина: «из покупных и из наших девок сделал для своей похоти турецкий терем» (гарем?). Вынуждение согласия на связь голодом, обрезанием кос, сеченьем и вождением босиком по морозу. Требование в барский дом молодых баб «по-ночно», отчего крестьянские дети без матерей «от крику в люльках задыхаются». Сгон в девичью для известных надобностей «малолетних девчонок» и пр., и пр., Мордовцев «Нак. воли», стр. 312.

[4]) Гакстгаузен, т. I, стр. 201.

[5]) Делярю. «Эпизод из крепостного права», «Русский Архив», 1882 г. № 4, стр. 231.

гнев помещика чаще всего обрушивался на ближайших к нему людей, т.-е. дворовых, но той же участи подвергались и крестьяне.

Из случаев жестокого обращения помещиков со своими крепостными, проявлений самодурства господ и угнетения личности крепостного наиболее интересны те, которые совершались и вскрывались перед самым падением крепостного права. По ним можно видеть, что хотя образование сравнительно было больше распространено среди помещиков в XIX веке, чем в конце XVIII столетия, но грубость и поразительная жестокость продолжали существовать попрежнему в помещичьей среде. Дела Карцова, Жадовского и др. показывают, что, если не все помещики были подобными зверями, во всяком случае нравственная атмосфера была такова, что подвиги Карцова и т. п. господ не вызывали живого противодействия со стороны соседей. «Нам приходилось, — говорит Делярю, — быть зрителями возмутительных сцен, происходивших на основании всеми признававшегося „права". Удивительно, что сцены эти или коробили нас только минутно и вскоре забывались, или даже не вызывали в нас никакого симптома нравственной неловкости и бесследно изглаживались из нашей памяти, как будто бы и не происходили никогда, а, между тем, в то же время мы возмущались подобными же сценами, не происходившими на наших глазах, а только доносившимися к нам по слухам. Кого, например, не возмущал торг неграми, кто не протестовал против рабства, кого не потрясали до глубины души возмутительные эпизоды из «Хижины дяди Тома» [1]). — Это признание интересно из уст современника. Именно тем и было ужасно крепостное время в смысле угнетения личности, что все *привыкли* к рабству: жестокости не возмущали, нервы были притуплены и приучены к подобного рода восприятиям. Жестокое обращение и презрение к личности крепостного были как бы в порядке вещей. Помещики могли сажать в тюрьмы, забивать в колодки, сажать на цепь, засекать крепостных безнаказанно; соседи-дворяне знали это, но молчали, пока какой-либо из ряда вон выходящий случай не заставлял власти обратить, наконец, внимание на происходившее, или пока крестьяне, рискуя подверг-

[1]) Делярю, «Эпизод из крепостного права». «Русский Архив», 1882 г. № 4, стр. 231.

нуться жестокой экзекуции, ссылке в каторжную работу, не доводили о зверском обращении барина до сведения высшего начальства. Хотя Самарин говорит, что, при несомненном увеличении экономической эксплоатации крестьян помещики не дозволили бы себе зверскими поступками, в роде заведения сельских тюрем и забивания в кандалы, доводить крестьян до ожесточения, однако факты пятидесятых годов показывают, что это действительно было. А сколько фактов осталось, весьма вероятно, похороненными во всеобщем молчании дореформенного времени! С тем бо́льшим вниманием нужно отнестись к фактам, выплывшим на поверхность крепостного болота и сделавшимся известными в наше время. Между ними, правда, нет Салтычихи, но все же есть близко подходящие к ней типы.

Рабовладельческие навыки и отношения к крепостным незаметно прививались и проявлялясь даже в интеллигентных людях. Великолепный памятник причудливого сочетания чувств и поступков типичного рабовладельца с чуткою совестью интеллигентного человека представляет собою дневник крупного помещика, известного малороссийского мецената и деятеля по освобождению крестьян, Григ. Павл. Галагана. Занеся, напр., под 16 января 1845 г. в дневник свое решен не дозволять брака между своей крепостной и крепостным другого помещика, Галаган задает себе вопрос: справедливо ли это? «Для этого, — пишет он, — надо бы потрудиться узнать, есть ли между молодыми людьми любовь», но ни слова не говорит о безнравственности самого права помещика стеснять свободу браков между крепостными. Наличность любови между желающими вступить в брак также не делала его мягче, если прямо или косвенно затрогивались его интересы. Через день после описанного случая другой крестьянин села Ични просил у него разрешения выдать дочь за казака. Галаган не разрешил брака из того соображения, что в этом селе все лучшие девушки выходили за казаков, а парубки Галагана оставались без невест. Мольбы отцов невесты и жениха, уверения, что молодых людей соединяет не расчет, а искренняя любовь, — не имели влияния на Галагана. «Подумайте они будут за вас бога молить, и вы можете быть в их положении», сказал, между прочим, сотник, присоединившийся к мольбе казака. «Признаюсь, —пишет Галаган, — что я по-

колебался с минуту, думая, что если в самом деле тут любовь, она так редко случается между мужиками, неужели и тут уничтожить ее? Но как подумал об Ичне и теперешнем ее положении, отвечал решительно: нет! — Как легко показать твердость воли, где неограниченная власть! Но благородно ли?— вот вопрос», замечает Галаган. Описывая проектируемые меры против ичневских богачей, о которых упоминалось выше, Галаган здесь же сознается, что в этих проектах играет роль его самолюбие: «Хочется, чтобы обо мне говорили, чтобы меня боялись те, которые было даже забыли, что они рабы, — теперь они будут трепетать: какой признак ничтожества!»— сейчас же ставит себе он справедливый приговор. «Это должно, — добавляет он, — прибавить новый укор моей почти замершей совести». Под впечатлением осмотра своего села Ични, Галаган пишет 24 марта того же года: «сердце сжимается при мысли, какую я видел там нищету; и надобно быть закоснелым, таким, как я, чтобы после этого спокойно есть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказом о перестройке хат. О, когда-нибудь воздастся мне за это от бога, от брата бедных; ту будет плач и скрежет зубов», Однако, этот помещик, так хорошо оценивающий себя и свои меры и отдающий отчет в своих поступках, относился без всякого уважения к личности крепостных, унижая их. Так, найдя в другом своем имении Прилуке какие-то беспорядки, в которых были виноваты приказчик и писарь, он призвал их, «разругал и велел писарю бить приказчика по щекам, после чего велел приказчику, который плакал и извинялся, дать *хлосту* писарю, тот прибежал, говорил, что он не перенесет этого, но я его прогнал, — пишет Галаган в дневнике, — и ему дали 30 розог... Надобно напоминать этим людям для примера, — замечает он, — но неужели нет других средств? Может быть, и есть, но я довольно эгоист, чтобы потрудиться поискать их: *высечь легче*» [1]). Так поступал помещик, задумывавшийся над крепостными отношениями, бывший впоследствии членом хозяйственного отделения Редакционных Комиссий.

Другой помещик, известный в истории малороссийской литературы, как писатель, этнограф и педагог, Белецкий-Носенко,

---

[1]) «Отрывок из дневника Г. П. Галагана за 1845 г.» «Киевск. Ст.», 1899 г., кн. XI.

считал розгу одним из главных средств воздействия на крепостных, и она царила в его деревне. По его мнению, «56 розог не может даже ребенка изувечить», а 4.000 шпицрутенов, которыми наказывали солдат за первый побег из полка, «никто не осмелится назвать *бесчеловечным*». Принятие становым приставом от крепостного жалобы на него Носенко считал нарушением закона. Этим пристав, по его мнению, возбудил в крепостных, подавших ее, «дерзость законопреступную против высочайше дарованной мне власти, — пишет он, — когда я решил дело *окончательно* по силе закона». «Никто не имеет права, — пишет он в грозном послании к приставу по этому поводу, — вмешиваться в мое имение, нарушать беззаконно мою власть, уверяя непокорных крестьян моих, будто они могут приносить жалобы на окончательные суды своего помещика к кому бы то ни было» [1]). Так рассуждал «просвещенный» помещик. Трудно ожидать лучшего отношения к личности крепостных от рядового, некультурного, неразвитого дворянства, каковым оно было в массе.

Во всех случаях жестокого обращения с крепостными больше всего возмущает и поражает то презрение к человеческой личности, которое проявляли некоторые помещики по отношению к своим крепостным. Крепостной человек являлся для них вещью, которою можно распорядиться, как угодно, в лучшем случае как с рабочим животным, которое можно истязать, жестоко бить при наказании, лишь бы только оно не потеряло рабочей силы; если же оно и издохнет, какая беда в этом для богатого хозяина: он может купить новую скотину. С этой стороны крепостное право переходило в рабство.

Иногда животное ценилось выше человека. Некий помещик Саратовской губ. Г., рассерженный на крестьянина другого помещика за то, что тот, проходя мимо острова, помешал ему затравить лисицу, приказал псарям раздеть его донага и долго окунать без перерыва в речку, а затем, не довольствуясь этим, велел сечь его чрез намоченный мешок арапниками, делая это до тех пор, пока подъехавший Шомпулев не освободил крестьянина [2]). Помещик Рязанской губ.

[1]) И. Лучицкий. «Из недавнего прошлого» «Киевск. Стар.», 1901 г., кн. IV.

[2]) В. А. Шомпулев. «Провинциальные типы сороковых годов», «Русск. Стар.», 1898 г., август, стр. 324.

Суханов отправился на охоту и взял с собою в числе прислуги двенадцатилетнего мальчишку. Этот ребенок не мог оценить всю важность возложенной на него обязанности — он просмотрел зайца. Суханов ударил его ружейным прикладом в ногу, а когда он упал на землю, стал бить его пинками в грудь и живот, приговаривая: «издыхай, скотина!» Мальчик остался на земле, а по окончании охоты Суханов сначала посадил его с собою на дрожки, но так как мальчик от слабости сидеть не мог, то Суханов столкнул его с дрожек, крикнув: «ну, издыхай скорей!» С помощью других лиц мальчика кое-как довели домой, где он два дня поболел и умер [1]). У другого помещика один крестьянский мальчик зашиб камешком ногу борзой собаки из барской своры. Барин заметил это, и окружающие были принуждены назвать виновника. На следующий день барин назначил охоту. Привели на место охоты мальчика. «Приказано раздеть, — рассказывает Пурлевский, — и бежать ему, нагому; а вслед за ним со всех свор пустили вдогонку собак, значит, травить его. Только борзые добегут до мальчика, понюхают и не трогают... Подоспела мать, леском обежала и ухватила свое детище в охапку. Ее оттащили в деревню и опять пустили собак. Мать помешалась, на третий день умерла» [2]). Не удивительно после таких случаев, что иногда щенки ценились выше людей. Сельский священник упоминает о помещике А. А. С., который покупал борзых щенков за 3.000 руб., т.-е. 120 девушек равнялись одному щенку. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьян [3]).

Иные помещики и помещицы находили дикое удовольствие в побоях и истязаниях крепостных. В сороковых и пятидесятых годах помещик Тамбовской губ. князь Ю. Н. Г. «приказывал иногда давать своим провинившимся крестьянам до 1.000 ударов и потом к избитым местам прикладывать шпанские мушки. А когда не хотелось ему развлекаться сечением своих крестьян, он ставил виновных из них в маленькую

---

[1]) Труды Ряз. Арх. Ученой Комиссии, т. XI, вып. 2, 1896 г. Статья А. Повалишина «Жестокое обращение помещиков со своими крестьянами», стр. 122.

[2]) «Воспоминания крепостного», «Русский Вестник», 1877 года, кн. 3, стр. 43—44.

[3]) «Записки сельского священника», «Русская Старина», т. XXVII, стр. 68.

башню на крыше барского дома и держал там, несмотря ни на какую погоду, по несколько суток без пищи. Желая иногда поглумиться над дворовыми, он собственными руками мазал их дегтем или смолою, мазал стариков, не щадил женщин и детей. Нередко приходила ему фантазия наказывать крестьян при более или менее торжественной обстановке. Так, однажды он созвал к себе своих крепостных девушек и в их присутствия приказал сечь одну из них, а сам в это время играл на бильярде. Сечение продолжалось целый час, и результатом его было то, что девушку немедленно после экзекуции приобщили». Эти истязания происходили так часто, что впоследствии на суде свидетели говорили: крестьяне Г.— самые несчастные и угнетенные существа, которые имеют имущества свои и самую жизнь постоянно в опасности [1]). Жена помещика Ч. на каждом шагу, каждую минуту, шипела, щипала и рвала дворовых баб и девок. Вид крови приводил ее в бешенство. «Как только увидит, что из носу, изо рта или ушей полила кровь, — она вскочит и, уже без памяти рвет щеки, губы и волосы, повалит и, как зверь, начнет мять и рвать все, что под ней: щиплет, хлещет, рвет, — полнейшее бешенство! Оторвется уже тогда, когда сама выбьется из сил и упадет на стул, а сама только: А! а! а!» [2]). Л. Никулина-Косицкая рассказывает о своей бывшей госпоже, муж которой занимал какое-то важное место в Нижнем-Новгороде, что она «сама занималась хозяйством, ходила с кнутом по двору, била слугъ за вину и без вины, от скуки, что ли, дралась кастрюлями и всем, что ни попадало ей под руку: она не могла пройти мимо крепостной девочки, чтобы не выдернуть у нея клочок волос или до крови ущипнуть» [3]).

Помещик Г. Калужской губернии в 1857 году высек священника сеседнего прихода, при чем сек с промежутками, во время которых заставлял священника участвовать в попойке, а потом опять принимался за сечение. Во время следствия по этому делу одна крепостная девушка, с которою он был в связи, показала, что однажды помещик «прогневался

---

[1]) «Еженедельное Новое Время», 1880 г., № 53, статья Дубасова: «К истории крестьянской реформы», стр. 28—29.

[2]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. XXVII, стр. 467.

[3]) «Записки Л. Никулиной-Косицкой». «Русская Стар.», т. 21, стр. 72.

на нее и высек с подобными же промежутками и вдобавок оскорбил ее своими циничными с нею поступками» [1]. Некий Матусевич, управлявший имением помещика М. в Юго-Западном крае, издевался над крепостными, устраивая над ними опыты: есть ли что-либо невозможное для человека. Он приказывал за какую-либо провинность дать 100 розог, при чем наказываемый должен был сам считать удары и не выкатываться из-за черты, проведенной кругом его тела самим Матусевичем. Несчастные кусали землю, употребляя героические усилия, чтобы не потерять самообладания, не сбиться со счету и не выкатиться из-за проклятой черты, ибо иначе сечение возобновлялось с начала. Если наказанный выдерживал испытание и по окончании истязания оправлялся и кланялся до земли, благодаря «за науку», то Матусевич наставительно говорил ему: Выбачай, мій голубе, мало за що... а бач ты ж казав, що не можно (вытерпеть и соблюсти условия наказания. И. И.) а от же й можно... Я не знаю що то тако за «неможна», яке то воно? Коли бы мені его побачыты» [2]. Один екатеринославский помещик требовал от крестьян, чтобы они весною перед ледоходом переходили Днепр в такое время, когда никто не решался этого делать: «ходят в такое время по льду и ездят только одни синельниковцы. Барин приказывает, стращает арапником, — бедняжки ходят. Каждую весну потопает синельниковцев до 18 душ» [3].

Нет возможности перечислять все случаи жестокого обращения с крепостными. За малейшую вину били розгами, палками, плетьми, кнутьями, при чем меры наказания не знали и иногда засекали до смерти.

Тамбовский помещик Кашкаров и его жена, деятельность которых относится к 30 — 50 годам, помимо разорения своих крестьян тяжелыми повинностями и присвоением их имущества, отличались необузданною жестокостью по отношению к своим крепостным. Кашкарова, «эта «вторая Салтычиха», повидимому, находила особенное наслаждение в тиранстве над беззащитными крепостными». У нее была определенная мера наказаний — мужчинам 100 ударов кнутом, женщине — 80.

---

[1] «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Р. Арх.», 1898 г., кн. VII, стр. 547.

[2] «Отрывок из записок крепостного Савченко» «Киевская Старина» 1899 г., кн. VIII, стр. 57—59.

[3] «Из переписки Срезневского». «Киевская Старина», 1901 г., кн. VII—VIII, стр. 223.

«Все эти экзекуции производились самою Кашкаровой, следодовательно, con amore. Высшие же наказания находились уже под непосредственным наблюдением самого Кашкарова». Наказывали по самым ничтожным поводам. Повар был раз наказан за то, что не так опалил свинью, второй раз за то, что «суп барыне пришелся не по вкусу», третий — за то, что в ботвинье «было мало луку». Кашкаров, наказывая, любил издеваться над своими жертвами. Высеченным, по его приказанию, часто брили голову. У одной девочки он даже сжег волосы на голове. Страх перед ним среди крепостных был так велик, что с приездом его в какую-либо деревню — а их у него было много — на всех деревенских жителей нападал панический ужас: женщины и дети бежали тогда, куда попало, в конопли, в ржи, а зимою к гумнам и в овраги. Во время следствия о его злоупотреблениях, начавшегося в 1845 году, в числе пунктов обвинения, выставленных против него, было и то, что Кашкаров сам судил своих крепостных за уголовные преступления, как независимый владетель. Замечательно то, что во время следствия местное дворянство относилось к Кашкарову весьма сочувственно и даже по мере сил вступалось за него. В конце-концов, за все свои злоупотребления Кашкаров отделался пустяками: в 1847 году он был вызван в Тамбов и отдан там под надзор полиции, а имение было временно взято в опеку. «Тем дело и кончилось» [1]).

Помещик Н., заставлявший своих крестьян в сильную вьюгу, заметавшую след, воровать со степи соседних помещиков сено, сек их в тех случаях, когда неумелые воры попадались [2]). Помещик Каленов, застав старосту одного из своих имений расположившимся во флигеле, где обыкновенно останавливался сам барин, переколотил о голову старосты все горшки, расставленные на полках вместе с другими принадлежностями крестьянского хозяйства. Тот же помещик засек до смерти своего кучера за то, что тот опрокинул экипаж [3]). Сельский священник упоминает о помещике Ч., ко-

---

[1]) Дубасов «Елат. пом. Кашкаров» «Древн. и Нов. Россия», 1877 г., № 1.

[2]) В. А. Шомпулев. «Провинциальные типы сороковых годов». «Русск. Старина», 1898 г., август, стр. 323.

[3]) «Воспоминания... смоленского дворянина». «Русская Старина», 1895 г., стр. 71 и 77.

торый засек нескольких крестьян, и каждый раз убийство проходило безнаказанным [1]). По указанию Мордовцева, архивные дела Саратовской губ. обнаруживают, что «засечение крестьян помещиками является не единичными, не исключительными примерами увлечений разнузданного самовластия, а представляется явлением рядовым, обыкновенным [2]).

Изобретательность помещиков в области наказаний с применением «пыточных» и «истязательных» орудий была поразительна. В одной Саратовской губернии по архивным делам видно, что в имениях применялись розги, палки, шпицрутены, «битье по зубам каблуком», «битье по скулам кулаками», «бритье полуголов» и «полубороды», «подвешивания» за руки и за ноги на шесты, «вывертывание членов» посредством подвешивания и вновь «вправливанье» вывихнутых членов, «уточка» (связывание рук и ног и продеванье на шест), надевание «шейных железз», «конских кандалов», «личной сетки» (для пытки голодом), «прикладыванье при личных сетках сюргучной печати на голое тело», «выщипывание бород», опаливание лучиной волос у женщин «около естества», «взнуздыванье», «сажание в куб», «ставление на горячую сковороду», «набиванье деревянных колодок на шею», сеченье «солеными розгами» и «натирание солью» по сеченным местам, сеченье не лозою, а терном, таволгою и крапивою, принуждение работать с колодками на шее, лишение соли для пищи, «забивание в рот кляпа», употребление железных ошейников с гвоздями, наказание плетьми из воловьих жил и т. д. [3]). В Рязанской губ. употреблялся, напр., «щекобит», т.-е. деревянное орудие для битья девок и баб по щекам. чтобы не марать «дворянские руки о хамские рожи» [4]). В 1846 г. разбиралось дело помещика Трубицына, который вымогал сознание у двух крестьян по подозрению их в краже денег; барин сначала бил их костылем, а затем приказывал подвешивать за пальцы к перекладине каретного сарая [5]). Подобные зверские пытки употреблялись иногда за самые ничтожные проступки.

---

[1]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 466—467.
[2]) Мордовцев «Нак. воли», стр. 86—87.
[3]) Там же, стр. 313.
[4]) Повалишин, «Ряз. пом. и их креп.», стр. 104.
[5]) А. Любавский. «Русские уголовные процессы», т. II, стр. 321 — 330.

Саратовский помещик Жарский, дело о котором возникло в 1827 году и кончилось в 1830 году, употреблял наручни, шейные цепи, прикрепленные одним концом к потолку на столько, чтобы наказываемый находился в стоячем положении, рогатки, пытку при помощи пригибания колен к груди, при чем руки связывались тонкою бечевкой за коленями, а под колени продевалась палка, так что человек не мог пошевелиться: веревки врезывались в руки, которые отекали и запухали. Другая пытка — голодом — производилась при помощи мелкосплетенной из пряжи сетки, концы которой завязывались на шее и припечатывались самим Жарским, так что наказанный лишался возможности есть и пить. После подобных наказаний Жарский приказывал еще сечь розгами. Крестьян так немилосердно били, что староста Платон Иванов умер после жестоких побоев, что послужило началом дела против помещика. Несмотря на все меры, принятые губернатором князем Голицыным в деле раскрытия жестокостей Жарского, дело это кончилось ничем. Сенат наложил церковное покаяние на Жарского и оставил его в сильном подозрении. Дворянское же собрание, сочувственно относившееся к Жарскому, и на заключение которого, по решению сената, был передан вопрос о наложении опеки на его имение, постановило оставить имение в его управлении [1]).

В той же Саратовской губернии в начале 40-х годов обнаружилось, что один аткарский помещик применял подобные же личные сетки для пытки голодом, «стойки», т.-е. такое же приковывание цепью к потолку, оставлявшее человека в стоячем положении на время наказания, род дыб или «люльку», «горячую рубашку», в виде обыкновенной больничной рубашки для связывания буйных больных, но сделанную из шерсти с «резаным конским волосом» и надевавшуюся на голое тело; наконец в ходу была для наказания ленивых «барская кровать», на которую клали наказанного и так прикрепляли его, что он не мог пошевелиться; его оставляли без питья и еды по несколько дней, а для увеличения мук 2 раза в день ставили возле кровати «горячее кушанье», хлеб, иногда мясо и воду. Для этих пыток и наказаний у помещиков была отдельная изба «жугулевка», при

---

[1]) Мордовцев. «Нак. воли», стр. 68—82.

которой был особого рода карцер, называвшийся «клоповником»; в нем было обилие клопов и других паразитов, будто бы искусственно «разведенных», по приказанию помещика. Крестьяне указывали еще на существование «комарни» в лесу, «около поемных лугов». По показанию одного крестьянина, в «комарне» наказанных привязывали обнаженными к столбу на ночь, преимущественно во время косовицы. Однако, несмотря на то, что чиновники лично застали одного крепостного в «стойке», осмотрели «жугулевку», это дело не получило дальнейшего движения [1]).

Трудно себе представить, до каких истязаний додумывались иные помещики. В 1846 г. начато было дело о помещице Минской губ. Стоцкой по поводу смерти принадлежавшего ей крестьянского мальчика от жестокого наказания. На следствии выяснилось, что Стоцкая обращалась с крестьянами крайне жестоко, наказывая их собственноручно за малейшее упущение и даже без всякой вины. Она устроила в своей комнате два железных пробоя, из которых один был утвержден в потолке, а другой — под ним на полу, за которые сверху и снизу привязывались люди для наказания. Она кусала своих людей, душила их руками, накладывала на шею железные цепи, наливала за шею кипяток, принуждала есть дохлых пиявок, жгла тело раскаленным железом, зауздывала женщин под предлогом, чтобы они во время доения коров не сосали молока. Одна из дворовых девушек, подвергаемая ежедневно наказанию розгами от 50 до 200 ударов, наконец, лишилась жизни [2]). Свирская, жена предводителя дворянства, дело о которой по жалобе крестьян на жестокое обращение было начато в 1853 г., совершала такие жестокости, что с трудом верится их возможности. Посылая дворовых девок за водою за две версты в одном платье во всякую погоду, она заставляла их пить принесенную воду с мылом, если она казалась ей не из того колодца. Свирская заставляла своих дворовых пить собственную мочу, есть как собственный, так и приносимый кал. Провинившихся она заставляла есть протухлые яйца, била арапником до ран, сажала обнаженных на лед или снег, катала по льду и по снегу без всякой

---

[1]) Мордовцев, «Накануне воли», стр. 321—325.

[2]) Делярю. «Эпизод из крепостного права». «Русский Архив», 1882 г., № 4.

одежды, заставляла девочку Сиклетию есть кирпич, битое стекло (от чего та умерла), бумагу, кости, обливала на морозе холодною водою; другую девочку заставляла есть на половину обрезанную косу. На дворе у нее жила волчица, которую она напускала на провинившихся: однажды эта волчица чуть не разорвала крестьянку; у другой женщины, при расследовании, оказалось на теле до 30 ран, нанесенных этою волчицею. Трудно представить, за какие преступления налагала она наказания: одну крепостную истязали за то, что у нее шла кровь из ран, нанесенных волчицею [1]).

Применяя на практике свою вотчинно-судебную власть, помещики употребляли иногда те же наказания, какие налагались на преступников в обыкновенных правительственных судах. Некоторые господа, для усиления наказания, брили волосы и бороды своих крепостных. Так, помещик И. Н. Скобелев приказал дать своему крестьянину — за неплатеж оброка и государственных податей — «50 лозанов и, сверх того, остричь половину головы» [2]). У иных была своя домашняя Сибирь. Так, Романович-Славатинский слышал рассказ о малороссийской помещице, «в имении которой среди степи стояла «пустка» — полуразвалившаяся изба; там существовало нечто в роде каторги, — самая беспощадная барщина, и сюда ссылались провинившиеся крестьяне» [3]). У такого помещика, как гр. Шереметев, одна вотчина служила местом ссылки для его крестьян, Сибирью своего рода, куда ссылались из других вотчин «за закоренелое упорство» [4]). Некоторые употребляли, в виде наказания, кандалы, цепи, рогатки, надевавшиеся на шею и мешавшие спать. У помещика Воронежской губ. Костомарова среди барского двора стояла большая деревянная колода; к ней прикреплялась цепь, которую надевали на шею провинившемуся крестьянину, и оставляли

---

[1]) Мат. для ист. креп. права, стр. 154—155.

[2]) «Страничка из отношений помещиков к крестьянам». «Русск. Стар.», 1895 г., март.

[3]) Романович-Славатинский. Дворянство в России, стр. 313.

[4]) Действия Нижегор. Арх. Ком. Сборник статей, описей и документов, т. III, статья Снежьевского, стр. 69. Отец известного Никитенка, крепостной графа Шереметева из села Алексеевки Бирючского уезда Воронежской губернии был сослан в наказание в глухую деревню Чириловку Гжатского уезда Смоленской губернии, и, по указанию самого Никитенка, такое наказание было обычным в графском управлении «за действительные или мнимые провинности». «Записки и дневник А. В. Никитенки», т. I, стр. 23.

его в таком положении на день, два и даже на неделю [1]). Рязанские помещики Польские посадили одну дворовую девушку «на цепь, к которой прикреплен был обрубок дерева, весом фунтов в тридцать («цепной стул»), другую девушку — в железную рогатку, весом в восемь фунтов, и держали так первую четыре, а последнюю две недели за то, что они пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращение с ними. Во время наказания, в цепях и рогатке, они должны были работать господскую работу, получая хлеб и воду в содержание [2]).

Это дело относится к 1824 году; но вот такие же факты, происходившие перед самою реформою 1861 г. В донесении Александру II и министру внутренних дел о случаях неповиновения и беспорядках между помещичьими крестьянами Сергачского уезда Нижегородской губ., губернатор Муравьев указывал, между прочим, на имение Зиновьева, где, «несмотря на предстоящее улучшение быта крестьян, помещиком употреблялись при вотчинной конторе кандалы», в которых недавно содержалась, и притом совершенно безвинно, одна женщина, изъявившая желание следовать за своим мужем в Сибирь на поселение [3]). Помещица Орловской губ. кн. Трубецкая, как выяснилось при следствии в 1846 г. по поводу смерти одного из ее крепостных из-за истязаний, «неоднократно заковывала в железа крестьян и крестьянок, заставляла их в таком положении работать, наказывая чрезмерно жестоко не только розгами, но и кнутом; наказание это она повторяла весьма часто, а над одною девкою продолжала три года сряду». Крестьянин, по поводу смерти которого назначено было следствие, отлучился из своей деревни для сбора подаяний, но был пойман и, по распоряжению своего владельца, закован в железо. За медленную работу в таком положении кн. Трубецкая била его несколько раз палкою и, наконец, наказала кнутом, от чего он через несколько дней умер [4]). В этом отношении особенно интересно дело херсонского помещика Карцова, возникшее в 1852 г. Дело началось по поводу самоубийства мальчика, покончив-

[1]) «Н. И. Костомаров». «Русск. Стар.», 1886 г., январь, стр. 181.
[2]) Тр. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, ст. Повалишина, стр. 114.
[3]) Действ. Ниж. Арх. Ком. Сборник стат., оп. и докум., т. III. Снежневский, стр. 66.
[4]) Мат. для истории крепостного права, стр. 154.

шего с собою из-за страха перед наказанием за совершенное воровство. При следствии выяснилось жестокое обращение Карцова со своими крепостными. При обыске были найдены в господском доме три железные цепи; были также, по словам крестьян, кандалы и рогатки, но Карцов успел спрятать их до обыска. Одна крестьянка, после возвращения из бегов, была закована в кандалы, а на шею была надета рогатка. После попытки утопиться, ее приковали, по распоряжению Карцова, за ногу в кухне к столбу, в каком положении и продержали пять лет; последние годы ее спускали с цепи только днем для господской работы. Другой крестьянин четыре года содержался в ножных кандалах и в них отбывал барщину, а на ночь приковывался к столбу в кухне цепью за шею; он так и умер прикованным. Сына этого крестьянина Карцов бил во время молотьбы на господском току до того, что у него пошла носом и ртом кровь, отчего он начал чахнуть и через три месяца умер. Еще раньше он, так же, как отец, содержался в кухне на цепи; его спускали с нее только для барщины. Крестьяне и дворовые показали, что, по распоряжению Карцова, очень часто крестьяне, а в особенности дворовые люди, брались на цепь, заковывались в кандалы, при чем на шею надевались рогатки. Люди с рогатками на шее исполняли даже работы на барщине. При следствии соседи Карцова заявили, что им хорошо известно жестокое обращение его с крепостными, а они сами видели людей, закованных в цепи и с рогатками на шее исполнявших господские работы [1]).

Свист розог или удары палок зачастую раздавались над неисправными рабочими. Тамбовский помещик Кашкаров, заставляя крестьян работать на барщине по 5 дней, не исключая праздников и воскресных дней, наблюдал сам за работами, всегда вооруженный кнутом или плетью. В случае малейшей неисправности крестьян, наказание производилось немедленно и отличалось крайней жестокостью. Давали по 400 ударов кнутом, так что наказанные лежали больными месяца по 3. Одного крепостного Кашкаров высек в течение великого поста 16 раз, каждый раз по 100 ударов. Были случаи такого варварского сечения, что через 1½ года на

---

[1]) Любавский. «Русские уголовные процессы», т. II, стр. 293—321.

спинах несчастных видны были широкие рубцы [1]). Рязанский помещик Захарьевский, отправляясь для присмотра на барщину, всегда возил с собою розги; если он замечал в работе какую-нибудь ошибку, то виновного тут же на месте приказывал разложить и «делать жестокое наказание до крови, так что и переносить было невозможно» [2]). Помещик К. «сам своих барских рук о мужицкое рыло не поганил. Когда он бывал в деревне, а он жил там большею частью, за ним два кучера с кнутьями, как тень, следовали всюду: барин в поле—кучера за ним; барин на мельницу,—кучера за ним; барин на гумно, в лес на охоту с ружьем и пр. и пр. — кучера неотлучно. Лишь чуть что заметит барин неисправного, — кучера и в кнутья!» Помещик Ч. совершал расправу с крепостными еще проще. «Он надрессировал свою легавую собаку так, что она рвала всякого, на кого он притравит, и рвала так, как он скажет, — кого за икры, а кого повыше. Лишь только какое-нибудь преступление — сейчас собака рвать: пашет мужик мелко — собака; косит не чисто — собака; украл что-нибудь от барина — собака. Но, если случались важные преступления, возбуждающие весь барский гнев, тогда он порол, а собака уже на загладку». Другой помещик в том же селе, некий К**, «не разлучался с плетью. Пойдет утром рано на гумно, да и станет у ворот. Лишь только кто немного запоздает, он и примется лупить с плеча, а сам мужчина высокий, здоровенный, толстый и уже выпивши. Баба, может быть, прибирала ребятишек, замешкалась у печки, запоздала, — барин встретит ее и хватит плетью. Та упадет, а он не даст ей встать, а полосует с плеча, пока она не доползет на четвереньках до риги» [3]).—Эти факты не были, конечно, общим явлением, но ужасно и характерно то, что они были известны и не волновали общественного мнения. Злодейства Карцова раскрылись только благодаря случаю: на следствии

---

[1]) Дубасов. «Елат. пом. Кашкаров». «Др. и Нов. Россия». 1877 г. № 1.
[2]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, Повалишин, стр. 115.
[3]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 464 — 466, 479. Для контроля над полевыми работами иные помещики, как указано, надевали на шею работникам рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю. В Саратовской губ. иногда во время жатвы и зноя не дозволяли пить, чтобы понудить к скорейшему окончанию барских работ; для понуждения рабочих применяли палки, хлысты, нагайки.

по делу о самоубийстве вышеупомянутого мальчика один из дворовых дал подробные показания о поступках Карцова. Соседи же давно о них знали.

Как ни горько, как ни больно за человеческую личность, но приходится признать, что крепостной неразвитой, тупой, не имевший чувства собственного достоинства, способный целовать руку господина, только что избившего его, был счастливее умного и развитого человека, находившегося в крепостном состоянии; положение человека, сколько-нибудь сознающего свое достоинство, при крепостных отношениях было особенно ужасно. Не даром, по указанию Снежневского, причина самоубийства дворовых определялась большею частью красноречивой фразой: «от имеемой в нем задумчивости». Самоубийство дворового, принадлежавшего художнику Ступину, его товарищи, жена, сам Ступин объяснили «начитанностью разных сочинениев», так как он имел «гибельную» страсть к чтению книг [1]).

Между тем помещики, преследуя личные выгоды, нередко сами создавали «крепостную интеллигенцию». Нуждаясь в грамотных людях, они заводили школы [2]). Им нужны были писаря, конторщики, управляющие и т. д. У них были свои землемеры, фельдшера, были даже крепостные ходатаи по делам и судам [3]). Некоторые помещики отдавали своих дворовых в правительственные учебные заведения, например, в технологический институт, при чем для поощрения их иные обещали предварительно свободу этим ученикам под усло-

---

[1]) Нижегородский Сборник, изд. под редакцией Гациского. Т. X, ст Снежневского, стр. 557—558.

[2]) В Приложениях к Труд. Ред. Ком. в примечаниях указано лишь 19 школ, в 11 губерниях; из этих школ одна была земледельческою, другая— ланкастерская; сверх того, одна была уже закрыта ко времени собирания сведений; одно училище существовало на счет крестьян, 2 названы «крестьянскими»; одна предназначалась только для дворовых; все эти училища были почти исключительно в имениях очень крупных помещиков. Эти сведения, очевидно, не полны, ибо в одной только Смоленской губ., в 1851 г. было 81 училище в помещичьих селениях; в них училось 1344 человека, и, кроме того, 43 крепостных училось в городских училищах. Один ученик приходился на 566 крепостных душ обоего пола. Я. Соловьев, стр. 114. В Ардатовском уезде, Симбирской губ., количество грамотных среди крепостных в период 1850—56 г., стало даже меньше на 10% сравнительно с периодом 1844—50 г. Трубников «Результаты народных переписей в Ардат. уезде, Симб. губ.». Сборник статистич. сведений о России. Изд. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., кн. III, стр. 427.

[3]) См. об этом ст. Стаховича «Клочки воспоминаний». «Русск. Стар.», 1896 г., кн. V, стр. 361.

вием доброго поведения, прилежания и выслуги определенного количества лет помещику [1]). Крепостной человек саратовского помещика Талызина, А. Никольский, за свое сочинение «Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии» в 50 г.г. получил золотую медаль от ученого комитета министерства госуд. им. В предисловии к этой книге сказано: «чтение этого труда показывает, что сочинитель не только человек наблюдательный, внимательно вникавший в быт народа, но, кроме того, приготовленный учением к основательным исследованиям» [2]).

Помещики из собственных выгод нередко сами подмечали то или другое дарование или способности в крепостном, развивали их, а затем или лично эксплоатировали их, или отпускали на высокий оброк. Помещики заводили у себя собственные оркестры, театры, оперы, балеты, составлявшиеся из крепостных. Они служили, главным образом, забавой для богатых помещиков, но иногда владельцы пользовались ими, как источником доходов. Крепостные труппы играли по городам, по ярмаркам. Один из кн. Одоевских жил на средства, зарабатываемые его крепостным оркестром [3]). За ненадобностью помещики продавали свои труппы или распродавали по одиночке своих актеров и актрис. При составлении этих оркестров, опер, балетов, театральных групп... нередко набирали крепостных без разбора, способных и неспособных к этого рода искусствам, и помещики вколачивали в них уменье играть, петь, плясать. От помещика Баженова (Нижегородской губ.) бежало трое музыкантов от побоев «за нескорое понимание при учении игре на инструментах» [4]). Один помещик Б., как рассказывает де-Пассенан (De Passenans), побывавший у него в деревне и бывший на представлении его крепостной труппы, сам ходил во время представления с трубкой во рту, в халате и ночном колпаке, между кулисами, подбадривая словами и *жестами* своих

---

[1]) Забл.-Десятовский, т. IV, стр. 329—330.

[2]) Этим трудом А. Никольского приходилось пользоваться, как видно из предыдущего, и при составлении данного очерка. На заглавном листе книги обозначен своеобразный «титул» Никольского: «крепостной человек сенатора Талызина».

[3]) Сакулин «Крепостная интеллигенция», Сб. «Великая Реформа», изд. Сытина, т. III, стр. 82.

[4]) Нижегор. Сборник, изд. под ред. Гацисково, т. X, ст. Снежневского, стр. 558.

крепостных артистов. В первый вечер приезда де-Пассенана играли Дидону. В одной сцене барину не понравилась игра артистки, исполнявшей роль Дидоны. «Он быстро идет на сцену и хлещет по щекам несчастную Дидону, со словами: «Я говорил, что поймаю тебя на этом. После представления ступай ни конюшню за заслуженной наградой». Дидона, поморщившись от пощечины, приняла снова гордый вид и продолжала свою арию, как ни в чем не бывало» [1]). В театре графа Каменского в Орле висела огромная плеть; во время антрактов граф снимал ее, лично шел за кулисы и там собственноручно рассчитывался с провинившимися артистами так, что вопли наказываемых отчетливо слышались зрителями [2]). Не все помещики действовали так грубо, некрасиво. Помещик Н. И—ч Б., о котором рассказывает сельский священник, так грубо не обнаруживал своего жестокого обращения с артистами, не изменяя даже ласкового тона при замеченной ошибке. У него был хор, певший также и в церкви. «Если кто, к несчастью, чуточку сфальшивит, т.-е. вместо диэзной или бемольной нотки возьмет простую, Н. И—ч, пропуская мимо себя после обедни певчих, говаривал: «Ты, Саша, опять сфальшивила в «Достойно»— ля диэзное; а ты, Даша, в концерте в «Приидите»—ди-фис». Это говорилось самым нежным тоном; даже иногда Н. И—ч, улыбаясь, по подбородку погладит; но все уж очень хорошо знали, что значили эти диэзы и бемоли! Регент сейчас должен был сказать об этом управляющему, а тот вкатывал и Саше и Даше уже без всякой фальши. Цена и диэзов и бемолей была известна—25 розог. Вечером эти же Саша и Даша должны были играть в домашнем театре на сцене и разыгрывать каких-нибудь княгинь и графинь. В антракты барин входил за кулисы и говорил: «Ты, Саша, не совсем ловко выдержала свою роль: графиня NN должна была держать себя с достоинством». И 15—20 минут антракта Саше доставались дорого: кучер порол ее с полным своим достоинством! Затем опять та же Саша должна была или держать себя с полным достоинством графини, или играть в водевиле, или отплясывать в балете». «Как ни бьешься,

---

[1]) Леткова. «Крепостная интеллигенция». «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 168.

[2]) Там же, стр. 165.

как ни стараешься,—говорит по этому поводу сельский священник,—но никак не можешь представить себе, чтобы люди, да еще девицы, после розог, и, вдобавок, розог кучерских, забывая и боль и срам, могли мгновенно превращаться или в важных графинь с «достоинством», или прыгать, хохотать от всей души, любезничать, летать в балете и т. п., а между тем делать были должны и делали, потому что они опытом дознали, что, если они не будут тотчас из-под розог вертеться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Они знают горьким опытом, что даже за малейший признак принужденности их будут сечь опять и сечь ужасно. Представить ясно такое положение невозможно, а, однакож, все это было. Такие усилия, чтобы тотчас из-под кучерских розог хохотать и плясать, может делать человек только или при непомерном страхе, или когда он доведен до скотоподобия... Как шарманщики палками и хлыстами заставляют плясать собак, так помещики розгами и кнутьями заставляли смеяться и плясать людей» [1]).

Среди крепостных, которых побоями заставляли делаться артистами, попадались люди действительно даровитые, иногда талантливые, и положение таких было поистине ужасно. По пониманию требований искусства, по нравственному и умственному развитию, такие крепостные стояли иногда неизмеримо выше своих господ, а между тем должны были подчиняться их прихотям, чувствовать себя в их полной власти, а главное—*сознавать* это. Что должен был испытывать артист, с «искрой Божией» в душе, когда он, увлекшись тою или другою ролью, создавая на сцене тип, вдруг слышал окрик барина, которому не понравилась его игра, а затем свист плети над собою или пощечину! Иногда талантливые крепостные решались лучше лишиться своего таланта, нежели унижать свое искусство или самолюбие ради прихотей барина. Один помещик, имея громадную дворню, «послал самого талантливого из своих крепостных в Италию учиться. Через несколько лет он уже удивлял итальянцев своим громадным дарованием. Барин, гордый репутацией своего виртуоза, приказал ему вернуться в Россию. Артист сейчас же поспешил исполнить волю своего господина. В один из первых дней

---

[1]) «Записки сельского священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 67.

его приезда его заставили играть при огромном обществе, и для каждого, вновь прибывшего, он должен был повторять блестящий концерт Виоти. После трехчасовой игры он очень устал и просил у своего барина позволения отдохнуть. «Нет, играй, — ответил тот: — а если будешь капризничать, то вспомни, что ты — мой раб; вспомни о палках». Молодой человек в отчаянии выбежал из залы, спустился в кухню, схватил топор и отрубил себе палец на левой руке, воскликнув: «Будь проклят талант, если он не мог избавить меня от рабства» [1]). Один художник крепостной, которому пришлось исполнять разные прихоти барина, унижающие его искусство, повесился в саду. Другой, живописец, с истинным призванием к искусству, был вынужден красить полы, крыши и, наконец, пасти свиней за непокорность господину; он утопился в господском саду [2]). Дворовый-художник Мясников застрелился после того, как господин, узнав, что его крепостной — художник, за которым признает недюжинный талант Академия художеств, а с.-петербургское общество поощрения художеств предлагало за выкуп Мясникова 2.000 р., — приказал ему вернуться в деревню [3]).

Конечно, не все крепостные-интеллигенты кончали самоубийством. Самым распространенным пороком, от которого гибла масса талантливых крепостных, было пьянство. Г-жа Леткова в своей статье приводит упоминание Клеркэ «об одном, замечательном копиисте-рабе: он шел от мольберта к своему обычному занятию, чистке сапогов, и потом напивался [4]). Печальна в этом отношении судьба Полякова, крепостного помещика Б., ученика академика Васильева. Он обнаружил большие способности к живописи, получил академические медали, познакомился с образованным обществом, писал портреты в лучших петербургских домах и получал за них по 400 р. ассигнациями. Внезапно барин потребовал Полякова к себе, несмотря на данное раньше слово отпустить его на волю. Хлопоты Васильева ни к чему не повели. Поляков, по настой-

---

1) Леткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 176.

2) Н. Рамазанов. «В. А. Тропинин», — «Русский Вестник», 1861 г. кн. 11, стр. 54.

3) В. И. Снежневский. Нижегор. Сборник, издаваемый Нижегородским губ. статистич. комитетом под редакцией А. С. Гациского, т. X, 1890 г., стр. 557.

4) Леткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., т. II, стр. 180.

чивому приказанию господина, должен был сопровождать его на запятках по улицам Петербурга. Поляков вскоре спился с круга и пропал без вести [1]). Фон-Риттер в своих воспоминаниях о крепостном времени описывает одного из музыкантов своего отца, дворового, по прозванию «Флейта». Он замечательно хорошо играл на флейте чужие произведения и собственную импровизацию, чем славился во всем округе. «Держался он от остальной дворни как-то особняком, и лучшим его наслаждением было, после игры на флейте, удить рыбу или бродить по окрестностям с ружьем... Бедный «Флейта», несмотря на весь свой талант и скромный и тихий характер, имел ужасный порок: он был пьяница и какой пьяница! Когда приходило ему время пить — а он пил запоем — «Флейта» куда-то исчезал, и тогда никакие розыски, никакие меры узнать, где он обретается, не имели успеха. В этих случаях он решительно все пропивал: одежду, сапоги, ружье даже... и несчастный «Флейта» пил и пил до тех пор, пока это только выдерживала его натура, а затем, больной, бледный, возвращался он домой с повинной головой и начинал вымаливать себе прощение, обещая исправиться и не пить больше никогда». Никакие меры наказания не помогали. Если его участие в оркестре было необходимо в то время, когда он находился в периоде запоя, то его постепенно вытрезвляли, а в день концерта привязывали за ногу на нарах, чтобы он не убежал. После отмены крепостного права «Флейта» постепенно спился и дошел до игры по кабакам [2]). Быть может, при благоприятных условиях из «Флейты» вышла бы знаменитость, а при крепостном праве получился горький пьяница.

У графа Шереметева был среди певчих великолепный бас, за отпуск которого на волю какие-то иностранцы предлагали громадные деньги, но граф отказал. Этот певец впал впоследствии в беспробудное пьянство, был подвергаем наказанию и, как неисправимый, выслан на родину. Автору воспоминаний о слободе Алексеевке Воронежской губернии графа Шереметева приходилось встречать этого певца: он был в то время уже

[1]) Рамазанов, «В. А. Тропинин». — «Русск. Вестник», 1861 г., кн. 11, стр. 54.

[2]) Фон-Риттер. «Отзвуки минувшего». Ср. судьбу музыкального дарования крепостного «Васьки-музыканта». «Воспоминания» Е. Н. Водовозовой «Мин. Годы», 1908 г., май — июнь, стр. 243—277.

стариком, постоянно пьяным, но «казалось, что у этого громовержца в груди находится какой-то неимоверной цены музыкальный инструмент» [1]). А. В. Никитенко видел в 1836 г. у графа Головкина 14-летнего крепостного мальчика, в котором замечался большой талант к живописи. «Но,—замечает Никитенко,— он уже начинает думать о ничтожестве жизни, предаваясь тоске и унынию. Граф ни за что не хочет дать ему волю. Что будет из этого мальчика? Теперь он самоучкою снимает копии с Рубенса. Через 2 или 3 года он сломает кисти, бросит картины в огонь и сделается пьяницей или самоубийцей. Граф Головкин, однако, считается добрым барином и человеком образованным. О Русь! О Русь» в отчаянии восклицает Никитенко [2]).

Сколько погибало таких личностей в крепостной среде, нельзя представить себе. Талантливым людям трудно было выбраться из крепостного состояния. Достаточно известно с каким трудом удалось вырваться на волю Шевченку, например, и Щепкину. Иногда помещики не желали отпускать своих даровитых крепостных из одного тщеславия. Так, граф Морков отпустил на волю известного художника Тропинина только 47 лет, в 1823 году, несмотря на то, что он был уже известностью в России [3]), и на то, что в Тропинине принимали участие многие влиятельные лица. Графы Шереметевы, напр., не любили, когда от них уходили какие-либо заметные люди: певцы, музыканты, ученые и т. д. «Чем вам плохо у нас», говорили таким крепостным Шереметевы [4]). Бывший крепостной гр. Шереметева, профессор и академик, известный А. В. Никитенко, долго не мог получить свободы, необходимой для поступления в университет. Несмотря на крупные протекции, ходатайство князя Голицына, бывшего министра народного просвещения, граф Шереметев не желал дать ему вольную. Дядя графа, генерал Шереметев, находил для карьеры и счастья молодого Никитенки вполне достаточным должность личного секретаря у самого владельца. Он

---

[1]) «Из недавнего прошлого Слоб. Украйны». «Киевск. Стар.», 1896 г., кн. IV, стр. 79.

[2]) «Записки и дневник А. В. Никитенка», т. I, стр. 271—272.

[3]) Н. Рамазанов, «Василий Андреевич Тропинин». «Русский Вестник», 1861 г., кн. 4.

[4]) «Из недавнего прошлого Слоб. Украины», «Киевск. Стар.», 1896 г., кн. IV, стр. 75.

доказывал Никитенке, что дальнейшее учение для него совершенно излишне. «Все хорошо в меру,—говорил он,—излишек в просвещении так же вреден, как и во всем другом... Что же касается свободы,—я решительно против нее. Люди, подобные вам, редки и надобно ими дорожить». Только благодаря упорнейшим настояниям многих лиц из высших сфер, которые заинтересовались Никитенком, после неоднократных просьб товарищей графа Шереметева об освобождении его, Никитенко, наконец, получил вольную [1]). Иногда помещики заламывали громадные выкупные суммы. Сами крепостные не могли достать таких денег, а благодетельные лица, помогавшие выбраться из крепостной зависимости, встречались редко.

И тем не менее, несмотря на все неблагоприятные условия, несмотря на гибель многих талантов и высоких умов, крепостная масса дала сравнительно много интеллигентов, занявших видные места в рядах общерусской интеллигенции. Назовем хоть бы таких русских ученых, как тот же Никитенко и Погодин; поэтов Тар. Шевченка, Слепушкина, Ив. Майкова, И. С. Сибирякова; беллетриста Н. Ф. Павлова, композитора и литератора XVIII века М. Матинского, талантливых художников Тропинина, Кипренского, Пожалостина, Серякова, преобразователя русской сцены М. С. Щепкина и др. Такой приток интеллигентных сил из недр самого народа не мог не отразиться на направлении и духе русской интеллигенции, «Приток крепостной интеллигенции, примыкавшей ближайшим образом к разночинцам, говорит П. Сакулин, должен был способствовать общему процессу демократизации русской интеллигенции в николаевскую эпоху» [2]). С этим нельзя не согласиться.

ГЛАВА IX.

Влияние крепостного права на умственное развитие народа. — Отношение крестьян к крепостному игу. — Значение борьбы крепостных с помещичьею властью.

Крепостная зависимость, в тех формах, в каких она проявлялась в жизни, не могла не оказать влияния на умственное развитие народа. В тех оброчных имениях, где помещик

[1]) «Записки и дневник А. В. Никитенка», т. I, стр. 160—178.
[2]) Сакулин «Крепостная интеллигенция». Сборник «Великая реформа», изд. Сытина, т. III, стр. 104.

не жил сам, этого влияния почти совершенно не замечалось. В барщинных же имениях, где интересы самого помещичьего хозяйства требовали строгого надзора за жизнью, действиями отдельных крестьян, крепостное право не могло не притуплять самостоятельности, сообразительности крестьян, доводя отдельные личности, а иногда и целые деревни, до отупения. Н. Решетов видел подобную деревню при введении им Положения 1861 года в Курской губернии. Помещик Харкевич, имевший небольшое имение с 50 душами крестьян и лично занимавшийся хозяйством, перевел всех крестьян в дворовые. Он отнял всю землю от крестьян, собирал весь хлеб себе, выдавая крестьянам все необходимое, неустанно следил за ними, наблюдая, чтобы ни одна минута у них не пропадала даром. Крестьяне работали зиму и лето, не исключая праздников. Они никуда не выходили из имения, за исключением посещения церкви по очереди по большим праздникам. Никто не посещал их, так как сам Харькевич вел дела только с купцами и скупщиками хлеба. После 25—30 лет применения подобной системы крестьяне потеряли способность самостоятельно рассуждать. Все усилия Решетова растолковать им Положение и объяснить необходимость выбрать старосту, оставались тщетными. Крестьяне внимательно слушали, но не понимали объясняемого [1]).

О вредном влиянии крепостного права на умственное развитие народа говорят Заблоцкий-Десятовский, Кавелин, Самарин. Брачные союзы лишь с разрешения помещика настолько вошли в привычки крестьян, что они бывали недовольны теми помещиками, которые не следовали этому обычаю. Самарин рассказывает, между прочим, что иной крестьянин сам просил приказать другому крестьянину выдать дочь последнего за его сына; «если же помещик отказывался подбирать женихов и невест, вся деревня возропщет» [2]). Бывало, пишет М. К. Николаева, описывая свое пребывание в имении дяди, помещика Петербургской губ., «явится «перед барские очи» старуха с лицом киевской ведьмы, крепкая, молодец - старуха, с отчаянно кричащим петухом под мышкой и с сыном — косноязычным, полоумным парнем, которого она же добила до

[1]) Н. Решетов. «Эпизоды при введении Положения 19-го февраля 1861 г.» «Русский Архив». 1885 г., кн. 10—12.

[2]) Самарин, т. II, стр. 26.

идиотства. Горько плачется на свое сиротство и беспомощность старуха, с причитаниями валяясь в ногах и вымаливая, чтобы барин приказал отдать за сына Демкину Фемку, и удаляется в конце-концов, недовольная категорическим ответом барина, что он неволить девушку не станет» [1]). Дворовый Бобков говорит, что хотя сам он читал «Современник» и другие журналы и полагал, что насильно отдавать замуж нельзя, но тем не менее, пользуясь своим влиянием при барыне, оказал давление на бурмистра, чтобы одну крепостную девушку насильно обвенчали с его братом, о чем последний просил его [2]). При введении Положения 19 февраля, как указывает бывший мировой посредник Носович, многие крестьяне были недовольны разрешением брачных союзов без дозволения помещиков, говоря, что «в старину было в этом отношении лучше, когда помещики принуждали жениться, руководствуясь как личными хозяйственными соображениями, так и выгодами своих крестьян, которым нужны были работницы» [3]).

В иных местах крестьяне так привыкли к допрашиванию под розгами, что неупотребление их при допросе считалось жалобщиком за явное пристрастие помещика или его поверенного к обвиняемому [4]). Крестьяне настолько привыкли к телесным наказаниям и произволу помещика, что теряли чувство стыда при наказаниях.

Выше среднего уровня стояли крепостные, в роде щедринской Аннушки, крепостной «тетенек-сестриц» г-жи Затрапезной: они несли иго рабства «без ропота и были, так сказать, рабами по убеждению». В основе убеждений этой Аннушки лежал афоризм, что «рабство есть временное испытание, предоставленное лишь избранным, которых ждет вечное блаженство в будущем... Доктрина эта, — говорит Салтыков, — была довольно распространенною в крепостной среде». Они (такие крепостные) высказывали убеждение, что и «господа имеют известные обязанности относительно рабов, и что те, которые эти обязанности исполняют, и в будущей жизни облегчение получат» [5]). Это — крепостные, задумывавшиеся над своим

---

[1]) М. К. Николаева, «Деревня в старину». «Северный Вестник», 1891 г. № 6, стр. 106.

[2]) Бобков. «Историч. Вестн.», 1907 г., № 6, стр. 738.

[3]) Носович, «Крестьянская реформа», стр. 20.

[4]) Самарин, т. II, стр. 27.

[5]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в произведениях Салтыкова», стр. 180.

положением и стремившиеся объяснить его так или иначе, но все же примирившиеся с ним.

Но, кроме них, как и везде, были «вольники», бунтующие личности, которые не удовлетворялись своим положением и или бежали, или кончали свою жизнь самоубийством, начинали волнения, вообще в различных формах проявляли свое несогласие с существующим порядком вещей. Каких стойких личностей выдвигал народ, видно из описания некоторых бунтов. Так, при усмирении волнений крестьян в имении кн. Голицына в Рязанской губ., по поводу нежелания их подчиняться господину, одна старуха просила пощадить ее сына. Его вызвали отдельно и велели покориться князю. «Как мир, так и я», отвечал тщедушный и больной на вид парень, и, несмотря на жестокое сеченье, он до конца не покорился и отвечал то же самое [1]). Во время другого волнения в имениях Депрейса и Наумовой, в 1834 г., крестьяне не желали подчиняться владельцам, считая себя происходившими от стрельцов. Виновные в возмущении были подвергнуты жестоким наказаниям. Одна женщина при этом бросилась в пруд, потому что ее муж первый принес повинную и вернулся домой крепостным [2]).

В Саратовской губ. в 30-х и 40-х годах существовал целый ряд шаек, составленных преимущественно из беглых помещичьих крестьян и имевших «подобие исторической понизовой вольницы. Первым делом такой шайки было обыкновенно мщение тем, кто был виновен в их несчастьи, и это мщение большею частью обрушивалось или на помещика, или на ближайшее начальство, на управляющего, на немилостивого бурмистра, на барского холопа, старосту и т. д.». Атаман одной из подобных шаек, блуждавших в 40-х годах по заволжским степям, во время одной из попоек «хвастался своею свободой и удалью и при этом упрекал крестьян: «Дураки вы, мужики, гнете спины перед барами напрасно. Если бы все господские крестьяне обзавелись ружьями, да сели бы на лошадей, то и господ бы в заводе не было» [3]).

Крепостная интеллигенция, по самому уровню своего

---

[1]) С. Славутинский Б. «Отрывки из воспоминаний», в «Древн. и Нов. России», 1878 г., кн. III, стр. 38—53, 134—162.

[2]) «Столетие Вятской губернии». Вятка. 1881 г., кн. II, стр. 507—211.

[3]) Мордовцев. «Накануне воли», стр. 283, 368.

умственного развития, по неизбежно повышенному чувству собственного достоинства, должна была выделять из себя значительное число протестующих личностей, не мирящихся с крепостным правом. Мы видели, как часто разрешалось это самоубийствами, как часто спивались эти крепостные интеллигенты, не будучи в состоянии примирить сознание своего достоинства, повышенные умственные, нравственные и эстетические запросы с удушающей атмосферой крепостного состояния. К сожалению, история крепостной интеллигенции еще слишком мало известна. Но и теперь всплыли на поверхность истории некоторые факты, показывающие нам, что среди этой крепостной интеллигенции не только кончали самоубийствами, но бродили мысли и о действенном вмешательстве в жизнь для уничтожения рабства. Иные из таких действенных личностей отвечали на поругание своей личности физическим уничтожением оскорбителей, т.-е. убийством помещиков. На этой, видимо, почве произошло убийство нескольких дворян Могилевской губ., Быховского уезда, двумя дворовыми помещика Лесневского. Будучи хорошо грамотными, стоя по уровню своего умственного развития выше крепостной массы, они не могли примириться с телесным наказанием своего двоюродного брата и «руководимые вообще издавна замеченным нерасположением и даже ненавистью к помещичьей власти», убили эконома, пытались убить владельца, бросились в 2 соседние имения, где убили помещиков этих имений, их жен и ранили S человек дворян [1]). Дворовые эти были преданы военному суду, приговорившему их к наказанию шпицрутенами. Наказание это было так жестоко, что один из них умер во время самого наказания, а другой через несколько часов; тела их были выставлены на эшафоте в продолжение суток.

Убийством же ответили на телесное наказание 2 других крепостных интеллигента. Гр. Каменский дал музыкальное образование двум своим крепостным. Посланные в Лейпциг для усовершенствования, они, по словам гр. Делагарди, «приобрели там, кроме превосходных познаний в своем искусстве, идеи о свободе и независимости». По возвращении их,

---

[1]) В. И. Семевский. «Кр. вопрос», т. II, стр. 584; Середонин. «Обзор деятельности комитета министров», т. II, ч. 1; Попруженко «Эпизод из истории польского крестьянства» (1846—1848 г.).—«Истор. Вестник», 1894 г. июль; «Матер. для ист. креп. права», стр. 168—169.

гр. Каменский сначала обращался с ними хорошо, не унижая их достоинства артистов. Но однажды, за какой-то маловажный поступок, приказал их высечь. После наказания ближайшею же ночью они проникли в спальню графа и убили его, осыпая упреками за то, что он дал развиться в них чувству собственного достоинства, а затем унизил их. После этого убийства среди дворян долго говорили об опасности просвещать крепостных, не дав им свободы [1]).

В этом же отношении глубоко трагична судьба крепостного человека гр. Шереметева, из слободы Алексеевки Воронежской губернии, Ивана Звонаренка, бурная деятельность которого протекла между 1825 и 1837 гг., но память о котором на родине была жива еще в 40-х гг. Иван Звонаренко кончил в слободе Алексеевке 2-классное училище, готовился к поступлению в какое-либо высшее учебное заведение, но не был допущен к экзамену, так как не мог выхлопотать вольной. Это был, видимо, способный человек, выделявшийся из среды товарищей и пользовавшийся среди них влиянием. Он играл на гитаре, писал стихи. К нему по вечерам собирались дети местных «купцов». «Молодые люди играли на скрипках, на гитаре, пели, читали книги. Купцы с ужасом заметили, что их сынки сильно переменились: не обвешивают, не обмеривают, сделались малодеятельными в торговле, некоторые из них стали задумываться. Наконец, попечительные родители дошли, что «портит» их детей не кто иной, как только молодой Звонаренко». Богачи потребовали от матери Ивана, чтобы она запретила сыну собирать вокруг себя молодежь. Иван подчинился этому, зная могущество богачей, но это его не спасло. Богатый и самый наглый мироед Дидух не мог простить ему дружбы, которую питал к Ивану его сын, не прекративший посещений опального Звонаренка. Несмотря на существование в шереметевских имениях запрещения подвергать телесному наказанию купцов, мещан, лиц, обучавшихся в школах и вообще принадлежавших к хорошим семействам, этот мироед добился разрешения из главного управления «дать Ивану Звонаренку на полном сходе 5 ударов розог за его развращающее влияние на молодых людей». Звонаренко, узнав об этом распоряжении, скрылся. Его зачислили находящимся

[1]) Сакулин. «Крепостная интеллигенция». Сб. «Великая реформа», изд. Сытина, т. III.

«в бегах» и постановили «по поимке сдать его в рекруты без зачета за семейство». Все это сильно озлобило Ивана Звонаренка «против крепостного права, против богачей, мироедов и вообще против всякого насилия». Он примкнул к шайке разбойников, мечтая лично отомстить Дидуху, и скоро сделался главою ее и грозою местных помещиков и богачей. «В народе ходил слух, что все награбленные деньги Звонаренко отдавал беднякам. Говоря о Звонаренке, народ называл его полным именем: «Иван Иванович». Но перед этим именем дрожали богатые купцы и помещики, а особенно те из них, которые жестоко обращались с крестьянами... Суды были переполнены делами о Звонаренке. Но народ охранял своего героя. Все его следы были заметены так, что он делался для полиции совершенно невидимым. Народная фантазия видела в Звонаренке какого-то мифического героя... Стали говорить, что это какая-то важная особа, преследуемая помещиками за желание дать свободу крестьянам. Когда Звонаренко бросил разбой и исчез, «в народе долго ходила о нем молва. Крепостные люди ждали, что Звонаренко привезет им «волю», т.-е. манифест о свободе. Через несколько лет он объявился в Москве в пересыльной тюрьме под видом Ивана Непомнящего: его пересылали в Сибирь, как бродягу. В тюрьме он виделся со своим братом, вызванным им через другое лицо. Иван был бодр, спокоен, но «сильно задумчив»; говорил, что будет молиться за мертвых, и просил не беспокоиться о нем. В тюрьме рассказывали, что этот арестант поступил под чужим именем в монастырь, был уличен, почему и высылался как бродяга» [1]).

Среди крепостных интеллигентов, как указано, попадались и такие, которые мечтали о сознательной и действенной борьбе за уничтожение крепостного права и установление свободы и равенства в русской жизни. Такие личности, конечно, быстро вырывались из жизни бдительным оком николаевской жандармерии, запрятывались в глубины казематов, отбрасывались на окраины в ряды войск рядовыми. Примером может служить отчасти судьба Тараса Шевченка.

---

[1]) «Из недавнего прошлого Слоб. Украины». «Киевск. Стар.» 1896 г., стр. 76—80. Автор этих воспоминаний лично знал зятя Звонаренка, богатого и влиятельного крестьянина слободы Алексеевки, Штурбу, а также брата его Василия, носившего фамилию Сычова.

Интересна в этом же отношении судьба крепостного А. Лоцманова, принадлежавшего заводовладельцу Яковлеву. Сын приказчика, он воспитывался в Москве, где перебывал в нескольких пансионах. Среди книг, прочитанных им, были такие, как записки о якобинцах, «Дух разума» Гельвеция, роман Штице «Рыцари льва». Крепостная зависимость тяготила его, но все попытки получить волю были неудачны. Под влиянием этих неудач, его мысль стала работать над планом составить общество для распространения идей свободы. Шестнадцати лет его отправили служить на завод, где Лоцманов стал работать в конторе по письменной части и учительствовать в школе. Здесь он познакомился с конторщиком Махотиным и думал в нем найти единомышленника. Под впечатлением своих разговоров с Махотиным о масонских ложах он написал нечто вроде письма-обращения к «президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу Мордвинову». Произведение Лоцманова никакого актуального значения, видимо, не имело и представляло собою попытку в письменной форме изложить свои мысли, ибо Лоцманов, конечно, никакого отношения к Мордвинову не имел. Но в его произведении ясно отразились его отрицание крепостного права и мечты о свободе и равенстве. В 1827 г. его произведение попало в руки начальства. Этого было достаточно, чтобы Лоцманов был арестован и посажен в Бобруйскую крепость, откуда был освобожден только через 5 лет [1]).

Подобная же судьба постигла протестантов из крепостных на заводе Лазаревых Пермской губ. в 1836 г. Здесь составился кружок из служащих, учителей и учеников горнозаводской школы, который выработал устав организации приверженцев свободы и выпустил соответствующее воззвание. Участниками кружка были главным образом ученики горнозаводской школы. Инициатором был крепостной Петр Поносов, ученик, любитель чтения книг; при обыске, между прочим, у него нашли стихи Рылеева. Поносов пытался выйти из крепостного состояния, но неудачно. Впоследствии у него явилась мысль составить общество «для установления всеобщей вольности». Он привлек к себе человек 8 из учеников горнозаводской же школы, и ими было выпущено воззвание.

[1]) Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», стр. 236.

В нем говорилось о равенстве всех граждан, о свободе их, как основе величия государств, и кончалось призывом «испровергнуть соединенными силами невольничество, восстановить свободу и через то заслужить благодарность потомства». Кружком же были составлены правила общества, имевшего целью распространять эти идеи. Им были сделаны попытки привлечь некоторых из должностных заводских лиц, правда, без сообщения о целях кружка. Воззвание попало в руки начальства, и кружок был быстро ликвидирован. Шесть членов, подписавших правило общества, были сданы в рядовые финляндских батальонов, три члена—рядовыми в отдельный кавказский корпус; трое других, не уличенных, отданы были под секретный надзор полиции [1]).

На Николая I известие о таком кружке, хотя бы и в глуши Урала, произвело, повидимому, сильное впечатление. Из крепостной среды, в лице членов кружка, раздались голоса, заговорившие языком и словами декабристов, так напугавших Николая I 14 декабря 1825 г. Хотя тщательное расследование и показало, что никаких сообщников и руководителей у членов кружка не было, что кружок не имел влияния на окрестное население, но Николай I все же учел, что крепостные, получив некоторое образование, начинают мыслить и говорить общим языком с его политическими врагами, что они становятся сознательными противниками существующего социального и политического строя. Сторонник безропотной покорности «черни», он этого допустить не мог. Вскоре же после обнаружения кружка Поносова, им было приказано составить особый комитет для пересмотра существующих программ и постановлений о приеме в учебные заведения лиц несвободного состояния. Быть может, фактами этого рода было навеяно заявление Николая I в государственном совете в 1842 г., что в стране назревает перемена и что «теперь мысли уже не те, какие бывали прежде». Первую причину «этой перемены мыслей и чаще повторяющихся в последнее время беспорядков» Николай I видел «в собственной неосторожности помещиков, которые дают своим крепостным несвойственное состоянию последних высшее воспитание» [2]).

---

[1]) Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», стр. 236—237.

[2]) Сакулин. «Крепостная интеллигенция». Сборник «Великая реформа», изд. Сытина, 1911 г., т. III, стр. 103.

Характерно, что еще в 1827 г. (вспомним, что дело А. Лоцманова относится как раз к 1827 г.) в высочайшем рескрипте указывалось на вред получения крепостными образования в гимназиях и университетах. По словам рескрипта, такие крепостные «приучаются *к роду мыслей и понятиям*, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и оттого они нередко в унынии предаются *пагубным мечтаниям* или низким страстям» [1]. Ввиду этого предписывалось не пускать крепостных далее приходских и уездных училищ или низших профессиональных школ. В министерской записке 1843 г. определенно говорилось, что лица крепостного состояния могут приниматься в средние и высшие учебные заведения только после получения вольной [2].

Как же в общем относилась крепостная масса к своему положению? К каким сторонам крепостного права относился народ особенно нетерпимо, чем проявлял свое неудовольствие? При существовавших порядках, при полной подавленности народной массы при крепостном праве, народ не мог высказываться. Даже песни, в которых отчасти отражались его чувства и взгляды, запрещались иногда народу. Так, например, в Саратове в пятидесятых годах полицеймейстер, по получении строгого выговора за напечатание одной народной песни, ездил по городу и лупил плетью поющего те или другие песни. В 50-х же годах кн. Волконский приказал выпороть молодого ямщика, спевшего, по его приказанию, по своему выбору «хорошую песню», какова была, по мнению парня, песня о «Ваничке-ключнике и князе Волконском».

Но песни все же пелись, и в них народ изливал свое горе и свои настроения. Так в песне «Разговор Данилы со Сьцепаном» крестьяне так выражают свои стремления к независимости от господ:

«Дай нам, Бо́жа! скареньки приждаци,
Каб могли мы спокойна посядзѐць у ха̀ци,
Пана не боядца и войта зага̀ду,
Было бы у нас больше и добра и ла̀ду» [3].

«Ах, ты, барская душа, али нет тебе суда!» восклицает дворовый в песне, описывая свое тяжелое подневольное житье.

1) Курсив И. Игнатович.
2) Сакулин. «Креп. интеллигенция», стр. 73.
3) Шейн. «Русская Старина», 1886 г., т. 49, стр. 677.

Ненависть к господам выражается в различных местах песен. «Боярин-вор», «злодей-боярин-господин» и т. п. постоянно слышится в них. В Малороссии все господское имущество крестьяне называли «людска кровь». В одной из украинских песен певец приглашал крестьян не пьянствовать, а бежать в другие земли и начинать новую жизнь. В другой описывается решение убить пана за притеснения.

Но особенно любопытна песня, в которой крестьянин описывает свою тяжелую жизнь, заставившую его покинуть семью, бежать из родного села и начать жить свободно, занимаясь разбоем по дорогам. Здесь проявляется страстное желание свободы, заставляющее человека жить под страхом тяжелого наказания, без приюта, без семьи, но свободно, здесь проявляется ненависть к господам и глубокая грусть, что приходится вести бродячую жизнь без семьи и крова.

Если бы народное недовольство изливалось лишь в песнях, певшихся тайно от строгих господ, то никто не обратил бы внимания на него в крепостное время. Но народ проявлял свое недовольство и в иных формах.

Прежде всего нужно отметить, что крестьяне признавали крепостное право лишь временным явлением, условным, которое должно скоро измениться. Они склонны были толковать крепостное право дворян на них, как особого рода жалованье за службу дворян государству. Потому-то после манифеста 1762 г. о вольности дворянства среди крестьян разнеслись слухи, что крестьянам также дана вольная грамота, но ее скрывают баре. Это, как известно, послужило поводом ко многим волнениям. Мысль, что царь дал или хочет дать крестьянам волю, но препятствуют тому дворяне, прочно укрепилась в народной психологии, просуществовав до самого уничтожения крепостного права. В этом отношении воцарение каждого нового государя окрыляло надежды крестьян и вело к появлению слухов о даровании воли, и крестьяне волновались, ожидая соответствующего указа или будучи уверенными, что такой указ существует, но скрывается чиновниками и дворянами. Так было при воцарении Павла I, когда волнения проявлялись почти повсеместно, в тесной связи с подобными слухами.

Слухи о даровании воли встречались и при Александре I в 1812, в 1815, 1818 гг. Подобные же слухи были и при

воцарении Николая I, при чем здесь появление их отчасти было связано с движением декабристов[1]). Встречались такие слухи и в 1830, 1842, в начале 50-х гг.

Еще сильнее и упорнее были слухи о даровании воли при воцарении Александра II. Возникнув, эти слухи не прекращались до самого освобождения крестьян, преобразившись потом в слух, что волю все же подменили и в 1861 г., а истинная воля будет дана через некоторое время. Следует отметить, что эти слухи, по мере приближения к 1861 г., появлялись все чаще и чаще и все упорнее держались в народе.

Ожидая наступление воли, народ возлагал свои надежды на царя, а не на собственные силы. Это — характерная черта народной психологии дореволюционного периода. Но как примирял народ свою веру в царя с фактическою действительностью, с поддержкою крепостного права правительством? Об одном пути примирения приходилось уже упоминать. Народ смотрел на царя, как на своего рода пленника в руках дворян и преданных последним чиновников. Они скрывают от царя действительное положение народа, они отговаривают его дать волю крестьянам, или же утаивают указ о воле, данный царем. Воззрение, что царь хочет дать волю, но господа не хотят и обманывают его, отразилось в богатой по содержанию белорусской песне «Разговор Данилы и Сьцепана». Два крестьянина сошлись на праздник и стали толковать о житье-бытье своего брата-мужика.

«Говòряць на свеце, у гòлос талкỳюць —
Ат ксандзòу, ат жидòу, — усé люди чỳюць,
Што вòльнасть нам, бедным, даст царь — без откладу,
Што только с панàм не найдзé ён лàду.
Чаго адны́ хочуць, то другúм ня мúла.
Царь им паутарàиць, а яны хитруюць.
Згаварывшись с собòю, цару так толкýюць:
Пане найяснейший, что с гэтого будзиць.
Дàуши усем вòльнасць, кажен тòя згудзиць;
Бо мужúк без пàна быць ни як ня може —
Пабьютса, накòлютца, сперажи нас, боже,
Над ими треба што дзень — с кнутом стоять над каркам,
Рòзги каб лежàли с вòзам — за хвальварком,
Гразы́ як ня бýдзеат двара над хамам,
Забьютца с сабòю на век векòу — амэн.
Мужик без гарèлки пирабыць ня може,

[1]) См. ст. И. Игнатович «Крестьянские волнения 1826 г. в связи с слухами о воли и о 14 декабря» в сборн. «Борьба крестьян за свое освобождение». Ленинград 1924 г.

А як станиць бітца, кала яму треба,
Хахь дзицям у хаце — нимам куска хлеба,
Бо знаиць ён, што за усе пан скарае, —
С хама ня будзиць ничога, як пане не мае».

Замечательно, как здесь отразились взгляды дворян, их запугивания правительства тенью народных волнений, их уверения, что народу слишком тяжело будет лишиться помощи помещиков в несчастных случаях, и что он лишь разорится, получив свободу. Народ ставит такой приговор над дворянскими суждениями:

«Вот, братка, як яны подлыгаць умеюць,
Перед царом у вочи на нас плесьци смеюць!
Им гэта не смачна, костка у горле стане,
Як мужик от царя вольнасць достане,
Што хочуць, то баюць, лгуць, як сами знаюць —
Верыць им царь сьмела и ласку маюць,
А мы, бедные, цярпим скрозь няволю,
Проклинаем жицьце своё и горькую долю» [1]).

Из таких взглядов происходило недоверие народа не только к панам, но и к чиновникам, которые плясали под дудку господ и держали их сторону. Это часто вело к волнениям, так как крестьяне не верили читаемым начальством указам, а в тех случаях, где видели несправедливое к себе отношение посылали ходоков в Петербург. Иногда начальству приходилось уверять народ пулями и картечью в истинности царских указов. Начальник Смоленской губернии должен был официально сознаться в этом в 1851 году. «Недоверие к лицам, служащим по выборам дворянства, — писал он, — и еще меньшее доверие к полиции вынуждает крестьян Смоленской губ. обращаться с жалобами на своих господ в С.-Петербург к самому государю императору [2])».

Интересно в этом отношении волнение крестьян в 1848 г. в имении Дружинина, в Тверской губ. Крестьяне просили государя через двух ходоков, посланных в Петербург, дозволить им выкупиться на волю на основании указа 8 ноября 1847 года. По собственноручной резолюции государя ходоки были отправлены на родину. Посланный с ними чиновник министерства внутренних дел в присутствии вице-губернатора, уездных предводителей дворянства и земских исправников разъяснял крестьянам незаконность их желаний выкупиться по указу 8 ноября. Крестьяне не верили его разъяснениям

[1]) Шейн. «Русская Старина», 1886 г., т. 49, стр. 674—675.
[2]) «Мат. для ист. креп. пр.», стр. 188—190.

и говорили, что они за помещиком Дружининым быть не хотят и повиноваться ему не станут, так как они дали друг другу клятву и от нее не отступят, хотя бы пришлось им вытерпеть все телесные наказания и даже подвергнуться ссылке в Сибирь. Губернатор командировал в имение батальон воинской команды и отправился на место происшествия сам с губернским предводителем дворянства и жандармским офицером; в то же время, по приказанию государя, туда же был командирован флигель-адъютант полковник Демидов. Крестьяне продолжали отказываться от повиновения, несмотря на объявленную Демидовым высочайшую волю, не доверяя, что он прибыл от имени царя. Они были убеждены, что Демидов прислан был к ним, чтобы объявить им волю, и намеревались вынудить у него силою указ о вольности. Крестьянам пришлось увериться в истинности объясняемого, когда Демидов приказал батальону окружить толпу и наказывать по одиночке до тех пор, пока все не изъявят покорности. Крестьяне смирились тогда, когда было наказано 54 человека.

В одной великорусской песне крестьяне рассказывают о посылке ходока к царю даже по присылке в их деревню эскадрона. Они удалились из деревни, оставив там жен и детей, а сами решили терпеть холод, голод, позор семей, но добиться правды от царя. В народных песнях, поговорках и пр. постоянно мелькает непоколебимая вера народа в царя, который лишь по неведению и обманам окружающих не становится открыто на сторону народа.

Но можно отметить и другие течения народной мысли. Теряя надежду получить волю от царствующего лица, крестьяне возлагали ее на лиц, так или иначе устраненных от престола.

Они создавали из них мифических лиц, «крестьянских царей», страдальцев и печальников за народную волю, которые терпели гонения от дворян за свое желание дать волю крестьянам и, успешно ускользнув от преследований, пребывают в неизвестности, бродят среди народа и ожидают лишь удобного времени для того, чтобы «объявиться» и провозгласить, наконец, волю крестьянам. В такого мифического «крестьянского царя» был обращен народным воображением сумасброд Петр III, полусумасшедший деспот Павел I, солдафон цесаревич Константин Павлович, т. е. как раз те лица, которые или

были убиты дворянскою кликою, или устранены от престола по неведомым для крестьян причинам. Даже темная для современников смерть Александра I не ускользнула от внимания народа, и создалась легенда, что он жив и скрывается, лишь до поры до времени [1]).

Были и другие течения в народе. Приходя как бы к признанию русских царей бессильными дать волю народу и удовлетворить его интересы, народ начинает возлагать надежды на вмешательство со стороны, на государей иностранных. Не будем говорить о тех случаях, когда крестьяне подавали жалобы не русскому царю, а австрийскому императору или императрице [2]). Будем говорить лишь о слухах о воле, дарование которой так или иначе связывалось с вмешательством иностранцев в русскую жизнь. Еще в 1812 г., как известно, среди крестьян были распространены слухи, что Наполеон хочет дать им волю. В 1830 г. в Пензенской губ., по сообщению губернатора, в Мокшанском уезде при волнении крестьян кн. Голицына распространялись слухи, привезенные из Москвы, что царь «и других держав государи предполагают собраться в Москве для совещания о том, чтобы у помещиков не было крестьян» [3]).

---

[1]) В этом отношении любопытна конфиденциальная записка ген.-ад. гр. Редигера, составленная им в августе 1855 г. Гр. Редигер обращал внимание, что еще в то время распространена была «молва между многими сектаторами, а от них и в части народа, что император Петр III и Александр I еще живы. Огромное дело, произведенное в Новороссийском крае очень недавно, доказывает распространение этого мнения и вне пределов помянутого края и обнаруживает, что имп. Петр III прислал уже наместника своего для управления народом до своего прибытия». «Давно ли, продолжает он, в Москве и в некоторых других губерниях думали видеть... великого князя Константина Павловича? Здесь не место приводить очень недавние примеры влияния и действия подобного рода обаяния. В Петербурге, рассаднике этих бредней, с 1843 по 1852 г. положена была преграда, но с того времени зло это начало быстро развиваться, и сказания и пророчества опять стали распространяться» («Русская Старина», 1905 г. июнь, стр. 617). Слухи о цесаревиче Константине жили в народе, по словам Мордовцева, до самого освобождения. «Народная молва, пишет он, постоянно гласила, что великий князь, как почти невидимо ни для кого, ходит по земле, но что время его еще не настало, и оттого он является людям только в самых редких случаях, но что, когда настанет это время, он явится, как освободитель народа от всего, что только есть тяжелого в его жизни. Народ рассказывает, что некоторые видели эту, странствующую по земле таинственную личность, и что она говорила с ними и обнадеживала их. Таких рассказов весьма много ходило в народе вплоть до самого освобождения крестьян, и особенно рассказы эти, сколько нам известно, распространены были на юго-востоке» (Мордовцев «Накануне воли»).

[2]) Напр., крестьяне села Олексинаца Волынской губ. подавали жалобу на своего пана австрийскому императору.

[3]) Центр. Арх. Мин. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г., № 392.

Во время Крымской войны в народе шли слухи, что французы и англичане, проникнув внутрь империи, провозгласят вольность. Толпами передвигаясь в 1856 г. в Крым, крестьяне разглашали, по словам екатеринославского помещика Борзенка, что «англо-французы всем помещичьим крестьянам дали свободу и что нужно только дойти в Таврическую губернию, где уже наше начальство их не может остановить» [1]. Во время киевского движения 1855 г. около Киева одно время разнесся слух, «будто бы чумаки, возвращавшиеся с солью из Крыма, говорили, что англичане и французы ведут войну, как они слышали, за освобождение крестьян» [2]. При окончании войны этот слух преобразился в утверждение, что освобождение крестьян является одним из условий Парижского мира. Этот слух в начале 1856 г. усиленно циркулировал как среди крестьян, так и помещиков [3]. Летом 1856 г., напр., жандармский шт.-офицер доносил из Полтавской губ., что г. Полтаве были распространены слухи, что французы и англичане при заключении мира требовали, будто бы от нашего правительства свободы крестьянам» [4]. По словам кн. Крапоткина, «среди крестьян шел слух в то время, что Наполеон III при заключении мира потребовал от Александра II дать волю». Ему самому пришлось часто слышать это. «Даже накануне освобождения, говорит Крапоткин, крестьяне сомневались, чтобы волю дали без давления извне». — «Если Гарибалка [5]) не придет, ничего не будет», говорил как-то в Петербурге один крестьянин товарищу Крапоткина в ответ на его уверения, что скоро дадут волю [6]. Любопытно, что при движении крестьян в 1856 г. в «Таврию» за волею, крестьяне обратили свои надежды получить волю не на север, а на юг, в те места, где действовали иностранцы. Именно там, будто бы, на горе сидел царь и раздавал волю. Мало того. В одном случае в ответ на уверения предводителя

---

[1]) Арх. III Отделения, IV эксп. 1856 г. № 153.

[2]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1855 г. № 2833.

[3]) Некто Козлов, напр., обратился в 1857 г. из Тамбовской губ. к министру внутр. дел с письмом, где между прочим сообщает, что, по слухам, к уничтожению крепостного права склоняют государя иностранцы, в особенности же Людовик-Наполеон, с коими и виделся для того царь, что это предлагают европейские дипломаты для ослабления России». (Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 281).

[4]) Арх. III отделения, IV эксп. 1856 г., № 153.

[5]) Т. е. Гарибальди.

[6]) Крапоткин «Записки революционера», т. I, стр. 119.

дворянства Херсонской губ., что царь не издавал никакого манифеста и указа о переселении в Крым, он получил в ответ такую отповедь: «да на что нам царь; пройдем в Крым, мы выберем себе короля; а пока найдем короля,— изберем себе атамана, и тогда увидите, что вы с нами сделаете» [1]). Сообщение об этом, доведенное до сведения III отделения, вызвало большую переписку с целью выяснить происхождение и степень распространения таких крестьянских настроений, но, конечно, ничего не удалось узнать. Такие речи крестьяне произносили и подобные настроения они таили про себя, стараясь не обнаруживать их перед начальством.

Но что такое воля, которой так страстно и так долго ожидали крестьяне? К сожалению, крестьяне имели полное основание утаивать от нескромных ушей свое понимание воли, а потому и свидетельств о том, как они представляли ее, сохранилось очень мало. Тем ценнее те немногие штрихи, которые можно выделить из имеющегося материала.

В некоторых волнениях крестьяне выражали желание стать казенными. В 1826 г., напр., в Вологодской губ., по донесению губернатора от 1-го апреля, среди помещичьих крестьян шли толки, «якобы они взяты будут в казну». В том же апреле из Тверской губ. сообщали о толках среди крестьян, что «все крестьяне будут взяты в казенное ведомство». Во время одного из волнений крестьян в Саратовской губ. в 1842 г. (у помещиков Обольяниновых и Симоновых) крестьяне кричали на сходке: «у нас барина нет, и мы все царские». В имении Пономаревой Ярославской губ. говорили в 1826 г., что мышкинский, кашинский и бежецкий исправники уже прибыли в село Кой и отписывают крестьян на государя и объявляют вольность [1]). В 1830 г. распространившиеся слухи о переходе крестьян из владения помещиков в казну так обеспокоили Николая I, что был разослан сначала циркуляр от 4-го мая по поводу ложных слухов о воле, а затем — 22 декабря того же года—особый секретный циркуляр, рекомендовавший губернаторам обратить «особенное» внимание на эти слухи и предписывавший предводителям дворянства выяснить их источники и содействовать их прекращению. Хотя ответные донесения губернаторов были успо-

---

[1]) Арх. III Отд. IV эксп. 1856 г. № 153.

коительного характера, но слухи о воле констатировались в Пензенской, Тульской и Вологодской губерниях [1]). Желание крестьян стать казенными отмечалось вообще многими современниками.

В некоторых местах, где сохранились воспоминания о казачестве, крестьяне мыслили себе волю, как переход в казаки. При массовых побегах в 40-м и 41-м гг. из Поволжья на «вольные земли» беглые крестьяне при поимке объясняли свой побег желанием стать казаками. «Мы все хотим в казаки, чтобы только господ не было; так и запиши, что все идем в казаки», говорил один из них следователю. В 1855 г. в Киевской губ. крестьяне, узнав о призыве в государственное ополчение, массами записывались в «казаки».

Но быт казенных крестьян не представлял собою райского житья, и это не могло укрыться от внимания крестьян. Мы знаем, что и среди казенных крестьян вспыхивали нередко крупные беспорядки, вызывавшие против них жестокие репресси. Мы знаем, что и казенные крестьяне не удовлетворялись своим положением и стремились к улучшению его. Не удивительно поэтому, что помещичьи крестьяне не смотрели на положение казенных крестьян, как на реализацию полной воли.

Их понимание воли было гораздо шире. В этом отношении крайне любопытна докладная записка, представленная министру внутренних дел в 1852 г. о причинах крестьянских волнений в Ардатовском уезде Нижегородской губ. [2]). Там было произведено дознание, «какие понятия имеют крестьяне о свободе». По словам автора записки, подобные же идеи о свободе господствуют повсеместно, «начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской Костромской, частью в Казанской и Вятской губерниях». «Понятия черни о свободе, говорит он, можно изложить вкратце следующими правилами: 1) государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходках, которыми будут обслуживаться преступления и дела гражданские; 2) коль скоро крепостной получит свободу, то не обязан платить подушных и нести земские и рекрутские повинности; 3) денежные имущества, т. е. капиталы, должны быть урав-

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. № 235.
[2]) Действия Нижегородской Учен. Архивн. Комиссии, т. X.

ниваемы между бедными и богатами крестьянами; 4) землями владеет чернь, а не помещики». Так, при беспорядках в деревне Голяткине крестьяне «стали отвергать всякое право собственности, утверждая, что богатые не в праве одни владеть капиталами, а обязаны поделить их с бедными, и коль скоро свобода уравнивает всех лично, то и состояние с правом собственности также должны быть уравниваемы». На вопрос о причинах неповиновения земской полиции крестьяне помещиков Федорова и Киреевой объясняли, что они «теперь имеют уже свое собственное управление обществом на мирских сходках, к правительству «доверия не имеют, и оно не в праве более до них касаться». Разбегаясь во время рекрутских наборов или не давая рекрут, крестьяне считали, что, став вольными, они «в полном праве не нести этой повинности».

По отношению к судебной власти они постановили на мирской сходке, что «как они имеют уже свое вольное управление, то начальству уже не подсудны». Крестьяне помещицы Киреевой, явившись в числе 70 человек к предводителю дворянства, потребовали немедленного освобождения своих товарищей, заявляя, что «уголовная палата более на них влияния не имеет и не в праве судить их, по случаю освобождения их на волю»; по их мнению, «все распоряжения насчет их подсудимости считают лишь утеснениями для дарованной им свободы; сами же они станут судить себя обществом на своей мирской сходке». Свободным своим состоянием объясняли они и свой отказ уплачивать подушные и нести земские повинности. При таком понимании и толковании прав свободного состояния не удивительно, что эти крестьяне отказывались считать свободными удельных и казенных крестьян, на которых указывало им начальство. Крестьяне заявляли, что «не почитают их вольными», а считают «принадлежащими государю»; «какие же они вольные, говорили крестьяне, когда от них требуют разных платежей».

Это широкое понимание крестьянами своих социально-политических прав, как свободных граждан, подтверждается и другими указаниями. Вспомним, например, поведение киевских крестьян во время движения 1855 г. [1]). Считая себя

---

[1]) См. ст. И. Игнатович. «Крестьянские волнения с 1854 по 1863 г.» «Минувшие Годы», 1908 г., кн. 5.

после записи в государственное ополчение, в «казаки» свободными и крепостные отношения прекратившимися безусловно, крестьяне относились к экономическим властям и помещикам, как к равным себе обывателям. «Мы (с выходом указа о воле) все свободны», говорили крестьяне с. Поповки, Черкасского уезда, желая этим, очевидно, показать, что они равны в правах с дворянами. От местных правительственных властей они, повидимому, также считали себя независимыми, полагая, что с записью в казаки они должны служить лишь богу и государю. Громека, жандармский офицер, автор воспоминаний о киевской казачине 1855 г., определенно говорит, что крестьяне во время волнений отказывались «от всякого повиновения местным властям», хотя и выказывали им знаки почтения и не отказывали в исполнении просьб, обращенных к ним. Взамен помещичьих и местных правительственных властей они вводили самоуправление, выказывая большую стойкость, солидарность и выдержку в ведении общественных дел. Высшим авторитетом в их среде пользовалась «громада», т. е. «великороссийский мир». Ее решения были обязательны и безапелляционны. Выбранные местами ею новые начальники пользовались уважением. Веления громад выполнялись точно. Так, по решению громады в Сквирском уезде, например, были запечатаны кабаки; при помещичьих амбарах, заводах и т. д. громадою были выставлены караулы, и никто не смел тронуть помещичьей собственности. И за время волнения не было ни одного случая грабежа или воровства в помещичьих имениях. Несмотря на естественное возбуждение умов и страстей во время волнения, крестьяне поддерживали образцовый порядок у себя.—«Памятуйте, хлопцы, що мы не бунтовщики»,—говорила громада в с. Трушках, внушая каждому вести себя смирно. Не считая, повидимому, возможным самовольно и немедленно отбирать от помещиков их собственность, киевские крестьяне полагали, что помещичья земля должна перейти к крестьянам. По крайней мере, крестьяне, требуя от священников грамоту о воле, говорили: «Вот вы посоветуйтесь между собой и решайтесь — написать нас всех вольными казаками, дать нам присяги, что мы уже не панские, что *поля и луга — наши, и все, что есть у панов, — наше-ж. Оно и есть так, ибо мы и наши предки за все это уже отработали*».

Услышав о приезде чиновников в местечко Таганчу (один из центров движения), многие крестьяне шли туда, ибо, объясняли они, «там, кажуть, приехали паны од губернатора и од митрополита дилыть поля; то може и нам выделять по який десятыни». Из кратких черточек можно сделать заключение, что, по крайней мере, в некоторых местах Киевской губ. крестьяне признавали необходимость при освобождении отчуждения всех земель и всего панского имущества в пользу крестьян. Должны ли были быть вознаграждены помещики за это отчуждение, или нет — неизвестно; судя по тому, что крестьяне признавали свое право на панское имущество, исходя из того, что они уже отработали за него, крестьяне считали, что, во всяком случае, *им* не придется платить за то, что должно принадлежать им по праву. Земли, судя по другому вышеприведенному свидетельству, должны быть поделены между крестьянами, — на каких началах — неизвестно. Из этих же слов можно сделать заключение, что распределение земли должно было быть произведено начальством, но не громадою. При малой распространенности земельной общины в малороссийских губерниях, такое ограничение власти громады вполне понятно [1]).

Такого же рода сведения о крестьянской воле дает и М. Н. Муравьев в своей записке, присланной в 1857 г. из Нижнего-Новгорода. По понятиям крестьян, говорит он, свобода состоит из прекращения всяких работ и платежей за землю, в неограниченном пользовании всеми землями, т.-е. они принадлежат им, а помещики должны будут выехать в города; некоторые крестьяне даже надеются, что им не придется платить и государственных податей, что будет «полная свобода» и что «мирские судилища» заменят собою существующие ныне правительственные» [2]).

Намечаемое в этих сведениях радикальное решение крестьянами земельного вопроса подтверждается и другими указаниями. Вспомним слух, циркулировавший в Уманьском уезде в 1826 г., что сын Гонты разослал будто бы всем панам указ с предложением отдать всю землю крестьянам и выбраться, как можно скорее, в Варшаву под угрозою при

---

[1]) И. Игнатович. «Крестьянские волнения от 1854 по 1863 г.» «Мин. Годы», 1908 г. кн. V—VI, стр. 113—114.

[2]) В. И. Семевский. «Крестьяне». Энциклопед. Словарь, изд. бр. Гранат.

промедлении быть убитыми крестьянами. Вспомним распространенное среди крестьян мнение, что они господские, а земля—крестьянская. Взгляд крестьян на землю, которою они пользовались, как на их собственную или, по крайней мере, общую с помещиками, отметил и смоленский предводитель дворянства в одном из своих донесений в 1849 г. Что в действительности взгляды крестьян были гораздо радикальнее тех, которые заметил указанный предводитель дворянства, можно видеть и из приведенных нами сведений. В эпоху освобождения, накануне реформы, когда все внимание крестьян было сосредоточено на содержании подготовлявшейся реформы, толки крестьян, по указанию тонкого наблюдателя народной жизни Якушкина, «вращались около одного пункта: земля будет наша». Они говорили, что землю «сам бог зародил, что барин и пахать не умеет, — что он с землею будет делать». По словам Якушкина, крестьяне объясняли ненаделение дворовых землями тем, что они не умеют пахать. «Да ведь и дворяне пахать не умеют», заключали отсюда крестьяне; «зачем же им земля?» [1]). Другими словами—они признавали право на землю только за теми, кто над нею может и будет работать. Не признавая за дворянами — насколько можно судить по этим отрывочным данным — права на землю, крестьяне различно разрешали вопрос, какова должна быть дальнейшая судьба этого класса.

Как видим из приведенного слуха 1826 г. и указаний М. Н. Муравьева, дворяне должны были бы уехать в города, т. е. отойти совершенно от земли. Слух 1826 г. грозил им в противном случае даже физическим уничтожением. Мысль об уничтожении помещиков сильно бродила на юге России в 1826 г.; наличие ее можно отметить в 1826 г. и в северных губерниях. Популярны были в то время также поголовные аресты дворян, как средство избавиться от помещиков. Известия о многочисленных арестах дворян в связи с движением 14 декабря встречались крестьянами с некоторым злорадством и удовлетворением. На этой почве имел большой успех рядовой Семенов в Киевской губ., выдававший себя за флигель-адъютанта, командированного государем для ареста всех помещиков и для отправки их в Петербург. Крестьяне

[1]) Якушкин. «Велик Бог земли русской».

отнеслись к этому заявлению с полною доверчивостью и оказывали ему всяческое содействие [1]).

Мысль о физическом уничтожениии помещиков проскользнула и в слухах 1830 г. По крайней мере, гр. Бенкендорф в своем сообщении управляющему министерством внутренних дел Энгелю от 16 декабря 1830 г. писал, что до государя «неоднократно доходили толки... о предании смерти всех помещиков и проч.» [2]). Действительно, в Алексинском уезде Тульской губ. говорили в народе, что крестьяне «скоро отойдут от помещиков и казаки присланы будут предать смерти всех владельцев» [3]). Под влиянием слухов о галицийской «резне» 1846 г. подобные же толки обнаруживались в 1846 и 1847 г. как в юго-западных губерниях, смежных с Галицией, так и в северо-западных, вплоть до Витебской губернии. Эти слухи, видимо, не имели актуального значения, но сильно нервировали как дворянство, так и правительство. Впрочем, среди слухов о будущей судьбе дворянства были и менее кровавые. Приходилось уже указывать на переселение дворян в города, как исход, по мнению народа, из создавшегося положения. Один дворовый человек помещика Баженова Нижегородской губ. писал, между прочим, в 1826 г. в прошении на имя Николая I: «просим вас, от господ нельзя ли освободить, господ всех на жалованье посадить, на нас всю землю по душам разделить, а потом просим, нельзя ли как от солдатства освободить» [4]). Говоря об уверенности большинства крестьян перед волей, что «вся земля отойдет к ним», Н. А. Крылов, наблюдения которого относятся главным образом к Казанской и Симбирской губерниям, добавляет, что, по мнению большинства же, «всех помещиков царь на жалованье посадит» [5]).

---

[1]) См. упомянутую ст. И. Игнатович, «Крестьянские волнения 1826 г.» в сб. «Борьба крестьян за свое освобождение».

[2]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. № 235.

[3]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. № 392. Нужно, впрочем, заметить, что настроение крестьян в 1830 г. было встревоженным из-за свирепствовавшей холеры. Очень вероятно, что появление подобного слуха в губернии, угрожаемой по холере,—при чем слух грозил самой жизни помещиков,—и побудило Николая I издать тайный циркуляр от 22 декабря 1830 г., усиленно предписывавший бороться с распространением ложных слухов. Любопытно, что в циркуляре замолчали слух об уничтожении помещиков и говорилось лишь о слухах, о воле.

[4]) Действия Нижегородск. Учен. Арх. Комиссии. Сборник статей, описей и документов, т. III, ст. Снежневского, стр. 60.

[5]) Крылов. «Накануне великих реформ». «Истор. Вестник», 1903 г., № 9, стр. 789

Помимо ожидания воли от царя или попыток реализации ее в жизни под влиянием слуха об уже якобы дарованной воле, крестьяне и другими путями стремились порвать крепостные узы. Когда становилось невыносимым влачить крепостные цепи, отдельные личности в порыве горя и отчаяния просто уходили из жизни, т. е. кончали самоубийством. И мы знаем, что случаи самоубийства среди крепостных не были редкими явлениями. Самоубийства совершались зачастую из-за страха перед наказанием и после жестоких наказаний; девушки и женщины кончали с собою часто после изнасилования. Из-за страха наказания кончали самоубийством даже малолетние дети. О некоторых случаях самоубийства уже приходилось говорить.

Помещики жестоко наказывали за покушение на самоубийство. В самом деле, как может *его* рабочая сила, *его* собственность сама себя уничтожать? Господин может изуродовать крепостного человека, измучить, замучить, убить, но это *его* воля лишить себя собственности. Карцов приказал крепостную, покусившуюся на самоубийство, приковать к столбу. Даже правительственные учреждения приговаривали крепостных за покушение на самоубийство к ссылке в Сибирь и даже к наказанию плетьми [1]). Романович-Славатинский приводит сравнительные цифры смертности крепостных до 1861 г. и после реформы. В период 1855—1860 г. самоубийств и скоропостижных смертей было 443 (в крепостное время самоубийц-крепостных зачастую вписывали в рубрику внезапных смертей); в среднем на каждый год приходилось по 74 смерти. В период же от 1861—1866 г. таких случаев смерти было 272, т. е. ежегодно—45. Следовательно, уменьшение произошло на 39%, что следует в значительной мере приписать уничтожению крепостного права [2]).

Более активные и энергичные натуры, более привязанные к жизни, чем те, которые решались на самоубийство, разрешали вопрос побегом. Раз крестьянину было тяжело, он уходил от помещика. Это был по форме мирный способ порвать крепостные цепи, но решаться на такой шаг как каждому отдельному крестьянину, так и целой массе было крайне тяжело. Это было связано с разрушением уже нала-

---

[1]) Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные», стр. 101—103.
[2]) Романович-Славатинский. «Дворянство в России», стр. 358.

женного хозяйства, разрывом с привычным укладом жизни, иногда разлукой с близкими, во имя неизвестного будущего. Только невыносимо тяжелое положение или глубокая вера, что на стороне можно найти желанную волю, могли побудить крестьянина сделать такой шаг. Для помещиков такой способ разрешения крестьянами крепостного вопроса был крайне убыточен. При побегах помещики лишались рабочей силы, и если в побеге принимала участие значительная группа крестьян, то помещичьему хозяйству наносился серьезный удар. При распространенности побегов хозяйственные расчеты постоянно нарушались, особенно если побеги происходили в рабочую пору. В целях сохранения рабочих сил, приходилось умерять крепостной гнет и прибегать к помощи правительства. Последнему приходилось энергично бороться с побегами, вплоть до применения военной силы в целях возвращения беглецов или предупреждения побегов. Нередко борьба с побегами, которую правительству приходилось вести в интересах помещиков, вела к нарушению государственных интересов. Так, приходилось стеснять свободу заселеня окраин и даже возвращать оттуда беглецов помещикам, хотя интересы государства требовали заселения пограничных мест и привлечения сюда населения всеми возможными способами. В этом пункте, как и в продовольственном вопросе, интересы помещиков противоречили интересам государства.

Мы не будем касаться единичных побегов. Можно отметить лишь, что их было, повидимому, очень много. «Архивные дела уголовных палат того времени и уездных судов,— говорит Мордовцев,— почти на половину наполнены приговорами о бежавших от помещиков крестьянах, а в конце приговоров значатся постоянно: плети, розги, тобольский приказ о ссыльных и тому под. Просматривая ревизские сказки из крепостной эпохи, — говорит он в другом месте, — мы постоянно видим, что в редком имении против редкого крестьянского семейства не сделана пометка: «в бегах», «в безвестной отлучке». В Ардатовском уезде Симбирской губ. за период времени от 8 до 9 ревизии число бежавших крепостных было втрое больше, чем между удельными крестьянами [2]).

[1]) Трубников. «Результаты народных переписей в Ардатовском уезде», стр. 368.

Удастся ли подсчитать в будущем число таких единичных побегов — сомнительно. Происходили эти побеги под влиянием притеснений помещиков, от страха перед наказанием, рекрутчиной, по личным мотивам и так далее.

Не будем мы останавливаться и на тех побегах, которые сопутствовали тем или иным крестьянским волнениям, когда крестьяне, не желая подчиняться тем или другим распоряжениям помещика или правительственной власти, желая иногда выждать решения по поданной жалобе или возбужденному иску о воле, скрывались временно из имения все или частями. Иногда такой временный уход превращался в окончательный разрыв с насиженным местом. Порою в таких случаях пустели целые деревни, крестьянские и помещичьи хозяйства разорялись, и помещик принужден был иногда продать за бесценок разоренную, обезлюдевшую деревню.

Мы остановимся главным образом на тех побегах, которые являлись результатами распространившихся слухов, что переселившиеся в ту или другую местность освобождаются из крепостного состояния. В основе таких слухов нередко лежали действительные распоряжения правительства о заселении той или другой местности с предоставлением различных льгот поселенцам, но к крепостным крестьянам такие распоряжения не относились. Нужно сказать, что побеги этого типа учащаются и расширяются по мере приближения к реформе 1861 г., превращаясь в крупные массовые движения, где можно отметить и общее настроение, и однородность действий крепостного населения целых уездов и даже губерний. В этих движениях нельзя еще найти общей организованности, но отдельные двигающиеся толпы крестьян имели в своем движении некоторую организацию и выявляли большую солидарность и сплоченность. Правительству приходилось при таких массовых движениях выставлять более или менее значительные военные силы для задержки беглецов и возвращения их на родину. Военным командам приходидилось иногда выдерживать сильный натиск крестьян, пытавшихся прорваться через военный заслон и вступавших иногда в своего рода бой с солдатами, результатом чего бывали убитые и раненые. Эти массовые побеги являли собою грозный симптом пробуждающейся солидарности крепостных *масс*, их активности в поисках выхода из крепостной неволи, а потому

были более опасны для помещиков и правительства, чем обычные неповиновения, разрозненные, мирные по форме и внушавшие опасения лишь ростом их количества и той разрухой, которую они вносили в помещичьи хозяйства.

Ввиду такого значения этого рода побегов, остановимся на них подробнее.

В начале царствования Николая I среди помещичьих крестьян распространился слух, что все они будут поселены на свободных землях по Уралу. Основанием для этих слухов был, по указанию кн. Горчакова, указ 1822 г. о дозволении казенным крестьянам переходить на свободные земли в Сибири, давший повод помещичьим крестьянам толковать, что он распространяется и на них, но предводители дворянства и исправники скрывают его. Указ 1823 г. о ссылке бродяг, пойманных вне губернии их постоянного жительства, в Сибирь уверил крестьян, что беглых не будут возвращать помещикам [1]).

В Саратовской губ. в 20-х годах из селения в селение разъезжала таинственная личность, имевшая на груди орден св. Анны, составлявшая реестры желающих переселиться и обяъвлявшая поголовную волю. То был некий Геенков, малоросс, имевший действительно этот орден. Он был схвачен и осужден в конце 1825 г. к наказанию 50 ударами кнутом и ссылке в Сибирь на каторжные работы. Тем не менее он успел составить реестры, крестьяне из разных мест наряжали ходоков и соглядатаев для обозрения новых мест вольных поселений. Побеги сделались эпидемическими. «Дело об этих волнениях шло несколько лет; множество народа невинно пострадало» [2]). В Воронежскую губ., где побеги крепостных были очень часты, в 1826 г. был командирован сенатор кн. Долгоруков, который доносил, что бежали даже зажиточные семейные и лучшие в селениях люди, обольщенные ложными слухами, будто по берегам Урала устраивается новая линия, где они могут поступить в число казенных крестьян; он сообщал, что сами уральские старшины заманивают крестьян, а губернаторы ссылают целые селения беглецов, не возвращая их помещикам. Такие же

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 224.
[2]) Мордовцев, «Накан. воли», стр. 23—25.

донесения кн. Долгорукова были о бегстве крестьян из Пензенской, Симбирской и Саратовской губерний [1]).

В начале 30-х годов движение в Саратовской губ. возобновилось под влиянием слухов о вызове правительством желающих поселиться на кавказской линии с предоставлением им различных льгот. Поводом для этого слуха было то, что в 1832 г. правительство разрешило водворять на северо-восточном берегу Черного моря людей, пришедших без надлежащих видов; разрешение это было вскоре отменено. Но слух уже оказал свое действие, народ увлекся идеей свободного казачества. «В 1830 г. прослышав о льготах на Кавказе, русский народ потянулся на линию, изъявляя желание записываться в казаки. Желание это разом охватывало целые селения, целые волости и даже отдельные местности, особенно там, где жизнь была не особенно красна, где земли было или мало, или земля скудна и где недостаточно вознаграждался труд». Иные из них уклонялись от Кавказа и шли дальше в Бессарибию и даже в Турцию. Бежали не только из Саратовской губ., где движение проявилось с особенной силой, но и из других мест. В числе задержанных на Волжско-Донском перешейке, через который проходила большая часть беглецов, были великороссы и малороссы из Курской губ., помещичьи крестьяне Симбирской и Нижегородской губ. Это движение было настолько сильное, что для прекращения его был командирован на кавказскую линию флигель-адъютант, гвардии полковник кн. Трубецкой. Ловля беглых крестьян шла в течение 1830, 1831 и 1832 гг. Побеги лишь постепенно прекратились отчасти под влиянием принятых мер, отчасти под влиянием разочарования в возможности привольной жизни на Кавказе. «Пробравшись до линии, они увидели и там не мало горя: в казаки их не принимали, земли им не отводили «куда только глаз хватит», а брали да и то с большими прижимками в услужение опять-таки к господам или же в батраки к казакам» [2]). Многие из беглецов потянулись обратно на родину, и их возвращение, понятно, не поощряло других искать «волидоли» в тех же местах.

В 1834 г. обнаружились побеги из Воронежской губернии, в 1837 году обнаружилось сильное движение на

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 224—225.
[2]) Мордовцев, «Накануне воли», стр. 133, 138.

Кавказ во внутренних губерниях и особенно опять в Воронежской. На границах была даже расставлена стража из казацких команд, и задержано было одних воронежских крестьян в области Войска Донского около 900 человек, в Черномории — около 250. В 1839—1840 году подавались жалобы помещиками Херсонской, Подольской и Волынской губ. на бегства крестьян. Дело дошло до того, что русское правительство вошло в 1840 году в соглашение с австрийским о задержании беглецов и возвращении их в Россию с запрещением беспаспортным русским находиться в австрийских владениях.

«В 40-х годах, — говорит Мордовцев, — побеги являются чем-то болезненным, и крестьяне толпами уходят то в Анапу, то в Оренбургские степи, то на какие-то «вольные земли», на «новые поселения», на «новые земли», даже в «казаки», Большею частью бегут на юг, на Кавказ, в Закавказье, в Персию и даже в Турцию. Начинает привлекать и неведомая, повидимому, привольная жизнь в «Цыцарии» (в Австрии)». В 1840 году, разъезжал некто Абутин, составляя реестры желающих переселиться «на линию» и берясь за известное со стороны крестьян вознаграждение исходатайствовать официальное и открытое дозволение на переселение. Хотя Абутин был схвачен в самом начале своей деятельности, тем не менее на своем пути от границ Тамбовской губ. до границ области Войска Донского по Саратовской губ. он успел записать в свой реестр несколько сот семейств. Абутин хотел воспользоваться толками, что существует вызов переселиться на линию, но помещики и чиновники «скрывают указ», опасаясь остаться без крестьян. Движение, возбужденное Абутиным, так же как и движение 20-х гг., возбужденное Геенковым, не скоро улеглось. В ожидании возвращения своего «ходатая» крестьяне тайно продавали свое имущество, изготовляли себе телеги и фуры для следования в неведомый край, и некоторые из них, не дождавшись мнимого адвоката, действительно бежали. В 1841 г. весною началась ловля беглецов, при чем переловлено было более 900 помещичьих крестьян.

В 1841 г. до 1.000 человек бежало из Белицкого уезда Могилевской губ., из Харьковской, Екатеринославской (по 200 — 250), Херсонской, Подольской и Волынской губ.

В 1843 г. на Кавказ бежало 157 человек из Пензенской и Тамбовской губ. по поводу распространившихся слухов об отводе правительством пустопорожних земель в Кавказской области для приписки туда всех желающих лиц крепостного состояния с дарованием им свободы[1]). В 1845 г. крестьяне целыми толпами бежали на Кавказ. В 1847 году сюда же устремились беглецы из Саратовской, Курской, Воронежской губ. (в этом году правительство приглашало людей *свободных* состояний селиться на северо-восточном берегу Черного моря). Крестьяне бежали, продавая за бесценок имущество или совершенно оставляя его, целыми семьями и селениями. Число беглецов доходило до 1.300 человек. В Курской губернии готовились к побегу 20.000 человек из 46 имений, но были остановлены возвращением раньше бежавших. Здесь при задержании беглецов военною командою крестьяне оказали сопротивление, выхватили оружие из рук солдат и перевязали полицейских чиновников. Впрочем, эти крестьяне были быстро усмирены. «Огромные массы людей двигались из Саратовской, Симбирской и сопредельных губерний в какую-то обетованную страну в Кизляр, где будто бы раздавались земли даром».

Еще обширнее и интенсивнее было движение витебских крестьян в том же году[2]). Оно возникло на почве трехлетних последовательных неурожаев, совершенно измучивших население Витебской губ. Крестьянские хозяйства разорились, разорились и многие помещики. Обострившаяся при таких условиях продовольственная нужда удовлетворялась крайне плохо. Крестьянство жаждало выхода из своего положения и жадно ловило слухи, сулившие им то или иное облегчение. Среди них слухи о воле получили особенное развитие. Для появления таких слухов дали почву некоторые прави-

---

[1]) Мат. для ист. креп. пр., стр. 103.

[2]) О нем см. Слупский «О волнении помещичьих крестьян Витебской губернии в 1847 г.» в «Памятной книжке Витебск. губ. на 1866 г.», стр. 99—117; Ц. Архив Мин. Вн. Дел, Хоз. Деп., I ст., II отд. 1847 г. № 94; Мат. для ист. креп. права», стр. 170—174; В. И. Семевский, «Крестьянский вопрос...», т. II, стр. 600—605; И. Игнатович, «Основные черты крестьянских волнений накануне освобождения» в сборн. «Борьба крестьян за свое освобождение».— Переписка по движению витебских крестьян велась по Деп. Полиции Исполн. Мин. Внутр. Дел (с 1847 по 1853 г.) и по III отделению в IV экспедиции. К сожалению, дела эти, внушительные по размеру (578 листов по Мин. Внутр. Дел и 219 листов по III отделению) оказались уничтоженными в дореволюционное время как в том, так и в другом архиве.

тельственные мероприятия по облегчению положения населения голодающих местностей. Были сделаны распоряжения о переселении казенных крестьян из Витебской губернии в другие; был разрешен прием на работы без паспортов приходящих из голодающих местностей, между прочим, на работы по постройке Николаевской жел. дороги. Не забудем, что в это же время усиленно подготовлялось в юго и северо-западных губерниях введение инвентарей. Не забудем, что до населения Витебской губернии местами дошла весть и о расправе галицийских крестьян с помещиками в 1846 г. Не забудем, что в эти годы вообще шла усиленная работа в правительственных сферах по крестьянскому вопросу. Все это вместе взятое и породило ряд слухов. Говорили, что Витебскую губернию решено зарастить лесом, а все население — в том числе и крепостных — вывести в великороссийские губернии, при чем крепостным будто бы давалась воля и средства для переселения. Молва намечала и места для переселений: то были «Тобол» и «Херсонь». Говорили, что проработавшие на железной дороге три года получали волю и т. д. В апреле 1847 г. слухи настолько обострились, что местами население стало требовать от священников указов о воле, местами, не дожидясь объявления такого указа, само двинулось в великороссийские губернии. Явилась версия, что нужно торопиться с переселением, срок которому истекает 15-го мая. Характерно, что крестьяне, двинувшись вначале, якобы, для переселения в великороссийские губернии, на «Тобол», в «Херсонь» и т. д., затем шли на Петроградский тракт, а некоторые толпы определенно говорили, что идут к царю жаловаться, чем кормят их папы. Это шествие витебчан из простого переселенческого движения в целях получения воли принимало, таким образом, характер шествия народа к своему мифическому царю с жалобою на угнетение, с надеждою получить от него волю. Крестьяне снимались с места семьями, целыми деревнями, селами, распродавая за бесценок имущество, беря, что возможно, с собою. Местами они забирали господское имущество, нужное для них, местами избивались помещики, пытавшиеся задержать уходящих. Ожидая препятствий на пути, крестьяне заранее вооружались, как могли: добывали ружья, лили пули, лемеши перековывали в пики, косы насаживали на короткие рукоятки и т. д. Некоторые толпы шли с военными предосторожностями: обозы,

на которых находились женщины и дети, охранялись вооруженными людьми, которые выставлялись спереди, с боков и сзади. Двигались большими партиями, некоторые из которых достигали 500 и более человек. При попытках остановить такие толпы, крестьяне силою прорывались вперед, иногда заставляя военные команды отступать, иногда арестовывая становых и т. д. При таких столкновениях бывали убитые и раненые. Пока не сосредоточили военных сил по пути следования беглецов и властям приходилось действовать незначительными местными инвалидными командами, крестьяне имели успех со своим примитивным вооружением и успешно продвигались вперед. Но когда стали действовать не инвалидные команды, а регулярные войска более крупными отрядами, противодействие крестьян должно было сломиться. Против штыков и огнестрельного оружия обученного дисциплинированного войска крестьянские толпы со своими косами и пиками бороться не могли, и им пришлось вернуться в родные места.

Это движение было особенно сильно развито в Себежском, Невельском и Дризненском уездах, но фактически охватило всю Витебскую губернию [1]). По официальным сведениям, число волновавшихся простиралось до 10.000 человек, из побега было возвращено до 6.000 человек, и около 600 не было разыскано. В действительности, волновалось, несомненно, бо̀льшее число крестьян [2]). Правительству пришлось употребить для остановки крестьян значительную военную силу: помимо витебского гарнизонного батальона и местных инвалидных команд, в усмирении приняли участие один пехотный полк, один батальон и две роты двух других полков [3]). Руководил

---

[1]) Кавелин говорит, что толпы крестьян двигались и из Могилевской губернии, «по одному слуху, что правительство дает свободу тем, которые будут работать в течение определенного времени на С.-Петербурго-Московской жел. дороге». (Соч. т. II, стр. 32).

[2]) Напр., только на почтовой дороге из г. Великие Луки в г. Порхов до 18 мая было остановлено 553 семейства в 3.701 об. п. д. с 616 подводами из 5 уездов от 42-х помещиков. Из этого числа на Себежский уезд приходилось 589 подвод с 3.462 душ. от 32-х помещиков; всего до 27 мая, по донесению особо командированного чиновника Лачинова, было задержано 5.327 человек. (Ц. Архив Мин. Внутр. Дел Хоз. Деп., I ст. II отд. 1847 г. № 94).

[3]) Повидимому, военных сил участвовало несколько больше. Как видно, из переписки по хозяйственному департаменту министерства внутр. дел, в усмирении участвовали 2 батальона и 2 роты Карабинерного — грос-герцога Мекленбургского полка, 2 батальона принца Вюртембергского полка, 2 роты короля Сардинского полка, роты Витебского гарнизонного батальона и местные инвалидные команды. На постой «для занятия волновавшихся местно-

усмирением сам генерал-губернатор и 2 высочайше командированных флигель-адъютанта.

Это движение сильно напугало правительство и дворянство, произвело большое впечатление на современников, а потому и неудивительно, что на крестьян посыпались репрессии. Военному суду было предано по одним известиям — 95, по другим — 114 человек, число наказанных розгами простиралось до 4.000 человек. Правда, было отпущено 10.000 р. для продовольствия крестьян в пути при возвращении их на места жительства, но бо̀льшая часть этих средств пошла на ссуды помещикам, пострадавшим от ухода крестьян в рабочую пору [1]).

Другим крупным массовым побегом, произведшим большое впечатление на правительство, было движение крестьян в Крым в 1856 г. Движение это было вызвано слухами, что правительство приглашает желающих переселиться в Крым для заселения разоренных мест, давая переселенцам пособие, значительную плату за казенные работы, а помещичьим крестьянам сверх того даруя и волю. Местами этот слух изменялся и принимал формы, менее желательные для правительства. Так, в Екатеринославской и Херсонской губерниях говорили, что на Перекопе на горе сидит в золотой шапке царь и раздает волю, но не явившиеся или запоздавшие ее не получают. В Изюмском уезде Харьковской губ. говорили, что царь сидит где-то за Днепром в Херсонских степях и раздает волю. Выше указывалось, что среди крестьян местами шел слух, будто бы «англо-французы всем помещичьим крестьянам дали свободу и что нужно только дойти в Таврическую губернию, где уже наше начальство их не может остановить» [2]). Под влиянием этих слухов население южной России зашевелилось. Крепостное население весною 1856 г. в разгар полевых ра-

стей» Николай I разрешил оставить Карабинерный гр.-герц. Мекленбургского полк, а также часть или весь Гренадерский принца Вюртембергского полк. Впрочем, ген.-губернатор признал ненужным второй полк в виду успокоения населения. Собственно для усмирения витебских крестьян Николай I назначил Карабинерный гр.-герцога Мекленбургского полк. (Арх. Мин. Вн. Дел, Хоз. Деп. I ст. II отд. 1847 г., № 94).

[1]) Из этих 10.000 р. на продовольствие крестьян было издержано только 2.204 р. 51½ к., а остальные 7.795 р. 48½ к. было разрешено, по ходатайству ген.-губернатора, употребить «на вспомоществование... тем помещикам Витебской губернии, которые более прочих пострадали... от побега крестьян и которые без особенного пособия не могут поправить своего состояния». (Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Хоз. Деп. I ст., II отд., 1847 г., № 94)

[2]) Со слов сообщения екатеринославского помещика Борзенка. (Архив III отделения, IV эксп., 1856 г., № 153).

бот потянулось к Перекопу в надежде получить волю. Сначала снимались одиночки, отдельные группы, но затем по мере роста слуха, что опоздавшие лишаются права на волю, движение охватило народные массы, и крепостные толпами, целыми селениями, с женщинами, детьми и имуществом, забирая с собою нередко и господское добро, двигались по направлению к Перекопу. Наиболее сильно проявилось это движение в Екатеринославской и Херсонской губерниях, слабее в губерниях Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Орловской. Только в двух уездах первой губернии (Екатеринославском и Верхнеднепровском) в июне месяце число бежавших доходило, по официальным сведениям, до 9.000 человек; в том же месяце в Херсонской губернии, по тем же сведениям, число беглецов определялось в 3.000 человек. В действительности, движение охватило, повидимому, бо̀льшие массы. Так, по указанию новороссийского и бессарабского ген.-губернатора, херсонский уездный предводитель дворянства Вертильяк «примерно до 20.000 душ убедил возвратиться на места своего жительства». Этот Вертильяк сообщал, что «беглецы из помещичьих крестьян встречаемы были им при разъездах на протяжениии более 150 верст и на пространстве этом вся дорога и все поля, сколько можно было окинуть глазом, ими были усеяны». Крестьяне двигались нередко большими толпами, вооруженные кольями, дрючьями, вилами. В одном случае толпа крестьян в 3.000 человек бросилась с дубинами на военную команду, пытавшуюся преградить ей путь, и по толпе открыли огонь, при чем один крестьянин был убит и трое ранены. Всего известно 6 случаев кровавых столкновений крестьян с войсками, результатом чего было 5 убитых и 50 раненых. Несмотря на то, что движение происходило в местах, не далеких от военных поселений, в местах, где было много военных сил, как результат Крымской войны, а потому можно было сразу двинуть на усмирение много военных сил [1]),

[1]) Точное количество военных сил, потребовавшихся для усмирения,— неизвестно. Как видно из донесения екатеринославского губернатора Фабра от 22 июня, в места волнения только этой губернии были направлены 2 батальона и 2 роты запасной дивизии 5-го пехотного корпуса, одна рота внутреннего гарнизонного батальона, 2 уланских эскадрона из кавалерийских округов Новороссийского военного поселения и остановлен был проходивший драгунский полк. (Арх. III отделения, IV эксп., 1856 г., № 153).

все же движение считалось ликвидированным лишь к концу года.

Тревожными симптомами этого движения было то, что уходило население не под влиянием особо тяжелых условий жизни. Нет, крестьяне уходили и от таких помещиков, которыми были довольны, к которым перед уходом приходили прощаться, благодарить за хорошее отношение к себе; уходя и забирая не только свое, но и господское имущество, они по-своему заботливо относились к таким господам, оставляя им ту часть имущества, какая, по их мнению, могла понадобиться их помещикам. Правда, были эксцессы по отношению к некоторым помещикам, но, повидимому, это были единичные случаи. Массы были охвачены стремлением получить волю независимо от степени их эксплоатации и тяжести крепостного ярма. Двигались имение за имением, селение за селением не изолированно. Тронувшиеся в путь заходили в соседние и лежавшие по пути селения и имения и призывали следовать их примеру, дабы не опоздать с получением воли. Крестьяне заражали и увлекали друг друга в один общий поток. Наконец, нужно отметить наличие и в этом движении сплоченности масс и готовности к вооруженному сопротивлению даже военной силе, дабы пробиться к обетованному месту. Наконец, нужно отметить в этом движении и то, что народная молва соединила получение воли не с царем в Петрограде, а с англо-французами; помещала царя, дарующего волю, на Перекоп, в Крым, и даже доходила до заявления, что можно обойтись и без русского царя, избрав себе короля, а до подыскания его управляться выборными атаманами. Эти черты народного настроения не могли не встревожить самодержавного правительства, и не даром для подавления этого движения не скупились на военные силы, послали флигель-адъютанта для руководства усмирением; не даром в тайном циркуляре от 26 июля 1856 г. по поводу ложных слухов о воле предписывалось не медля принимать против них меры, «дабы избежать последствий, подобных тем, какие произошли недавно в Новороссийском крае». Не даром департамент полиции исполнительной в отчете за 1856 г. уделял много внимания этому движению, а в отчете за 1858 г. указывалось на движения 1855 и 1856 гг., как на признак возбужденного настроения народа, заставлявшего опасаться

за спокойствие крепостных при обнародовании рескриптов [1]).

Говоря о крупных массовых движениях против крепостного права, выливавшихся в форму побегов, скажем несколько слов и о движениях 1854 и 1855 гг. по поводу морского и государственного ополчений. Хотя эти движения сопровождались самовольными уходами из селений для записи в ополчения и были вызваны слухами о даровании воли записавшимся в них, все же они по существу не были побегами, ибо население, кроме уходивших записываться, оставалось на местах.

Черты, объединяющие эти движения с витебским движением 1847 г. и новороссийским 1856 г., заключались в массовом характере их, заразительности и связи со стремлением масс к воле независимо опять-таки от степени крепостного гнета.

Движение крестьян, вспыхнувшее весною и летом 1854 г. по поводу призыва в морское ополчение, отмечено было департаментом полиции исполнительной в 10 губерниях [2]). Крестьяне, под влиянием слухов, что записавшиеся в морское ополчение и их семейства получат волю, толпами являлись в уездные и губернские города, в Москву и Петербург с изъявлением своего желания поступить в морское ополчение. Развитие этого движения в рабочую пору грозило помещикам большими убытками, и правительству пришлось военною силою останавливать проявления «патриотических» чувств населения во имя охраны помещичьих интересов. В места волнений двинуты были военные силы; командированы были 2 фл.-адъютанта, и в результате движение было задавлено.

Но в следующем 1855 г., также весною и летом, оно вспыхнуло с новою силою по поводу призыва в государственное ополчение, проявившись в 6 великороссийских губерниях и одной юго-западной (Киевской). Точно также поступление в ополчение связывалось с получением воли не только ратниками, но и их семействами. Охотников получить волю

---

[1]) Об этом движении 1856 г. см. Архив III отделения, IV эксп., 1856 г., № 153; Ц. Арх. Мин. Вн. Дел, Пол. Исп. 1857 г., № 877; Антонов, «Четверть века назад», «Ист. Вестн., 1887 г., № 11; А. Романов», «В Таврию за волей»— «Истор. Вестник», 1901 г., № 4.

[2]) В Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Новгородской и др.

нашлось не мало. Опять толпы крестьян потянулись в города для записи в ополчение, и силою штыков правительству приходилось останавливать готовность населения притти к нему на помощь в трудную военную годину.

Наиболее резко проявилось это движение в Киевской губ., углубившись здесь воспоминаниями о казачине, о казацком самоуправлении и о прочем. Здесь население в ряде мест требовало от священников царского указа о воле, прибегало при этом к насилиям, прекращало всякие крепостные отношения к помещикам и вотчинным властям, вводило у себя самоуправление. Несмотря на нежелание возбуждать крестьянское население против себя в крае, где был силен польский элемент, правительству пришлось двинуть довольно значительные силы для подавления разросшегося движения [1]). Для усмирения выехал сам ген.-губернатор, а из Петербурга командировали с тою же целью ген.-адъютанта Яфимовича. Крестьяне выказали местами большую активность, оказывая сопротивление военным командам, а местами и нападая на них. Всего известно 4 случая столкновений крестьян с войском, при чем, по официальным данным, было убито до 36 крестьян и ранено 57. В действительности, судя по указаниям современников, тех и других было значительно больше. В этом движении правительство столкнулось не только с активностью значительных народных масс, с необходимостью во имя защиты крепостного права сдерживать порывы населения, выгодные с государственной точки зрения, при чем требовалось в тяжелое время борьбы с внешним врагом уделять нужные военные силы на внутренний фронт; но здесь правительство было неприятно поражено обнаружившеюся попыткою агитировать среди населения против царя и его правительства во имя воли от имени французов и англичан. Я разумею попытку агитации со стороны студента Розенталя в с. Волнянке. Розенталь призывал крестьян к восстанию, обещая помощь со стороны французов и англичан. Правда, крестьяне захватили прокламацию, которую Розенталь читал им; правда, она была передана крестьянами начальству, и агитация, повидимому, не имела успеха. Но такая попытка, видимо, напугала правительство: крестьяне, захватившие про-

---

[1]) Было двинуто 16 эскадронов кавалерийской дивизии, 2 роты сапер, резервный батальон Белевского егерского полка и один дивизион.

кламацию, были щедро вознаграждены, произведен был ряд арестов, учрежден надзор над студентами, бывшими в то время в отпуску в провинции и т. д. Эта попытка Розенталя тем неприятнее была правительству, что как указывалось, среди крестьян действительно, и в других местах обнаруживались слухи, что англичане и французы хотят освободить крестьян от крепостной зависимости. Во время самого киевского движения около Киева, независимо от Розенталя, шел слух, что французы и англичане ведут войну за освобождение крестьянства; это будто бы, как указывалось выше, говорили чумаки, возвращавшиеся с солью из Крыма.

В великороссийских губерниях движение развилось сравнительно слабо, но и в таких размерах причинило правительству не мало неприятностей. Крестьяне уходили из имений записываться в ополчение или выходили из повиновения в самый разгар полевых работ, что наносило большой ущерб помещичьим хозяйствам. В то же время из-за военных действий в губерниях почти не было войск, и губернаторы указывали на свое бессилие справиться с крестьянским движением в случае его роста и углубления. Этим объясняются более суровые репрессии и угрозы ими в великороссийских губерниях, сравнительно с Киевской. Но здесь крестьяне быстро смирялись, и известен лишь один случай столкновения крестьян с военною командою, в результате которого было 9 раненых, из них 5 —тяжело. Однако и сюда правительство сочло нужным для усмирения командировать фл.-адъютанта [1]).

Как в побегах из-за слухов о воле для переселенцев, так и в массовых движениях 1854—55 г.г. выявляется стремление крестьян освободиться от крепостного состояния, воспользовавшись тем или другим распоряжением правительства, дающим, по крестьянским сведениям, право получить при известных условиях волю. Это стремление является очень характерным для крестьян. Не восставая во имя свержения крепостного права, они стремились использовать всякую возможность выйти из крепостного состояния. Одною из таких возможностей было доказательство своих прав перейти в свободное состояние на основании существующих юридических

---

[1]) О движении 1854—1855 г. см. И. Игнатович «Крест. волнения с 1854 по 1863 г. — «Минувшие Годы», 1908 г., № 5—11.

норм. Закон давал право как каждому отдельному крепостному, так и целым крестьянским обществам доказывать перед судом неправильное владение ими и таким образом добиваться признания себя вольными. Закон в известной мере становился даже на защиту интересов таких крестьян, ограничивая права помещиков по отношению к таким крестьянам, рядом статей ограждая ищущих волю от возможных притеснений помещика, предохраняя спорные имения от раздробления и т. д. Но в то же время закон требовал и от крестьян полного повиновения помещикам до окончания судебного иска о воле. Крестьяне жадно пользовались этою щелью в законе, чтобы выбраться из крепостных потемок в ряды свободных людей. Искали судом волю и отдельные лица, и целые крестьянские общества, нередко все население крупных имений. Этот путь достижения воли был также труден для крестьян. Нечего и говорить, что ищущие волю, особенно одиночки, нередко подвергались гонениям со стороны заинтересованных помещиков, пытавшихся таким путем отбить охоту к иску воли. Но самый иск требовал крупных расходов, большой настойчивости. Крестьяне, начав иск о воле, подвергали себя самообложению, иногда довольно чувствительному по размеру [1]. При взяточничестве, царившем в судах, крестьянам приходилось затрачивать нередко большие средства для продвижения дела вперед. При невежестве крестьян и их легковерии около них вились темные дельцы, отбиравшие от них их трудовые гроши за писание прошений, за советы, указания и т. д. Кретьянам приходилось затрачивать средства не только на ведение дела, но и на содержание избранных ими ходоков, на поддержку их семей и т. д. Им приходилось нередко бороться за самое право иска, за права ищущих волю, ибо помещики и даже местное начальство то и дело нарушали их. Им приходилось бороться с закулисными влияниями их господ, из владения которых они желали выбиться и которые нередко нажимали все законные и незаконные кнопки, чтобы добиться признания иска крестьян неправильным. Борьба была неравная, и сплошь и рядом крестьянам приходилось оказываться в положении неповинующихся и выносить на себе правительственные репрессии фактически только за настойчи-

---

[1]) Мы оставляем в стороне иски отдельных крестьян и имеем в виду лишь судебные иски о воле целых крестьянских обществ.

вость свою в ведении иска и за стойкость в защите своих прав, как ищущих волю. Эти страницы истории крестьянской борьбы за волю достойны особого внимания историка и должны быть изучены. Подобные иски о воле тянулись годами, а нередко и десятилетиями. Именно эти иски служили чаще всего причинами так наз. затяжных волнений.

Крестьяне нередко разорялись на ведение подобных исков, но продолжали настойчиво толкаться во всевозможные инстанции в расчете добиться, наконец, решения дела в свою пользу. Дела по искам крестьян воли доходили иногда до государственного совета.

Эти иски были разорительны не только для крестьян, но и для помещиков. Не говоря уже о том, что крестьянское разорение губительно отзывалось на помещичьем хозяйстве, но самая полнота помещичьей власти—-необходимое условие применения барщинного труда — переставала существовать в подобных имениях. Помимо юридического ограничения помещичьих прав на крестьян, ищущих волю, помещику приходилось считаться и с правосознанием самих крестьян, которые, начав иск, склонны были смотреть на себя, как на полусвободных или временно крепостных, а потому резко реагировали на такие проявления помещичьей власти, которые проходили незаметно в других имениях. Если в помещичьих имениях вообще по мере приближения к реформе 1861 г. можно отметить все более и более сгущавшуюся атмосферу взаимного недоверия и озлобления, то те же явления особенно резко проявлялись в имениях, население которых было «заражено» иском воли.

Основания для таких исков воли были крайне разнообразны. Иногда это были иски воли на основании духовных завещаний помещиков, где крестьянам давалась воля на основании закона 20 февраля 1803 г. [1]); иногда крестьянами доказывалась выморочность имения, отсутствие у владельца прав на владение ими или по происхождению, или по незаконности покупки, по происхождению самих крестьян от вольных людей и т. д.

К сожалению, в нашем распоряжении нет цифр, могущих дать хотя какое-либо представление о степени распростране-

[1]) Это были самые безнадежные иски, ибо, как известно, отпуск в свободные хлебопашцы по духовному завещанию был воспрещен.

ния самых исков о воле. Можно указать лишь, что из 210 случаев волнений (от 1826 — 54 г.г.), где в числе причин главенствовало стремление освободиться от крепостного права— иски о воле дали 64 случая волнений. Нельзя даже сказать, развивалось ли это явление среди крестьян ко времени реформы или нет. Но, несомненно, движение к воле этим путем было среди крестьян заметным течением.

В своем понимании оснований, по которым можно было рассчитывать на легальный выход из крепостного состояния, крестьяне шли дальше закона и широко толковали свои права. Так, среди крестьян было распространено убеждение, что они имеют право выкупа на волю. Сознание таких прав появлялось и до закона 8 ноября 1847 г. [1]), который в этом отношении отчасти совпадал с ранее сложившимся правосознанием крестьян. Крестьяне полагали, что могут выкупиться, приняв на себя долги помещика, уплатив долг опекунскому совету и т. д. Встречалась и такая точка зрения, что крестьян должны предупреждать о всякой продаже имения, дабы дать им возможность выкупиться, при чем крестьяне рассчитывали на помощь от правительства, в виде ссуд, рассрочки платежей, отсрочки срока выкупа и т. д. Закон 8 ноября 1847 г. в этом отношении принес разочарование крестьянам, ибо не оправдывал их надежд на помощь правительства. На почве таких взглядов крестьян происходил ряд недоразумений, ведших нередко к волнениям среди крестьян и неповиновениям.

Злоупотребления помещичьей властью также, по мнению крестьян, давали основание для иска воли. Так, по мнению крестьян, неисполнение продовольственной обязанности, даже стеснительное управление и т. под. лишали помещика права владеть ими. Этим объясняется между прочим обилие жалоб крестьян на помещиков в связи со слухами о воле. Подачу такой жалобы крестьяне иногда считали необходимой предпосылкой для получения воли. Почти при всяких слухах о даровании воли можно подметить циркулирующую среди крестьян легенду, что воля будет дана тем, кто жалуется на помещиков. Такие явления отмечались при Павле I, обильные жалобы на такой почве можно отметить в ряде

---

[1]) О праве крестьян на выкуп при продаже имения с аукционного торга.

случаев и в царствование Николая I. Этим, например, объясняется обилие крестьянских жалоб в 1842 г. в связи со слухами о воле по поводу указа 2 апреля 1842 г. В одном случае проявился даже слух, что крестьяне, отказавшиеся от повиновения при вводе нового помещика во владение, могут стать вольными. Вообще, как сказано, крестьяне толковали свои права «искать» волю юридическим путем—очень широко и, с их точки зрения, количество легальных путей для выхода из крепостного состояния было гораздо больше, чем то, какое, в действительности, предоставлял им закон. Это «искание» крестьянами воли легальными путями, хотя бы и ложно ими понимаемыми или лишь создаваемыми их собственным правовым творчеством, следует усиленно подчеркнуть.

Помимо стремления крестьян теми или другими путями выйти из крепостного состояния, можно отметить и другую струю в крестьянском движении крепостного времени. Крестьяне борются всеми возможными средствами со злоупотреблениями помещичьей властью, было ли то на экономической или правовой почве, борются со всякими попытками и стремлениями помещиков повысить экономическую эксплоатацию крестьянского труда. Последняя сторона крестьянского движения находится в непосредственной преемственной связи с аграрным крестьянским движением пореформенного времени.

Одним из средств такой борьбы была подача крестьянами жалоб различным правительственным властям. Мы говорили выше, что иногда такая жалоба, с точки зрения крестьян, являлась путем для получения воли, и обилие их в некоторые годы объясняется соответствующими слухами. Но подача жалоб была и прямым средством борьбы со злоупотреблениями помещичьей властью или со становившимся невыносимым экономическим гнетом. Выше указывалось, что развитие помещичьего хозяйства тяжело отражалось на экономическом положении крестьян, ведя к постепенному обезземелению, усиленной эксплоатации в разных формах и видах крестьянского труда, мелкой регламентации частной жизни крестьян, наказаниям и т. д. Как злоупотребления, так и усиливавшийся экономический гнет заставляли крестьян обращаться за защитой к правительственной власти в форме жалоб. Этот путь борьбы был также не легок для крестьян. Выше указывалось, какими

скорпионами грозил закон крестьянам за подачу жалоб даже по уложению 1845 г. Правда, эти скорпионы не устрашали крестьян, и они усиленно забрасывали жалобами как местные, так и центральные правительственные инстанции, вплоть до царя и членов императорской фамилии. Подавали жалобы отдельные личности, подавали крестьянские общества, подавали скопом, являясь иногда толпами в уездные и губернские города с этою целью, подавали через особо избранных ходоков. Толпу отправляли под конвоем обратно, большею частью предварительно перепоров жалобщиков в земской полиции; ходоки нередко возвращались с бритыми головами, в кандалах, платились тюрьмою и ссылкою за служение миру. Но это не устрашало крестьян, и они снова изыскивали способы подать жалобу, снова слали ходоков и т. д. Нередко крестьяне одного и того же имения подавали по нескольку прошений в год в различные инстанции, прошение за прошением на протяжении нескольких месяцев подавали государю и т. д. В настоящее время почти невозможно подсчитать, сколько прошений подано было крестьянами в крепостное время. Имеющиеся цифры дают крайне не полное представление о степени распространенности этого явления и той настойчивости, с какою крестьяне повторяли свои жалобы. Так, за 10-летний промежуток времени (1844—1854 г.), по указанию историка министерства внутр. дел Варадинова, в министерстве было 319 дел по крестьянским жалобам и 34—по всеподданнейшим жалобам; следовательно, на год в среднем приходилось по 32 дела, а вместе с делами по всеподданнейшим жалобам—по 35-ти. Этот перечень, несомненно, не дает представления о действительном количестве жалоб, поступавших в министерство внутр. дел. Например, по делам о крестьянских волнениях, ведшихся в том же министерстве, известно, что редкое волнение обходилось без подачи всеподданнейшего прошения, а таких прошений некоторые крестьяне подавали по нескольку в год. А сколько жалоб осталось без движения, вследствие признания их местными властями «неосновательными.» Сколько жалоб получало то или иное разрешение, не доходя до центральных властей! Назначение нового губернатора, сенаторской ревизии в губернии пробуждало надежды среди крестьян, что жалобы их, могут быть услышаны свежими людьми, не связанными тесными узами с местными помещиками, и жалобщики толпами

шли к этим лицам[1]). Особенно увеличилось количество крестьянских жалоб в последние года перед реформой. Причиной этого были с одной стороны возбудившиеся надежды крестьян получить защиту от помещичьей эксплоатации, с другой— слухи о близкой воле. Все это делало крестьян более чувствительными к тем проявлениям помещичьей власти и к тем тягостям своего экономического положения, которые раньше сносились ими безропотно. Помимо этого перед реформой как местная, так и центральная администрация относилась внимательнее к крестьянским жалобам: давали ход и назначали формальные следствия по таким жалобам, которые в прежнее время положили бы под сукно, ограничившись «строгим внушением» крестьянам о повиновении владельцам, подвергнув жалобщиков полицейскому взысканию, т. е. порке[2]).

Нам уже приходилось указывать на изменение отношения правительства к крестьянским жалобам. Приходилось отмечать и то, что подача жалоб постепенно делалась обычным правом крестьян. Но помещики продолжали с неприязнью и беспокойством встречать каждую подачу жалобы крестьянами. Принесение жалобы указывало на активное недовольство крестьян, поколебленный авторитет помещичьей власти и отсутствие *беспрекословного* повиновения помещику, без какового условия вести крепостное хозяйство было почти невозможно. При подаче жалобы толпою, когда все или часть крестьян отлучались из имения, работы временно прекращались или шли менее интенсивно. В некоторых случаях подача жалобы вела к взрыву неповиновения вотчинным властям, тем более, что крестьяне

---

[1]) Мордовцев, стр. 255, 262—263. Пребывание сенатора Дурасова в Вологодской губ. в 1826 г вызвало целый ряд крестьянских жалоб, направленных к нему. По указанию Заблоцкого-Десятовского, при пребывании управляющего министерством внутренних дел в Тамбовской губернии в 1840 г. несколько тысяч помещичьих крестьян шли в город, чтобы жаловаться ему, но были остановлены местными властями обещанием удовлетворить их просьбы. (Заблоцкий-Десятовский «Гр. Киселев и его время», т. IV, стр. 302).

[2]) И. Я. Никотин, состоявший при виленском, ковенском и гродненском ген.-губернаторе, свидетельствует, что после открытия губернск х комитетов (в 1858 г.) и виленской комиссии по улучшению быта крестьян, крестьяне стали смелее жаловаться и «ген.-губернаторское управление было завалено разными просьбами крестьян на помещиков». Прежде, говорит Никотин, жалобы были редкими, ибо последствия их были обыкновенно печальны для жалобщиков, хотя тяжелое положение крестьян ни для кого не было тайною. Теперь же по жалобам крестьян стали производить подробные исследования. (Из записок И. А. Никотина. — «Русская Старина», 1902 г., февраль, стр. 364—365).

нередко, опротестовав те или другие распоряжения помещика, отказывались выполнять обжалованные повинности впредь до разбора жалобы. Это наносило еще более серьезный ущерб помещичьему хозяйству и вообще вовлекало помещика в ряд неприятностей и убытков, сопряженных с крестьянским «неповиновением». Если же помещик чувствовал за собою наличность злоупотребления помещичьей властью, то подача жалобы могла быть чреватой для него неприятными последствиями вплоть до отдачи имения в опеку или предания помещика суду, если жалобе давался ход и расследование вскрывало эти злоупотребления. И действительно, как ни мало было гарантий в успешности жалоб крестьян, как ни потворствовало начальство, полиция и чиновники помещикам, тем не менее число имений, взятых в опеку, увеличивалось с каждым годом. В 1838 г. в опеке было 140 имений, в 1840 г.—159, в 1851 г.—200 имений, в 1852—53 г.—193 имения. Это—имения, взятые в опеку вследствие злоупотребления помещичьей властью [1]).

Как видим, количество опек росло. Это может значить, с одной стороны, что злоупотреблений стало больше, что крестьяне стали смелее подавать жалобы, что терпение их истощилось, но скорее всего здесь влияло стремление Николая I к ограничению крепостного права путем более строгого отношения к злоупотреблению помещичьей властью и регулирования быта крепостных.

Помещики неприязненно относились как к подаче жалоб, так и к более внимательному отношению правительства к ним и по другой причине. Помещики хорошо были знакомы с заразительностью жалоб. За судьбами поданной жалобы внимательно следили не только сами жалобщики, но и соседи. Назначение расследования по поданной жалобе, какие-либо распоряжения по поводу ее в пользу крестьян окрыляли надеждою и соседних крестьян, побуждая их подавать также жалобы. Тульский губернский предводитель Мяснов в 1846 г. обратился даже к уездным предводителям с секретным циркуляром, где просил «никогда ни словесных, ни письменных жалоб от людей на помещиков не принимать», ибо «таковые

[1]) Между тем, по указанию Мордовцева, в одной Саратовской губернии за 7 лет возникло 342 дела по злоупотреблениям помещичьей властью. Мордовцев, «Накан. воли», стр. 313.

жалобы... могут только распространять в народе неуважение к законным властям» [1]). Если допускать жалобы крестьян на помещиков, земскую полицию, опекунов, писал он министру внутренних дел Перовскому в том же году, то «почему после этого не ожидать требований перемены исправников, губернаторов, министров? И куда поведут жалобы неразумного народа, часто оставляющего полевые работы в самое не терпящее время и шатающегося большими партиями по уездным и губернским городам...» [2]) Смоленский губернский предводитель Друцкий-Соколинский ставил в 1852 г. в непосредственную зависимость обилие крестьянских жалоб и неповиновений в Смоленской губернии в 1851—52 г. с внимательным отношением к ним смоленского губернатора Херхеулидзева.

«Смоленская губерния,—пишет он,—благодаря бога, до 1851 г. состояла в ряду губерний, в коих случаи неповиновения крестьян своим владельцам обнаруживались редко, а с 1851 г. жалобы крестьян, иногда даже скопом, на притеснения их владельцев, равно как и со стороны владельцев ропот на леность, небрежение к работам, неповиновение крестьян стали обнаруживаться все чаще и чаще». «Помещик взыскивает за ослушание и леность,—сетует кн. Друцкий-Соколинский, крестьяне отправляются в Смоленск с жалобой, и прежде—нежели откроется, в чем дело, наказание уже названо жестоким обращением. Крестьяне это видят, и с напряжением смотрят на последствия своих попыток» [3]).

---

[1]) В. И. Семевский, «Крест. вопрос...», т. II, стр. 576.

[2]) Ibid.

[3]) В. И. Семевский «Крестьянский вопрос...», т. II, стр. 599. Указания кн. Друцкого-Соколинского на рост волнений с 1851 г. в Смоленской губ. было несправедливо. Из 43-х случаев волнений, известных с 1826 по 1854 г. по Смоленской губ., 11 падают на пятилетие 1850—1854 г. (2;1;2;3;3) и 12—на пятилетие от 1845—1849 г., при чем 4 из них были в 1847 г., и 8—в 1848 г. Но обилие жалоб, подававшихся крестьянами в Смоленской губ. в 1851 г., подтверждается предписанием управляющего министерством внутр. дел. губернатору Херхеулидзеву в 1851 г. по поводу их. Обращая внимание, что, по донесениям губернатора и из «полученных им особых сведений», «с некоторого времени в Смоленской губ. весьма часто и гораздо более, нежели в других губерниях, возникают беспокойства между помещичьими крестьянами, а особенно усиливается стремление их к подаче жалоб на своих владельцев», при чем жалобы часто подаются скопом, толпами, управляющий министерством внутр. дел ставил это между прочим в связь с тем, что «губернские и местные полицейские начальства... слишком легко принимают подобные жалобы... и не удостоверившись предварительно, заслуживают ли они внимания, дают часто сим жалобам прямо формальный ход, назначая по оным следствия в помещичьих имениях». (Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1858 г.

Пронский уездный предводитель в 1860 г. указывал по поводу одной жалобы, признанной им неосновательной, что «невзыскание за подобные жалобы увеличит число обращающихся (с жалобами) и вместе породит неуважение и безбоязненность к помещикам и вотчинному начальству, и тогда трудно будет ввести порядок и спокойствие» [1]).

Жалуясь на помещиков, крестьяне ожидали себе защиты, как указывалось, со стороны. Но они этим не ограничивались. Они переходили к более активным протестам. Так, красный петух и тогда гулял по усадьбам помещиков. Известно, что число сосланных за поджоги было больше всего в местностях с густым сельским населением [2]). Наказания, которым подвергали крестьяне своих господ, по указанию Самарина в его записке 1854—56 г.г., в то время стали особенно часты. Славутинский также указывает, что в середине 50-х гг. стали часто встречаться более или менее сильные побои и оскорбления, наносимые помещикам. В 1855 г. официально известно 16 случаев расправ крестьян с помещиками и вотчинными властями в 13 губерниях. В 1856 г. было 11 случаев побоев и других оскорблений; в 1857 г.— 4 случая. В 1858 г. в 8 случаях помещикам были нанесены более или менеее тяжелые побои, одному управляющему были нанесены раны и четырем—побои. В 1859 г. известно 3 случая побоев; в 1860 г.—3 случая и 1 случай в течение января и февраля 1861 года.

№ 1560). Не доставил ли кн. Друцкий-Соколинский в министерство внутр. дел те «особые сведения» о росте волнений и жалоб в 1851 г. в Смоленской губ. и о действиях смоленской губернской и местной администрации, на которые ссылается управляющий министерством внутр. дел, делая замечание Херхеулидзеву, что «в приеме жалоб от крестьян на владельцев, а особенно в распоряжениях по оным надлежит поступать с крайнею осторожностью». Сведения управляющего министерством внутр. дел совпадают с теми ядовитыми замечаниями, которые делал кн. Друцкий-Соколинский в своем письме к Херхеулидзеву.

[1]) Повалишин. «Ряз. помещики...», стр. 245.

[2]) Гр. Редигер в конфиденциальной записке 1855 г. указывал на более сильный рост числа пожаров в сельских местностях сравнительно с городами в 1846 — 1847 г.: в то время как количество пожаров в первых местностях увеличилось на 58%, — в городах оно возросло лишь на 20%. Некий помещик Елизаров указывал в письме от 29 января 1861 г., что в Краснослободском уезде Пензенской губ. в короткое время произошло 5 пожаров у 5 различных помещиков, из которых четвер› слыли за добрых порядочных людей... Эти поджоги происходили один за другим со все уменьшавшимися промежутками времени и нагнали большой страх на помещиков: они опасались развития этого явления. (Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1861 г. № 298).

Администрации делались известными далеко не все случаи подобных расправ с помещиками. «Большинство считало нужным молчать, видя в оглашении таких случаев не только позорящее для того, на кого нападение было произведено, но и опасное для сохранения помещичьего авторитета» [1]. Нельзя забывать и того, что при Николае I было установлено, чтобы при следствиях по поводу покушений на убийство и т. п. расправ с помещиками присутствовал предводитель дворянства и жандармский штаб-офицер в интересах раскрытия причин подобных расправ с помещиками. Так как расправы бывали чаще всего следствием злоупотребления помещичьей властью, то помещики, знавшие за собой эту вину, из опасения раскрытия их злоупотреблений на следствии, предпочитали замалчивать факты нападения на них со стороны их крепостных крестьян. Так, например, начатое дело о побоях, нанесенных крестьянином рязанскому помещику Еропкину, было прекращено по желанию самого потерпевшего. Этот Еропкин систематически разорял своих крестьян путем вымогательства у них денег или просто отбирал от них имущество [2]. Одна великосветская дама была высечена своими людьми, но никому ничего не сказала об этом и даже не требовала от губернатора производства следствия [3]. Помещик Поливанов, Юрьевского уезда, в 1854 г. переменил дворню ввиду попытки одного камердинера взорвать его, но следствия и суда не было, так как Поливанов не хотел этого, а камердинер был сдан в солдаты [4].

Пример камергера Базилевского, высеченного своими дворовыми в 1849 г. и затем, по обнаружении этого, высланного из имения с ограничением права выбора места жительства, показывает, как правы были помещики, скрывая расправы крепостных с собою. В другом случае помещик Спазин, высеченный крестьянами, был отдан под суд по распоряжению Николая I, а имение его было взято в опеку. Такая кара постигла его за обнаружившееся при следствии жестокое обращение с крестьянами и дурное их содержание [5].

---

[1]) Кн. Волконский, стр. 42.
[2]) Ф. Д. Бобков. «Ист. Вестник». 1907 г., кн. VI, стр. 743—744.
[3]) «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Русск. Архив», 1898 г., кн. VII, стр. 413.
[4]) Ф. Д. Бобков. «Ист. Вестн.», 1907 г., кн. VI, стр. 744.
[5]) П. Аргунов. «Сечение крестьянами помещиков». «Архив Ист. Труда», кн. III, стр. 117—19.

Не менее часты были убийства помещиков и покушения на убийства. В течение 9 лет (1835—1843 г.) в Сибирь было сослано за убийство помещиков—416 человек (298 мужчин и 118 женщин) [1]. С 1835 по 1854 г. было 144 случая убийств помещиков, т. е. по семи в год, помимо 29 случаев за это время убийств управляющих. Покушений на убийство в 1836—1854 г. было 75 случаев. Ежегодное число случаев колебалось от 1 до 7, по 4 в среднем в год. Не прекращались они и накануне реформы. Как указывалось в 1855 г., известна лишь общая цифра расправ с помещиками (убийства, покушения и побои). В 1856 г. убийств было 8, покушений—2, в 1857 г. убийств—5, покушений—4, в 1858 г. не было случаев убийств помещиков, но был убит один управляющий. В 1859 г. было 4 случая убийства, 4 покушения, в 1860 г.—3 убийства, 1 покушение и за январь—февраль 1861 г. было 2 убийства и одно покушение. Всего же за время 1856—61 г. было 23 убийства, 12 покушений и 35 случаев побоев и других случаев оскорблений. Как видим, количество их сравнительно с николаевским временем как будто бы уменьшилось [2].

Причинами этих расправ с помещиками были чаще всего крайняя требовательность помещиков, страх перед наказанием или месть за него; видное место в числе причин занимает также разврат помещиков; кроме того, убийства и покушения на убийство совершались при сдаче в рекруты, при введении общественной запашки, из-за опасения переселений, после насильственного возвращения из бегов, при желании избавиться от услужения в господском доме, получить свободу и проч. Способы убийства были различны: удушение, зарезание, выстрел из ружья [3]. Помещик Ярославской г. Щепочкин был ночью во время сна взорван порохом, подложен-

---

[1]) В. И. Семевский «Крестьянский вопрос...», т. II, стр. 581.

[2]) До 1854 г. на год приходилось по 7 убийств в год, в годы перед реформой известных случаев приходится менее 5 на год; покушений приходилось до 1854 г. по 4 в год, за время от 1856 по 1861 г. приходится почти по 2 на год.—Цифры, относящиеся к 1856—58 гг., взяты из отчетов Деп. Пол. Исп. Министерства Внутр. Дел за эти годы (А. М. В. Д. Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 877; 1858 г. № 564; 1859 г. № 538).—Относительно 1859 и 1860 гг. приведены данные, имеющиеся в еженедельных справках, составлявшихся для доклада Александру II (А. М. Вн. Д. Земск. Отд. Канцелярия, 1859 г. № 1 и 1860 г. № 2). Цифры 1861 г. получены на основании дел, хранящихся в А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. и Земск. Отд. за 1861 г.

[3]) В. И. Семевский «Кр. вопрос...», т. II, стр. 584—85.

ным под спальню дворовыми людьми [1]). Самарин приводит случай, когда крестьяне замолотили (буквально) помощника управляющаго, выведенные из терпения его притеснениями. Помощник здесь явился мишенью для ярости крестьян, так как имел несчастие быть посланным для распоряжения на барщине [2]). В селе Устерии Корсунскаго уезда Симбирской губ. крестьяне подожгли суконную фабрику и бросили живого помещика в огонь [3]).

В 1846 г. двое дворовых могилевского помещика Лесневского, как указывалось, убили в один день в трех имениях 6 и ранили 8 человек дворян.

На ряду со всеми этими формами протеста росло количество и т. наз. крестьянских волнений или, вернее, неповиновений. Эти неповиновения заключались в нарушении обычного порядка в помещичьих имениях, сопровождаясь обыкновенно отказом повиноваться помещичьей власти вообще или отказом выполнять те или другие определенные веления помещиков или вотчинных властей [4]). Иногда эти неповиновения сопровождались самоуправствами в имениях, в виде смены сельских начальников, введения новых форм управления, распорядка работ, самовольного распределения земли, ухода из имения, насилий над помещиками и вотчинными властями и т. под. При вмешательстве правительственных властей в эти столкновения крестьян с помещиками крестьяне иногда оказывали не только упорство в своем неповиновении помещику, но и неповиновение самим губернским и уездным властям. Тогда внутрикрепостное волнение принимало уже формы неповиновения правительственной власти. Иногда, хотя и редко, это неповиновение переходило в бунт с вооруженным сопротивлением или даже нападением на воинскую команду. Таких случаев в николаевское время перед реформою было очень мало и, повидимому, меньше, чем в 1-й четверти XIX века, не говоря уже по сравнению с XVIII веком.

Эти неповиновения были в большинстве случаев мирными выступлениями крепостной массы, сравнительно редко сопровождавшимися эксцессами против помещиков или вотчинных

---

1) Матер. для ист. креп. пр., стр. 48.
2) Самарин, т. II, стр. 13.
3) Н. А. Крылов. «Накан. вел. реф.»—«Ист. Вестн.», 1903 г. кн. IX
4) Ослушаний отдельных или нескольких лиц мы здесь не касаемся а говорим о неповиновениях более или менее большой группы крестьян.

властей, а еще реже—против представителей губернской и уездной власти. Они были разрозненными выступлениями крепостной массы обыкновенно в границах отдельных крепостных ячеек, какими являлись имения. Если мы и встречаем изредка выступления крестьян нескольких имений за раз по одному поводу, то при ближайшем рассмотрении эти имения оказываются частями раздробленного между несколькими владельцами одного большого имения, связь между которыми сохранилась и имелись общие причины волнения, крывшиеся в общих условиях жизни населения прежнего большого имения. Правда, по мере приближения к реформе можно отметить все чаще встречающиеся указания на большую заразительность волнений, внимательное отношение соседних крестьян к ходу волнения и готовность их начать неповиновение по примеру соседей по однородным поводам. Трудно сказать, являются ли эти указания симптомами все более и более растущей тревоги местных и центральных властей перед ростом крестьянских волнений, или они являются правильными наблюдениями над фактами действительности. Повидимому, мы имеем здесь налицо то и другое.

Крестьяне чутко прислушивались и присматривались к происходившему вне их имения и готовы были в любой момент выйти из того неустойчивого повиновения, в котором они находились накануне освобождения. Более или менее удачный исход волнения для одних крестьян окрылял их надеждою и побуждал выступать с теми или другими требованиями внутри своей крепостной ячейки.

Эта неустойчивость повиновения, готовность в любой момент нарушить обычный порядок в имении, та атмосфера скрытого раздражения и озлобления, которая делалась обычною в помещичьих имениях, была одним из червей, которые подтачивали крепостные помещичьи хозяйства. Хозяйство могло вестись на основе несвободного труда только при условии безусловного повиновения трудящихся. Несвободный труд, и без того отличающийся малою интенсивностью, требовал постоянного надзора, мелкой регламентации, раздражавшей крестьян. Развитие помещичьего хозяйства вело, как мы видели, к усиленному надзору даже за частною жизнью крестьян и за их хозяйствами, к сокращению крестьянских запашек, усиленной эксплоатации крестьянского труда в виде

усиления барщинных работ, подводной повинности, увеличения оброка и т. д. Все эти явления держали крестьян в состоянии постоянного скрытого раздражения, вражды, что вело к мелким ослушаниям, неисполнительности, готовности иногда по ничтожнейшему поводу обнаруживать уже явное неповиновение. Ко всем трудностям ведения сельского хозяйства присоединялось отсутствие полного повиновения рабочих сил, ежечасно и ежеминутно готовых нарушить расчеты помещика. А между тем это состояние скрытого раздражения, скрытого брожения, мелких ослушаний, неучитываемой непокорности, это состояние неустойчивого равновесия делалось все более обычным для помещичьих имений, подсекая и без того не блещущие хозяйственными успехами помещичьи хозяйства. Такое состояние крестьян дало перед реформою особый тип крестьянских волнений, при котором крупных неповиновений, заметных выступлений крестьянской массы против помещиков не было, но не было и социального мира. Владельцы таких имений засыпали правительственные власти жалобами на непокорных крестьян, просили усмирить их, но являющейся в имение земской полиции нечего было делать. Крестьяне формально повиновались, *усмирять* было *некого*, но не было и того повиновения, которое давало бы помещику возможность делать правильные расчеты в своем хозяйстве. Эти волнения, брожения, которые даже нельзя строго говоря отнести в рубрику неповиновений, тем не менее доводили помещика до необходимости просить или взять имение в опеку, или купить его в казну, или, наконец, помещики старались продать его в другие руки. С другой стороны, это состояние скрытого брожения приводило к повторяемости волнений в одном и том же имении, так что отдельные неповиновения можно счесть за вспышки или временные обострения ненормальных крепостных отношений, ставших уже обычными в подобных имениях. Такое состояние имений длилось годами, а иногда десятилетиями и давало особый тип т. наз. затяжных волнений. Они нередко совершенно изнуряли враждующие стороны, и в результате помещик также стремился тем или другим способом сбыть разоренное имение или продажей его в частные руки, или в казну. Нужно заметить, что подобные имения, истачиваемые червем крестьянского волнения, теряли в своей ценности и неохотно приобретались.

Это в лучшем случае неустойчивое равновесие социального мира, а вернее отсутствие его, делавшееся обычным состоянием внутренних отношений крепостной ячейки, сильно тревожило правительство и дворянство. Увеличивающееся на этом общем фоне количество открытых неповиновений крестьянской массы, растущая настороженность крестьян к выступлениям соседей, готовность их выступать на путь неповиновений вслед за ними, растущая восприимчивость крестьянских масс к слухам о воле, приводящим в движение и к однородным действиям крестьянские *массы,* все это вместе взятое было грозным симптомом народного революционного возбуждения, могущего вылиться в взрыв народной ненависти против своего давнего социального врага. Нам приходилось уже останавливаться на крупных массовых движениях, связанных со слухами о воле и со стремлениями крестьян к ней. Ознакомимся теперь с общими чертами крестьянских волнений в форме неповиновений помещичьей и правительственной власти.

Общее количество таких волнений несомненно росло в XIX в. К сожалению, нам неизвестно общее количество волнений в первой четверти XIX в., но зато мы располагаем достаточным материалом для некоторых выводов за время от 1826 по 1861 г., т. е. за 35 лет до момента освобождения [1]).

Разделив эти годы по десятилетиям [2]), мы видим определенное нарастание крестьянских волнений.

Годы.	Волнений.	%%
1826—1834	148	12,4
1835—1844	216	18,2
1845—1854	348	29,3
1855—1861	474	40
	1186	100,0

Как видим, нарастание волнений несомненно. Из общей суммы известных волнений 474, или 40%, т. е. 2/5 их,

[1]) Приводимые ниже сведения и выводы сделаны на основании подлинных дел, хранящихся в б. Центр. Архиве Минист. Внутр. Дел, отчетов Министерства Внутренних Дел за 1836—54 г. (Матер. для ист. креп. права) и «Истории Министерства Внутр. Дел». Варадинова (т. III кн. 1—4), составленной также на основании подлинных дел, многие из которых в Архиве Мин. Внутр. Дел впоследствии были уничтожены. Некоторые факты почерпнуты из архива III отделения, из местных исследований Повалишина, Мордовцева, Снежневского и др., из воспоминаний современников и т. д.

[2]) Таблица составлена на основании вышеуказанных источников. Первое 10-летие включает в себя фактически 9 лет, а последнее хронологическое деление—6 лет и 2 месяца.

приходится на последние 6 лет крепостного времени; около $^1/_3$ волнений (29,3) приходится на 1845—1854 г. Нужно, впрочем, заметить, что количество волнений от 1855—61 г. может быть несколько повышенным, ибо при настороженном внимании правительства к крестьянским волнениям в годы выработки реформы местные власти доносили в министерство внутренних дел и о таких неповиновениях, о которых в обычное время не сообщалось в центр. Поэтому за эти годы мы имеем более полные сведения о крестьянских волнениях, чем за предыдущие годы. Зато цифры волнений за первую половину 50-х г.г. страдают неполнотою, что может быть объяснимо глухою реакцией в правительственных сферах вообще и в крестьянском вопросе в частности. Это могло отразиться и на количестве донесений местных властей в центр о крестьянских волнениях, и ослабить толки о воле в крестьянской массе из-за указанной реакции. Если мы возьмем только годы николаевской эпохи от 1826 по 1854 г., то и тогда увидим резкое увеличение числа их. Из общей суммы 712 волнений—317, или 48,8%, т. е. почти половина их падает на последнее 10-летие, давая в 1826—1834 г.—20,7%, или $^1/_5$, и на 10-летие 1835—1844 г.—30,3%, или около $^1/_3$.

Распределив эти же 712 волнений по пятилетиям, мы увидим, что

В	1826—29 г.	было	88	волнений.
»	1830—34 »	»	60	»
»	1835—39 »	»	78	»
»	1840—44 »	»	138	»
»	1845—49 »	»	207	»
»	1850—54 »	»	141	»

Это деление более уясняет нам картину крестьянских волнений. Первые 4 года выделяются количеством волнений из-за обилия их в первый год царствования Николая I, когда крестьянская масса напряженно ждала объявления указа о воле [1]). Обилие волнений с 1845 по 1849 г. объясняется целым рядом причин. Четвертая часть (50) волнений за этот период приходится на Северо-Западный и Юго-Западный край. Здесь в эти годы шла усиленная подготовка инвентарей, а в Юго-

---

[1]) См. ст. И. Игнатович «Волнения крестьян 1826 г. в связи со слухами о воле и о 14-м декабря 1825 г.» в сборн. «Борьба крестьян за свое освобождение», изд. «Петроград», 1924 г.

Западном крае происходило и самое введение нового инвентарного положения. Перевод в 1844 г. казенных крестьян с барщины на оброк вызвал обильные слухи о подобной же мере и относительно помещичьих крестьян. Наконец, в этом крае заметны были следы польской демократической агитации, и в эти же годы есть следы влияния на крестьян галицийских событий 1846 г. [1]). Все это вместе взятое порождало многочисленные слухи и вело к волнениям. На это же 5-летие падает объявление и негласная отмена указа 8 ноября 1847 г. о праве крестьян выкупаться при продаже имения с аукционного торга. В связи с этим указом произошел ряд волнений в различных губерниях. Наконец, не забудем, что в 40-годах вопрос о крепостном праве живо обсуждался в правительственных и дворянских сферах, что порождало обилие слухов в крестьянской среде, дававших повод к волнениям.

Крестьянские волнения происходили почти повсеместно, а именно—в 43-х губерниях, при чем на каждую губернию приходится в среднем по 16 волнений; ежегодно же в среднем за время от 1826 по 1854 г. волновалось более 24 имений [2]).

Распределялись они по районам следующим образом (см. табл. стр. 334): [3])

Всматриваясь в эту таблицу, мы видим, что нечерноземные великороссийские губернии, где скопилась главная масса крепостного населения (28,5%), дали 36% всех волнений, т. е. более $^1/_3$. Если же мы возьмем губернии с преобладанием барщинных крестьян, то оказывается, что на них падает 400 случаев волнений или 59,2% всех волнений за указанный период. Эти цифры как будто бы дают право утверждать, что барщинное крепостное население сильнее волновалось, чем оброчное. Но если мы сопоставим эти цифры с количеством крепостных в этих губерниях, то этот вывод вызывает некоторое сомнение. Нечерноземные оброчные губернии с 28,5% крепостного населения дали 36% волнений, а губернии с преобладанием барщинных крестьян при 64,1%

[1]) См. ст. И. Игнатович. «Отражение в России крестьянского движения в Галиции 1846 г.» — в «Сборнике Трудов профессоров и преподавателей Госуд. Иркутск. Университета», вып. V, Иркутск, 1823 г.

[2]) Если же брать весь период от 1826 по 1861 г., то на каждую губ. приходится по 27 волнений, а на каждый год почти по 34 волнения.

[3]) См. табл. № 12. В подсчет введено только 674 волнения.

Районы.	Количество волнений.	Количество волнений в процентах.	Процентное распределение оброчных крестьян.	Процентное распределение издельных крестьян.	Процентное распределение крепостных по районам.
Нечерноземные великороссийские губернии	241	36	58,9	41,1	28,5
Черноземные великороссийские губернии	149	22	28,8	71,2	22.5
Поволжские губернии	65	9	26,7	73,3	6,0
Северо-Западный край	61	9	7,6	92,4	9,7
Малороссия левобережная	54	8	0,7	99,3	7,8
Малороссия правобережная	39	6	2,6	97,4	10.0
Новороссийские степные	27	4	0,1	99,9	3,2
Приуральские северные	19	3	9,8	90,2	1,9
Восточные степные	12	2	17,0	83,0	1,7
Ставропольская губерния	5	0,8	—	—	0,1
Область Войска Донского	2	0,2	2,8	97,2	1,3

крепостного населения дали 59,2% волнений. Мы видим, что в барщинных губерниях % волнений отстает от % крепостного населения, в то время как в оброчных мы наблюдаем обратное явление. Следовательно, относительно в оброчных нечерноземных губерниях происходили чаще волнения, чем в черноземных барщинных.

Если мы обратим внимание на хронологическое распределение волнений, происходивших в нечерноземных губерниях, то увидим, что наибольшее количество их падает на 20-ые годы (21,1%) и на 40-ые (в 1840—44 г. было 23,2% волнений и в 1845—49 г.г.—22,3%), годы, когда помещики боролись с последствиями неурожаев и приспособляли свои хозяйства к извлечению наибольшего дохода из своих имений. Мы знаем, что борьба эта выражалась в заведении

барщинных запашек в имениях для использования труда недоимщиков, т. е. в переводе всех или части крестьян с оброка на барщину или введении смешанной системы. Повидимому, этим и следует объяснить относительно большее количество волнений в нечерноземных губерниях с преобладанием оброчной системы. Мы знаем из предыдущего изложения, что барщинная система сделала ко времени освобождения повсеместное завоевание именно через развитие смешанной системы, при которой барщина причудливо сочеталась с оброчной системой. Во второй половине 20-х г.г. в нечерноземных великороссийских губерниях произошло 60% всех волнений за эти годы; в 1840—44 г.г. на эти же губернии падает 40% всех волнений за эти годы, а это как раз периоды, когда развитие смешанной системы и перевод на барщину даже в нечерноземных губерниях должны были развиваться наиболее сильно из-за предыдущих неурожаев. Таким образом, относительно большее количество волнений в губерниях с преобладанием оброчной системы мы склонны относить как к самой оброчной системе, давшей развиться в крестьянах большей самостоятельности, энергии и стойкости в защите своих интересов, так и к развитию смешанной системы в этих губерниях.

Главная масса волнений (400 или 59,2%) падает на губернии с сильно развитой барщинной системой (от 71,2—99,9% барщинных крестьян). При этом мы можем отметить, что барщинные губернии постепенно вовлекаются в крестьянское движение, что нужно поставить в связь с развитием экономической эксплоатации крестьян, ростом и развитием барщинной системы, ростом барщинной запашки, вообще с увеличением тех скорпионов, которыми сопровождалось для крестьян развитие помещичьего хозяйства.

Новороссийские степные губернии начинают волноваться со второй половины 30-х г.г.; восточные степные губернии вдвигаются в ряды волнующихся губерний—с начала 40-х г.г.; Ставропольская губерния появляется среди них также лишь в 40-х г.г.; левобережная Малороссия начинает сильнее волноваться с 30-х г.г. Область Войска Донского имеет, повидимому, эпизодическое значение. Правобережная Малороссия тоже появляется среди волнующихся губерний лишь со второй половины 30-х г.г. и успокоенная, видимо, введением инвентарей, не дала волнений в 50-х годах.

Ключ к пониманию разбираемой таблицы мы можем найти в истории развития экономических отношений и ухудшении экономического положения крестьян в связи с развитием помещичьего хозяйства. Влияние развития барщинной и смешанной системы на рост крестьянских волнений станет, вероятно, еще яснее, когда будут изучены крестьянские волнения в полном объеме. Теперь по самому характеру материалов, которыми приходится оперировать, мы знаем волнения в более крупных имениях, где, как мы знаем, оброчная система обусловливалась нередко только величиной имения. Мы знаем об этих волнениях главным образом по донесениям в министерство внутренних дел, куда сообщали обыкновенно о более крупных волнениях, обращавших на себя внимание губернской администрации. Волнующиеся мелкие имения редко привлекали внимание властей, да и усмирить небольшую группу крестьян было легче средствами уездной администрации без помощи губернской. В мелких имениях, где было менее 100 душ, вспыхивавшие неповиновения подавлял или сам помещик, или земская полиция. На имения, где было 100 и более душ, обращали большее внимание, скорее вводили туда воинские команды, при чем было предписано соразмерять величину их с количеством волнующихся крестьян, дабы с малочисленными воинскими командами к волнующимся крестьянам не являться. Волнения в крупных имениях привлекают внимание не только губернской администрации, но и соседних имений; чем крупнее было имение, тем большая округа о нем знала, и крестьяне внимательно следили за ходом и развитием движения, а потому местные уездные и губернские власти склонны были обрушиваться на них всею силою репрессий, дабы их пример не подействовал заразительно на крестьян других имений. Имело значение также официальное положение и степень знатности владельца имения. О волнениях крестьян таких помещиков скорее узнавали центральные власти; ими скорее заинтересовывался и сам Николай I. С этим считались губернаторы, а потому обращали большее внимание на волнения в подобных имениях. Эти соображения косвенно подтверждаются средним количеством крестьян, волновавшихся в каждом отдельном случае. К сожалению, данные о количестве крестьян в волнующихся имениях далеко не полны и имеют случайный характер. Удалось установить

лишь, что в 140 случаях (от 1826 по 1854 г.) волновались имения с населением в 128.427 д. м. п., т. е. на одно волнение в среднем приходится 917 д. м. п. Имение, имеющее более 900 душ, несомненно принадлежит к крупным. Следовательно, относительно 1/5 волнений (до 1854 г.) мы можем сказать, что имеем дело с волнениями крупных поместий. Если мы обратимся к вопросу, по скольку селений приходилось на каждое волнение, то и здесь мы имеем дело с недостаточными данными, обнимающими только 36% всех волнений от 1826 — 1854 г., т. е. более одной трети. Так, в 257 волнениях принимало участие 588 селений, т. е. на 1 волнение приходится более 2-х селений. Это опять-таки указывает, что наши данные знакомят нас, повидимому, с волнениями более крупных имений. Между тем, несомненно, экономический гнет, все тяжелые для крестьян стороны развитого помещичьего хозяйства, интенсивная барщина, мелкая регламентация труда и частной жизни крестьян и пр. и пр., что так раздражало и угнетало крестьян, наиболее были чувствительны в мелких имениях. Там именно мелкие столкновения, неповиновения должны были иметь место наиболее часто. О волнениях же мелких имений в центр доносили несомненно реже. Эти соображения дают основания думать, что при дальнейшей разработке провинциальных архивов, если можно будет собрать сведения по возможности о всех имениях—и крупных, и мелких—зависимость волнений от развития экономической эксплоатации и, в частности, от развития барщинной и смешанной системы станет более ясной и очевидной.

Нам очень трудно делать выводы о причинах волнений из-за скудости и односторонности материалов. Если есть очень ценные воспоминания современников о волнениях освободительной эпохи, то чем дальше мы заглядываем в глубь николаевской эпохи, тем меньше помощи дают нам современники. Приходится судить о волнениях, большею частью по сухим односторонним официальным донесениям, и только расследования, производившиеся в некоторых случаях следственными комиссиями о причинах волнений, помогают несколько распутывать сложный вопрос, что послужило главною причиною и что было лишь поводом неповиновения. Полагаться же на определения причин волнения, которые делали сами губер-

наторы, уездные и губернские предводители дворянства, земская полиция и т. д.,—совершенно невозможно. Полагаясь на них, мы были бы введены в грубейшие ошибки. Вот почему выводы о причинах волнений, которые приходится делать при современном уровне исторических знаний, в силу указанного характера материалов, грешат приблизительностью и малою степенью точности [1]).

В рассматриваемый период от 1826 по 1854 г. причины волнений более или менее известны относительно 423 волнений. Точные подразделения волнений на группы по их причинам установить почти невозможно, ибо почти каждое волнение являлось результатом целого комплекса причин, из которых выделить одну, как главную, даже для современников было затруднительно. Тем затруднительнее это теперь, когда перед глазами не живая действительность, а скудные указания односторонних архивных и иных материалов.

Не забывая множественности причин волнений, мы можем все же выделить 2 группы, лишь отчасти совпадающие друг с другом. К первой группе относятся волнения, примыкающие к отмеченному уже нами стремлению крестьян получить волю, т. е. добиться признания за собою прав свободного состояния. Волнений на этой почве известно 210, т. е. половина всех волнений, причины коих более или менее известны. В числе этих волнений можно отметить волнения, связанные с исками воли по суду, о чем говорилось выше. Крестьяне волновались, или добиваясь признания за собою прав ищущих волю, или борясь против нарушения этих прав, боролись за право возбудить иск или вести его, защищали своих ходоков и т. д.; в некоторых случаях можно отметить прекращение крепостных повинностей, как результат убежденности в правах своих на волю, почему крестьяне начинали немедленно реализовывать свои права вольных людей; взрывы неповиновений происходили при переходе таких спорных имений в другие руки и т. д. Нужно сказать, что крестьяне были упорны в своих исках и защите своих прав; начав иск, они смотрели на себя если не так, как на свободных, то по крайней мере как полусвободных. Поэтому в таких имениях полного безропотного повиновения обычно не было;

---

[1]) Нижеприведенные данные о формах и причинах волнений, а также о формах усмирений и пр., являются результатом разработки автором архивных и иных материалов о волнениях от 1826 по 1854 г.

состояние крестьян бывало возбужденным, они всегда были, так сказать, на-стороже для защиты своих прав, что создавало в имении сгущенную напряженную атмосферу недоверия, которая по ничтожному поводу могла разрешиться волнением. Нужно при этом сказать, что, начав иск, крестьяне нередко боялись дать подписку в повиновении, дабы не закрепостить себя навеки. Из-за требования дать такую подписку иногда возникали упорные неповиновения крестьян, хотя во всем остальном они вели себя вполне лояльно. Неудивительно, что именно иски о воле вели к затяжным волнениям, переписка по которым шла в министерстве внутренних дел десятилетиями и при которых вспышки неповиновения чередовались промежутками относительного спокойствия, хотя полного замирения имения не происходило. Вспышки эти делались нередко бурнее и бурнее благодаря все растущей озлобленности крестьян при неудачном движении иска о воле, особенно если помещики или местные власти противодействовали иску. Расходы по иску, усмирения, постои военных команд истощали население, доводили его до разорения, имение теряло в своей ценности, и нередко сами помещики стремились продать подобные имения в частные руки или в казну. Типичным волнением из-за иска воли может служить волнение крестьян гр. Борха, Витебской губ.

Волнений, связанных с исками воли, за время от 1826—1854 г. насчитывается 64.

На ряду с ними можно поставить волнения на почве стремления выкупиться на волю, каковое право крестьяне обычно признавали за собою, как говорилось выше. Из-за препятствий и недопустимости выкупа с точки зрения действующего закона известно 48 волнений, из которых 22 произошли в связи с неудачным законом 8 ноября 1847 года.

Из-за ложных слухов о даруемой якобы воле известно 28 волнений; из них—12—в 1842 г.—были связаны со слухами по поводу указа 2 апреля 1842 г., а 12—в 1826 году—со слухами о воле при воцарении Николая I. Остальные 70 волнений связаны с различными слухами о праве тех или других крестьян при тех или иных условиях получить право свободных людей. Это были бо̀льшею частью иски о воле, так сказать, в зародыше, когда крестьяне считали себя в праве получить волю, но оформить

свои притязания в законные формы—не умели или не могли, а иногда в действительности глубоко заблуждались в наличии у них законного повода искать волю легальными путями.

Волнения иногда вызывались не только стремлением к воле; на ряду с этой причиной действовали и иные причины. Желание избавиться от тех или других форм экономического гнета, тех или иных притеснений побуждало крестьян жадно ловить каждый слух о возможности получить волю; в таких волнениях слухи о воле и о возможности по тем или другим основаниям добиваться освобождения играли скорее лишь роль поводов к волнениям.

Волнений, где крестьяне выступали с протестами не против крепостного права в целом, а против отдельных его сторон—была ли то экономическая эксплоатация, жестокое управление и т. д. - насчитывается 298 и составляет таким образом $^2/_3$ указанных 423 волнений. Сопоставление этой цифры с цифрою волнений из-за стремления к воле указывает на сосуществование указанных причин в ряде волнений (в 88 случаях). Следовательно, волнений, которые могут быть объяснены при данном состоянии наших знаний — только стремлением тем или другим путем добиться воли,— было не более 125.

Экономическими причинами объясняется наибольшее количество волнений. В 208 случаях, следовательно, в половине из указанных 423 волнений, экономические причины играли первенствующую роль или одну из наиболее видных. Наличие экономических причин вскрывается и во многих из остальных волнений. Детальное знакомство с причинами волнений подтверждает наши общие соображения. Можно сказать, что крестьяне реагировали волнениями на все попытки помещиков в той или другой форме повысить доход с имения путем усиления экономической эксплоатации крестьянского труда и стеснения их землепользования [1]).

Так, 107 волнений объясняются существовавшими формами и размером барщины или переводом на нее [2]). В связь

---

[1]) Картина станет еще яснее, если возможно будет расшифровать такие неясные указания источников на причины волнений, как «увеличение повинностей», «разорение», «тяжесть повинностей», «разорительное управление» и т. п.

[2]) Из-за перевода на барщину известно 19 волнений; из-за барщины (без детализации)—47 волнений; из-за обременения работами—39 волнений; из-за притеснений в работах—1 волнение и из-за усиления барщины—1.

с развитием помещичьего сельского хозяйства нужно, вероятно, поставить волнения, вызванные уменьшением количества крестьянской земли (13 случаев), увеличением господской запашки (2 случая), неудобным для крестьян размежеванием земли (2 случая), изменением системы землепользования (5 случаев), неудобными для крестьян обменом земли (3 случая), малоземельем (13 случаев), стеснительным пользованием лесом (1 случай). Сюда же нужно отнести 6 волнений из-за смешанной системы, 2 волнения—из-за перевода на месячину и отсутствия собственного хлебопашества.

Взимание же оброка, борьба с недоимкою, как причина волнений, отмечены лишь в 35 случаях волнений [1]).

Очень вероятно, что к этой же группе нужно отнести волнения из-за падения местных промыслов (2 случая).

В 11 случаях мы встретили волнения из-за существования в имениях фабрик и заводов или из-за заведения их.

Сравнительно значительное число волнений возникло из-за переселений, которые, как выше указывалось, применялись помещиками или в целях принудительной колонизации своих незаселенных земель, или как меры против недоимщиков, или в целях снабжения рабочими руками своих фабрик и заводов. Переселения вызвали волнения в 17 случаях.

Наконец, известно 30 случаев волнений из-за продовольственной нужды; сюда же нужно присоединить 2 волнения из-за права распоряжаться хлебом из запасного магазина, каковое крестьяне признавали за собою; наконец, из-за последствий неурожаев известно 6 случаев неповиновения.

Суровое обращение и наказания послужили причинами волнений в 59 случаях, разврат помещика—в 10 случаях и стеснение крестьянского самоуправления, что относится, конечно, к оброчным имениям, вызвало волнения в 4 случаях. Не останавливаясь далее на причинах волнений, скажем лишь, что на этих причинах отразились все темные стороны крестьянского быта, и волнения могут давать яркие иллюстрации к истории последнего.

Эти волнения выражались ближайшим образом в отказе от повиновения помещику, вотчинному начальству или опекуну, наконец, арендатору, если имение было сдано в аренду

---

[1]) Самый оброк вызвал 26 волнений и борьба с недоимками—9 волнений.

(в Северо-и Юго-Западном крае). Неповиновения проявлялись в различных формах. К сожалению, наши источники дают очень скудные сведения по этому вопросу. Обычнее всего были общие указания на неповиновение без детализации, в чем они выражались. Крестьяне отказывались признавать помещика своим владельцем, если почему-либо сомневались в его правах владеть ими (41 случай); отказывались от господских работ (69 случаев); от производства даже крестьянских работ (12 случаев), от платежа оброка (38 случаев) или неаккуратно платили его, отказывались вообще от всяких повинностей (36 случаев), специально от смешанной повинности (3 случая), от платных помещичьих работ, принудительных заработков; известны случаи отказа от платежей податей (6 случаев), от переселений (11 случаев) и т. д.

Крестьяне редко ограничивались одним неповиновением, отказом исполнять те или другие повинности. Так как волнение большою частью сопровождалось подачею жалоб или прошений в различные инстанции, что требовало известной солидарности действий и расходов, то крестьяне устраивали сходки, проводили самообложение для собрания необходимых средств и, наконец, нередко отлучались самовольно из селений для принесения толпою жалоб местному начальству [1]). Мы встречаемся в ряде волнений с попытками крестьян ввести самоуправление, с самовольною сменою вотчинных начальников или с требованием их смены [2]); в одном случае крестьяне даже учинили самосуд над прежними вотчинными начальниками, а в другом—арестовали их. Иногда крестьяне переходили к угрозам, буйствам против вотчинных начальников и помещиков, в некоторых случаях дело доходило до насилий над ними; во время одного волнения было произведено нападение на помещичий дом [3]). Встречаются случаи и самовольного распоряжения господским имуществом [4]);

[1]) Сходки отмечены в 29 случаях волнений, самообложение—в 39 случаях, самовольная отлучка из селений для принесения жалобы толпою—в 78 случаях.

[2]) Попытки ввести самоуправление отмечены в 11 случаях; самовольная смена вотчинных начальников—в 22-х случаях; требование их смены—в 7 случаях.

[3]) Угрозы и буйства против помещиков и вотчинных начальников встретились в 17 волнениях; насилия против них—в 27 случаях (в 24-х—против вотчинных начальников и в 3-х—против помещиков).

[4]) Самовольное распоряжение господским имуществом отмечено в 9 волнениях.

в одном имении произошел разгром хлебного магазина и т. д.

Для поддержания солидарности крестьяне употребляли насильственные меры против товарищей своих, соглашавшихся повиноваться вопреки общему решению: в 7 волнениях мы встретили сопротивление работам таких крестьян на помещиков; в одном случае крестьяне мешали работам при нежелательном для них размежевании земель.

Защищая друг друга во имя той же солидарности, они оказывали защиту товарищам, если вотчинные власти подвергали их за неповиновение аресту или наказанию. Встречаются указания и на временный уход из имения во время волнения; в трех случаях они самовольно разошлись с заводов по домам и т. д.

Во всех этих случаях крестьяне боролись внутри крепостной ячейки, выступая против помещиков или вотчинных властей. Но они выказывали упорство и при вмешательстве правительственной власти [1]). Сравнительно с XVIII веком и началом XIX крестьяне в указанный период реже вступали в вооруженную борьбу с воинскими командами. За все время от 1826 по 1854 г. было лишь 8 случаев вооруженного столкновения крестьян с военными командами и два случая нападения на последних. Но тем не менее крестьяне проявили довольно значительную настойчивость и упорство в своих требованиях и действиях. Вмешательство местных уездных властей очень часто было безрезультатным. Они упорствовали нередко и при убеждениях губернских властей, губернаторов, особо командированных из центра чиновников [2]). Далеко не всегда производил соответствующее впечатление и ввод военной команды. Упорство иногда продолжалось и после ввода, даже при постое военной команды, несмотря на предание военному суду, даже после судебного приговора [3]). В 16 случаях крестьяне продолжали упорствовать несмотря на объявленные по их делам (иски о воле) решения высших правительственных инстанций—правитель-

[1]) Сведения о формах неповиновения правительственной власти имеются относительно 271 имения.

[2]) Упорство при убеждениях губернских властей отмечено в 71 случае, при убеждениях губернаторов—в 39 волнениях, при убеждениях особо командированных чиновников из центра—в 8 случаях.

[3]) Упорство после ввода военной команды отмечено в 78 случаях волнений; при постое военной команды—в 9 случаях; несмотря на предание военному суду—в 8 случаях.

ствующего сената и государственного совета. В этих случаях они надеялись, что сам царь в конце концов решит дела в их пользу.

Обычно это упорство выражалось в отказе дать подписку в повиновении помещикам [1]). При ведении дознания или следствия крестьяне отказывались в некоторых случаях от допросов и показаний вообще или от допросов по одиночке, отказывались от присяги при допросах и т. д. Иногда они еще проще разрешали вопрос, уходя из имения при приезде чиновников [2]). Они выказывали и здесь свою солидарность, сопротивляясь аресту товарищей, отказываясь выдать «зачинщиков», делая попытки, а иногда удачно освобождая арестованных; иногда это выражалось только в требованиях освободить арестованных и в протестах против арестов [3]). Телесные наказания, которым так обильно подвергали крестьян при усмирении, также вызывали протесты крестьян и даже сопротивление этому [4]).

Раздраженная толпа крестьян легко, конечно, могла переходить к буйству, и можно только удивляться, как сравнительно мало встречается указаний на грубость и буйство крестьян против чиновников, переходившие, впрочем, в некоторых случаях и в насильственные действия против них; в одном случае крестьяне даже задержали чиновников в имении [5]). В 12 волнениях крестьяне употребили насилия против понятых и земской полиции, а в 34-х случаях оказали сопротивление военной команде. Но все же, как указывалось, лишь в 8 случаях произошло вооруженное столкновение между крестьянами и военными командами, и только в 2-х случаях крестьяне решились сами напасть на солдат.

Эти, как видим, сравнительно мирные формы крестьянских волнений вызывали тем не менее обильные репрессии против

---

[1]) Это явление отмечено в 51 случае.

[2]) Отказ от допросов и показаний встретился в 14 волнениях, от допросов по одиночке—в 5 случаях; отказ от присяги при допросах—в 67 случаях; уход из имений в виду приезда чиновников – в 35 случаях.

[3]) Сопротивление арестам отмечено в 28 случаях; отказ выдать «зачинщиков»—в 8 случаях; попытка освободить арестованных—в 8 случаях; освобождение крестьянами арестованных—в 14 случаях; требование освободить арестованных встретилось в 8 случаях и протест против арестов – в 5 случаях.

[4]) Сопротивление телесным наказаниям отмечено в 10 случаях и протесты против них в 5 случаях.

[5]) Грубость и буйство против чиновников отмечены в 15 случаях; насильственные действия против них—в 10 волнениях.

крестьян[1]). Николай I, заставляя производить внимательные расследования причин волнений, требовал немедленного подавления неповиновения, не останавливаясь перед средствами. В первый же год его царствования были введены военные суды над неповинующимися крестьянами.

Предание военному суду обильно практиковалось особенно в первые годы его царствования и применялось до самой отмены крепостного права. Первое время военные суды приговаривали крестьян даже к смертной казни, и хотя эта высшая мера наказания фактически никогда не применялась, но шпицрутены, кнуты, плети, ссылка на каторгу, в Сибирь на поселение были довольно обычными наказаниями по приговорам этих судов, несмотря на право губернаторов смягчать приговоры военных судов и утверждать их своею властью, если число приговоренных к телесному наказанию было не более 9; в противном случае приговор через комитет министров шел на утверждение государя. Из переписки по делам о крестьянских неповиновениях, сохранившейся в министерстве внутренних дел, видно, что за 29 лет николаевского царствования военному суду предавали крестьян в 80 случаях волнений, при чем 21 случай приходится на 1826—29 г.г., 22 случая—на следующее пятилетие, и затем вакханалия с военными судами несколько ослабевает, давая цифры для следующих пятилетий—12, 14, 8 и для начала 50-х годов - 3. Военный суд бывал обыкновенно результатом введения военной команды.

Ввод военной команды практиковался очень широко, и за тот же период времени известно 228 таких случаев. Разубеждений местных властей оказывалось недостаточно и крестьяне упорствовали несмотря на обильную порку, а особенно если они проявляли при этом малейшие признаки буйства,— вводилась военная команда. Обыкновенно введение военной команды сопровождалось вмешательством в усмирение губернских властей, вызывая командирование губернских чиновников в места волнений; в более важных случаях выезжал на место сам губернатор, а иногда министерство внутренних дел счи-

---

[1]) Нужно, конечно, иметь в виду, что мы оперируем со сведениями о волнениях в крупных имениях, служивших примером для крестьян более мелких имений, почему правительственные власти не щадили средств для наискорейшего прекращения волнений.

тало нужным посылать для усмирения и производства расследования чиновников со своей стороны. В некоторых случаях Николай I не ограничивался этим и посылал сверх того фл.-адъютантов для усмирения и выяснения дела на месте. При следствиях обыкновенно присутствовали и жандармские шт.-офицеры.

Ввод военной команды имел более устрашающее действие, чем активное. За все указанное время известно лишь 4 случая применения огнестрельного оружия и 4 случая применения холодного оружия. Правда, в 70 случаях волнений говорилось о каких-то «действиях» военных команд, но в чем они заключались, — неизвестно. Впрочем, аресты, телесные накаазания производились в случаях ввода военной команды при помощи и под охраной солдат. Во время одного волнения военную команду употребили для снесения домов зачинщиков. Для поддержания порядка в имении, если покорность крестьян и после усмирения казалась начальству сомнительной, или в виде наказания для целого селения, военные команды оставлялись на постой на некоторое время. За указанный период известно 108 таких случаев. В 12 случаях и после формального усмирения крестьян принуждали к работам при помощи солдат. Так, в имении помещика Шепелева Казанской губернии во время волнения 1849 г. крестьяне при постое военной команды отказывались от господских работ, «несмотря на все принуждения со стороны военной команды» [1]). При волнении в имении помещицы Соловьевой в 1843 г. крестьяне угрожали солдатам побоями за понуждение их к господским работам и категорически отказывались выполнять их. В 1845 г. весною они опять отказывались от господских работ и грозили солдатам побоями за понуждение к ним [2]).

Хотя крестьянам дорого обходились их выступления против помещичьей власти, нельзя сказать, что они были безрезультатны. Если редко удавалось крестьянам выбиться на волю или получать полное удовлетворение по своим жалобам и требованиям, то все же обнаруживавшиеся при расследованиях злоупотребления помещичьею властью, факты крайней экономической эксплоатации вызывали нередко ряд мер в пользу крестьян. Такие меры удалось отметить в 68 волнениях.

---

[1]) Архив Мин. Вн. Дел, Деп. Пол. Исп. 1849 г., № 900.
[2]) Архив Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1843 г., № 462.

Обычно в таких случаях дело заканчивались словесным внушением помещику заботиться о крестьянах или с него брали секретную подписку улучшить положение крепостных в определенном направлении (уменьшить повинности, соблюдать 3-дневную барщину и т. д.); иногда устанавливался надзор за управлением, или же имение бралось в опеку. Известны случаи передачи вопроса о правильности управления помещиком крестьянами в губернское дворянское депутатское собрание [1]). Иногда волнения заканчивались преданием суду виновных в угнетении крестьян; так, в одном случае предали суду опекуна, в другом—управляющего, а одно волнение привело к преданию военному суду самого помещика. Встречаются случаи и прямого вмешательства администрации во внутреннее управление имением. Так, в одном случае администрация заставила сменить старосту, в 9 случаях устранила управляющих от управления имением, в 6 случаях установили 3-дневную барщину; в одном имении в результате волнения произвели изменения в работах; в двух имениях перевели крестьян на оброк; в одном случае сделано было распоряжение о постройке новых жилищ. Но администрация все же обыкновенно избегала такого вмешательства во внутреннее управление, дабы не поддерживать в крестьянах мысли о возможности неповиновением заставлять помещика итти на уступки. Администрация предпочитала производить давление на помещика втайне, дабы уступки имели характер добровольных распоряжений без давления извне. Характерно для того времени ходатайство губернатора перед помещиком об улучшении положения крестьян, какое было в одном из волнений 20-х годов. При продовольственной нужде крестьянам удавалось получать то, чего они требовали, т. е. продовольственную помощь.

В борьбе крестьян за право иска воли и при ведении самого иска волнения также нередко вливали живую струю в дело и заставляли администрацию в целях усмирения восстанавливать нарушенные права крестьян. Так, в одном случае было назначено следствие о неправильном владении имением, в другом—было предписано ускорить дело по иску

[1]) Словесное внушение помещику отмечено в 4-х случаях; надзор за управлением установлен в 15 случаях; взятие в опеку отмечено в 16 случаях; передача вопроса об управлении имением в губернское дворянское депутатское собрание известно в 2 случаях волнений.

воли, в третьем—за крестьянами признали право искать волю. Наконец в трех случаях волнения привели к покупке имений в казну, что являлось самым желанным исходом для крестьян.

Наконец, нельзя не отметить случаев, когда крестьянские волнения вызывали со стороны правительства общие распоряжения и даже законодательные акты. Упомянем о манифесте 12 мая 1826 г., явившемся ответом на слухи о воле и волнения в связи с ними [1]). Этот манифест объявлял слухи о воле не имеющими основания и требовал от крестьян полной покорности. Неповиновение крестьян после прочтения этого манифеста влекло за собою в последующие годы предание военному суду.—Выше упоминали об учреждении в 1826 г. смешанных (из военных и гражданских чинов) военных судов для неповинующихся крестьян. К этому же году относятся рескрипты 26-го июня и 6-го сентября, имевшие целью сократить злоупотребления помещичьею властью. Отчасти как результат волнений, явилось обсуждение крестьянского вопроса в секретном комитете 1826 г. Слухи о воле и волнения 1830 г. вызвали секретные циркуляры губернаторам от 4-го мая и губернским предводителям—от 22 декабря того же года, где предписывалось прекращать такие слухи и подавлять малейшие признаки неповиновения среди крестьян [2]). В 1833 году волнение крестьян помещика Грудева, работавших на фабрике, вызвало составление секретных правил, разосланных при циркуляре от 26 декабря 1833 года для руководства предводителям дворянства в надзоре за вотчинными фабриками [3]). Это была первая попытка регулировать крестьянский труд на вотчинных фабриках, правда, не имевшая, повидимому, практического значения. Опасения голодных бунтов побудили Николая I в том же году отдать приказ усмирять крестьян силою оружия, не щадя их [4]). Волнение крестьян помещиков Чулковых в 1842 г. вызвало указ того же года о запрещении лицам, происходившим из крепостного состояния и возведенным в дворянское звание, владеть насе-

---

[1]) См. вышеуказанную статью „Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле и о событиях 14 декабря 1825 г." в сборн. статей И. Игнатович «Борьба крестьян за свое освобождение».

[2]) Арх. Мин. Вн. Деп. Пол. Исп. 1830 г. № 235 и 392.

[3]) Арх. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 398.—Туган-Барановский. «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 111—112.

[4]) Арх. Мин. Вн. Дел. Дел. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 420.

ленными имениями, в которых они, отцы или деды их были записаны по ревизиям.—В целях предупреждения и пресечения вначале возможных слухов о воле и неповиновений, одновременно с указом 2 апреля 1842 г. был разослан циркуляр, предписывающий пресекать возникающие слухи и всеми мерами подавлять крестьянские волнения. — Отмена указа 8 ноября 1847 г. последовала отчасти под влиянием крестьянских волнений по поводу его.

Наконец, в 1853 году, как результат выдающегося по кровавому усмирению волнения крестьян помещика Колонтарова Ставропольской губ., явился секретный циркуляр о неукоснительном исполнении 3-дневной барщины без права переноса барщинных дней с одной недели на другую и с зачетом в барщинные дни времени, потраченного на проход на места работ, о чем говорилось выше. Кроме того, для попыток правительственного регулирования внутреннего распорядка в помещичьих имениях интересно упоминавшееся уже утвержденное правительствующим сенатом постановление ставропольского губернского правления о крестьянах того же Колонтарова о том, что на господские работы с каждого тягла можно брать не более 2-х волов [1].

Нужно заметить, что многие «благие» начинания правительства Николая I зависели в значительной степени от желания царя предупредить крестьянские волнения. Известна его точка зрения, что народные массы должны быть в безмолвной покорности, ибо народные волнения и недовольство являются благоприятной почвой для распространения идей братства и равенства. Для пресечения же пугающего роста народного недовольства нужно было, как он понимал, на ряду с беспощадными усмирениями своевременно удовлетворять народные нужды в целях смягчения этого недовольства. Отсюда понятны его увещания дворян в 1842 г. поступиться объемом помещичьей власти для предупреждения народной революции: «Лучше нам отдать добровольно, чем допустить, чтобы от нас отняли», говорил он.

Под страхом народного возмущения находилось и правительство Александра II. Оно всегда могло ожидать, что народное волнение охватит многие губернии и примет грозные

---

[1]) Арх. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1853 г., № 820.

размеры. Особенно сильное влияние должны были оказать волнения народа в 1854, 1855 и 1856 гг. Они показали, что народ усиленно ждет освобождения. Во время Крымской войны правительству приходилось и думать о борьбе со внешними врагами, и усмирять внутренние волнения. Подобные случаи могли повториться. Правительство должно было находиться под постоянным страхом народного волнения, а потому должно было, побуждаемое самим народом, энергично приняться за дело освобождения.

Устрашающее влияние имело противодействие крестьян и на дворян. Смоленский дворянин указывает, что протест среди дворовых уже в сороковых годах был настолько силен, что отец его был вынужден отдать некоторых из протестующих в солдаты, а большинство отправил в Петербург для обучения разным ремеслам. Страх перед убийством, восстанием крестьян уменьшал произвол помещиков. Кн. Волконский в своей брошюре говорит, что во второй половине пятидесятых годов помещики в Рязанской губернии собирались даже для выработки мер воздействия на крестьян, ввиду часто повторявшихся нападений крестьян на помещиков. При волнениях и побегах помещичье хозяйство терпело большие убытки, так как лишалось работников иногда в горячее время, крестьяне приходили в разорение, распродавая зачастую свое имущество за бесценок, но главное зло для помещиков заключалось в страхе, что подобные случаи могут явиться каждую минуту и нарушить все их хозяйственные расчеты. К общей зависимости сельского хозяйства от разных случайностей в крепостное время, таким образом, прибавлялась новая. Насколько настроение дворянства было возбужденным, показывает то, что в 1848 г. по поводу европейских событий стали распространяться в провинции среди помещиков тревожные слухи. Говорили, что недалеко «мужики режут помещиков, и что нет ничего невозможного в том, что и у нас скоро начнется то же самое». Даже дети, говорит смоленский дворянин, были в том же унылом настроении, в котором были тогда все [1]). Подобное же настросние в то время было и в Петербурге. По мере получения известий о ходе революции на Западе, «настоящее представлялось каким-то тяжелым

[1]) «Воспоминания... смоленского дворянина». «Русск. Старина», 1895 г. июль, стр. 116.

сном, а близкое прошедшее—отдалившимся на целые годы. Все ходили озабоченные, в каком-то неопределенном страхе. Более всего страшился и, может-статься, один имел повод страшиться класс помещиков перед вечным пугалищем крепостного нашего состояния» [1]). «Призрак пугачевщины,—говорит В. И. Семевский,—вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное memento mori, напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков».

В 50-х годах в обществе была сильна уверенность в возможности народного восстания. «При современном состоянии крепостного сословия,—пишет Самарин в известной своей записке,—пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд государя в Москву (как это было в 1847 г.), всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания. Все это возможно в каждую минуту, и никакая полиция, разумеется добросовестная, не поручилась бы за один день спокойствия» [2]). Кавелин указывает что полумирные восстания крепостных принимают все более и более обширные размеры... Народ сильно тяготится крепостною зависимостью и при благоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться пожар, последствия которого трудно предвидеть [3]). А. И. Кошелев указывал, что под влиянием страха перед народным восстанием в 1854—55 г.г. ярые крепостники готовы были на самые невыгодные условия освобождения, лишь бы развязаться с крепостным правом [4]). В записках самих Самарина, Кошелева, Кавелина мотив возможности восстания является одним из главных доводов в пользу необходимости немедленно приступить к отмене крепостного права. «Спасите себя от крепостного права и крестьян от той крови, которую они должны будут пролить», писал Герцен, призывая дворянство к освобождению крестьян: — «но торопитесь, приба-

[1]) «Из записок барона Корфа». «Русск. Стар.», 1900 г., март, стр. 561—562.
[2]) Самарин, сочинения, т. II стр. 33.
[3]) Кавелин., сочинения, т. II стр. 32—33.
[4]) А. И. Кошелев, «Записки». Приложения стр. 78.—Берлин, 1884 г.

лял он, — время страдное, ни одного часа терять нельзя».— «Если вы не сумеете ничего сделать, они все-таки будут свободны, по царской милости или по милости пугачевщины... Страшна пугачевщина,—прибавлял Герцен,—но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собою страшные последствия» [1]).

Дворянство и правительство предпочитали не дожидаться пугачевщины и по инстинкту самосохранения должны были вступить на путь отмены крепостного права. Правительство, как наименее заинтересованное в сохранении крепостного права и имевшее самостоятельные причины желать его уничтожения, вступило на этот путь первое. «Если бы,—говорит В. И. Семевский,—крестьяне не выражали протеста против крепостного права и пассивно, и активно, то крепостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и долее 1861 г.» [2]).

ГЛАВА X.

Невыгодность крепостного права для промышленного класса населения.— Отношение к крепостному праву дворянства, интеллигенции, правительства.— Заключение.

Не одно только крестьянство оказывалось заинтересованным в скорейшем уничтожении крепостного права. Вторым слоем русского народа, желавшим его падения, был промышленный класс. По мере развития промышленности, крепостной труд в ее области становился менее и менее пригодным. Уменьшение численности дворянских фабрик—приблизительно с 15% (в 1832 г.) до 5% (в сороковых годах [1]), — постепенное увеличение числа вольнонаемных рабочих на фабриках, развитие кустарной промышленности, основанной на свободном труде, показывали, что лишь при свободном труде могла развиваться русская промышленность.

Невыгодность принудительного труда в области промышленности и стремление промышленников освободиться от подневольных рабочих сильно отразились на судьбе поссессионных крестьян, на положении которых поэтому необходимо несколько

---

[1]) Кошелев, стр. 73.
[2]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 571.

остановиться. Этот разряд крестьян, приближающихся по своему положению к крепостным, образовался, как известно, в силу указа Петра I, изданного в 1721 г. и разрешившего дворянам и купцам покупать к фабрикам и заводам крестьян с некоторою помощью правительства. Купленные крестьяне считались не собственностью владельцев, а прикрепленными к этим фабрикам и заводам, так что владелец не мог ни продавать, ни закладывать и т. д. крестьян отдельно от заведений, ни вообще распоряжаться таким имуществом без дозволения берг- и мануфактур-коллегии. Этот указ был издан для того, чтобы обеспечить достаточным числом наличных рабочих обрабатывающую промышленность, создать которую так стремился Петр. Самое название «поссессионных» крестьяне получили лишь в конце XVIII в. Кроме покупки крестьян на поссессионном праве, этот класс увеличивался путем прикрепления крестьян самим правительством к фабрикам и заводам. Затем нередко при передаче казенного завода или фабрики владельцу передавались приписанные к ним солдаты, бродяги, преступники и пр.; по указу 1736 г. образовались так называемые «вечно-отданные мастеровые» из различных лиц, работавших на поссесионных фабриках и заводах в момент издания указа, прикрепившего их к месту нахождения; к поссессионным же нужно отнести приписывавшихся иногда правительством к частным фабрикам и заводам бродяг и нищих; наконец разные лица добровольно приписывались к фабрикам.

Число поссессионных крестьян, по таблице Тройницкого [1]), по десятой ревизии было 49.003 душ обоего пола (23.853 чел. мужского пола и 25.150 чел. женского пола), не включая сюда поессессионных крестьян на горных заводах. Часть этих крестьян занималась земледелием, а часть работала на фабриках. «Повидимому, в большинстве случаев фабричные крестьяне имели небольшие наделы, по большей части приусадебные участки земли, огороды, луга, сенокосы, леса. Пахотные земли принадлежали им в более редких случаях» [2]). Рабочие могли употребляться только на фабричные работы, получая за это «достаточную» заработную плату: размер

[1]) Тройницкий. «Крепостное население в России по 10-й народной переписи», стр. 47.

[2]) Туган-Барановский.» Фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 113.

этой платы, продолжительность рабочего дня, высота уроков могли быть установлены фабрикантом, но рабочие имели право обжаловать его распоряжения, и в таких случаях дело решалось правительственною властью. Правительство имело право, по своему усмотрению, устанавливать весь внутренний распорядок фабричных работ, определять все отношения рабочих к владельцу; без его разрешения фабрикант не имел даже права переводить рабочих с одной фабрики на другую, изменять характер производства или сокращать его. Фабрикант имел право употреблять «домашние наказания», в некоторых случаях отправить в Сибирь рабочего, но с разрешения высшего правительственного органа, ведавшего поссессионные фабрики. Произвол фабриканта был ограничен, за неисполнение владельцем поссессионной фабрики своих обязанностей фабрика отбиралась в казну; за притеснения рабочих, за употребление их на другие, кроме фабричных, работы фабриканту грозило освобождение рабочих. В большинстве случаев на фабриках и заводах рабочий день продолжался 12 часов, но были фабрики, где рабочий день доходил до 17 и более часов. Ночная работа не была общим правилом, но зато в большинстве случаев употреблялся женский и детский труд. Работа производилась круглый год за исключением праздников и воскресных дней. Заработная плата поссессионных крестьян была ниже, чем вольнонаемных (иногда на $^1/_3$). Иногда (но редко) платы не было, и работа производилась «брат на брата», т.-е. крестьяне работали полгода на себя, а полгода на владельца.

Положение поссессионных рабочих было лучше положения вольнонаемных тем, что они были уверены в заработке; существование их, хотя и ужасное, было обеспечено: они не могли быть выгнаны на улицу ради выгод капиталиста. Сравнительно с крепостными помещичьими, а особенно с фабрично-заводскими рабочими их положение было лучше, так как они имели законное право жаловаться на владельца, их обязанности были определены, а владельцы ограничены в своем праве наказания рабочих и подчинены контролю правительственной власти.

Но тем не менее и здесь положение рабочих было очень тяжелое, что и вызывало довольно сильные волнения рабочих. Поводы к волнениям были крайне разнообразны. Так—на

одной фабрике причиною волнения была работа малолетних, так как на этой фабрике десятилетние дети работали 15—17, а летом 14—16 часов в сутки [1]). Вообще чаще всего причинами волнений были низкая заработная плата и желание сравняться в ней с вольнонаемными, продолжительность и трудность работы, штрафы и вычеты, жестокое обращение, принуждение заниматься не фабричною, а другою работою, отнятие пахотной земли, выпаса и т. п.

Правительство должно было считаться с этими волнениями, и они производили на него известное давление. Фабрикантам же, по мере улучшения техники производства, расширения рынка, необходимости сообразовать размер и род производства с требованиями рынка, поссессионный труд делался невыгодным. Труд поссессионных крестьян был менее интенсивен, а обходился дороже вольнонаемного даже при меньшей заработной плате. Увеличивать и сокращать производство, изменять его сообразно с требованиями рынка, улучшать технику производства, что потребовало бы сокращения рабочих рук на фабриках, поссессионные владельцы не могли, не имея права без разрешения соответственного правительственного органа раздроблять фабрику, продавать крестьян от фабрики или переводить их на другую; они должны были находить работу всем своим рабочим, так как их содержание всецело лежало на ответственности владельцев фабрики. Введение машин затруднялось еще и тем, что они требовали большей ловкости и развития со стороны рабочих, поссессионные же рабочие не имели побуждения выучиваться новым приемам работы, так как и без этого они имели право получать от фабриканта определенную работу и содержание. В 1833 г. поссессионный фабрикант Осокин указывал, что «введение прядильных и трепальных машин, употреблявшихся на московских суконных фабриках, чрезвычайно удешевило бы производство; тем не менее, хотя у него имелись тридцать три машины, готовых к употреблению, он может пускать в действие не более семи, так как, если бы употреблялось для работ большее число машин, многие мастеровые остались бы совсем без дела, а плату они продолжали бы получать прежнюю». Поссессионный фабрикант должен был «изготовлять

[1]) Туган-Барановский, стр. 129.

из года в год в одном и том же количестве одни и те же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались на рынке. Между тем в России в это время возникали новые отрасли промышленности (например, хлопчатобумажная), изменялись сорта и качество продуктов, приготовляемых на фабриках, начинала совершенствоваться техника. В силу этих причин поссессионная фабрика стала стеснять фабрикантов» [1]. Лучшею иллюстрациею этому служит уменьшение ценности поссессионных фабрик, так что последние с готовыми рабочими ценились менее, нежели одни фабрики без рабочих. Фабрикантов стесняли также постоянные волнения рабочих, нарушавшие все их расчеты при ведении дела.

Все эти затруднения вызывали со стороны фабрикантов протесты и жалобы. Правительство делало им различные уступки, но это мало помогало. Оно стало легче дозволять поссессионным владельцам переход к новому производству, но это все же было связано с долгими проволочками. В 1824 г. дозволено было отпускать фабричных (поссессионных) в другие звания по просьбе фабриканта с разрешения комитета министров, с целью облегчить фабрикантам освобождаться от лишних рабочих рук. В 1835 году было разрешено отпускать поссессионных рабочих по паспортам, при чем оброчные деньги шли не владельцу, а в пользу общественных мирских доходов, и фабрика не могла сокращать производства. В конце тридцатых годов в правительственных сферах развилось сознание необходимости ликвидировать поссессионное право, так как оно лишь мешало развитию промышленности. Наконец, законом 1840 г. правительство решительно приступило к ликвидации этой категории крепостных, дав поссессионным владельцам возможность освобождать своих рабочих. Увольнение было предоставлено усмотрению фабриканта. Если дело шло о фабриках, купленных самими владельцами или со внесением за них денег в казну, последняя выдавала за каждую ревизскую душу по 36 руб. сер. Увольняемые рабочие могли приписываться или в государственные крестьяне, или в городские сословия. Приписывавшиеся в государственные крестьяне переселялись на другие земли, при чем фабрикант должен был предоставлять на обзаведение по 50 руб. ассигнациями

---

[1]) Туган-Барановский, «Фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 146—147.

на душу м. п. и по 20 руб. на душу ж. п., а также на перевозку по 20 руб. на душу обоего пола.

Поссессионные владельцы скоро начали прибегать к этому средству избавиться от ставшего неудобным подневольного труда. М. И. Туган-Барановский упоминает об освобождении крепостных на 42 поссессионных фабриках в количестве более 15.000 душ м. п., но эта цифра не точна, так как дела по некоторым фабриким утрачены. Просьбы об освобождении на основании закона 1840 г. поступали до самой реформы 19 февраля. Рабочие, получая освобождение, неохотно переселялись на другие земли и перечислялись в другие сословия. В некоторых случаях приходилось даже прибегать к военной силе, чтобы удалить рабочих с владельческих земель. Из числа освобожденных по закону 1840 г. 14.441 поссессионных крестьян, о которых имеются сведения в книге М. И. Туган-Барановского, «6.329 приписались в государственные крестьяне, из которых 1.447 душ м. п. переселены в Западную Сибирь, а 4. 882—наделены землею (от 3—4 дес. на душу), выкупленною от прежних владельцев» [1]. Остальные, большая половина (8.112), приписались в мещане, и лишь небольшая часть в купцы. Как показывает пример фабричных рабочих в городе Богородске, только немногие могли выстроить себе дома и стать оседлыми, а остальная часть пошла на те же фабрики.

Из этого краткого очерка можно видеть, что правительство само признавало невыгоду крепостного труда в области промышленности и приняло меры к его ограничению. Фабриканты стали все чаще обращаться к вольному труду. Уже в 1825 г. число вольнонаемных в общей массе рабочих составляло 54%. Эти рабочие почерпались, главным образом, в среде крестьян, при чем помещичьи крестьяне преобладали над государственными. Помещичьи крестьяне предпочитались, главным образом, в силу большей их подчиненности и благодаря тому, что фабриканты, уплачивая за помещичьих крестьян оброк помещику и тем самым закабаляя их себе, приобретали себе постоянных работников, а это было важно в крепостное время, когда было трудно найти вольнонаемных рабочих [2]. Главное неудобство найма помещичьих крестьян — возможность

[1]) Туган-Барановский, стр. 159.
[2]) Ibid., стр. 90—92.

вытребования рабочего помещиком во всякое время обратно в имение — правительство поспешило устранить. Законом 1835 г. было дозволено лицам всех податных сословий наниматься на фабрику по получении узаконенного паспорта на срок не свыше срока паспорта. До истечения срока найма ни рабочий не имел права уйти с фабрики, ни помещик или вообще начальство, выдавшее паспорт, не имели права потребовать его к себе обратно. Фабрикант же мог прогнать рабочего до срока «по причине неисполнения им обязанностей или дурного поведения» [1]).

Как известно, к сороковым годам в России сильно развилась кустарная промышленность. Сильно возвысились такие промышленные села, как Иваново, Павлово, Ворсма (гр. Шереметева) и некоторые другие, где капиталистами-фабрикантами являлись крепостные-оброчные. Зависимость от помещичьей власти, которая могла во всякое время разорить крестьянина, отнять у него имущество, угнетающим образом действовала на промышленную деятельность таких крестьян. Поэтому для свободного и быстрого развития промышленности среди населения крепостное право должно было быть уничтожено.

Здесь должно было играть роль и другое обстоятельство. Наша обрабатывающая промышленность должна была опираться, главным образом, на внутрениий рынок, так как конкурировать с иностранною промышленностью, далеко ушедшею в технических усовершенствованиях и завоевавшею себе многочисленные рынки, она не могла. Между тем, внутренний рынок мог расшириться лишь при росте благосостояния массы населения. Крепостное же население — значительная часть целого—разорялось все более и более и со своей стороны расширять рынок не могло; наличность крепостных, большой дворни уменьшала на рынке спрос на продукты обрабатывающей промышленности, так как часть потребностей удовлетворялась при помощи крепостного труда. Поэтому для промышленности было очень важно уничтожение крепостного права. Правительство же, заботясь о развитии промышленности, должно было стремиться к устранению препятствий на пути этого развития. Отсюда, конечно, не следует, что крепостное право пало потому, что класс промышленников

[1]) Туган-Барановский, стр, 166—167.

того требовал; для этого он был слишком незначителен и слаб. Развитие промышленности в числе других многих причин оказало влияние на уничтожение крепостного права, ибо содействие этому развитию лежало в интересах правительства и давало лишний стимул к его реформаторским стремлениям.

Присматриваясь к другим факторам, имевшим значение при отмене крепостного права, необходимо отметить роль дворянства. Насколько эта реформа вызывалась нуждами самих дворян, и какие взгляды на освобождение циркулировали среди них? Судя по тому отпору, какой встречали освободительные попытки правительства в высших слоях дворянства (Николай I указывал, что в правительственных сферах только Киселева он может считать своим единомышленником), судя по тому волнению и вражде, с которыми был встречен помещиками приступ к реформе Александра II, можно было бы сказать, что отмена крепостного права была вредна для дворян. Но, присматриваясь к степени развития крепостного права в различных местностях России и встречая в николаевское время ходатайства самих дворян об освобождении крестьян или об улучшении их быта (проект тульских дворян, совещание в Смоленской, Тверской, Рязанской и Петербургской губерниях, проект Желтухина и др.) — нельзя не усомниться в этом. Нельзя говорить об отношении к крепостной реформе дворянского сословия в целом. В среде его можно было встретить крайне разнообразное отношение к реформе, в зависимости от различного экономического положения, от степени распространения образования и т. п.

Присматриваясь к самому состоянию помещичьих хозяйств, можно a priori сказать о разнообразных отношениях к крепостному праву различных слоев дворянства.—В северных губерниях преимущественно встречались оброчные имения, особенно в промысловых губерниях. Здесь земледелие было мало развито; главный доход помещик получал с личности крестьянина, землею же он мало дорожил. Освобождение крестьян здесь не могло быть выгодным, так как вместе с личностью крестьянина помещик лишился бы части дохода с имения. Но, в случае неминуемого освобождения, помещикам северных губерний было бы невыгодно безземельное освобождение, так как они не могли бы взять под видом платы за землю плату за самую личность крестьянина. Безземельное

освобождение не только лишило бы северных помещиков даровых работников и плательщиков, но, не привязав крестьян к месту жительства, лишило бы их, быть-может, и платных рабочих. Можно было ожидать, что население уйдет в более плодородные и многоземельные места, так как распределение населения по территории страны вследствие исторических причин, как было указано выше, было крайне неравномерно.— Это сознавалось современниками. Безземельное освобождение с правом свободного перехода, говорит Кошелев, «разорило бы, по крайней мере, половину помещиков, т. е. почти всех имеющих свои земли в промышленных губерниях, ибо крестьяне, лишенные своей вековой оседлости, ушли бы в страны более хлебородные» [1]). В этих губерниях, напротив, было бы важно земельное освобождение, но поставленное так, чтобы оно не давало крестьянину полной независимости от помещика, и чтобы в платежах за землю заключалось вознаграждение за потерю права на личный труд крестьян. Северным помещикам важна была возможно большая плата за землю.

Не то было в южных черноземних губерниях. Помещикам, ведшим денежное хозяйство, крепостной труд мог мешать. Месячники, как уже было указано выше, требовали много расходов на свое содержание. Подневольный труд был очень дорог, так как был мало интенсивен и затруднял введение различных сельско-хозяйственных улучшений. Помещик, имея известное количество крепостных, должен был использовать их труд. Промышленные предприятия, основанные на рабском труде, в половине XIX века пришли к полной несостоятельности, так что помещики бросали эти затеи. Появление затяглых, отпуск по паспортам, ссылка, отдача в рекруты с целью избавиться от лишних рабочих сил являлись результатом этого. Остающимся в имении силам помещик все же должен был найти работу. Вилькинс в одной из статей рассказывает, что один помещик в ответ на предложение завести у себя молотилку, признавая ее полезность, наотрез отказался от предложения. Если бы он завел у себя в имении молотильную машину, то его крепостным женщинам нечего было бы делать. Самарин указывает далее на медленность распространения в России машин и улучшенных способов производства в об-

---

[1]) Кошелев, стр. 96.

ласти земледелия. В тех имениях, где через два-три года менялась мебель в доме, часто не было ни молотилки, ни веялки, ни сеялки. «Усовершенствование сельского хозяйства в России есть дело охотников, любителей, к которому масса помещиков равнодушна именно потому, что не видит в нем ни нужды, ни денежного расчета» [1]). Здесь интересно указание Самарина, что такие попытки усовершенствования сельского хозяйства малочисленны, исключительны. Это вполне понятно в силу невыгодности их при существовании крепостного права.

Дворянское земледельческое хозяйство находилось как бы в брожении, и помещики к определенному сознанию о невыгодности крепостного права еще далеко не пришли. В некоторых местах помещики начинали сознавать выгоды приложения свободного труда в сельском хозяйстве. Здесь еще раз напомню о свекло-сахарных плантациях в Малороссии, где нанимались в работники крестьяне соседних деревень, и о довольно широком применении наемного труда в Новороссии. Министр внутренних дел гр. Перовский в своей записке 1845 г. в числе причин, по которым дворянство уже в то время без страха относилось к возможности уничтожения крепостного права, упоминает, что «опыты обработки земель наемными людьми в губерниях Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и др. показали, что там, где нет недостатка в руках, владелец *ненаселенной* земли при подобном хозяйстве оставался в выигрыше против *помещика*». Другими причинами такого настроения дворянства Перовский называет «возвысившуюся ценность и недостаток земель, неопределительность крестьянских обязанностей и возникающие из этого раздоры, частые неурожаи и тяжкую обязанность кормить крестьян в таких случаях на свой счет» [2]).

В губерниях южных, преимущественно земледельческих, освобождение было бы встречено без особенной враждебности в некоторой части дворянства, но среди помещиков-рутинеров и ведших натуральное хозяйство приступ к реформе должен был вызывать злобу и ожесточение. Когда реформа была окончательно решена, то помещики черноземных губерний должны были стремиться к безземельному освобождению: они

[1]) Самарин, т. II, стр. 43, 44.
[2]) В. И. Семевский. «Кр. Вопрос», т. II, стр. 138.

могли быть уверены, что само население будет брать у них землю в аренду за дорогие цены, и что они никогда не останутся без рабочих. Цена выкупа земли, в случае земельного освобождения, не должна была их особенно интересовать, так как высокие арендные цены, которые поднялись бы при наличности малоземельного населения, жаждущего сесть на землю и не находящего заработка в других отраслях промышленности, возместили бы им временный убыток. Величину надела им было выгодно уменьшить до минимума.

Единственною общею чертою для всей массы дворянства могло быть, ввиду неизбежности уничтожения крепостного права, сознание необходимости не останавливаться на полумерах, а окончательно развязать всякие обязательные отношения к крестьянам. Здесь интересы как дворян, так и крестьян сходились, расходились они лишь в условиях разрыва этих обязательных отношений.

Из этого беглого очерка можно видеть то разнообразие мнений и отношений к крепостному праву среди дворян, которое обусловливалось различием экономического положения различных групп. Но еще разнообразнее делались взгляды дворянства под влиянием других факторов. Хотя помещики южных губерний в силу своих экономических интересов должны были стоять за безземельное освобождение крестьян, но, с другой стороны, знакомство с настроением крестьян и ожиданиями их от воли, с их взглядами на землю, как свою собственность, и с их убеждением в невозможности безземельного освобождения («волчьей» воли, по выражению народа) вызывало в них страх перед возможностью восстания при подобном освобождении и заставляло их соглашаться на известное минимальное обеспечение крестьян землею.

Немаловажным фактором являлись и протесты самих крестьян против крепостного права, о чем уже приходилось говорить. В вышеприведенной записке Перовского обращает на себя внимание указание на неудобство для помещиков «раздоров» с крестьянами. Волнения крестьян, неповиновения, особенно возникавшие в горячую рабочую летнюю пору, были крайне невыгодны для помещиков. Враждебное настроение крестьян, стремления их к воле, тревожные ожидания ее, иногда продолжительные иски о свободе, разорявшие крестьян, также неблагоприятно отражались на помещичьих хозяйствах,

лишая владельцев возможности производить точные расчеты в торговых и сельско-хозяйственных предприятиях. Уголовные преследования крестьян за проступки против помещиков, влекущие за собою продолжительное тюремное заключение, иногда ссылку в Сибирь, сдачу в рекруты и т. под., только озлобляли крестьян и лишали помещиков рабочих сил, иногда наиболее сильных и способных работников, что также не было выгодным для помещиков. В случае долгого, затяжного волнения помещик предпочитал или продать имение в другие руки, или даже обращался к правительству с просьбою приобрести имение в казенное ведомство. Имения, где крестьяне отличались непокорностью, волновались по какой-либо причине, неохотно приобретались и нередко теряли в своей ценности. Иногда помещик, узнав, что в приобретенном имении крестьяне перед тем волновались, или волнение еще не улеглось, старался быстро перепродать его в другие руки. Московский помещик А. В. П. купил имение в 1854 г. только после того, как получил от крестьян «полное и добровольное согласие на отбытие помещику тех же самых работ, на плату такого же оброка, на надел их таким же количеством земли и угодий (как в его имении), словом, на беспрекословное исполнение всего заведенного» в его имении [1]). Саратовский помещик Колонтаев, в имении которого крестьяне волновались более 10 лет и возбудили иск о свободе, доказывая жестокое обращение помещика с ними, писал гр. Бенкендорфу в прошении: «когда крестьяне сии и прежде были судимы и наказаны, то кольми паче за сугубое их ныне неповиновение должны понести и сугубое против прежнего наказание, а может-быть, и ссылкою некоторых из них на поселение. Разновидные от сего проистекут невыгоды для помещика: не получая от них ни малейшей пользы в течение 8 лет, он, быв завлечен в производство дела, совершенно себя расстроил, так что крестьяне по строгим мерам правительства хотя и могли бы быть обузданы и приведены ему в должное повиновение, нельзя и затем улучшить состояния помещичьего, когда из крестьян сих бунтовщики будут посланы на поселение, за коих должно будет оплачивать повинности без всякого за то вознаграждения, пропитывать оставшиеся их семейства, как

[1]) «Описание улучшения быта крестьян Московск. губ., Подольского у., в имении А. В. П. «Журн. Землевлад.», 1858 г., № 3, стр. 5.

между тем и наличная часть крестьян не в состоянии по малому количеству и в той потере, что потерпел помещик, когда они вообще через 8 лет ничего ему своими трудами и работами не доставляли. По опытам же замечено, что таковые крестьяне, о коих идет речь, для владельца не могут быть прочны, если бы и совершенно кончилось дело тем, что они должны быть в безусловном и решительном повиновении. Исполненные духом своевольства, неповиновения и грубостей,— а все сие глубоко внедрилось в заблудшие их сердца,— они не могут быть после того по злобе своей в таком расположении к своему помещику, как должны, питая к нему мщение за товарищей своих, получивших по законам наказание» [1]). Все это побуждало помещика просить гр. Бенкендорфа взять от него крестьян за деньги и настаивать на усмирении его крестьян помощью военной команды; он умолял доложить об этом государю.

Такая просьба помещика не была единичным явлением. Между тем, как было указано, протесты крестьян в виде волнений и т. под. росли, нетерпение, с которым крестьяне переносили крепостное право, усиливалось, что должно было наталкивать помещиков на освобождение крестьян, как один из выходов из создавшегося затруднительного положения. Впрочем, среди помещиков были распространены и обратные опасения. Они боялись, что при освобождении крестьяне начнут мстить помещикам за прежние притеснения. Многие помещики поэтому готовы были влачить неудобные для них самих цепи крепостного права, лишь бы избежать народного восстания, второй пугачевщины, казавшейся им неизбежной спутницей освобождения крестьян.

Задолжание дворянских имений наталкивало мысль дворян на освобождение крестьян и облегчало дело освобождения самому правительству. В 1843 году в государственном заемном банке и сохранных казнах было заложено 5.575.515 душ мужеского пола. В 1852 году заложено было 5.843.735 д. м. п.; если принять цифру всех крепостных людей по девятой ревизии (1851 г.) в 10.708.856 д. м. п., то оказывается, что было заложено 54% крепостных. В 1856 году на одну ревизскую душу в заложенных имениях приходилось

[1]) Мордовцев. «Накан. воли», стр. 96—97.

долгу по 69 рублей, а к 1 января этого года в государственном заемном банке и по опекунским советам было заложено 6.028.794 д. м. п. «Уплата процентов по этим долгам лежала тяжелым бременем на помещичьих хозяйствах и наводила многих дворян на мысль, что было бы недурно разделаться с этими долгами, хотя бы посредством освобождения крестьян» [1]).

С другой стороны, нельзя забывать влияния таких важных факторов, как распространение образования и культуры среди русского общества в половине XIX века. В начале царствования Николая I, как известно, Московский университет начал расцветать. Появилось много талантливых профессоров, из которых выделялись Павлов и Надеждин. Влияние университетов, не подвергавшихся до 1848 г. особенным преследованиям, было очень сильно. Грановский, Кавелин, Мейер и др. профессора своими лекциями будили в молодежи, преимущественно дворянской, умственные интересы, будили интерес к народному благу, гуманизировали ее. Возвращаясь в свои медвежьи уголки, эти молодые люди не могли относиться к крепостным с тою же холодною жестокостью. Даже преследуя свои личные интересы и стремясь к более успешному ведению сельского хозяйства, они должны были наталкиваться на необходимость отмены крепостного права. Если же это были люди честные, но недеятельные, то, возвращаясь в деревни, они или распускали своих крестьян, или освобождали

---

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 617. У В. И. Семевского приведены цифры из книги Ходского «Поземельный кредит», стр. 81—83. По сведениям, имевшимся в распоряжении Редакционных Комиссий, в 1855 г. было заложено 6.606.909 д., в 1859 г.—7.107.184 д; на 100 душ м. п. крепостного населения, по IX ревизии, приходилось в 1855 г.—62 заложенных души, в 1859 г.—65; долгу на 1 душу приходилось в 1855 г.—60 р. 27 коп., в 1859 г.—59 р. 87 к. (Скребицкий, т. IV, стр. 1248—1249). Количество заложенных душ в 1859 г. составляло $66,_{46}$% всех рев. душ крепостного населения по 10-й ревизии. Рост задолженности дворянских имений иллюстрирует пример имения помещиков Межаковых Вологодской губ. В 1798 г. под залог нескольких деревень было взято в долг. 28.000 р.; к 1807 г. долг по имению возрос до 83.650 р., в 1837 г. он достигал уже суммы 98.970 р., а к 1866 г. задолженность казне составляла 128.940 р., да частных долгов числилось около 28½ тысяч рублей, т. е. всего долга на имении лежало 157½ тысяч рублей. «Частичные описи и угрозы продажи, говорит Л. Андреевский, исследовавший архив имения, не раз встречаются в документах архива, относящихся к 30-м и 40-м годам прошлого века. Весь блеск, все богатство имения было внешним, непрочным; изнутри оно из года в год подтачивалось и, не имея в себе задатков к органическому развитию, огромное хозяйство обречено было на разложение. (Л. Андреевский «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере», стр. 48 и 49.

их, или давали свободу, не давая отпускной. Нередко они сами разорялись таким путем, но во всяком случае уже одним своим «дурным примером» они благодетельно действовали на соседних помещиков, так как последние боялись эксплоатировать своих крепостных, если в соседней деревне крестьяне пользовались относительной свободой. Личности, сами по себе, по своему развитию, по любви к рабочей массе не удовлетворявшиеся современною им действительностью, — в роде Буташевича-Петрашевского, Черносвитова,—приходили к необходимости уничтожения крепостного права, как препятствия для всех остальных реформ. На этом выводе сходились все лучшие русские люди того времени, во главе которых стояли Герцен и Белинский.

До 1848 г. и само правительство еще проявляло интерес к крестьянскому вопросу. Поэтому не было и в печати того гонения, какое замечается после 1848 г., когда под влиянием революций на Западе настала решительная реакция. В литературе, правда, в беллетристике преимущественно, проскальзывали намеки на мерзости крепостного права; так, в 1852 г. были изданы «Записки охотника», и печатались некоторые рассказы Тургенева. В живых и ярких образах представляя ужасы и язвы крепостного права, литература влияла гуманизирующим образом на общество. Беллетристика, критика, распространяясь в широких кругах, облагораживала нравы общества, воспитывала молодежь в ненависти к крепостному праву. Об отмене крепостного права говорили постоянно славянофилы и западники; в деятельности по крестьянской реформе заключается главнейшая заслуга славянофилов. Широкою струею разливалось влияние университета, литературы, науки по всем медвежьим уголкам России в лице молодых дворян-помещиков. Из этой молодежи вышло много защитников отмены крепостного права. Умы подготовлялись постепенно к открытому провозглашению начала реформы. Интеллигенция русская, воспитанная на примерах западной истории, проникнутая западными идеалами, с одной стороны, а с другой—видящая все мрачные стороны русской действительности, должна была с горячею ненавистью относиться к крепостному праву, лежавшему поперек всех реформ, социальных и политических. Конечно, нельзя называть интеллигенциею в этом смысле всю массу славянофилов и западников, потому что среди них

могли встречаться и усердные защитники помещичьих интересов под видом защиты интересов народа. Интеллигенция в лучшем смысле этого слова, не принадлежащая ни к какому классу, а являющаяся защитницей интересов трудящейся массы в ее целом,—эта часть русского образованного общества была до реформы и во время ее защитницею народных интересов. Уничтожение крепостного права было в ее глазах первою, главною целью, на которой должны были сосредоточиваться все усилия, и ради которой отодвигались на второй план все остальные. Отсюда взгляд Герцена, что всякая политическая форма хороша, если только она способствует социальным реформам. По своему умственному и нравственному влиянию интеллигенция становилась силою, которую могло призвать на свою помощь правительство, когда оно, под влиянием неотложных нужд и критических обстоятельств, перешло к прогрессивной политике в области крестьянского вопроса.

Какие же обстоятельства вынуждали русское правительство стремиться к уничтожению крепостного права? Государство толкали на путь реформы уже его собственные нужды, на первом плане *фискальные*. Государственные финансы не могли окрепнуть при крепостном порядке. Главная доля всех прямых и косвенных налогов в России шла с крестьянского населения. Между тем при том состоянии, в котором находилось крестьянское сословие до реформы, оно неизбежно шло к постепенному обеднению и к уменьшению платежных сил. С государственных крестьян доходы поступали довольно правильно, но, как указывает Кавелин, крепостное право и на них отзывалось вредно. Для уплаты податей крестьянину нужно продавать часть сельских продуктов или зарабатывать подати на стороне. Хлебная торговля не могла развиваться, хлебные цены были низки в силу отсутствия удобных путей сообщения и в силу крепостного права. Заработки также не могли развиваться при наличности подневольного труда в силу его дешевизны. Все это не позволяло увеличивать налоги и не давало расти государственным финансам.

Государство получало с помещичьих крестьян лишь подушную подать, и львиная доля крестьянских платежей шла в карман помещиков. При низком уровне благосостояния помещичьи крестьяне не могли много покупать на рынке и до-

вольствовались своими собственными изделиями; следовательно, и путем косвенных налогов государство не могло собрать много с помещичьих крестьян. Мало того, как видно из некоторых свидетельств современников, а также из приведенных выше примеров, самое поступление подушной подати, за исправный взнос которой отвечали помещики, не было обеспечено. По мере падения дворянского землевладения, задолжания дворянских имений, должна была расти дворянская недоимка казне. О ней упоминал Фантон-де-Веррайон при представлении смоленских депутатов наследнику в 1847 г. Кавелин в своей записке ставит начинавшее ощущаться уменьшение государственных доходов в прямую связь с постепенно увеличивающимся обеднением помещиков и крестьян.

Государство при крепостном праве имело ту выгоду, что освобождалось от расходов на управление и от забот о *продовольствии* части народной массы. Между тем, как можно видеть из приведенных выше фактов, помещики бежали из имений во время голодовок, допускали крестьян до нищенства, так что самому правительству приходилось все чаще и чаще отпускать суммы на продовольствие помещичьих крестьян. Мало того, правительство, выдавая продовольственные суммы на руки помещикам, не было уверено в правильном израсходовании их, так как часто дворяне прикарманивали себе эти деньги, выдавая лишь ничтожную часть крестьянам. Во времена Павла I помещики считались лучшими даровыми «полицеймейстерами», освобождая правительство от известных расходов. Но эти незабвенные полицеймейстеры слишком хорошо доказали свою полную несостоятельность, доводя крестьян до частых волнений, восстаний и проявлений недовольства, так что правительство не могло быть уверено в государственном спокойствии.

Крепостные отношения не допускали и развития промышленности. Это сознавал еще Николай I. «Крепостное право причиною тому, что у нас нет торговли и промышленности» [1]), говорил он в речи смоленским депутатам от дворянства, указывая, почему необходимо подумать серьезно о прекращении крепостного состояния. Здесь опять-таки непосредственно замешаны были интересы государства. Ружья, пушки, сукно

---

[1]) П. В. Анненков и его друзья. I. Письмо Белинского к Анненкову, стр. 599—607. Изд. 1892.

для казенных надобностей производились на фабриках, основанных на подневольном труде. Правительство всячески взращивало, лелеяло нашу промышленность, но тем не менее она плохо развивалась, и это в значительной степени зависело от невыгодности подневольного труда. В Крымскую войну особенно ясно проявилась непригодность и дурное качество продуктов, производимых на фабриках помощью подневольного труда. «Наши ружья, орудия, военные и артиллерийские снаряды, заготовленные на казенных фабриках, во многих случаях оказывались дурного качества и не выдерживали сравнения с иностранными. Люди специальные, близко знакомые с делом, утверждают, что одно только и есть средство сравняться в этом отношении с иностранными государствами—заказывать снаряды и оружие частным фабрикантам и заводчикам» [1]). Развитие же частных фабрик и заводов возможно было лишь при наличности свободных, вольнонаемных рабочих, для чего требовалось уничтожение крепостного права. Таким образом, само правительство в своих ближайших нуждах оказывалось заинтересованным в развитии промышленности, основанной на свободном труде.

В Крымскую войну явно обнаружилась вся несостоятельность и невозможность того бюрократизма, который царствовал в николаевское время. Со своими порядками Россия дошла до падения Севастополя. Между тем переустройство армии, судов и т. п. реформы управления были так тесно связаны с крепостным правом, что невозможно было начинать одну реформу без другой. Крепостное право развращало чиновничество, пропитывало насквозь весь государственный организм. Чиновники, привыкнув брать взятки с помещиков, существовать на их счет, переносили свои привычки на все. Взяточничество, презрение к человеческой личности, произвол старших над младшими существовали всюду, в армии, флоте, в канцеляриях, в высших инстанциях и в низших. Никакие законы, распоряжения, угрозы высшего правительства не могли искоренить взяточничества чиновников, когда чуть не половина населения находилась в руках помещиков, распоряжавшихся личностью своих крепостных, как им заблагорассудится. Да и как чиновник, сам имеющий—законным или незаконным

[1]) Кавелин, т. II, стр. 15.

образом — крепостных, мог уважать личность подчиненного в канцелярии или правлении, когда, придя домой, он, без всякого внимания к личности своего слуги, мог сечь, бить его безнаказанно за малейшую провинность, женить, сослать и т. д.

Перед правительством стоял призрак возможного повторения пугачевщины. Это опасение выражали сами государи. Еще Екатерина II писала в 1767 г. о крепостном состоянии: «Если не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого наказания (крепостного права), — то и против воли сами (крестьяне) оную (свободу) возьмут рано или поздно» [1]). Николай I выразил ту же мысль в речи к депутатам от смоленского дворянства: лишь перевод крестьян из крепостных в обязанные может предупредить «крутой» перелом. «Лучше нам отдать добровольно, чем допустить, чтобы от нас отняли», говорил он [2]).

В своих письмах к кн. Паскевичу Николай I отчасти указывает причины, по которым он так опасался крестьянских волнений. Неодобрительно относясь к политике австрийского правительства в Галиции, косвенно поощрявшего враждебное отношение крестьян к полякам помещикам, Николай I пишет в 1846 г. по поводу галицийского восстания крестьян: «Верю очень, что теперь австрийцам не легко будет приводить народ к порядку, ибо сколько народное орудие в том случае им не было полезно, оно самое опасное, ибо выводит из порядка и послушания, *а тут и коммунизм готов*» [3]). Поручив Бибикову не допускать в Подольской и Волынской губерниях ничего подобного тому, что было в Галиции, Николай I замечает, что «никогда не дозволит распорядков снизу, а хочет, чтобы ждали сверху». Советуя кн. Паскевичу предупредить движение крестьян против польских панов, Николай I пишет: «Они (крестьяне) доноси, ежели подозревают, но не распоряжайся сами». В другом письме того же года он пишет: «Происходящее в Галиции — урок добрый и доказывает еще разом более, что никогда черни воли давать

---

[1]) Милюков, «Крестьяне». Словарь Брокгауза-Ефрона, XVI А, стр. 693.

[2]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 163—165; отрывок из письма В. Г. Белинского к П. В. Анненкову.

[3]) Кн. Щербатов. «Кн. Паскевич-Эриванский», т. V, стр. 361—373, 552—589, т. VI, стр. 313—214, а также «Николай I в его письмах к кн. Паскевичу». «Русск. Архив», 1897 г., кн. 1, Курсив. *И. И.*

не должно, что у нас отнюдь не допущу. Чернь должна слушать, а не действовать по себе». Вполне согласно с такими взглядами, Николай I был сторонником суровых репрессий по отношению к крестьянам, выходящим из повиновения помещикам. Он учредил в 1826 г. смешанные военные суды (из военных и гражданских чиновников), которым предавались крестьяне, виновные в неповиновении помещикам. Предание военному суду крестьян стало обычным явлением в николаевское время, при чем, если число осужденных не превышало 9 человек, то приговор утверждался самим губернатором. В голодный 1833 г., когда в некоторых местах среди крестьян возникли волнения на почве недостатка продовольствия, он положил такую резолюцию на одной из бумаг по поводу усмирения крестьян: «строжайше подтвердить всем местным властям все буйства укрощать не потворством, а наказывая виновных силою» [1]). В письме к князю Паскевичу от 15 ноября 1846 г. он писал по поводу волнения в Гродненской губ.: «бунтующих мужиков в Белостоке надо примерно наказать, как и везде, где затевают выходить из повиновения» [2]).

Подобных взглядов, видимо, держался и наследник престола, Александр Николаевич. Он был в числе тех 5 членов секретного комитета 1848 г., которые признали нужным отменить указ 8 ноября 1847 г., между прочим, потому, что «дух беспокойства, возбужденный этим указом среди необразованной части народонаселения, угрожает государству весьма вредными последствиями, и что меры к их предупреждению с каждым днем делаются все более настоятельно необходимыми. Предвидя, что отмена этого указа может возбудить беспорядки, они полагали, что лучше подавить их однажды, нежели беспрестанно возбуждать их объявлениями о выкупе» [3]). В речи к московскому дворянству в 1856 году Александр II очень ясно сказал: «Лучше, чтобы освобождение произошло сверху, нежели снизу».

Особенно сильное влияние могла оказать на правительство Крымская война. Необходимость в критический момент

---

[1]) «Русск. Архив», 1895 г., № 5, стр. 28.—Ср. Мордовцев. «Накан. воли», стр. 190.

[2]) «Ник. I в его письмах к кн. Паскевичу». «Русск. Архив», 1897 г., кн. I, стр. 41.

[3]) В. И. Семевский. «Кр. вопр.», т. II, стр. 205.

борьбы со внешним врагом считаться с внутренними волнениями, для усмирения которых требовались даже военные силы, громко напоминала правительству о невозможности сохранения крепостного права. Волнения эти обнаружили внутреннюю слабость России перед внешними врагами, ослабляли ее, показывая, что государство в критические минуты своего существования не может рассчитывать на внутреннее спокойствие. Обширность местностей, захваченных волнениями 1854 и 1855 гг., показала правительству, что народ нетерпеливо ждет освобождения. Можно было ожидать еще сильнейших волнений по окончании Крымской войны. Правительство понимало это, и, может-быть, именно Крымская война повлияла в таком смысле на императора Александра II, что он выступил после заключения Парижского мира убежденным сторонником крестьянской реформы.

Правительство много раз приступало к крестьянскому вопросу с намерением разрешить его тем или другим способом; встречая сильную оппозицию со стороны дворян и высших чиновных лиц, попытки эти сходили на нет. Над уничтожением крепостного права задумывалась еще Екатерина II. Она предложила в 1766 г. С.-Петербургскому Вольно-Экономическому обществу тему на премию: насколько полезно для общества предоставление крестьянам прав собственности на землю, и насколько должно простираться право собственности,—тему, возбудившую интерес не только в России, но и в Западной Европе. Александр I серьезно интересовался крестьянским вопросом. При нем был издан знаменитый указ 1803 г. о вольных хлебопашцах. С твердым намерением предпринять ряд мер в пользу крепостных, вступил на престол Николай I. На него повлияло, может-быть, то обстоятельство, что в кружках декабристов крепостной вопрос был одним из главнейших, волновавших членов общества. Как известно, при Николае I заседало девять секретных комитетов, но все они привели к ничтожным результатам. Николай I встречал оппозицию даже среди приближенных к себе лиц: он называл Киселева единственным лицом, сочувствовавшим ему в его освободительных планах. При Николае I было сделано много мелких изменений и улучшений в положении крестьян, но они оставались по большей части мертвою буквою. Из мер, принятых им, наиболее

важны в смысле ликвидации крепостного права указы 1842 г. об обязанных крестьянах и 1847 г. о выкупе помещичьих имений с публичного торга самими крестьянами в тридцатидневный срок.

Указ 1803 г. был самым действительным, так как на основании его с 1804 по 1858 гг. освободилось 107.796 чел. помещичьих крестьян [1]). Условия освобождения по этому указу были троякого рода: 1) крестьяне получали свободу с землею, внося господину при самом освобождении известную сумму; 2) при увольнении сумма рассрочивалась на известное число лет, в течение которых они обязаны были исполнять в пользу помещика определенные повинности; 3) крестьяне, оставаясь крепкими земле, обязывались на известное число лет, до смерти помещика или навсегда, исполнять известные повинности или платить оброк деньгами или продуктами [2]). Указ имел ту несомненно хорошую сторону, что ставил непременным условием земельное обеспечение крестьян при освобождении. Неблагоприятным условием для крестьян было требование поделить землю между крестьянами по участкам так, чтобы и по освобождении каждый сам отвечал за свои повинности. Кошелев указывает, что это обстоятельство удерживало многих помещиков от освобождения, так как этим разделом нарушался существующий у крестьян институт круговой поруки, который мог служить обеспечением исправной уплаты выкупной суммы. Впрочем, это требование редко исполнялось в действительности, так как большею частью дележ земли предоставлялся самим крестьянам. В 1838 г. было дозволено то, что совершалось в жизни: крестьяне могли сами производить дележ земли, если это было оговорено в условиях освобождения. Дележ производился по числу душ, по количеству внесенного каждым выкупа, а в иных случаях было предоставлено крестьянам произвести раздел земли «полюбовно». Иногда встречалось повторение переделов земли пропорционально сумме выкупа в тех имениях, где дележ был произведен на этом основании. «В тех случаях, когда крестьянам самим предоставлялось произвести раздел земли, они обыкновенно продолжали владеть ею на тех

[1]) Милюков. «Крестьяне», стр. 698. Словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 32.
[2]) В. И. Семевский, «Крестьянский вопрос»· Введение, стр. XV—XVI.

же основаниях, как и при крепостном праве, т.-е. с сохранением общинного землевладения. Там же, где уцелело участковое землевладение, оно привело, судя, по крайней мере, по наблюдениям в Московской губернии, к печальным последствиям» [1]). По указу 1803 г. за неисправное исполнение своих обязанностей свободные хлебопашцы могли быть обращаемы опять в крепостные. Это не улыбалось помещикам, так как с крестьянами, привыкшими уже к личной свободе, трудно было бы справляться. Поэтому помещики большею частью освобождали крестьян лишь при единовременной уплате выкупной суммы, что могли исполнить лишь редкие крестьяне; в силу этого случаи освобождения встречались редко [2]). Правительство же очень редко приходило на помощь крестьянам путем кредита. Нередко помещики для устранения риска заключали домашнее условие и делали официальное лишь после уплаты крестьянами полной суммы выкупа. При этом нередко происходили злоупотребления, Иногда помещик, заключивший домашнее условие, умирал а наследники ничего не желали знать про заключенное условие.—Препятствовало действию указа 1803 г. множество инстанций, от которых зависело разрешение освобождения. Это было необходимо, так как условия могли быть невыгодными для крестьян, но зато помещики могли останавливаться перед массою формальностей. Иногда дело об освобождении тянулось несколько лет. Крестьян освобождали на условиях крайне разнообразных, начиная с полного выкупа с единовременною уплатою или с рассрочкою платежа на известное число лет и кончая вечным обязательством перед различными учреждениями, большею частью благотворительными. Без всякой платы крестьяне были освобождены при Николае I лишь в 9-ти случаях из 250-ти, а при Александре I—в 17-ти из 160.

По указу 1842 г. об обязанных крестьянах было освобождено крепостных менее, чем по указу 1803 г., а именно по десятой ревизии их числилось 59.998 д. обоего пола (из них 29.749 д. м. п.). В силу этого указа по добровольному соглашению крестьян и помещиков последние могли сохранять принадлежащее им полное право вотчинной соб-

---

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 220—221.
[2]) Кошелев, стр. 102—105.

ственности на землю со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, крестьяне же получали от господина участки земли в пользование за условленные повинности, которые могли быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обрабатыванием помещичьей земли или другою работою. Помещик сохранял право на вотчинный суд, расправу и наблюдение за сельскою полициею. Заботы о продовольствии и вспомоществовании в несчастных случаях падали на собственные средства обязанных крестьян под наблюдением помещика, который мог и эту обязанность передать правительству. В благоприобретенных имениях было запрещено увольнять крестьян в обязанные по духовному завещанию [1]).—Ничтожное количество освобожденных по этому указу объясняется в значительной мере неопределенностью в условиях освобождения. Кошелев в одной из своих записок по крепостному праву указывает на недостатки указа. Главный недостаток — его половинчатость. Желали уничтожить крепостное право и вместе с тем сохраняли его. Крестьяне не могли считать крепостное право уничтоженным при сохранении барщины и вотчинной власти помещика; они не освобождались даже от телесных наказаний по воле помещика. Крестьяне как будто были освобождены и вместе с тем оставались прикрепленными к земле, и не к своей, а к чужой, они видели в землевладельце своего судью, исправника и чуть-чуть не прежнего своего помещика. Крестьянин имел право жалобы на помещика, но при материальной силе и власти помещика, при подкупности чиновников ему слишком трудно было бы добиться правды. С другой стороны, «помещик, лишаясь части своих прежних прав и долженствуя уважать постановленные ограничения его власти, сохраняет преимущество судить и наказывать, но при неисполнении договора крестьянами имеет жаловаться полиции и, с неубранным хлебом и незасеянными полями, ожидать от нее должного удовлетворения» [2]). Даже исход дела в пользу помещика не облегчал его положения при обыкновенно долгом ведении дела, так как ему нужна немедленно работа крестьянина, чтобы не потерпеть убытка; описать же имущество крестьянина — это значит разорить его, а отсюда пойдет

[1]) Материалы для истории упраздн. креп. состояния, т. II, стр. 117.
[2]) Кошелев. «Записки», стр. 99.

необеспеченность крестьянских платежей. Нужно заметить, кроме того, что *добровольно* (чего требовал указ 1842 г.) лишить себя крепостного труда согласились бы очень немногие помещики даже при благоприятных для них условиях освобождения.

По указу 8 ноября 1847 г., позволившему крепостным выкупаться при продаже имения с публичного торга, выкупилось лишь ничтожное количество крестьян, а именно 964 души мужского пола. Крестьяне могли выкупаться путем взноса состоявшейся на торгах цены или полной оценочной суммы в течение тридцати дней со времени выслушания ими о том объявления. Казна при этом не открывала крестьянам никакого кредита. Естественно, что крестьяне, желая выкупиться, продавали последнее имущество, разорялись, закабаляли себя купцам и другим лицам, дававшим им взаймы, лишь бы выйти на свободу. Если же им не удавалось собрать денег к сроку, то они просили отсрочки, просили у казны пособий на выкуп, а отказы вызывали у них раздражение и волнения. Помещики, покупавщие такие имения, встречались очень враждебно, и им зачастую не желали подчиняться. Беспорядки по поводу этого указа были в 14-ти губерниях, и в трех случаях потребовалась военная сила. Дворянство относилось очень враждебно к указу, роптало, говоря, что крестьяне нарочно перестанут исполнять повинности, чтобы разорить помещиков и вызвать продажу имения с публичного торга.—Правительство негласно отменило действие указа в 1849 г.: получение крестьянами продающихся с торгов имений было поставлено в зависимость от согласия помещика освободить их на основании указа 1803 г., внеся всю сумму долга или переведя последний на крестьян. Однако выкупы на основании указа 1847 г. продолжались до 1852 г. включительно. Этот указ был бы полезен, если бы государство открыло кредит крестьянам, желающим выкупиться. Он важен тем, что признавал землю за крестьянами и оговаривал сохранение общинного землевладения при переходе земли в собственность крестьян. Эти две основы крестьянской реформы получили, стало-быть, право гражданства в правительственных сферах.

Были и другие способы сокращения массы крепостных. Укажу их вкратце. В царствование Николая I в велико-

российских губерниях, с 1838 по 1855 гг., было куплено в казну 54.349 д. м. п.; все крепостные, взятые в рекруты, делались свободными; крестьяне, высланные и отчужденные в казну, поступали в сословие государственных крестьян; известное число крепостных освободилось по отдельным отпускным; правительство оставляло иногда на месте поселения беглых крепостных (в Новороссии, Бессарабии и Закубанье), вознаграждая помещиков определенною суммою; не мало имений было конфисковано в западных губерниях после польского восстания 1831 г. В силу всех этих мер количество крепостных постепенно уменьшалось [1]).

По	5 рев.	(1794—96)	в Евр. Рос., Сиб. и Остз. крае было	. 9.889.680 д.
»	6 »	(1811)	» » » » »	. 10.416.813 »
»	8 »	(1835)	» » (освоб. в Остз. крае 416.013 д. м. п.) было	. 10.872.229 »
»	9 »	(1851)	» » » » »	. 10.708.856 »
»	10 »	(1859)	» » » » »	. 10.696.136 »

Эта медленность в уменьшении количества крепостных показывала, что меры, существующие и принимаемые правительством для ликвидации крепостного права, были слишком недостаточны.

Сводя вместе вышеизложенное, мы видим, что невозможно говорить об едином факторе, подготовившем падение крепостного права. Народ лишь пугал призраком пугачевщины и как бы подгонял и вызывал освободительное движение. Дворянство представляло слишком разношерстную массу; у него были слишком разнообразные интересы, чтобы говорить о влиянии дворянства, как класса, в освободительном движении. Наши промышленные капиталисты, конечно, желали освобождения, но эта группа была слишком незначительна, слаба, чтобы оказывать подавляющее, главнейшее влияние на правительство, хотя, конечно, такое влияние отчасти и было. Интеллигенция, хотя страстно желала освобождения, но в силу отсутствия свободы не могла иметь сильного влияния на правительственную власть. Этих причин было недостаточно не только для того, чтобы произвести самую крестьянскую реформу, но и для того, чтобы побудить правительство приступить к реформе. Хотя само правительство было заинтересовано в уничтожении крепостного права, но оно присту-

[1]) В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 570.

пало к его ликвидации робко, несмело. Необходим был какой-либо сильный толчок, который мог бы вызвать решительный шаг правительства, которое, при тогдашнем положении дел, было единственным активным элементом в государстве, могущим начать реформу.—Таким толчком, заставившим правительство выступить с энергичными мероприятиями, послужила Крымская война. Россия должна была сознаться в собственном бессилии перед иностранными державами и заключить позорный Парижский мир, главным образом, вследствие своих внутренних непорядков. Наше оружие, приготовленное на казенных заводах, было никуда негодно, пути сообщения плохи, в войсках свирепствовали эпидемии вследствие недостатка продовольствия и врачебной помощи, так как взяточничество и недобросовестность господствовали от низших сфер до высших; финансы были истощены; торговля была парализована; внутри России крепостные волновались, желая получить свободу вступлением в ополчение. Правительство должно было после войны принять меры для улучшения порядка управления, для реорганизации суда, армии, для поднятия экономического благосостояния народа, чтобы получить возможность занять прежнее место в ряду европейских держав и не притти к полному банкротству. Это заставило приступить к радикальным реформам.

ТАБЛИЦА № 1. **Распределение оброчных и издельных по районам (во всех имениях).**

РАЙОНЫ	Крестьян			% %		
	Оброчных	Издельных	Всего	Оброчных	Издельных	Распред. крепостн. насел. по районам
Великороссия:						
а) Нечерноземный [1]	1.576.845	1.098 595	2.675.440	58,9	41,1	28,5
б) Черноземный [2]	497.088	1.225.810	1.722.898	28,8	71,2	22,5
в) Поволжский [3]	147.001	402.679	549.680	26,7	73,3	6,0
г) Приуральский северный [4]	13.827	126.729	140.556	9,8	90,2	1,9
д) Астраханская губ.	2.296	343	2.639	87,0	13,0	0,1
е) Восточные степные [5]	26.340	128.485	154.825	17,0	83,0	1,7
II. Новороссийские степные [6]	342	273 814	274.156	0,1	99,9	3,2
III. Малороссия:						
а) Левобережная [7]	4.966	713.778	718.744	0,7	99,3	7,8
б) Правобережная [8]	27.287	1.024.993	1.052.280	2,6	97,4	10,0
IV. Северо-Западный край [9]	77.334	932.406	1.009.740	7,6	92,4	9,7
V. Земля Войска Донского	2.555	85.993	88.548	2,8	97,2	1,3
	2.375.881	6.013.625	8.389.506	28,3	71,7	92,7

[1]) Губ.: Вологодская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Смоленская, Тверская. Ярославская. [2]) Губ.: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, [3]) Казанская, Саратовская, Симбирская. [4]) Вятская, Пермская. [5]) Оренбургская, Самарская. [6]) Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. [7]) Полтавская, Черниговская, Харьковская. [8]) Киевская, Подольская. [9]) Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Ковенская.

Данная таблица вычислена на основании «Трудов Ред. Ком.», т. III и VI; % **крепостного населения по отношению ко всем крепостным**, вычислен на основании таблиц Тройницкого «Крепостное население в России по 10 переписи». Закавказские губ. исключены при составлении таблицы. За неимением распределения крестьян на оброчных и издельных в таблицу не введены губернии: 1) Витебская, (2% крепостного населения), 2) Волынская (4%), 3) Петербургская (1,1%), 4 и 5) Ставропольская и Бессарабская (по 0,1%) и 6) Архангельская (более 0,01%).

ТАБЛИ

Распределение различных групп помещиков

РАЙОНЫ.	ПОМЕЩИКИ						
	Беспоместные	Имеющие до 20 душ	Имеющие от 21—100 душ	Имеющие от 101—500 душ.	Имеющие от 501—1000 душ	Имеющие более 1000 душ	Всего
I. Великороссия:							
а) нечерноземный	629	11.953	12.968	6.486	669	341	33.046
б) черноземный	662	10.668	8.878	5.194	574	327	26.303
в) поволжский	207	1.391	1.900	1.291	204	131	5.124
г) приуральский северн.	54	27	51	27	4	11	174
д) Астраханская губ.	50	11	9	13	2	1	86
е) восточные степные	224	559	567	364	43	25	1.782
II. Новороссийские степные	368	2.412	2.187	750	67	19	5.803
III. Украина:							
а) левобережная	724	9.316	3.373	1.359	149	111	15.032
б) правобережная	332	878	1.513	2.053	430	243	5.449
IV. Северо-Западный край	337	3.751	4.028	2.386	278	171	10.951
V. Земля Войска Донского	—	1.943	681	232	41	14	2.911
VI. Ставропольская губ.	46	50	24	—	7	1	2
Всего	3.633	42.959	36.179	20.162	2.462	1.396	106.791

[1]) Процентные вычисления помещены в тексте, см. стр. 85 и 87.

Ц А № 2.

и принадлежащих им крестьян по районам. [1])

У них крестьян						
У беспоместных	У имеющих до 20 душ	У имеющих от 21—100 душ	У имеющих от 101—500 душ	У имеющих от 501—1000 душ	У имеющих более 1000 душ	У всех помещиков
2.162	110.700	622.396	1.278.935	464.248	672.668	3.158.109
1.812	78.850	384.114	917.488	344.444	658.158	2.384.866
589	11.431	83.499	242.629	105.017	198.243	641.408
174	220	2.699	6.097	3.345	183.314	195.849
133	133	441	2.441	1.124	1.718	5.990
988	4.413	29.300	76.990	29.630	38.639	179.960
1.529	23.217	105.491	149.531	40.766	29.282	349.816
2.589	60.145	152.691	281.216	103.064	223.205	822.910
1.029	7.803	81.108	466.671	288.813	638.711	1.484.135
888	30.265	203.335	501.749	188.883	402.306	1.327.426
—	11.887	31.237	48.843	27.803	23.493	143.263
152	357	999	1.355	554	4.296	7.713
12.045	339.421	1.697.310	3.973.945	1.597.691	3.074.033	10.694.445

ТАБЛИ

ГУБЕРНИИ	Количество имений	Количество крестьян	Т Я	
			Оброчные	Смешанные
Владимирская	390	147.700	53.913½	14.450
Ярославская	474	114.790	37.206½	16.490¾
Костромская	508	142.474	40.836¼	19.377½
Олонецкая	16	2.097	428½	484½
Московская	593	171.921	53.298¼	11.977½
Вологодская	167	41.185	11.415¼	2.893½
Нижегородская	506	186.252	37.837¾	24.798
Тверская	690	175.828	26.813¼	27.702¾
Новгородская	373	90.583	11.140¾	14.773¾
Петербургская	161	46.197	7.680¾	5.230¾
Калужская	511	165.008	31.757½	10.252½
Смоленская	608	180.745	15.032¾	14.273½
Псковская	408	99.445	16.648½	1.194
В 13 нечерноземных губ.	5.405	1.564.225	344.009½	163.899
Воронежская	373	148.582	45.663½	7.709
Рязанская	670	183.705	26.673½	7.668
Тульская	250	205.590	14.176½	7.096
Саратовская	496	186.001	10.098⅜	10.162
Орловская	705	191.897	9.055¾	10.530¾

ЦА № 3.

Г Л А							
Издельные	Всего	% оброчных	% смешанных	% издельных	% оброчных и смешанных	% издельных и смешанных	Количество душ, приходящихся на 1 тягло
5.884¼	74.247¾	72,61	19,46	7,93	91,53	8,47	1,99
5.196¾	58.894	63,17	28,00	8,83	90,87	9,13	1,95
7.138	67.351¾	60,63	28,77	10,60	89,13	10,87	2,11
117	1.130	41,60	47,04	11,36	88,64	11,36	2,03
15.943½	81.219¼	65,62	14,75	19,63	80,27	19,73	2,12
3.263¾	17.572½	64,96	16,47	18,57	80,04	19,96	2,34
21.195	83.830¾	45,14	29,58	25,28	74,38	25,62	2,21
25.176	89.692	33,65	34,76	31,59	68,25	31,75	2,21
13.499½	39.414	28,27	37,48	34,25	65,14	34,86	2,30
6.941¾	19.853¼	38,69	26,35	34,96	63,14	36,86	2,33
29.378½	71.388⅓	44,49	14,36	41,15	58,79	41,21	2,31
52.209½	81.515¾	18,44	17,51	64,05	33,89	66,11	2,22
34.680	52.522½	31,70	2,27	66,03	32,81	67,19	1,89
220.623½	728.532	47,23	22,49	30,29	68,78	31,22	2,15
37.161	90.533½	50,44	8,52	41,04	58,76	41,24	2,62
37.232	71.573½	37,27	10,71	52,02	47,98	52,02	2,56
56.097¼	77.369¾	18,33	9,17	72,50	27,23	72,77	2,65
53.159½	73 419⅞	13,76	13,84	72,40	25,99	74,01	2,53
54.928½	74.515	12,15	14,13	73,72	25,88	74,12	2,57

ГУБЕРНИИ	Количество имений	Количество крестьян	Т Я	
			Оброчные	Смешанные
Симбирская	437	152.955	10.585½	4.794½
Тамбовская	798	238.514	9.618½	10.579
Самарская	266	83.249	1.064½	5.533¼
Пензенская	465	167.560	7.010½	4.316½
Курская	611	183.108	7.348¾	2.419½
В 10 черноземных губ.	5.071	1.741.161	141.295⅜	70.809
В 23 великорусских губ.	10.476	3.305.386	485.304¾	234.707¾
		Оброчных крестьян.		
Харьковская	31	14.319	—	—
Черниговская	41	4.201	—	—
Полтавская	61	2.453	—	—
Екатеринославская [1])	—	—	—	—

[1]) Нужно заметить, что в малороссийских губерниях и Екатеринославской количество оброчных тягол, иногда оброчных душ, иногда лишь обозначено, что дельных можно принимать лишь, как приблизительный. В силу этих же обстоя руководствуясь средним числом душ на 1 тягло), а процент вычислен по отно дует заметить, что, несмотря на эти крупные недостатки приводимых данных, комитетов. Напр., в Полтавской губ. в Приложениях к Тр. Ред. Ком. отмечено губ. в Трудах Ред. Ком. показано лишь 450 д.; в Харьковской губ. — 2.777 д.; лишь не отмечено числа крестьян, отпускаемых на оброк. В действительности оброчных чения их количества, показана в Черниговской губернии в 74 имениях, в Пол

Г Л А.

Издельные.	Всего.	% оброчных.	% смешанных.	% издельных.	% оброчных и смешанных.	% издельных и смешанных.	Количество душ, приходящихся на 1 тягло.
44.970 1/6	60.370 1/6	17,54	7,94	74,52	25,48	74,52	2,50
68.704 1/2	88.902	10,82	11,90	77,28	21,60	78,40	2,68
28.361	34.958 3/4	3,04	15,83	81,13	18,87	81,13	2,40
49.281	60.608	11,57	7,12	81,31	18,52	81,48	2,76
48.845	58.613 1/4	12,54	4,13	83,33	16,67	83,33	3,14
478.740	690.844 3/8	20,45	10,25	69,30	30,30	69,70	2,52
699.364 1/4	1.419.376 3/4	34,19	16,54	49,27	50,05	49,95	2,33
					Оброчных.	Издельных.	
—	—	—	—	—	9,56	90,44	2,60
—	—	—	—	—	2,56	97,44	2,27
—	—	—	—	—	1,14	98,86	2,31
—	—	—	—	—	—	100,00	1,90

оброчные показаны лишь в примечаниях, а не в особой графе; иногда указано
есть оброчные, но сколько их—неизвестно. Поэтому и процент оброчных и из-
тельств количество оброчных приведено числом душ (тягла переведены на души,
шению к общему числу крестьян в имениях, где было более 100 душ. Сле-
количество оброчных превышает количество их, указанное в сведениях губернских
2.453 оброчных крестьян, в Трудах Ред. Ком. лишь 1739 д.; в Черниговской
в Екатеринославской губ. показано 255 душ, тогда как в Приложениях нигде
было, вероятно, больше, ибо наличность оброчных, с обозначением и без обозна-
тавской — в 61, в Харьковской — в 60, и в Екатеринославской в 3 имениях.

ТАБЛИ

ГУБЕРНИИ.	Количество имений.	Количество в них крестьян, наделенных землею.	У крестьян. Удобной земли. / Неудобной.	У крестьян. Всей земли на 1 душу.	У крестьян. Удобной земли на 1 душу.	У по… Удобной земли. / Неудобной.
Владимирская	399	154.742	577.042,87 / 13.714,11	3,81	3,72	543.155,47 / 33.473,50
Вологодская	200	49.598	430.731,76 / 9.841,58	8,88	8,68	273.482,00 / 2.903,78
Воронежская	373	199.470	600.582,12 / 3.952,74	3,03	3,02	802.476,41 / 88.994,73
Екатеринославская	356	81.842	267.192,69	3,26	3,26	1.218.590,27 / 142.675,75
Калужская	488	155.920	526.757,47 / 1.236,27	3,39	3,38	463.426,26 / 35.346,91
Костромская	526	151.301	885.666,00 / 10.655,32	5,92	5,85	1.220.041,87 / 33.058,68
Курская	623	216.987	538.798,52 / 818,14	2,49	2,48	675.808,29 / 11.277,53
Московская	595	174.239	498.453,11	—	2,86	—
Новгородская	285	73.125	629.030,66	—	8,61	843.119,20
Нижегородская	542	224.329	859.128,76 / 12 060,84	3,88	3,83	730.447,32 / 38.172,79
Олонецкая	12	1.516	11.581,53 / 201,00	7,77	7,64	82.985,14 / 580,00
Орловская	720	203.945	714.336,44	—	3,50	857.101,41
Пензенская	522	190.646	617.690‘49	—	3,24	771.283,56

ЦА № 4.

мещиков.		% всей удобной земли.		% всей удобной земли без лесу.		Колич. имений.	Количество пахотной земли.	Пахотн. земли на 1 душу.
В том числе лесу	Удобной без лесу десятин.	У крестьян.	У помещиков.	У крестьян.	У помещиков.	Колич. в них крестьян.		
394.547,19	148.608,28	51,51	48,49	79,52	20,48	—	—	—
117.170,23	156.311,77	61,17	38,83	73,37	26,63	—	—	—
101.882,27	703.594,14	42,71	57,29	46,05	53,95	—	—	—
36.340,50	1.182.249,77	17,98	82,02	18,43	81,57	—	—	—
297.239,93	166.186,33	53,30	46,70	76,02	23,98	481 / 154.501	402.282,02	2,60
335.327,68	884.714,19	42,06	57,94	50,02	49,98	—	—	—
74.289,56	601.518,73	44,36	55,64	47,25	52,75	623 / 216.987	434.994,89	2,00
—	—	—	—	—	—	595 / 174.239	284.569,25	1,63
539.610,99	303.508,21	42,73	57,27	67,45	32,55	—	—	—
504.795,85	225.651,47	54,05	45,95	79,20	20,80	542 / 224.329	634.895.61	2,83
76.915,80	6.069,34	12,25	87,75	65,61	34,39	11 / 1.390	2.592,79	1,87
20.794,64	836.306,77	45,46	54,54	46,67	53,33	—	—	—
310.054,13	461.229,43	44,47	55,53	57,25	42,75	—	—	—

ГУБЕРНИИ.	Количество имений.	Количество в них крестьян, наделенных землею.	У крестьян.				У по	
			Удобной земли.	Неудобной.	Всей земли на 1 душу.	Удобной земли на 1 душу.	Удобной земли.	Неудобной.
Петербургская	167	46.758	299.365,13	22.924,78	6,89	6,40	380.410,17	65.915,32
Полтавская	685	211.995	432.673,67		2,04	2,04	968.364,67	64.571,75
Псковская	446	113.334	571.070,00	34.381,15	5,34	5,04	899.704,60	41.398,64
Рязанская	681	188.235	518.563,47	1.682,84	2,74	2,74	567.488,02	56.980,40
Самарская	175	62.420	328.987,63	7.980,60	5,40	5,27	700.554,81	102.904,97
Саратовская	493	198.933	894.788,31	5.656,66	4,53	4,49	1.280.469,97	131.031,61
Симбирская	449	154.525	543.891,68	6.998,03	3,57	3,52	803.154,86	28.500,96
Смоленская	518	139.430	738.189,48	26.155,59	5,48	5,29	838.678,83	45.903,93
Тамбовская	765	232.423	669.539,95	429,04	2,88	2,88	1.064.828,78	82,975,03
Тверская	495	115.730	610.619,86	13.519,04	5,27	4,41	466.882,42	20.152,76
Тульская	278	215.049	619.352,64	2.633,42	2,89	2,88	604.327,28	7.236,65
Черниговская	593	161.718	512.822,94		3,17	3,17	693.535.16	80.276,25
Харьковская	458	139.955	353.741,59		2,53	2,53	923.023,24	82.150,26
Ярославская	577	150.871	709.008,84	12.533,45	4,78	4,70	431.452,20	9.433,34

мещиков.		% всей удобной земли.		% всей удобной земли без лесу.		Количество имений.	Количество пахотной земли.	Пахотной земли на 1 душу
В том числе лесу.	Удобной без лесу десятин.	У крестьян.	У помещиков.	У крестьян.	У помещиков.	Количество в них крестьян.		
303.990,54	76.419,63	44,04	55,96	79,66	20,34	—	—	—
21.914,00	946.450,67	30,88	69,12	31,37	68,63	—	—	—
633.809,71	265.894,89	38,83	61,17	68,24	31,76	—	—	—
157.691,59	309.796,43	47,74	52,26	52,60	47,40	—	—	—
140.455,11	560.099,70	31.95	68,05	37,00	63,00	256 / 77.144	283.941,43	3,68
301.598,50	978.871,47	41,13	58,87	47,76	52,24	500 / 200.845	666,336,64	3,32
397.217,52	405.937,34	40,38	59,62	57,26	42,74	456 / 158.371	455.956,06	2,88
543.058,67	295.620,16	46,81	53,19	71,41	28,59	—	—	—
315.810,62	749.018.16	38,60	61,40	47,20	52,80	—	—	—
286.335,87	180.546,55	56,67	43,33	77,18	22,82	405 / 115.592	262.147,72	2,27
32.875,16	571.452,12	50,61	49,39	52,00	48,00	185 / 177.055	413.177,30	2.33
370.508,00	323.027,16	42,51	57,49	61,35	38,65	—	—	—
165.205,33	757.817,91	27,71	72,29	31,82	68,18	—	—	—
245.623,97	185.828,23	62,17	37,83	79,23	20,77	365 / 97.940	226.392 85	2,31

ТАБЛИЦА № 5.

ГУБЕРНИИ.	Количество имений.	Количество тягол.	Сумма оброка, взимаемого с них. Руб.	К.	Средний оброк с тягла. Руб.	К.
Самарская	22	625	17.227	79	27	56
С.-Петербургская	38	3.601¼	98.171	40	27	26
Саратовская	171	7.724⅜	201.670	36	26	11
Тульская	124	5.774	134.978	84	23	38
Орловская	66	5.608	124.179	32	22	14
Пензенская	104	5.920¾	118.612	66	20	3
Ярославская	231	30.263¾	606.019	76	20	2
Калужская	267	26.226	518.443	39	19	77
Тамбовская	103	6.811¾	134 542	96	19	75
Новгородская	114	7.033	137.473	8	19	55
Псковская	151	11.488	224.645	79	19	55
Костромская	289	32.415½	628.867	14	19	40
Рязанская	199	24.245¼	469.118	98	19	35
Симбирская	118	10.359	196.074	44	18	93
Нижегородская	186	30.319½	568.807	52	18	76
Воронежская	68	45.055	831.904	42	18	46
Вологодская	98	8 487	151.351	43	17	83
Московская	116	16 350¾	288.984	45	17	67
Тверская	183	17.410	305.254	19	17	53
Владимирская	181	38.422	663.754	60	17	27
Харьковская [1])	12	641	10.911	42	17	2
Смоленская	133	11.329	190.594	54	16	82
Курская	45	2.574	40.152	66	15	60
Олонецкая	4	168	2.103	—	12	51

[1]) В 14 имениях с 9.096 душ взималось 40.099 руб. 60 коп., т.-е. по 4 р. 41 коп. с 1 души.

По Полтавской, Черниговской, а также по Екатеринославской губ. сведения о количестве взимаемого оброка ничтожны и неясны. В Черниговской губ. с полного хозяйства брали рублей 20 в среднем, но иногда оброки доходили до 70 руб.; с безземельных в некоторых случаях брали по 10 р. В Полтавской губ. оброки колебались между 1 р. 50 коп. и 75 р. с души. В Екатеринославской губ. оброк показан в 2-х имениях: в одном брали 34 р. 30 коп. с тягла, в другом — 42 р. 50 коп. с тягла.

ТАБЛИЦА № 6.

ГУБЕРНИИ.	Количество имений.	Количество крестьян.	Количество дворовых.	% дворовых.	% дв. и кр. на двор. пол. и т. п.	Количество кр. и двор. во всех имениях (по Тройницкому).	% кр. и двор., помечен. в „Извлечениях", по отнош. к общ. числу их.
Екатеринославская . .	422	94.299	13.603	12,61	—	163.058	66,17
Харьковская	461	149.739	19.260	11,33	16,00	230.096	73,45
Курская	630	220.133	23.436	9,62	9,62	349.003	66,79
Орловская	720	208.052	18.370	8,11	8,18	350.750	64,55
Тамбовская	811	245.745	20.136	7,57	7,88	370.664	71,74
Самарская	270	84.705	6.599	7,24	8,25	113.360	80,54
Воронежская	382	202.152	14.296	6,60	9,52	258.034	83,88
Тульская	279	217.002	13.939	6,03	6,66	396.603	58,23
Пензенская	522	190.646	10.536	5,24	5,70	267.732	84,57
Саратовская	502	201.327	11.050	5,20	5,86	323.400	65,67
Симбирская	456	159.174	8.403	5,01	5,33	214.920	77,97
Рязанская	688	190.516	9.969	4,97	5,22	392.080	51,13
Новгородская	387	94.982	4.170	4,21	5,77	200.467	49,44
Тверская	724	197.583	8.286	4,19	5,67	361.702	56,92
Смоленская	623	196.435	8.470	4,13	4,13	367.115	55,81
Черниговская	604	164.134	6.831	4,00	—	266 410	64,17
Калужская	525	167.884	6.538	3,75	3,76	284.624	61,28
Псковская	446	113.404	4.392	3,73	4,76	184.538	63,83
Ярославская	548	151.650	5.222	3,33	3,33	257.296	60,97
С.-Петербургская . .	173	48.927	1.613	3,19	3,19	122.450	41,26
Московская	611	181.051	5.447	2,92	2,92	298.019	62,58
Вологодская	202	49.676	1.478	2,89	4,22	102.805	49,71
Костромская	528	157.233	4.339	2,68	2,70	292.589	55,22
Владимирская	400	156.585	3.285	2,05	2,05	326.695	48,93
Нижегородская	546	232.187	4.755	2,01	2,01	347.392	68,20
Олонецкая	16	2.100	41	1,91	1,95	5.411	39,57
Полтавская	695	215.055	1.269	0,59	—	326.404	66,27

ТАБЛИЦА № 7.

ГУБЕРНИИ.	Количество имений.	Количество в них крестьян.	ТЯГЛА.					% %				На 1 тягло душ.	Количество крестьян, наделенных землею.	% хозяев, наделенн. землею к общ. чис. тягол.
			Тяглые.	Полутяглые.	Пешие.	Имеющие только усадьбу.	Всего.	Тяглые.	Полутяглые.	Пешие.	Имеющие только усадьбу.			
Черниговская	604	164.134	46.221	—	24.093	2.082	72.396	63,84	—	33,28	2,88	2,27	—	—
Полтавская	694	214.945	17.314	7.459	68.180	—	92.953	18,63	8,02	73,35	—	2,31	85,982	92,91

ТАБЛИЦА № 8.

ГУБЕРНИИ.	Колич. имений.	Количество в них крестьян.	ТЯГЛА.				%%			На 1 тягло душ.
			Воловые.	Конные.	Пешие.	Всего.	Воловые.	Конные.	Пешие.	
Харьковская [1]).	454	138.209	16.893	20,433¼	15.737½	53.063¾	31,84	38,50	29,66	2,60
Екатеринославская [2]).	398	91.203	16.918	1.882	29.165	47.965	35,27	3,92	60,81	1,90

ТАБЛИЦА № 9.

Земельные наделы тяглых и пеших тягол в Черниговской губ.

ТЯГЛА.	Количество имений.	Количество тягол.	Количество земли.	Десятин земли на 1 тягло [3]).
Тяглые	336	27.111	169.323.84	6.25
Пешие	163	11.170	40.556.00	3.63

[1]) Количество крестьян приведено без крестьян, состоящих на дворовом положении. В общем количестве тягол—113 (294 р. д. м. п.)—не наделены землею.

[2]) В указанных 398 имениях показано 47.487 хозяев, наделенных землею. В 23-х имениях указано 1.408 дворовых, наделенных землею.

[3]) Принимая во внимание, что на 1 тягло приходилось в среднем 2,27 души, у тяглых приходилось 2,75 дес. на 1 р. д. м. п., у пеших—1,60 дес.

ТАБЛИ

Распределение земли между тяглыми,

Количество имений.	Количество крестьян.	ТЯГЛА. Наделенные землею. Тяглые.	Полутяглые.	Пешие.	Всего.	Безземельные [1]).	Всего.	ДЕСЯТИН ЗЕМЛИ. У тяглых.	У полутяглых.	У пеших.	Всего.
179	45.329	3.337	1.145	12.051	16.533	1.577	**18.110**	20.884,35	3.564,94	33.565,35	**58.014,64**

ТАБЛИ

Распределение земли между воловыми, конными

Количество имений.	Количество крестьян.	ТЯГЛА. Воловые.	Конные.	Пешие.	Всего.	ДЕСЯТИН ЗЕМЛИ. У воловых.	У конных.	У пеших.	Всего.
433	119.944	15.637	16.543¼	13.745½	45.925¾	110.346,72	103.002,77	61.705,46	**275.054,95**

[1]) Из них 24 полутяглых и 1.553 пеших тягла.

Ц А № 10.

полутяглыми и пешими в Полтавской губ.

% %								Десятин земли на 1 тяг.			
Т Я Г Л А.					Десятин земли.						
Наделенные землею.				Безземельные.							
Тяглые.	Полутягл.	Пешие.	Всего.		У тяглых.	У полутяглых.	У пеших.	Тяглое.	Полутяглое.	Пешее.	Средний надел.
20,19	6,92	72,89	90,46	9,54	36,00	6,32	57,68	6,26	3,11	2,79	3,51

Ц А № 11.

и пешими тяглами в Харьковской губ.

% %						Десятин земли на 1 тягло.			
Т Я Г Л А.			Десятин земли.						
Воловые.	Конные.	Пешие.	У воловых.	У конных.	У пеших.	Воловое.	Конное.	Пешее.	Средний надел.
34,05	36,02	29,93	40,12	37,45	22,43	7,06	6,23	4,49	5,98

ТАБЛИЦА № 12.

Количество крестьянских волнений.

Годы / Районы	Волновавшиеся имения. 1826—29 г.	1830—34 г.	1835—39 г.	1840—44 г.	1845—49 г.	1850—54 г.	Всего с 1826—54 г.	Проценты. 1826—29 г.	1830—34 г.	1835—39 г.	1840—44 г.	1845—49 г.	1850—54 г.	Всего с 1826—54 г.
I. Великороссия.														
а) нечерноземный .	51	19	28	56	54	33	241	60	31	36	40	26	31	36
б) черноземный . .	14	21	17	14	53	30	149	16	35	22	10	25	28	22
в) поволжский . . .	10	7	12	15	12	9	65	12	11	15	11	6	9	9
г) приуральский северный	4	5	2	3	5	—	19	5	9	3	2	2	—	3
д) вост. степной . .	—	—	—	5	5	2	12	—	—	—	4	2	2	2
II. Новоросс. степной . .	—	—	1	8	10	7	27	—	—	1	6	5	7	4
III. Украина.														
а) левобережная . .	1	6	6	9	18	14	54	1	10	8	7	9	13	8
б) правобережная . .	—	—	6	7	26	—	39	—	—	8	5	13	—	6
IV. Северо-Зап. край . .	5	1	5	17	24	9	61	6	2	6	12	12	9	9
V. Область Войска Донского	—	1	1	—	—	—	2	—	2	1	—	—	—	0,2
VI. Ставропольская . . .	—	—	—	4	—	5	5	—	—	—	3	—	1	0,8
Всего	85	60	78	138	207	105	674	13	9	11	20	31	16	100

Список источников и пособий.

Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. Т. I—VI.

Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Тт. III, VI, XV и XVI. С.-Петербург, 1860 г.

I и II Полное Собрание Законов.

Свод Законов Росс. империи изд. 1857 г.

Тройницкий. «Крепостное население в России по 10-й народной переписи». С.-Петербург, 1861 г.

Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов мин. внутр. дел. за 1836—56 гг.

Материалы для истории упраздненния крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Тт. I—II. Берлин, 1861 г.

Ю. Янсон. «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». С.-Петербург, 1881 г.

Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование императора Александра II». Тт. I, II, III. Бонн на Рейне, 1862 г.

А. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Т. I. Москва, 1869 г.

Baron Auguste de Haxthausen. «Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie». Vv. II и III. Berlin, 1853 г.

Романович-Славатинский. «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права». С.-Петербург, 1870.

Заблоцкий-Десятовский. «Граф Киселев и его время». Т. IV. С.-Петербург, 1882 г.

Самарин. Сочинения, т. II.

Кавелин. Сочинения, т. II.

А. И. Кошелев. «Записки». Берлин, 1884 г. (В приложении: «Записка по уничтожению крепостного состояния в России»).

В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Т. I. С.-Петербург, 1903 г.

В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Тт. I—II. С.-Петербург, 1888 г.

В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в произведениях М. Е. Салтыкова». Сборник Правоведения и Общественных Знаний, т. I.

В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века» Ст. в сборнике «Крестьянский строй». С.-Петербург, 1905 г.

В. И. Семевский. «По поводу статьи Рожкова». «К вопросу об экономических причинах падения крепостного права в России». «Рус. Мысль», 1902 г., кн. IV.

В. И. Семевский. «Правительство, общество и народ в истории крестьянск. вопроса». Сб. «Великая реформа» изд. Т-ва «Образование» Москва, 1911 г.

В. И. Семевский. «Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с отечеств. войною».—Сб. «Отечественная воiна». Изд. И. Д. Сытина, 1912 г.

В. И. Семевский. «Крестьяне» ст. в «Энциклопедич. Словаре» изд. бр. Гранат.

В. И. Семевский. «Политические и общественные идеи декабристов». Спб., 1909 г.

Кн. Н. Волконский. «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве». Рязань, 1898 г.

П. Б. Струве. «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX веке». «Мир Божий», 1899 г., кн. 10—12.

П. Б. Струве. «Попытки артельных организаций». «Начало», 1899 г., №№ 1—2.

П. Милюков. «Крестьяне». Энциклопедический словарь, т. XVI, А. Изд. Брокгауза и Ефрона.

А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.». С.-Петербург, 1859 г.

Ст. О. Гулишамбаров. «Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России». С.-Петербург, 1898 г.

Туган-Барановский. «Фабрика в ее прошлом и настоящем».

Авалиани. «Волнения крестьян в царствование императ. Александра I.—Сергиев Посад, 1912 г.

Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере».—Вологда, 1922 г.

Антонов. «Четверть века назад». — «Историч. Вестн.» 1887 г., ноябрь.

А. Бажанов. «Опыт земледелия вольнонаемным трудом». Москва, 1860 г.

Ф. Д. Бобков. «Из записок бывшего крепостного человека». «Историч. Вестник». 1907 г. V—VI.

Варадинов. «История министерства внутр. дел».

Васильчиков. «Землевладение и земледелие». Т. I. С.-Петербург, 1876 г.

Сб. «Великая Реформа» изд. И. Д. Сытина Москва, 1911 г., I—VI.

Сб. «Великая Реформа» — изд. Т-ва «Образование». Москва, 1911 г.

Васин. «Неурожаи в России и их главные причины». «Сев. Вестник», 1892 г. № 1.

Вознесенский. Экономич. развитие России и классовая борьба. Петроград, 1924 г.

Н. В. Веригин. «Записки». «Рус. Стар.», 1893 г., кн. IV и VII.

Е. Н. Водовозова. «Воспоминания». «Минувшие Годы», 1908 г., кн. II—XII.

Н. Волков. «Соображения об устройстве крестьян Черниговской губ. «Журнал Землевладельцев», 1858 г., кн. XII.

С. Волков. «Об отдаче земель в аренду и о вольнонаемном труде в Моск. губ». «Журнал Землевладельцев», 1858 г., кн. XII.

Воспоминания декабриста Беляева о пережитом и перечувствованном с 1803 г. «Русск. Стар.», 1886 г., февраль.

Воспоминания, мысли и признания доживающего свой век смоленского дворянина. «Русск. Стар.», 1895 г., май, июль, сентябрь.

Воспоминания крепостного. Опубликовано Н. Щербанем, «Русск. Вестник», 1877 г., кн. 7 и 9.

Воспоминания подольского старожила. «Киев. Стар.», 1898 г., кн. II.

Воспоминания ген.-лейт. Дм. Григ. Колокольцева. «Русск. Стар.», 1891 г., кн. III.

Воспоминания В. И. Сафоновича. «Русск. Архив», 1903 г., кн. V.

Воспоминания А. М. Фаддеева. «Русск. Архив», 1891 г. кн. V.

Воспоминания А. В. Панаева. «Русск. Стар.», 1902 г., кн. I.

Всеподданнейшее письмо кн. Николая Репнина. «Русск. Стар.», 1896 г., кн. X.

Н. В—цкий. «Очерки дореформенного быта в Полтавском Побережьи». «Киев. Стар.», 1896 г., кн. VII—VIII.

Г. Данилевский. «Харьковский крестьянин». «Журнал Землевлад.», 1858 г., кн. XII.

Два письма кн. Воронцова к гр. Бенкендорфу. «Русск. Арх.», 1890 г., кн. VII.

Делярю. «Эпизод из крепостного права». «Русск. Архив», 1884 г. № 4.

Н. Демидов. «Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губ.». Н.-Новгород, 1884 г.

Дневник И. М. Снегирева. «Русск. Арх.», 1903 г., кн. V, 1905. кн. I.

Джаншиев. «Эпоха великих реформ». 7-е издание.

С. Дмитриев. «Опыт практических замечаний Кинешемского земледельца». Москва, 1855 г.

И. Дубасов. «Елатомский помещик Кашкаров». «Древняя и Новая Россия», 1877 г., кн. I.

Дубасов. «К истории крестьянской реформы». «Еженедельное Новое Время», 1880 г., № 53.

Ермолов. «Наши неурожаи и продовольственный вопрос», ч. I, 1908 г.

Ф. П. Еленев. «Первые шаги освобождения помещичьих крестьян». «Русск. Арх.», 1886 г., кн. VII.

Есимонтовский. «Описание Суражского у., Черниговской губ.». С.-Петербург, 1846 г.

Житова. «Воспоминания о семье И. С. Тургенева». «Вестник Европы», 1884 г., ноябрь.

«Земледельческий Журнал» за 1820-ые, 30 и 40-е годы.

Записки гр. М. Д. Бутурлина. «Русск. Арх.», 1898 г., кн. II.

Записки Л. П. Никулиной-Косицкой. «Русск. Стар.», 1880 г., т. 21.

Записки сельского священника. «Русск. Стар.», 1880 г., т. 27.

«Историч. обзор правительств, мероприятий по народному продовольствию в России». Т. I и II. С.-Петербург, 1892 г.

Император Николай I в его письмах к кн. Паскевичу. «Рус. Архив», 1897 г., кн. I.

Из недавнего прошлого Слободской Украйны. «Киевск. Стар.», 1896 г., кн. IV.

Из переписки И. И. Срезневского. «Киевск. Стар.», 1901 г., кн. VII—VIII.

Из записок барона Корфа. «Русск. Стар.», 1900 г., кн. III.

И. И. Игнатович. Сборник статей «Борьба крестьян за освобождение». Петроград, 1924 г.

И. И. Игнатович. «Крестьянские волнения от 1854 по 1863 г.». «Минувшие годы». 1908 г.

И. И. Игнатович. «Отражение в России крестьянского движения в Галиции 1846 г.». Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутск. Госуд. Университета. Иркутск, 1923 г.

П. А. Кисловский. «Статистические сведения о состоянии сельского хозяйства в Кашинском у., Тверской губ.». «Журнал сельского хозяйства», 1851 г., № 12.

А. А. Корнилов. «Крестьянская реформа в Калужской губ. при В. А. Арцимовиче». С.-Петербург, 1904 г.

А. А. Корнилов. «История России в XIX в.», т. I — II.

А. А. Корнилов. «Эпоха отечественной войны и ее значение в новейшей истории России». «Русск. Мысль», 1912 г. № 11.

А. А. Корнилов. «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—59 г.», в сб. «Очерки по обществ. движению и крестьянск. делу в России». Спб., 1905 г.

«Колокол», журн. за 1857 — 1861 г.

Кречетович. «Крестьянская реформа в Оренбургск. крае», т. I. Подготовка реформы. Москва, 1911 г.

Карнович. «Цесаревич Константин Павлович». Спб., 1899 г.

Н. А. Крылов. «Накануне великих реформ». «Истор. Вестник», 1903 г., кн. IX.

Колонтаева. «Воспоминания о селе Спасском». «Истор. Вестник», 1885 г., № 10.

Н. И. Костомаров. «Русск. Стар.», 1886 г., январь.

«К истории русской промышленности». Памятная книга крестьянина с. Иванова, Шуйского у., Н. А. Полушина. «Русск. Архив», 1898 г., кн. VI.

С. В. Лазаревский (сообщ.). «Докладная записка министру внутр. дел о причинах крестьянского волнения в Ардатовск. у. Нижегор. губ. в 1852 г.». Сборник «Действия Нижегор. Учен. Арх. Ком.». Н.-Новгород, 1912 г. т. X.

Ор. Левицкий. «О положении крестьян Юго-Западного края во 2-й четверти XIX ст.» «Киев. Стар.», 1906 г., VII—VIII.

И. Лучицкий. «Из недавнего прошлого». «Киев. Стар.», 1901 г. кн. IV.

П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. I. Разложение натурального строя и условие образования сельско-хозяйственного рынка. С.-Петербург. 1908 г.

Ек. Леткова. «Крепостная интеллигенция». «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11.

А. Любавский. «Русские уголовные процессы». Спб. 1866 г.

Максимов. «Очерки по истории обществ. работ в России». С.-Петербург, 1905 г.

Материалы по крепостному праву. Саратовская губ. Издание Саратовск. Учен. Арх. Ком. Саратов, 1911 г.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. *Екатеринославская* губ., составил генерального штаба капитан В. Павлович. С.-Петербург, 1862 г.

То же. *Гродненская* губ., составил член Импер. Русск. Геогр. Общества генер. штаба подполковник П. Бобровский. С.-Петербург, 1863 г.

То же. *Ковенская* губ., составил Д. Афанасьев, член-сотруд. Импер. Русск. Геогр. Общества. С.-Петербург, 1861 г.

То же. *Минская* губ., составил генер. штаба подполковник П. Зеленский. С.-Петербург, 1864 г.

Д. Л. Мордовцев. «Накануне воли». Архивные силуэты. Спб., 1889 г.

Н. М. «Материалы для новейшей истории Юго-Западного края». «Киев. Стар.», 1899 г., кн. VI.

Ал. Никольский. «Хозяйственное описание Балашовского у. Саратовской губ.». С.-Петер., 1855 г.

А. В Никитенко. «Записки и дневник», т. I и II.

М. К. Николаева. «Деревня в старину». «Сев. Вестник», 1891 г., № 6.

Носович. «Крестьянская реформа». С.-Петербург, 1900 г.

Обозрение Киевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г. «Русский Архив», 1884 г., т. III.

Н. П. Огановский. «Закономерность аграрной эволюции», т. I.

Сб. **«Освобождение крестьян».** Изд. журн. «Жизнь для всех». 1911 г.

Отрывок из записок бывшего крепостного И. Савченко. «Киев. Стар.», 1899 г., кн. VIII.

Отрывок из дневника Г. П. Галагана. «Киев. Стар.», 1899 г., кн. XI.

Кн. Д. Д. Оболенский. «Наброски из прошлого». «Истор. Вестн.», 1893 г., кн. VII—XII.

Отметки императора Николая I на представленных ему бумагах. «Русск. Архив», 1895 г., кн. V.

Описание улучшения быта крестьян в Подольском уезде Московской губ., в имении А. В. П. «Журнал Землевлад.». 1858 г. кн. XIII.

Т. И. Осадчий. «Крестьянское надельное землевладение в Херсонской губ., в связи с платежами крестьян». Херсон. 1894 г.

Павлов-Сильванский. Разбор книги Трефильева «Очерки из истории крепостного права в России». Сочин., т. II, С.-Петербург, 1910 г.

По поводу толков об освобождении крестьян в 1830 г. «Рус. Стар.», 1896 г., кн. X.

В. Преображенский. «Описание Тверской губ. в сельско-хозяйственном отношении». С.-Петербург, 1854 г.

М. Н. Покровский. «Крестьянская реформа». История России в XIX веке, изд. Т-ва бр. А. и И. Гранат, вып. 9—10, 1909 г.

Пушечников. «Заметки старожила» Елецкого уезда, с 1842 по 1872 г. «Русск. Архив», 1905 г., кн. IV.

Письмо пензенского помещика к Н. А. Ж. Труды Императ. Вольн. Эк. Общ., 1845 г., № 5.

Песня крепостного быта про галаганцев. «Киевск. Стар.», 1899 г., кн. IV.

А. Д. Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные». Рязань, 1903 г.

А. Д. Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные». Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссии. 1895 г., т. X, вып. I.

А. Д. Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные (условия нормального помещичьего хозяйства». Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссии, 1899 г., т. XIV, вып. 1.

А. Д. Повалишин. «Очерки крепостного права. Жестокое обращение помещиков со своими крепостными». Труды Разан. Арх. Уч. Комиссии, 1896 г., т. XI, вып. II.

Процесс крестьян села Лютариг графа А. В. Бобринского, обвинявшихся в сопротивлении должностным лицам. «Юридич. Вестник», 1881 г., № 2. Хроника уголовного суда.

Приказ помещицы Черниковой о выборе рекрут. Орел, 1817 г. «Русск. Стар.», 1896 г., июль.

К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России». Изд. «Былое». Петроград, 1923 г.

М. Н. Покровский. «История России с древнейших времен».

М. Н. Покровский. «Очерк истории русской культуры», ч. I, Москва, 1915 г.

Пичета. «История народного хозяйства XIX—XX в.». Москва, 1922 г. ч. I.

Пичета. «История крестьянских волнений. Минск, 1923 г.

Петров. «Общественно-политич. брожения в Киевской губ. в 1846 и 1847 г.». «Истор. Вестн.», 1885 г., кн. 9.

Попруженко. «Эпизод из истории польского крестьянства» (1846—1848 г.). «Истор. Вестн.», 1894 г., июль.

Рожков. «Город и деревня». М. 1920 г.

Романович - Славатинский. «Голода в России и меры правительства против них». Киевск. Университ. Известия. 1892 г. № 1.

Р. «Былое» «Русск. Стар.», 1901 г., кн. IX.

Н. А. Рожков. «Экон. развитие России в 1-й полов. XIX века» «Ист. России в XIX в.», изд. Тов. бр. А. и И. Гранат, вып. II

Н. Рамазанов. «Василий Андреевич Тропинин». «Русск. Вестник», 1861 г., кн. 11.

Фон-Риттер. «Отзвуки минувшего». Москва, 1895 г.

Н. Решетов. «Дела давно минувших дней». «Русский Архив», 1885 г., т. II, 1886 г., т. I.

Н. Решетов. «Эпизоды при введении Положения 19 февраля 1861 г.» «Русск. Архив», 1885 г., кн. 10—12.

А. А. Романов. «В Таврию за волей». «Ист. Вестн.», 1901 г., апрель.

Славутинский. «Отрывки из воспоминаний» «Древняя и Новая Россия», 1878 г., кн. 9 и 10.

Славутинский. «Выдержки из отрывочных воспоминаний» «Древняя и Новая Россия», 1879 г., № 9.

В. Снежневский. «Воскресенская и Варганская вотчины» (матер. к истории помещичьего хозяйства). Действия Нижегор. Губ. Уч. Арх. Ком. Сборник в память В. И. Снежневского, т. VII. 1909 г.

Слупский. «О волнениях помещичьих крестьян Витебск. губ. в 1847 г. Памятная книжка Витебской губ. за 1866 г., ч. III. Спб., 1866 г.

П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». М. 1913 г.

Кн. О. Трубецкая. «Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского», т. II.

С. «Крестьяне в Северо-Западном крае». «Устои», 1882 г.

Н. П. Семенов. «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II». С.-Петербург, 1894 г.

В. И. Снежневский. «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях». Нижегородский сборник, издаваемый нижегородским статистическим комитетом под редакцией А. С. Гациского. Т. X. Н.-Новгород, 1890 г.

Снежневский. «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее». Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. Сборник статей и документов, т. III.

Сообщения Красильникова. «Русск. Архив», 1873 г., № 4.

Страничка из отношений помещиков к крестьянам. «Русск. Стар.», 1895 г., март.

Д. Столыпин. «Наши земледельческие порядки до и после упразднения крепостного права», «Русский Архив», 1874 г., тетрадь 5-я.

Статистическое описание Киевской губ, изданное тайным совет. сенатором Иваном Фундуклеем. С.-Петербург, 1852 г.

Середонин, «Исторический обзор деятельности комитета министров», т. II, ч. I. С.-Петербург, 1902 г.

«**Соображения касающиеся до улучшения быта крестьян**» пензенского помещика Ивана Сабурова. «Журнал Землевлад.», 1858 г., № 12.

Я. Соловьев. «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ.». Москва, 1855 г.

А. Стахович. «Клочки воспоминаний» «Русск. Стар.». 1896 г., кн. V.

В. Снежневский. «Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском у.». Действия Нижегородской Ученой Арх. Ком., т. VI. Н.-Новгород, 1905 г.

Его же. «Быковская вотчина» Демидовых (материалы из истории крепостного хозяйства). Действ. Нижегородской Ученой Арх. Ком., т. VII. Н.-Новгород, 1909 г.

Столетие Вятской губ., т. II. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881 г.

Трефолев. «Плещеевский бунт» «Древняя и Новая Россия», 1877 г., № 10.

Трефильев. «Очерки по истории крепостного права в России». Харьков, 1904 г.

Тенгоборгский. «О производительных силах России», ч. I. Москва, 1854 г.

А. Тарачков. «Отчет о путешествии по уездам придеснинского бассейна Орловской губ. для статистич. исследований». Орел, 1865 г.

В. В. Трубников. «Результаты народных переписей в Ардатовском у., Симбирской губ.». «Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистич. отделением Импер. Русск. Геогр. Общества». Книжка III, изд. под ред. В. П. Безобразова. Спб., 1858 г.

Г. А. Теплов. «Опыт улучшения быта крестьян». М., 1870 г.

Н. М. Толстой. «Дворовые люди в старые годы». «Отеч. Зап.», 1860 г., № 1.

Хозяйство ген.-лейт. фон Шлиппенбаха в Александровском у., близ С.-Петербурга, составил член Импер. Вольно-Экон. Общества Я. Ионсон. С.-Петерб., 1857 г.

Цензура в царствование имп. Николая I. «Русск. Стар.», 1903 г., кн. IV.

Кн. Д. Шаховской. «По крестьянскому вопросу». «Журнал Землевлад.». 1858 г., № 10.

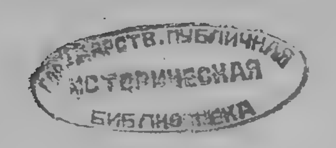
В. Я. Шульгин. «Юго-Западный край под управлением Д. Г. Бибикова». «Древн. и Нов. Россия», 1879 г., кн. V—VI.

Шейн. «Песни». «Русск. Стар.», 1886 г., март.

Н. Шипов. «История моей жизни и моих странствий». Рассказ бывшего крепостного крестьянина Николая Шипова. «Русск. Стар.», 1881 г., тт. 31 и 32.

В. А. Шомпулев. «Мнимоумерший». «Русск. Стар.», 1898 г., май.

В. А. Шомпулев. «Провинциальные типы 40-х годов». «Русск. Стар.», 1898 г., август.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

